

Все монстры кроме **красивых**
должны умереть

Дневники Братьев Гримм

СКОРЬ БЕЛОСНЕЖКИ

КЭМЕРОН ДЖЕЙС

Что если все то, что вы знали о сказках, ложь? Шестнадцатилетний Локи Блекстар не принц. Его мать призрак. Его единственный друг красный Кадиллак, с которым он поет под радио. У него ангельская внешность, но совсем иной метод действий. Неудивительно, что он был изгнан с небес, но это одна из меньших его неприятностей. Локи нужна работа для того чтобы платить за школу и содержать себя. Тем не менее, у Локи есть редкий дар: он Охотник за Сновидениями. Один из немногих в мире, кто может охотиться и убивать бессмертных демонов в их снах, дабы они никогда не проснулись. Когда же Локи отправили убить шестнадцатилетнюю — девушку вампира, которую местные прозвали Белоснежкой, он окунается в волшебный и опасный мир. Местные жители считают Белоснежку монстром. Настоящая Белоснежка... живет в полуразрушенном замке маленького городка. Поговаривают, что она ужасно красива, ужасающе притягательна, прекрасна и грешна. Однако вместо этого, он обнаруживает красивую девушку-монстра, заполоненную яростью и болью, у которой припасена довольно эпическая история, позволяющую нам лучше понять для чего братья Гримм скрыли истину, заменив на сказку, кто же такая на самом деле Злая Королева, где же зеркало и кому оно принадлежит. Белоснежка убивала каждого, кто осмеливался приблизиться к замку, где она жила с Королевой. Однако к огромному удивлению, она оставила Локи в живых, прошептав ему всего лишь два слова на ухо, которые изменили его жизнь навсегда.

Скорбь Белоснежки

Дневники Братьев Гримм — 1

Кэмерон Джейс

Мальчик-Тень

Дети городка Хэмлин обожали Чармвилля Глиммера, широко-известного, как величайший сказочник во всем мире. В отличие от Санта-Клауса, Чармвилль не расхаживал с мешком подарков и невиданных чудес. Вместо этого, он приходил с попугаем на плече. Дети смеялись, потому что они знали, что это был необычный попугай. Это была магическая книга, в которой хранились все сказки, какие только рассказывались на свете. Прежде, чем Чармвилль приступал к чтению, зеленые крылья попугая волшебным образом превращались в обложку книги, желтые перья становились старыми картами сокровищ, позвонки — книжным корешком, а когти сливались в обсидиановый замок, охраняющий истории, скрытые на страницах. Чармвилль раскрывал книгу, постучав по клюву попугая, который теперь торчал из передней обложки, как дверная ручка. Он стучал пять раз: тик-то-тик-так-ток. Открыв книгу, Чармвилль ложил ее на колени. Затем он доставал золотой гребень и расчесывал свою длинную серебристую бороду. Дети с удовольствием играли с его бородой, легонько дергая за нее и ощущая ее мягкость. Чармвилль не возражал. Он шутил, что когда-нибудь он сбреет ее, и смастерит превосходную подушку, чтобы они могли отдыхать на ней, слушая его сказки перед сном.

Когда детям надоедало играть. Чармвилль читал им самые прекрасные сказки из своей волшебной книги, которую он звал Книгой Чудесной Лжи. Глаза детей сияли и широко раскрывались, когда они слушали его уверенный, сладкий голос. В волшебных сказках Чармвилля было все: замки, драконы, злодеи, злобные мачехи, ведьмы, заколдованные лягушки, единороги, феи-крестные, тыквы, кареты, сласти, чащобы, русалки, великаны, гномы, эльфы, хлебные крошки, принцессы, принцы, и, конечно же, поцелуи истиной любви, которые Чармвилль особенно любил в своих историях. Но не только это нравилось детям в его сказках. В них говорилось о таких ужасных существах, как вампиры, оборотни, демоны, чудовища, перевертыши, бугимены, тайные общества и запретные силы, о которых в сказках они раньше не слышали. Вот почему рассказы Чармвилля были невероятны, фантастичны — и так увлекательны.

Между главами Чармвилль Глимер закуривал трубку. То была особенная трубка, наполненная Драконьим дыханием, и придавала ему определенные силы. Как и волшебники, обладающие собственными силами для встречи с врагами, мир сказок был такой же, если не более интересный и захватывающий. Здесь присутствовали темные силы, которые не хотели, чтобы мир узнал правду о сказках в книге Чармвилля. Эти злые силы искали его, чтобы украсть книгу, но мужчина был умен, и его трудно было отыскать. Чтобы спастись от них, он называл свою книгу "Книгой Прекрасной Лжи", но по правде книга не лгала, в ней была нерассказанная правда о сказках.

— Мне так нравятся ваши сказки, мистер Чармвилль, — сказал маленький мальчик. — Они совсем не похожи на истории, что рассказывает моя бабушка.

— Это потому, что твоя бабушка опускает самые страшные моменты — объяснял мистер Чармвилль, затянувшись трубочкой, — а самые страшные части — в то же время самые интересные.

Детишки захихикали.

— Ваши истории такие забавные — сказала девчушка, сидевшая вместе с остальными у огня. — Они как отравленные яблоки. Для того, кто их попробует, сказки уже никогда не

будут такими, как раньше.

Иногда Чармвилль выдирал у попугая перо и делал записи в книге, обмакнув его в необычные, похожие на кровь чернила. Когда дети спрашивали, почему он записывает истории кровью, Чармвилль отвечал, что это древний обычай, напоминающий сказочнику, что его герои его сказок не выдуманы. На самом деле, они так же реальны, что, если их ранить, у них потечет кровь.

— Тогда почему мы не можем их увидеть? — спросил мальчик, положивший голову ему на колени.

— Потому что они еще не проснулись, — ответил Чармвилль.

— Как долго они будут спать? — спросил один из ребят.

— Это долгая история. Все, что вам нужно знать — сказочные герои были прокляты, обречены на вечный сон сотни лет назад. Они просыпаются ненадолго всего раз в каждые сто лет, вот тогда-то вы и можете с ними повстречаться.

— Вроде того, как Спящая Красавица проспала сто лет из-за проклятия? — спросила девочка.

— Да, именно так. — Усмехнулся Чармвилль. Ему всегда нравилось, как быстро дети подмечают то, что обычно ускользает от взрослых. — Это называется Спящая Смерть, — прошептал Чармвилль с серьезным выражением лица.

— Спящая Смерть? — хором выдохнули дети, взволнованно обменявшись взглядами. Чармвилль кивнул.

— Так, когда же они снова проснутся? — спросил другой мальчик.

— Уже совсем скоро, — Чармвилль бросил взгляд на карманные часы с изображениями солнца и луны. — Примерно через год они снова очнутся в нашем мире. Но не все смогут вспомнить, кто они такие.

— Но ведь мы сможем их вспомнить? — предположила девочка.

— Я бы не советовал, — ответил Чармвилль. — В мире сказок сейчас большая война. Кроме того, многие из них злобны и опасны. Не хотелось бы будить подобных персонажей.

— Вроде Злой Мачехи? — уточнила девочка.

— Или колдуньи из "Ганзель и Гретель", — добавил мальчик.

— И всех прочих, — ответил Чармвилль. Он взглянул на них, как будто вспомнил что-то, случившееся давным-давно, но забытое. — На самом деле, некоторые сказки, которые нам так нравятся, по сути, попросту ужасны. И наоборот.

После того, как Чармвилль закончил читать, он закрыл книгу и подбросил в воздух, глядя, как страницы, мелькая, как птичьи крылья, вновь превращаются в попугая. Дети захлопали, как будто он был фокусником, показывающим новый трюк. Попугая звали Пиквиком, и он был немой. Дети жалели, что Чармвилль и Пиквик должны уехать в другой город и рассказывать свои сказки там.

— Неужели вам обязательно ехать, мистер Чармвилль? — спросила маленькая девочка, теребя его плащ.

— Да, ничего не поделаешь — ответил он. — Старина Чармвилль Глимммер должен позаботиться и о других детишках. А еще мне нужно найти и записать новые сказки, чтобы рассказать их вам на Рождество.

— Так вы придете одновременно с Фанта Клауфом? — прошепелявила девочка. Чармвиллю понравилось, как она выговорила эти слова.

— Может быть — кивнул Чармвилль. — Я бы очень хотел поговорить с ним о

проникновении в чужие дома без разрешения.

Дети захихикали.

— Вы нам больше нравитесь — сказала девочка с выпавшим передним зубом. — Санта-Клауса мы никогда не встречали, а с вами можно поговорить, это же интересно.

— Хоть скажите, куда вы уходите? Мы сбежим из этого ужасного города и зайдем к вам в гости — предложил мальчик.

Вздохнув, Чармвилль опустил пенсне в карман, потер уставшие глаза, поднялся, опираясь на трость, и снова прикурил трубку с Дыханием Дракона.

— Боюсь, со мной вам пойти нельзя. Я собираюсь отплыть очень далеко.

— А адрес у вас есть? — спросили дети.

— Конечно, есть. К востоку от солнца, к западу от луны, — уточнил Чармвилль.

— К востоку от солнца, к западу от луны? — удивились дети. — Как туда попасть? У вас есть карта?

— Его и, правда, трудно найти, и ни на одной карте нет этого места. Лишь несколько избранных, вроде сказочных героев, знают о нем.

— Ого! — глаза детей расширились — А есть там другие дети, вроде нас?

— Да, но немного старше, — кивнул Чармвилль. — И я собираюсь найти там очень особенного мальчика.

— Мальчика? — спросили они.

— Да, мальчика — тень, — шепнул он детям. — Но никому не говорите о нем, даже Санте. Это наш секрет.

Дети прикрыли рты ладошками, словно это был единственный способ сохранить такой секрет. Никто прежде не делился с ними тайнами, и они не были уверены, смогут ли сохранить секрет.

— А пофему этот мальфик такой особенный? — спросила шепелявая девочка.

— Потому, что он может спасти сказочную страну, — ответил Чармвилль.

— От кого? — спросили дети.

— От *Нее* — предпочитаю не произносить *Ее*имя. — Чармвилль выдохнул клубок дыма из трубки и закашлялся. Ему никогда не нравилось говорить о *Ней*, при одном упоминании *Ее*имени вокруг становилось холоднее. Несмотря на то, что он так и не сказал, как ее зовут, по спинам детей пробежал холодок. Где-то среди деревьев закаркала ворона. Дети отошли на шаг от Чармвилля, словно ощутив *Ее*зловное присутствие в его дыхании.

— Она ведьма? — спросила девочка с выпавшим зубом. Она была самой храброй среди детей и стояла впереди, растопырив руки, пытаясь защитить остальных.

— Боюсь, если я продолжу говорить о ней, вам будут сниться кошмары, — сказал Чармвилль. — Она умеет проникать в сны, питаясь страхами детей.

— Тогда рафкавите нам о мальчике — тени, пока Вы не уехали — попросила шепелявая девочка. — Повалуйста.

— Не могу, история этого мальчика еще не написана — Чармвилль погладил подошедшую девочку по голове. — Мальчик — Тень — единственный, кто может написать эту историю, в зависимости от того, какой выбор он сделает и какую судьбу предпочтет.

— Выбор? — переспросила девочка без зуба.

— Судьбу? — почесал голову другой мальчик.

Дети спрашивали друг друга, знает ли кто-нибудь, что значит «выбор» или «судьба». Для них это были новые слова. В городке Хэмлин, где они жили, было не принято задавать

взрослым слишком много вопросов или спорить с ними.

— Этот мальчик станет знаменитым? Героем? — спросила девочка.

— Хмм... — Чармвилль потерябил бороду и закашлял. Курить Драконье дыхание было не так уж просто. — В пророчестве сказано, что мальчик будет героем, но ему придется выбирать. Пророчества не сбываются, пока мы их не заставим.

Перед уходом Чармвилль раздал детям заколдованные конфеты, которые будут превращать их сны в сказки до его возвращения. Также он дал каждому ребенку по Песочной Книге, маленькой книжке с одной сказкой. Когда ребенок прочитывал страницу, та превращалась в песок. А когда книгу дочитывали до конца, обложка превращалась в пыль.

С Пиквиком на плече Чармвилль пошел к реке Вессер и забрался в свое маленький каноэ — которое иногда превращался в лебедя — и поплыл к Северному морю. Чармвилль наблюдал, как Пиквик свободно парит в небе. Это напомнило ему, почему давным-давно он создал книгу, зачарованную под попугая. Если с Чармвиллем случится что-нибудь плохое, Пиквик станет всемирным спасителем книги истинных сказок; он взлетит высоко в небо и, как можно дольше, будет оберегать сказки от изменения, в конце концов, они каким-нибудь образом найдут детей, которые смогут прочитать их и пересказать. Пиквик не понимал, что он несет в себе самую сокровенную книгу, известную человечеству. Плывя по Северному морю, вдалеке густой туман покрывал воду. Чармвилль прекратил курить и дважды постучал по трубке, которая тут же превратилась в волшебную ивовую трубку, издающую звуки, похожие на щебетание птиц, которые мог слышать только Пиквик. Попугай ответил на зов и приземлился на плечо Чармвилля, вглядываясь в туман, который распространялся над морем со зловещим ощущением, словно это плотный слой движущихся призраков. Пиквик выглядел обеспокоенным.

— Все в порядке. Не бойся тумана, Пиквик, — Чармвилль нежно похлопал Пиквика по когтям, продолжая плыть в туман. — Я знаю это место. Оно безопасно. Это всего лишь другое измерение, не известное людям из Обычного мира.

Налетела большая волна, но Чармвилль продолжал грести, так же легко на свое волшебном каноэ. Когда они преодолели ее, Пиквик увидел в воде черную рыбу с двумя золотыми бутылочными крышками вместо глаз. На ее спине был указатель, который гласил:

*Добро пожаловать в Потерянную Милю
С востока от Солнца, к Западу от Луны*

Чармвилль вытащил компас, который не указывал направления Обычного мира. Он указывал на невидимое королевство сказок, спрятанное от людей. Чармвилль любил называть его Сказочный мир.

Наконец, туман отступил, и они смогли разглядеть синее море, наполненное огромными драконами, на которых люди плавали как на кораблях. Другие плыли на маленьких лебедях, используя их как Чармвилль свое каноэ — которое превратилось в лебедя, как только они пересекли границу. Были в Потерянной Миле и плавающие дома; это были маленькие киты. Когда жители входили в кита через рот, пасть за ними закрывалась. По ночам все киты погружались глубоко в воду в целях неприкосновенности частной жизни. Пиквик улыбнулся, когда услышал пароль, при котором кит открывает рот — нужно постучать пять раз: тик-то-тик-то-ток. Никогда раньше Пиквик не видел этого места. Он

задумался, почему Чармвилль не говорил о нем раньше, и почему он решил посетить его сегодня. Не потому ли, что он хочет встретиться с Мальчиком-Тенью?

— Сейчас в Потерянной Миле немного пусто, — рассказывал Чармвилль Пиквику. — Потому что сказочные герои все еще спят. Немногие из них, кто бодрствует, или потеряны, или разбираются со своими проблемами. Ты даже не представляешь, Пиквик, насколько важно это место. Оно оживает на некоторое время только раз за сто лет.

Позади них Пиквик увидел поезд, выезжающий из тумана. Казалось, что он приехал из Обычного мира. Это был огромный поезд, который бежал по рельсам, расположенным на воде, и проходящий мимо Потерянной Мили не останавливаясь, пока не достиг находящегося вдалеке острова. Пиквик увидел, что остров расположен на спине огромного кита, который, казалось, всегда спит. Поезд исчез на острове, и Пиквик увидел башни, поднимающиеся высоко над замком, стоящим посередине острова. Сам остров находился точно посередине Потерянной Мили и был окружен водой.

— А, — сказал Чармвилль. — Я вижу, ты заметил Остров Скорби. Не беспокойся, кит на котором расположен остров, редко просыпается.

Пиквик ожидал, что Чармвилль расскажет больше об острове, но было ясно, что он не собирается, потому что он здесь только ради мальчика. Попугай смотрел на волшебный мир выпученными глазами. Он искал героев, которых Чармвилль всегда упоминал в своих рассказах, но не нашел никого; тогда он решил, что они все еще спят, как и объяснял Чармвилль.

Затем Пиквик увидел в Потерянной Миле русалок. Они были так прекрасны, что у него перехватило дыхание; они грациозно плавали среди кораблей, хихикая, перешептываясь и брызгаясь водой в Чармвилля. Они выпрыгивали из воды словно дельфины, приветствуя старика и его попугая в Потерянной Миле. Желая иметь возможность поиграть с ними, Пиквик только пронзительно закричал. Русалки снова захихикали, прикрывая свои рты мокрыми ладошками, словно так не полагалось делать в присутствии старика Чармвилля.

— Будет лучше, если ты не будешь смотреть на русалок так долго, — предупредил Чармвилль Пиквика. — Я знаю, они прекрасны, но они могут прочитать твои мысли, если ты позволишь заглянуть им в свои глаза. Им любопытны все секреты, которые ты скрываешь, а глаза — это зеркала души.

Пиквик взмахнул крыльями в знак повиновения, закрыл глаза, выпрямил спину и отвернулся от русалок.

— Хороший попугай, — сказал Чармвилль, затем облизал указательный палец и поднял его, чтобы проверить направление ветра. — Прекрасный день в Сказочном мире.

Чармвилль продолжал плыть к кораблю-дракону, окруженному плавающими стеклянными гробами, которые были наполовину заполнены водой. Он остановился рядом с

особенным гробом и увидел внутри черную колыхающуюся тень мальчика. Тень была скована, словно могла убежать, а гроб охраняли две русалки. Пиквик пожал плечами. Раньше он никогда такого не видел. Казалось, что тень причиняла себе боль, пытаясь освободиться.

— Мальчик-Тень, — пробормотал Чармвилль, взбираясь по зигзагообразному драконьему хвосту вверх на палубу, которая была драконьей спиной. Иногда посредине плавания дракону надо было вздремнуть, и тогда они останавливались в воде. Пиквику стало интересно, выдыхают ли они огонь, когда храпят.

Следуя за Чармвиллем, Пиквик увидел старуху, сидящую на палубе. Она была загорелой, а волосы представляли собой черно-белый беспорядок. Она выглядела уставшей и, казалось, что никогда ранее не была знакома с гребнем. Пиквик подумал, что Чармвилль мог бы одолжить ей свой золотой гребень, но он не мог сказать этого. Его поражало, почему Чармвилль сделал его немым; возможно, Пиквик слишком много разговаривал. У женщины на палубе были завязаны глаза, она сидела напротив весов, с одной стороны которых висела кастрюля с яблоками, а с другой — со змеями. И хотя яблок было больше чем тонких змей, змеи все равно были тяжелее и перетягивали весы на свою сторону.

— Мой дорогой, Чармвилль, — поприветствовала их женщина, а в это время игривая русалка расплескала много воды, перепрыгивая с одной стороны корабля на другую. Женщина шикнула на нее. — Такие раздражающие и хихикающие русалки, все время играют, но не работают, — проворчала она.

— Крестная мать Юстина, — Чармвилль склонил голову в знак уважения.

— Кто твой друг? — спросила Юстина, добавляя яблоко на весы, которые все равно склонялась в сторону змей. — Никогда раньше не видела тебя с попугаем.

— Потому что последний раз мы виделись лет сто назад. Я нашел и его заколдовал несколько лет назад, — Чармвилль усмехнулся. — Я назвал его Пиквик.

— Я Пиквик, — пронзительно закричал попугай. — И я немой!

Русалки в море снова засмеялись.

— Интересно, — сказала Юстина. — Немой попугай, но это же не так. Или это одна из твоих загадок, которыми ты развлекаешь детей, Чармвилль?

— Это единственная фраза, какую он может сказать, — объяснил Чармвилль. — Кроме этого, он немой.

— Могу я спросить, зачем ты ниспослал такое несчастье на своего попугая?

— Потому что он — это моя Книга Прекрасной Лжи, — сказал Чармвилль. — Попугаи имеют склонность говорить слишком много, поэтому я подумал и заколдовал его на вечное

молчание.

Пиквик сложил крылья, как люди складывают руки на груди. Он недовольно отвернулся.

— Во-первых, тебе не следовало выбирать попугая, — размышляла Юстина. — Но ты очарователен Чармвилль. Ты всегда все делаешь по своему, и я не буду с тобой спорить. Приятно познакомиться, Пиквик, — она кивнула попугаю, словно могла его видеть. — Я — Справедливая Крестная Мать Сказочного мира, но, как ты видишь, темные силы завязали мне глаза, стараясь распространить зло в нашем мире, — Юстина иронично вздохнула. — У меня завязаны глаза, а ты немой. Мы могли бы стать идеальной командой.

Русалки сочувственно присвистнули.

— Ну как успехи с уравниванием добра и зла в Сказочном мире? — поинтересовался Чармвилль. Он знал, что яблоки ассоциируются с добром, а змеи олицетворяют зло.

Крестная мать Юстина замолчала на мгновение. Она старалась сохранить баланс между добром и злом, но зло в Сказочном мире, хоть и небольшое, вызвало достаточно бед.

— Ну, скажи мне, Чармвилль, что привело тебя в Потерянную Милю? — спросила Юстина, ища в корзине еще одно спелое яблоко для уравнивания весов.

Чармвилль надел свое пенсне, подошел к краю корабля и посмотрел на гроб с тенью мальчика.

— Я пришел освободить мальчика, — сказал он.

— Какого мальчика?

— Мальчика-Тень, — Чармвилль посмотрел на нее.

— Локи?

— Да, Крестная Мать, — Чармвилль кивнул. — Я пришел освободить его от участи тени и дать ему второй шанс.

— И почему ты хочешь это сделать? — поинтересовалась она. — Ты знаешь, что в этом мальчике живет великая тьма. Поэтому его и выгнали со Сказочных Небес. Он приговорен быть тенью вечность.

— Вечность? — Чармвилль нахмурил брови.

— Когда бессмертный, а особенно полу-ангел, грешит, его душу превращают в тень как

наказание. Навсегда. Хотя его тень очень сильна; поэтому его заковали.

— Я не верю, что ты так поступила с пятнадцатилетним мальчиком, — сказал Чармвилль.

— Мы поступили правильно, иначе тьма внутри него поглотила бы его душу, и тогда последствия были бы необратимыми.

— Он упоминается в пророчестве, — сказал Чармвилль. — Этот мальчик поможет спасти Сказочный мир. Как мог Совет Сказочных Небес так поступить с ним?

Пиквик никогда не видел своего хозяина таким расстроенным.

— Похоже, что это пророчество — ложь, — сказала Юстина, добавляя половину яблока на шкалу. Но змеи все равно выигрывали. — Мальчик доказал это, вопреки приказам Совета. Ты знаешь, что он сделал, Чармвилль.

— Мне не важно, что он сделал, — сказал Чармвилль. Пиквику стало любопытно, за что наказали мальчика. — Он был одним из лучших Охотников за Сновидениями. Он убил множество демонов, защищая Сказочный мир.

— Это было до того, как он влюбился в демоницу, — сказала Юстина. — Неподчинение Небесному Совету — это самая худшая вещь, которую мог сделать полу-ангел, — вздохнула Юстина. — В случае Локи, фраза "каков отец, таков и сын" правдива.

— Ты говоришь так, потому что его отец тоже полюбил демоницу? — спросил Чармвилль.

— Не смотря на то, что его отец был истинным ангелом, мы оба знаем, что он тоже бросил вызов Небесному Совету, когда женился на матери Локи, демонице, — сказала Юстина. — Неужели ты не видишь, что это разрушило семью?

— Я до сих пор верю в пророчество, Крестная мать. Я все еще хочу освободить мальчика, — сказал Чармвилль.

— Ты не понимаешь, — сказала Юстина, роясь в корзине, отчаянно желая уравновесить яблоки и змей. Она выбрала самое спелое красное яблоко из корзины, чтобы уравновесить, но безуспешно. Проблема была в том, что змеи становились больше и тяжелее всякий раз, когда она добавляла яблоко. Это делало ее миссию невыполнимой. Она нашла в корзине гнилое яблоко с червяком, вылезающим из дырки. Пиквик подумал, что она знает про яблоко благодаря запаху. Или Крестная мать Юстина обманывает и она, на самом деле, не слепая? — Мальчик, которого ты пытаешься спасти, как это гнилое яблоко, — вздохнула она, собираясь его выбросить.

— Подожди! — сказал Чармвилль. — Я вижу, что ты не можешь уравновесить весы с

помощью спелых яблок. Не примешь ли ты предложение от моего лица, Крестная мать Юстина?

— И какое?

— Почему ты не попытаешься использовать яблоко, которое держишь в руке? — сказал Чармвилль.

— Ты имеешь в виду это гнилое яблоко? — Юстина покачала головой, — Ни в коем случае.

— Просто поверь мне, — сказал Чармвилль. — Ты сравнила его с мальчиком, ты помнишь? А что если оно уравновесит твои весы? Ты изменишь свое мнение о нем?

— Чармвилль, Чармвилль, Чармвилль, — выдохнула Юстина. — Ты всегда пытаешься увидеть спелое в этом мире, даже когда оно гниет. Я сделаю это, только чтобы доказать, что ты неправ.

Крестная мать положила гнилое яблоко на весы. Это не сработало. Но прежде чем она смогла произнести хоть слово, Чармвилль шикнул на нее и показал на червяка, вылезающего из яблока и ползущего к змеям. Удивительно, но маленький беспомощный червяк напугал парочку змей, и они уползли из кастрюли, уравновесив весы.

— Какой-то червяк, — сказала Юстина.

Пиквику по правде было сейчас жаль, что он не может говорить и кричать, что Юстина не может быть слепой. Откуда она узнала про червяка? Вместо этого, Пиквик был занят гнилым яблоком, исцелившемся после всего этого. Сейчас яблоко выглядело таким сочным и вкусным, избавившись от червя, который заразил его. Пиквик облизал свои губы.

— Видишь? Я говорил тебе, — сказал Чармвилль и достал свою трубку. Он чувствовал гордость, выдыхая Драконье дыхание в воздух. Корабль слегка трянуло, когда он это сделал, а Пиквик задумался, не пришло ли время дракону проснуться. — Как и этому яблоку, тебе следует дать мальчику шанс. Все яблоки нуждаются, чтобы из них вытащили червя. По сути, тьма внутри мальчика может стать для него оружием против зла, если его воспитывать и заботиться, если только ты позволишь мне указать ему путь.

— Хорошо, — сдалась Юстина, размахивая руками в воздухе, почти покраснев. — Я освобожу мальчика, но у Совета Сказочных Небес есть три условия.

— Я сделаю все необходимое, — Чармвилль подмигнул Пиквику победоносным жестом бровей, все еще потягивая трубку. Пиквик подмигнул в ответ.

— Правило первое — парень отправится в Обычный мир как смертный, то есть он сможет умереть как любой другой человек, — сказала Юстина.

— Согласен, — сказал Чармвилль, держа трубку во рту.

— Правило номер два: мальчик отправится в Обычный мир без воспоминаний. Он не вспомнит ничего о своем прошлом. Хотя ты расскажешь ему, что он был полу-ангелом, который жил на Сказочных Небесах.

— Но это немного противоречиво, — прокомментировал Чармвилль. — Почему я должен мучить его рассказами о том, что его выгнали со Сказочных Небес, если ему суждено жить как ничего не помнящий смертный?

— Из-за правила номер три. У него будет выбор: либо продолжать жить в Обычном мире смертным, либо добиться всепрощения и вернуться на Сказочные небеса, — сказала Юстина. — В таком случае, стертая память — для его же блага. Он не будет ничего помнить, не будет думать о девушке из-за которой его изгнали.

Чармвилль потер подборок.

— Я думал, что он осужден без права на помилование. Что изменилось?

— Все дело в твоём желании спасти его, — сказала Юстина. — Если такой авторитетный человек как ты решил, что мальчика нужно спасти, почему бы не дать ему шанс раскаяться? Как Судья, я верю в плохое и хорошее. Но, я также верю в сильную волю сердца.

— А как ему получить прощение, если вдруг он решит вернуться на Сказочные Небеса? — спросил Чармвилль.

— Он должен убить девяносто девять вампиров в Обычном Мире, — Крестная мать подняла в воздухе указательный палец.

— Девяносто девять вампиров? — сердце пропустило удар. — Так много, для обычного смертного, без способностей? Это абсурд.

— Только на этих условиях мне разрешено вернуть ему тень. Ты должен научить его стать смертным охотником на вампиров. Он должен сделать все как я сказала, если вдруг захочет получить прощение и вернуться домой очищенным. Только так он может освободиться от тьмы внутри себя.

Секунду Чармвилль размышлял над предложением, глядя на закованную тень Локи.

— Как я уже сказал, я согласен, — он кивнул Крестной матери, и она отдала команду русалкам, чтобы они подняли гроб на корабль.

Русалки открыли гроб, гипнотизируя Локи, уставившись на его тень слишком долго, и

освободили его от цепей. Чармвилль постучал по клюву Пиквика: тик-то-тик-так-ток, и попугай превратился в книгу, в которой он начал рисовать. Пока он рисовал, Локи возвращался к жизни, принимая форму человека, какую Чармвилль изобразил в книге.

— Ты не собираешься менять его внешность в Обычном мире, не так ли? — спросила Юстина.

— Не со всем, — сказал Чармвилль, превращая книгу обратно в Пиквика. — Я только сделал его брюнетом, а не блондином, так говорится в пророчестве.

Одна из русалок обмотала тонкое ожерелье из ракушек вокруг шеи Локи и поцеловала его, бормоча что-то о второй жизни, которую он только что получил. Это была часть ритуала пробуждения. Все смотрели на мальчика, лежащего без сознания в стеклянном гробу, потому что он был как спящая красавица мужского пола. Через несколько минут после поцелуя русалки Локи проснется второй раз за свою жизнь. Он готовился к перерождению и второму шансу в Обычном мире. Русалки не могли не смотреть на него. В Локи было что-то мистическое, заставляющее верить, что он сможет спасти Сказочный мир от надвигающегося зла, о котором говорится в пророчестве. Пиквику было грустно, что Локи проснется в Обычном мире, не помня ничего об этом.

— Что у него за черные татуировки на каждом плече? — спросил Чармвилль.

— Это черные звезды, — сказала Юстина, — так Небесный Совет отмечает выгнанных ангелов — или полу-ангелов, как в его случае. Они будут у него до тех пор, пока он не убьет 99 демонов или не умрет как Минкин.

Пиквик поднял брови, потому что не знал, что такое Минкин.

— Мы называем обычных людей, не связанных со Сказочным миром, Минкиными, — объяснил Чармвилль Пиквику. — «Кин» на сказочном языке означает обычный человек, а «мин» значит маленький и беспомощный. Так почему же у него две татуировки, и почему они на его плечах? — Чармвилль повернулся к Юстине.

— Они нарисованы там, где должны были вырасти крылья, если бы он достиг шестнадцатилетия, не нарушив правил Совета, и его бы повисили до ангела, — объяснила Юстина.

Чармвилль не ответил. Он приказал русалкам перенести Локи в каноэ, чтобы он мог отплыть обратно в Обычный мир.

— Ему не позволено оставить свою фамилию, — сказала Юстина. — Выберешь для него новую?

— Блекстар, — Чармвилль улыбнулся, глядя на спящего Локи. — Локи Блекстар. Мне нравится, — он добавил, когда уже повернулся, чтобы уйти, — звучит по-хулигански.

— Что ты только что сказал? — Юстина выглядела разъяренной.

— Это всего лишь слово, которое я выучил в Обычном мире, — Чармвилль покраснел. Он не должен был говорить так много слов в ее присутствии. — Это означает... аристократ.

Русалки и Пиквик захихикали, потому что знали значение этого слова.

— Да, он будет хулиганом, — согласилась одна из русалок.

— О, — сказала Юстина. — И последняя вещь, Чармвилль, — сказала она. — Могу я спросить, почему ты это делаешь? На самом деле? Спасение проклятого мальчишки? Должна быть другая причина, кроме веры в предсказание.

— Конечно, она есть, Крестная Мать Юстина, и она очень проста, — сказал Чармвилль, спускаясь по драконьему зигзагообразному хвосту. — Никто не заслуживает смерти, не узнав, кто он есть на самом деле.

Чармвилль забрался в свое каноэ и поплыл прочь вместе с Пиквиком и Мальчиком-Тенью. Вскоре парень должен проснуться, и Чармвиллю нужно будет научить его множеству вещей. Он поднял вверх указательный палец, чтобы проверить ветер, и сказал, что день прошел даже лучше, чем планировалось. Он снова закурил трубку и улыбнулся.

— Надеюсь, Крестная Мать не обнаружит, что я заколдовал гнилое яблоко. Это небольшое заклинание, которое я выучил, — сказал Чармвилль Пиквику. — Она думает, что сможет уравновесить добро и зло, сидя на своей ленивой заднице рядом с весами. Она мало знает о том, что нужны твердые и преданные делу люди с сильными сердцами, способные перехитрить зло в этом мире. У меня такое чувство, что есть только двое детей в мире, способных на это. Один из них это Локи Блекстар, Мальчик-Тень.

Мертвы Навеки Вечные

С криком Золушка взбежала вверх по лестнице. Она придерживала подол забрызганного кровью платья, пока поднималась по деревянным скрипучим ступенькам. Ее преследователь, Прекрасный Принц с клыками, поднимался за ней с бензопилой.

— Я люблю тебя и не могу без тебя жить. Поцелуй меня или умри. Муа, ха, ха! — Провозгласил Прекрасный Принц.

Золушка кокетливо взглянула на него поверх плеча, перед тем как он поймал ее за платье и притянул к себе. Он театрально выгнул ее в своих руках и обнял. Вместо того чтобы убить ее бензопилой или поцеловать ее, Прекрасный Принц укусил Золушку в шею, укус истинной любви. Все присутствующие на вечеринке радостно кричали. Парни и девушки салютовали парочке на лестнице, поднимая свои наполовину наполненные бокалы в воздух, в то время как золотой серпантин посыпался со второго этажа. Музыка грохотала, словно сумасшедшая лягушка, квакающая внутри стены, и все отчаянно танцевали. Девчоночье платье, измазанное кроваво-красным сиропом полумесяцем свисало с потолка. На нем была надпись по теме вечеринки:

Мертвы Навеки Вечные

А чуть ниже, он прочел:

Мертвецы — это новое веяние.

Маскарадная вечеринка бесновалась в уединенном Доме с Привидениями на Оушен Драйв 112. Место было украшено, как в дешевом фильме ужасиков. Все переоделись в какого-нибудь сказочного персонажа, вперемешку с необычными вампирами и другими легендарными монстрами.

— Глупые Минкины, — пробормотал Локи, пристально глядя на целующуюся пару на лестнице. Они делали это прямо сейчас; укус был всего лишь закуской. — Кто поверит в этот жалкий поцелуй истинной любви из сказок? — Локи стоял, прислонившись напряженными плечами к кухонной двери и засунув руки в карманы. Он изо всех сил старался избегать девушку, которая несколько минут назад пролила на него свой напиток. — Почему они выгнали меня в этот мир, которому я не принадлежу? — вздохнул он, глядя в потолок; он часто так делал, когда не с кем было поговорить. Потолок никогда не отвечал.

Еще одна девушка налетела на Локи и тоже пролила на него свой напиток. На ней были розовые заячьи уши и нарисованные усы. Локи закрыл глаза и сжал губы, проглатывая свою злость, словно горькую пилюлю, удивляясь, почему эти Минкины просто не могут оставить его в покое.

— Извините меня, — сказала девушка, просовывая свою голову через подмышку своего парня. — Надеюсь, я не испортила тебе этим вечеринку.

Локи открыл глаза и опустил голову, он посмотрел на нее с фальшивой улыбкой. Он хотел показать ей, как он раздражен, но Чармвилль Глимммер, его хранитель, говорил, что ему нельзя проявлять злость по отношению к Минкиным, пока он находится в Обычном

мире. Локи приходилось притворяться, что они ему нравятся, хотя, на самом деле, все, что касалось Минкиных, казалось ему поверхностным и глупым.

— Я не могу быть еще счастливее, — сказал Локи; улыбка не сходила с его лица. Мысленно он представил, как бьет ее по щекам лягушачьими лапками, пока она не станет говорить только бблрр — Локи ненавидел лягушек, поэтому не мог придумать наказания лучше.

Девушка с заячьими ушами рассмотрела Локи с ног до головы.

— Привлекательный, — сказала она, облизывая свои клубничного цвета губы, не в силах отвести взгляд от его внешности.

В то время как все были переодеты в вампиров, оборотней и других сказочных героев, На Локи был ирландский килт (прим. пер. Килт — шотландская юбка в складку.), в котором он выделялся на фоне других. Он не волновался по этому поводу. Килт ему нравился, и он считал это своим ответом на абсурдность и идиотизм вокруг него. Его костюм привлекал девушек, которые непременно выливали на него свои напитки, чтобы начать разговор. Но до Локи никогда не доходили их тайные послания. В этом мире он был незнакомцем на незнакомой земле.

— Почему килт? — спросила последняя девушка, прогоняя своего парня прочь. Локи отступил. Он не любил девушек, особенно таких любопытных; по его опыту, они обычно оказывались замаскированными демонами. Как ему рассказали, он был изгнан с Небес, потому что полубил демоницу, поэтому он всегда был начеку.

— Я — охотник на вампиров, — сказал Локи, все еще фальшиво улыбаясь.

— На кого ты охотишься? — спросила она снова, стремясь продолжить разговор.

Локи не мог поверить, что Минкины настолько глупы.

— На жуков, — Локи склонил голову, задаваясь вопросом, почему она не смеется и не уходит. Он не был тенью почти год, и точно знал о Минкиных только одно — они никогда не воспринимают вербальные знаки. Ты вежливо с ними разговариваешь, намекая, что хочешь побыть один, а они никогда не уходят.

— Извини, я сегодня слишком много выпила, — сказала девушка, одетая как кролик. — Но ты забавный... и милый. Я не знала, что охотники на вампиров носят килты.

— Я прячу под ним осиновый кол. Это моя тайная уловка, — он подмигнул ей. А сейчас, пожалуйста, уходи.

Это была правда. Локи даже вышибале сказал, что у него под килтом спрятан кол. Но здоровяк рассмеялся, так как подумал, что это была язвительная шутка. Локи расстраивало,

что Минкины не воспринимают его всерьез, даже если это помогало ему обмануть вышибалу и пройти на вечеринку со спрятанным колом. Локи пришел сюда не для того, чтобы прославлять поцелуи истинной любви или фиксировать нелепое поведение Минкиных, их жизнь, любовь, вечеринки и тому подобное. У него в голове было только одно: проткнуть колом вампира, для убийства которого его наняли, получить немного наличности, чтобы заплатить за школу и еще на шаг приблизиться к цифре 99, именно столько вампиров он должен убить до своего шестнадцатилетия. Сегодняшний вампир будет 38.

— Кол? У тебя под килтом кол? — девичьи глаза засияли, она подошла ближе.

— Убирайся, или я оторву тебе уши, — прервала их другая девушка в латексном костюме, который делал ее похожей на дьявола. Она глумилась над девушкой с заячьими ушами, отталкивая ее. Это была Люси Румпельштейн, девушка, нанявшая Локи, чтобы убить сегодня вампира. — Он мой, — Люси усмехнулась, складывая губы в форме сердца. Девушка-кролик выказала свое недовольство из-за того, что их прервали, но сразу же ушла.

Видимо у Люси были перепутанное представление о сказках, поэтому она и надела этот дьявольский костюм. Он был дорогой, с рогами и белым мехом в серебряных блестках вокруг шеи. Локи подумал, что она такая же странная, как и остальные, но он не обращал на это внимания, когда речь шла о возможности убить еще одного вампира.

— Знаешь, это плохая идея говорить девушке, что у тебя под килтом осиновый кол, — Люси высмеивала Локи, протягивая ему напиток. — Кол под килтом? О чем ты думаешь? — она закатила глаза. — Ты словно с другой планеты, — Люси смеялась, пока Локи пробовал свой напиток.

— Что бы за напиток это ни был, на вкус он странный, — сказал Локи, — отчасти соленый.

— Я никогда не пробовала его. Бармен сказал, что он называется Детские Слезы. Звучало прикольно, и я прихватила один тебе.

— Спасибо, что притворяешься моей парой.

— Это необычно, что у такого симпатичного парня как ты не так уж много девушек, — произнесла Люси, потягивая клубничный сок через соломинку. — Ты гей?

— Нет. Я полу-ангел... — Локи замолчал, почти прикусывая язык. Он не собирался рассказывать о своем прошлом, в котором по иронии судьбы он даже не помнил. — Я охотник на вампиров, — сказал Локи чуть громче, надеясь, что она не заметила, что он только что сказал.

— Это значит, что среди охотников за вампирами нет геев? — поддела его Люси.

— Почему мы вообще об этом говорим?

— А почему люди вообще разговаривают? В этом мире все мы говорящие обезьянки, — предположила она. — Просто в этом наряде ты больше похож на... Охотника в килте, чем на охотника на вампиров.

— Мне нравится Охотник, — небрежно сказал Локи, разглядывая танцующую толпу. — На самом деле, он единственный сказочный герой, которого я уважаю. Он пощадил Белоснежку, хотя мог запросто убить ее.

— Но он не поцеловал ее, — подмигнула Люси.

— Я не верю, что это настоящий поцелуй любви.

— По-крайней мере, мы хоть в этом согласны, — Люси подняла свой бокал.

Парень, переодетый в Робин Гуда, подошел к Люси, вероятно, желая пригласить ее на танец. Не успел он открыть рот, как она поднесла свой наманикюренный палец с накладным ногтем к его носу, продолжая потягивать свой напиток.

— Отвали, неудачник, — она отмахнулась от него, как от надоедливого комара.

— Ну, — сказал Локи, показывая на отличающегося парня в середине танцпола. — Этот тот парень — я имею в виду вампир, которого мы должны убить?

Он показывал на невысоко паренька, одетого в плащ Графа Дракулы с пластиковыми клыками. На танцполе он искал себе пару, но девушки многократно его игнорировали. Девушка, одетая как Злая Ведьма с Запада, смеялась над его толстыми очками и рассыпала над ним серпантин.

— Да, это он, — сказала Люси, показывая Локи фотографию парня. Она утверждала, что это фото дали ей родители парня и попросили нанять охотника на вампиров, чтобы он убил парня за хорошую цену, поэтому она и наняла Локи расправиться с ним. Для Локи эта история звучала неправдоподобно, но его не волновало, пока у него была возможность убить еще одного вампира.

Локи взял фотографию и прочитал на обратной стороне нацарапанные строчки:

Пожалуйста, избавьтесь от моего сына, КАК МОЖНО СКОРЕЕ. Он терроризирует семью. Я заплачу, когда вы выполните работу.

P.S. Убейте его, но будьте нежным.

— Я все равно не понимаю, как этот придурок может оказаться вампиром, — удивилась Люси. — Он выглядит как полнейший неудачник. Видишь, как он вращается, словно кукла на веревочках? Я думала, все вампиры высокие, смуглые и красивые.

— Он не придурок, — объяснил Локи. — Он пытается одурачить нас, чтобы мы не насадили его на кол. На этой вечеринке полно вампиров. Они приходят сюда кормиться каждую неделю. Что может быть лучше места, где ты не сможешь отличить настоящую кровь от поддельной? К сожалению, в этом доме также полно охотников на вампиров.

— Я думала, ты здесь единственный охотник за вампирами.

— Здесь еще трое, — сообщил Локи. — Это игра, в которую мы играем каждые выходные. Если бы я был единственным, я бы уже своего убил девяносто девятого.

— Девяносто девятого?

— Не бери в голову, — Локи махнул рукой. — Смотри! — он показал на трех крупных парней, одетых в большие костюмы мышей, в темных очках и держа в руках длинные трости. Они были переодеты в Трех Слепых Мышей; они пролили свои напитки на беспомощную девушку, переодетую в кошку, и непрерывно издевались над ней. — Трости в их руках — на самом деле, осиновые колья. Это соперничающие со мной охотники на вампиров, они всегда пытаются убить того же вампира, что и я, после чего могут забрать деньги. Их зовут Жук-Разрушитель, Сверчок-Убийца и Пчела-Хулиган. Донни Сверчок-Убийца у них лидер.

— Отвратительные имена, — нахмурилась Люси.

— Вот, что мы сделаем, — сказал Локи. — Если я подойду к придурку Дракуле, они сразу поймут, что я преследую его, и опередят меня. Поэтому ты нужна мне, чтобы уговорить придурка Дракулу уйти с вечеринки, чтобы я смог убить его снаружи.

— Что? — Люси почти пролила свой напиток. — Ты хочешь, чтобы Я, Люси Румпельштейн, совратила этого недомерка? Он даже и не мечтает о том, чтобы заговорить со мной!

— Ты права, именно поэтому тебе необходимо поговорить с ним. Скажи ему, что хочешь выйти прогуляться и подышать свежим воздухом, а затем затащи его в мой Кадиллак, припаркованный за кустами во дворе.

— Кадиллак?

— Он красный, 1955 года, Купе де Вилль. Ее зовут Кармен. Ты отведешь парня в Кармен и успокоишь его.

— Каким образом?

— Волшебной Пылью, — Локи поднес свою ладонь ближе и насыпал золотого песка в ее раскрытую руку. — Брось немного ему в глаза; только убедись, чтобы он ее не вдохнул.

— Ага, ага, — сказала Люси. — А еще у меня есть волшебное веретено, которое само по себе ткет прекрасные платья на выпускной.

— Ты типичная Минкин, — пробормотал Локи, наблюдая за проходящей мимо девушкой в наряде Злой Ведьмы с Запада. Он сдул со своей ладони Волшебную Пыль прямо ей в глаза так, что никто кроме Люси этого не заметил. Девушка остановилась, как вкопанная, мгновенно уснув. Локи поймал ее прежде, чем она упала на пол. — Видишь? — он улыбнулся Люси. — Еще одного пьяного сразила пыль! — Локи повысил голос из-за громкой музыки и показал на одурманенную девушку. Ее друзья поспешили к нему и потащили ее в так называемую "спасительную комнату". Там она была уже девятой тусовщицей, потерявшей сегодня сознание — к остальным восьми Локи не имел никакого

отношения.

— Мы отомстили за Дороти! — Кричал один из ее друзей, переодетый в Трусливого Льва, вместе со Злой Ведьмой с Запада, лежа на спине.

— Еще вопросы? — поинтересовался Локи с намеком на дерзость.

— Кто ты такой, Локи Блекстар? — глаза Люси засияли. Она осматривала его с ног до головы, как предыдущая девушка. — Я не могу поверить, что позволю этому придурку думать, что он мне нравится, — Люси нахмурилась, потом сделала глубокий вдох и направилась к нему.

— Это всего лишь первый придурок, — пробормотал Локи.

Придурок Дракула был словно молнией поражен, когда Люси заговорила с ним. Менее чем за минуту, он направлялся к двери вместе с Люси. Когда он пытался коснуться ее, она шлепала его по рукам, как непослушного ребенка. Не успел Локи последовать за ними на улицу, как кто-то снова пролил на него напиток. Это был Донни Сверчок-Убийца со своими двумя товарищами-охотниками на вампиров, Жуком-Разрушителем и Пчелой-Хулиганом.

— Я принес тебе выпить, — ухмыльнулся Донни. Он был почти в два раза больше Локи.

— Я на диете, — сказал Локи, понимая, что Донни хочет добраться до его вампира, а еще позапугивать его забавы ради.

— Возьми выходной, — усмехнулся Донни, прижимая Локи к стене.

— У меня только один выходной — на Пасху, так что вам придется немного подождать, — Локи изобразил свою оскароносную фальшивую улыбку. — До этого времени вы сможете занять себя покраской яиц.

Донни вылил свой напиток на голову Локи. Его друзья засмеялись, а пара девушек, которые, казалось, заинтересовались Локи, сразу же ушли прочь. Не смотря на то, что Донни был здоровяком, Локи был выносливым охотником, и у него был свой способ сопротивления. Если у него возникнут неприятности в Обычном мире, Чармвилль сказал ему, что тогда ему не позволят вернуться на Небеса, даже если он убьет 99 вампиров.

— Нам не хватает вампиров сегодня. Поэтому мы убьем твоего, как обычно это делаем, — усмехнулся Донни, хлопая Локи по щеке своей мясистой рукой — словно лягушачьей лапкой.

Локи сжал руку в кулак, но смог не стиснуть зубы. Он был слишком горд, чтобы показать Донни свое недовольство. Временами Локи думал о том, чтобы проткнуть Донни колом, как вампира, и к черту это возвращение на Небеса. Ему потребовалась вся его сила воли, чтобы не сделать этого.

Чармвилль рассказывал, что в прошлой жизни у Локи была темная сторона души, и поэтому он старался не драться с такими парнями как Донни Сверчок-Убийца, чтобы эта темнота, живущая внутри него, не возродилась. Ему было интересно о какой именно темноте говорил Чармвилль и как это повлияло на его жизнь.

— Если ты не будешь сотрудничать, мы разобьем твою любимую Кармен, — произнес Донни.

Локи бы не позволил этому случиться. Кармен была его лучшим и единственным другом.

— Послушай, Донни. На вечеринке полно вампиров, — поперхнулся Локи. — Подцепи кого-нибудь еще.

— Я слышал тебе обещали большую награду за его голову, — сказал Донни.

Вот это и беспокоило Локи больше всего. Донни и его друзья были обычными охотниками на вампиров, занимающиеся этим ради денег. Ни один из них не был полу-ангелом, и ни одному из них не была так сильно нужна эта работа. Локи нужно было избавиться от них. Он уже опаздывал на встречу с Люси. У него не было времени на этих Минкинов.

— Этот здоровяк — охотник на вампиров! — крикнул Локи в толпу, показывая на Донни, который сразу же его отпустил. Если Локи нельзя было сопротивляться Донни, он, по крайней мере, мог перехитрить его. — Настоящий охотник на вампиров! — еще раз крикнул Локи, показывая на Донни.

Внезапно музыка оборвалась, и каждый настоящий вампир с настоящими клыками повернулся к Донни Сверчку-Убийце, Жуку-Разрушителю и Пчеле-Хулигану. Девушки начали кричать, так как вампиры стали наглее и начали кусать подростков по-настоящему. В мгновение ока все превратилось в хаос. Донни с друзьями сбежали, чтобы не стать жертвами этой кровавой бани.

— И вечеринка подошла к концу, — пробормотал Локи, и тут его осенила великолепная идея, словно голубая лампочка над головой: бежать.

Обычно люди убегают через главные выходы, пожарные выходы или окна. Локи, сам не зная почему, любил туалеты. В его родном городе в Обычном мире, Храпе, он любил прятаться в школьных туалетах. Он считал это лучшим местом в мире. Он прятался там, когда не чувствовал себя таким же, как и остальные ученики, когда не хотел общаться с девушками, которые могли превратиться в демонов, когда хотел избежать встречи с хулиганами, потому что ему нельзя было ответить им тем же, и, особенно, когда ему было скучно на уроках. Он ел в туалете, читал комиксы и старался вычислить пропущенные цифры в мобильном номере Бога, который был частично написан на стене.

— Эй, Бог, ты можешь мне помочь? Я в уборной, прячусь от хулиганов, которых ты сказал мне игнорировать. Есть предложения? Побейстрее, пожалуйста, потому что у меня нет времени.

Закрывая за собой дверь уборной, внезапный шторм осветил ночь снаружи.

— Темная и грозовая ночь в туалете, — пробормотал Локи в поисках выхода. Он подумал, что это плохая идея — постоянно разговаривать с самим собой, но ему не с кем было поговорить — и ему это нравилось, потому что задавая себе вопрос, он редко на него отвечал.

Как только дверь в туалет приоткрылась, Локи вылез в окно и, быстрее чем марафонец, побежал через освещенную лунным светом улицу к кустам. Когда он бежал, то всегда вытягивал руки вперед. Дети в школе всегда смеялись над тем, как он бежит. Наконец, Локи заметил свой Кадиллак, сияющий красным во тьме. Он прыгнул на свое водительское место через окно, словно супермен. Люси сидела на пассажирском сиденье, слушая музыку на своем телефоне и разглядывая ногти.

Локи приземлился не совсем на водительское место. Он приземлился Люси в...., ну.... не важно. Можно сказать, что его голова приземлилась на ее...и опять же...не важно.

— Слезь с меня! — вскрикнула Люси.

— Я пытаюсь, — ответил Локи, не способный сесть прямо. — Они преследуют меня!

— Они КТО?

Локи наклонил свою неудачно расположенную голову, удивляясь, что подбородок Люси

движется снизу вверх. Она смотрела на что-то невидимое в левом нижнем углу, а Локи предполагал, что для него это верхний левый угол.

— Ты имеешь в виду тех парней и девушек, которых я вижу в зеркале? — рассмеялась она.

Локи выругался и сел на водительское место.

— Да что с тобой такое? — произнес он Люси. То, как она поправляла свою блузку, могло привести кого-нибудь на мысль, что они неистово занимались сексом прямо в машине. — Ненавижу девчонок, — пробормотал Локи, отводя взгляд от сексуальной Люси. Он начал стучать по Кармен. Ключи явно были не для нее. Не смотря на то, что Кармен была лучшим другом Локи и самой худшей машиной, ей нужно было хорошенько вмазать, чтобы она начала работать.

Двигатель Кармен завелся. Он звучал, словно разъяренные зомби кричали бррр... бррр. брррейнс. Радио ожило мелодией одной из ее любимых песен под названием «Спасайся!» группы Пестрые Перцы — Локи нашел эту группу до того, как он узнал, что она больше не существует. Вот так Кармен играла свою музыку. Она играла, он слушал, никаких вопросов.

— Хорошая девочка, Кармен. Ухуууу!!! — Гордо выплюнул Локи, когда Кадиллак погнал вперед по грязной дороге.

В зеркале заднего вида, он увидел Донни Сверчка-Убийцу, по-дружески общающегося с вампирами, которые глядя на него, обнажили острые клыки и красные глаза. Донни, должно быть, убедил их, что Локи был настоящим охотником на вампиров, который в состоянии убить одного из них. Это было огромным облегчением, что вампиры не летали. В противном случае, захотев его, они стали бы преследовать его машину, как и все. Локи вдруг вспомнил Придурка Дракулу, который оказался привязанным к крыше его Кадиллака, когда он пролетал мимо в прыжке.

— Как ты умудрилась привязать парня к крыше Кадилака? — спросил Локи Люси, крепко сжимая руль, управляя машиной по ухабистой дороге, над которой жутковато нагибались деревья.

— Какого парня? — небрежно спросила она, ее взгляд затуманился, и она беспричинно хохотнула.

— Придурка Дракулу!

— А, этого, ммм, — ответила она, зачесывая волосы назад.

— Ммм, что? — огрызнулся Локи. — Подожди. Ты случайно не вдыхала Волшебную Пыль? — Локи не дождался ответа. Волшебная Пыль предназначалась только для глаз. У некоторых людей была аллергия на ее запах, и она вызывала галлюцинации на некоторое время. Скоро Люси начнет беспричинно смеяться, пока эффект не пройдет.

— Я позволила швейцару привязать его к крыше машины как багаж, — она засмеялась, хлопая в ладоши, а зрачки у нее были расширены. — Придурок Дракула хотел поцеловать меня прежде, чем я успела усыпить его, поэтому я ударила его по яйцам, и он потерял сознание.

— Ты его не усыпила?

— Он уже вырубился. Не волнуйся. Всегда срывает. Я била всех своих бывших бой-френдов, — у нее уже начались галлюцинации.

— Это означает, что Придурок Дракула может проснуться в любой момент, а я не смогу остановить машину, потому что вампиры с вечеринки преследуют нас, — Локи хотелось кричать и рвать на себе волосы. — А с чего это швейцар согласился тебе помочь?

— Я соблазнила его, — Люси провела пальцем по носу Локи, все еще смеясь. — Я показала ему свои...

— Показала свои ЧТО? — Глаза Локи распахнулись. Эта ночь становилась безумной с каждой минутой, словно Шляпник из сказки.

Пытаясь вспомнить, выражение лица Люси изменилось. Она выглядела озадаченной и серьезной.

— Я показала ему свои...что-то, — пыталась она вспомнить.

— Ты не помнишь, что ему показывала? По крайней мере, ты перестала смеяться. Это хороший знак. Еще пара минут, и действие закончится, — сказал Локи. Все, что ему было нужно, так это добраться до того места, где Люси оставила свою машину, проткнуть Придурка Дракулу, добавить его в список и получить немного денег.

Внезапно, начался дождь. За свою короткую жизнь Локи понял, что когда все идет не так, кажется что идет дождь. Он включил фары; желтый свет пронзил ночь, разрывая темноту на части.

— Со всем этим ветром и дождем, Придурок Дракула скоро очнется, — произнес Локи. — Мне нужно забраться на крышу и заколоть его, и тебе придется мне помочь.

Люси устало кивнула.

— Садись за руль, — сказал Локи, потянув ее за руки. Это была не самая хорошая идея

пустить ее за руль, но у него не было выбора.

Локи придвинулся к краю окна, пока Люси переползала на водительское сиденье, хватая руль. Она очень старалась сосредоточиться, не смотря на очередной приступ смеха.

— Это просто клёво, — она прищурилась, глядя на дорогу. — Посмотри на все эти желтые.....штуковины.

Снаружи погода становилась более отвратительной, из-за сильного дождя Локи все видел расплывчато. Он держался за край крыши, готовясь взобраться на нее.

— Держись за руль крепче, или я упаду, — сквозь ветер прокричал он Люси.

— Не говори мне куда ехать, — огрызнулась она, вытирая капли дождя со щеки. — И вообще, не говори через окно. Ты на меня плюешь.

— Ты думаешь, я один плюю. Небо плюет на весь мир, — ответил Локи взбираясь вверх. — Никто никогда не говорил мне, что для убийства вампира мне потребуются навыки каскадера.

Локи оказался лицом к лицу с Придурком Дракулой, который был привязан к машине, лежа на спине, а руки и ноги вытянуты вдоль крыши. Неожиданно придурок Дракула повернул голову и уставился на Локи ярко-красными глазами. Он очнулся. Хотя и был немного сонным.

— Привет, меня зовут Локи Блекстар, — Локи фальшиво улыбнулся. — И я собираюсь надрать тебе задницу.

Локи умудрился ударить мальчишку по лицу и выиграл, тем самым, несколько секунд. Затем он схватился за тело Придурка Дракулы, чтобы приподнять себя, прислушиваясь к сонному рычанию мальчишки. Только Локи удалось взобраться на крышу, как машина попала в яму на дороге. Он потерял равновесие и почти упал, но повис на теле Придурка Дракулы, как бы обнимая его.

— Распространяем любовь, — Локи не мог не комментировать свои забавные и несчастные приключения в Обычном мире.

Наконец, Локи удалось сесть на придурка Дракулу сверху, касаясь коленями крыши. Он поднял свой кол в воздух и целился ударить мальчишку в сердце.

— Наконец-то, тридцать восемь! — Локи провозгласил свою победу, — осталось шестьдесят один.

Но что-то заставило Локи остановиться, как вкопанного. Он услышал, как пищит белка под костюмом Придурка Дракула, прямо над сердцем. Локи знал, что до этой уловки опускаются многие вампиры. Каждый вампир знал, что слабое место Локи — это белки, и он никогда не проткнет их колом.

— Seriously? — Локи разорвал костюм Придурка Дракулы и увидел белку, примотанную к груди. — Ах ты мерзавец, — закричал Локи на сонного вампира со счастливой ухмылкой на лице. — Зачем ты так поступаешь с этим крохотным беспомощным животным?

Локи осторожно освободил белку, закрыв глаза от крика боли, которую он причинил ей, когда отклеивал.

— Ты в порядке? — Локи крепко держал белку в руках. — Пожалуйста, скажи мне, что ты в порядке? Поговори со мной! — Локи стер капли дождя с лица.

Белка пыталась вырваться из руки Локи, чтобы он случайно не задушил ее.

— Извини, — сказал Локи. — Мне, правда, жаль. Сейчас ты в порядке? Поговори со мной, почему ты молчишь?

Белка кивнула, и Локи отпустил ее, она взобралась на него, поцеловала в щеку и убежала.

— Они у нас на хвосте! — тревожно закричала Люси.

Локи обернулся и увидел вампиров на своих Джипах и Ауди. Он задался вопросом, почему Небесный Совет дал ему старый Кадиллак, когда все в этом мире ездят на крутых тачках. Или он не полу-ангел? Повернувшись обратно, Локи заметил, что Придурок Дракула полностью очнулся, он рычал, выпустив клыки, а красные глаза светились в темноте.

— Это у тебя такие клыки или же ты просто рад меня видеть? — Локи выплюнул слова вместе с дождем, радостный, что попал в лицо Придурку Дракуле. Он не выглядел оскорбленным.

— Глупый, Локи, — хмыкнул Придурок Дракула. — Ты всегда был таким же добросердечным неудачником, как и твой папашка, — вампир схватил Локи за шею, готовый укунить его.

— Ты знал моего отца? Кто он? Как его зовут? — спросил Локи, его кол выскользнул из руки. Если он умрет в этом ужасном Обычном Мире, он был бы не прочь узнать, кем был его отец.

— Каждый вампир знает о твоём отце, самом известном лузере из всех, который отказался от Небес, ради любви демоницы, — Придурок Дракула усмехнулся, и по нему словно змеи поползли зеленые прожилки. Он явно больше не был занудным придурком с вечеринки. — Если бы ты только смог вспомнить, кто ты такой на самом деле. Ты был похож на нас, на одного из нас, Локи.

— Тогда кто я такой? — умолял Локи. — Расскажи мне, что ты знаешь обо мне и о моём отце?

Вдруг что-то ударило Локи по лицу. Он думал, что это был укус, но отнюдь. Это была толстая ветка одного из жутковатых нависающих над дорогой деревьев. Локи хорошенько приложило. Он обхватил ветку руками и ногами, словно паршивая цирковая обезьянка. Когда он открыл глаза, ночь стала темнее и размытей. Его попытался подтянуть ноги, но ему не за что было даже зацепиться. Ему хотелось, чтобы он уж лучше ударился головой, чем наблюдать за тем, как Кармен исчезает из виду в темноте дороги. Его просто напросто оставили висеть на дереве среди ночи. Позади себя, он услышал приближение вампиров, поэтому он зарылся поглубже в листья, наблюдая, как они преследуют Люси. Локи задался вопросом, заметит ли Люси, что его нет. Не каждый день у тебя пропадает парень с крыши машины. Было бы хорошо, если бы она все-таки заметила. Он задумался о том, как проведет остаток своей жизни здесь.

Сидя беспомощно на ветке в темноте, его телефон завибрировал в кармане. Он никогда не отвечал на звонки, находясь на дереве, так как боялся, что вытащив его одной рукой, не сможет сохранить равновесие другой.

— Удерживай равновесие, Локи. Одной рукой держи дерево, другой рукой телефон, — пробормотал он. — Подобному мастерству не учат в школе.

Локи взглянул на имя звонящего. Это была Люси.

— Тик, так, ток, куда ты запропастился? — кричала Люси сквозь динамик, теперь уже полностью очнувшись.

— Я на дереве, — сказал Локи. Хотя и не чувствовал, что стоило этим гордиться.

— Как ты посмел меня бросить одну со всей этой фан — бандой вампиров, гоняющихся за мной? Сейчас не самое подходящее время для деревьев, Локи.

— На самом деле я остался, — выкрикнул Локи в ответ. Его громкий голос видимо разбудил какое-то ночное существо. Которое теперь зашелестело на ближайшем дереве. — На самом деле, это я остался позади, а не ты, — повторил он, на этот раз шепотом и, опуская голову, чтобы скрыться от каких-либо опасных ночных существ. Неподалеку взвыл волк и Локи захотел превратиться в ящерицу, чтобы суметь изменять свой цвет в соответствии дереву.

— Почему ты шепчешь? — выкрикнула Люси.

— Ты должна оторваться от вампиров и вернуться чтобы меня забрать, — сказал он.

— Не могу поверить, что тебе вновь нужна моя помощь, — с раздражением сказала Люси. — Это ты должен быть охотником на вампиров, — вздохнула она и повесила трубку.

— И тебе пока-пока, — ответил он раздававшимся в трубке гудкам.

Локи увидел свою тень, отраженную на освещенной луною дороге. Она выглядела немного больше и согнутой, однако была в порядке. Его беспокоила иная тень, находившаяся с ним рядом. Это было нечто маленькое и толстенькое окруженное как казалось остроконечными перьями. Он был не один на дереве. Медленно взяв телефон в рот, как собака кость, Локи повернулся направо. Блин, это была сова, белая с желтыми глазами, сидя уверенно и гордо, будучи похожей на мягкую подушку. Она ничего не произносила, лишь изредка моргала. Локи взял телефон в руку и пожал плечами.

— Привет, — Выразил Локи свое почтение. Сложно было сказать, была ли сова дружелюбной или же кровососущим вампиром.

Обычно животные разговаривали с Локи, когда оставались с ним наедине, или возможно это были лишь его галлюцинации, однако сова ничего не ответила. Она даже не кивнула. Они окунулись в долгую минуту молчания. И, казалось, что Локи не представлял никакого интереса для совы, отчего он начинал чувствовать себя одиноким. Когда телефон Локи вновь завибрировал, сова вздохнула, и Локи крепче схватился за ветку, чтобы не разбиться насмерть. Локи извинился перед совой за беспокойство, надеясь, что сможет рассчитывать на ее дальнейшее молчание и разрешение ответить на звонок. Однако на этот раз он не узнал номер вызывающего абонента.

— Вы думаете, мне стоит ответить? — спросил Локи сову вновь. Беседуя с ней, ему становилось не так страшно. Сова моргнула один раз, и это было столь невинно, что Локи буквально влюбился в ее холодность.

Локи поднял трубку.

— Мистер Локи? — поинтересовался мужской голос. Его голос давал понять Локи, что это был иностранец, возможно немец. — Локи Блекстар, охотник на вампиров?

— Слушаю, — Локи приподнял бровь, поглядывая на сову.

— Меня зовут Игор Великолепный, — представился мужчина своим старинным немецким акцентом.

— А я Локи — обнимаюсь с деревом.

— Я звоню вам, чтобы предложить работу, мистер Локи.

Локи посоветовался с совой, прикрывая динамик. Он заметил, как другая подруга совы присоединилась к их маленькой компании на дереве.

— Он предлагает работу. Скорее всего, отличную работу, — объяснил Локи компании. — Вы знаете, мне нужны деньги. Мне нужно учиться, на случай если я не смогу убить девяносто девять демонов и вернуться на небеса. Что означает, мне придется участвовать в "Американском идоле" перед этим продав душу дьяволу ради таланта отличного голоса.

Сов теперь уже стало три, но они по-прежнему не произносили ни слова. И Локи воспринял их молчание за знак одобрения.

— Конечно, — ответил Игор. — Мне нужно чтобы вы приехали и навестили меня в Аду, — произнес Игор.

— Вы в Аду? — Локи подумал, что разговор о продаже его души был ошибкой, уже не упоминая о суровой иронии, что полу-ангел может оказать услугу Аду.

— Это такой городок, под названием Ад. Разве вы о нем не слышали? — спросил Игор. — От имени нашего города, я прошу вас убить вампира, который угрожает нашим семьям.

Не смотря на то, что предложение пахло странностями, Локи был счастлив хоть как-то компенсировать неудачу с Придурком Дракулой.

— Городской Совет наградит Вас бесплатным обучением в нашей школе на целый год, если Вы убьете ее....я имею в виду вампира.

— Погодите минутку, — Локи пожал плечами. — Вы только что сказали «ее»?

— Да, вампир девушка, — подтвердил Игор. Его тон изменился, становясь мягче, жалея о том, что сообщил Локи, что она была девушкой.

— Я сожалею мистер Игор. Но я не смогу вам помочь, — не задумываясь, ответил Локи. Сердце бешено колотилось и, казалось, вот-вот вырвется из груди, а во рту пересохло. — Я не убью девушку демона.

— Пожалуйста, мистер Локи. Нам очень нужна ваша помощь, — молил Игор. — Она убивает и пугает всех живущих в городе последнюю сотню лет. Люди бояться произносить ее имя. Дети сочиняют о ней страшилки. Город в ужасе. Это кошмар, и она убила всех предыдущих охотников, которых мы нанимали ранее.

— Сто лет? — Не смотря на то, что Локи и должен был быть обеспокоенным по поводу других охотников, это была наименьшая из его забот. Он никогда не слышал о вампирах, которые оставались в одном городе на протяжении ста лет.

— Да, ее зовут... — Игор замолчал. И Локи подумал, что тот уже повесил трубку, пока Игор не закончил свое предложение, маскируя имя Белоснежки под кашлем.

— Белоснежка? — Локи подумал, что не правильно услышал имя. Рядом прокаркала ворона и несколько голубей вспорхнули с деревьев. — Белоснежка? — Повторил Локи, понижая голос так, чтобы совы не смогли услышать. Одна из них подняла бровь, другая чихнула, а третья, наконец, подмигнула ему.

У Локи закружилась голова, словно он терял сознание и падал с дерева. Это странное чувство он никогда не испытывал прежде, однако фары «Кадиллака» мигнувшие вдалеке привели его в чувство. Приехала Люси.

— Вы все еще здесь, Мистер Локи? — поинтересовался Игор.

— Да, но как я уже выразился, мне жаль, — ответил Локи. — Я не могу сделать это. Я не убиваю девчонок.... я имею в виду, не убиваю демонов женского пола.

— Есть что-нибудь, что поможет Вам передумать? — Игор прозвучал угодливо.

— Нет, — ответил Локи. — Если она действительно Белоснежка, как вы и утверждаете, то ей не нужен охотник на вампиров. Она нуждается в поцелуе истинной любви. — Издевался над Игором Локи. — Лучше найдите для нее принца.

Кадиллак Локи приближался.

— Я вынужден завершить разговор, — произнес он Игору. — Сейчас я планирую прыгнуть с дерева на крышу Кадиллака 1955 года и по правде говоря, мне не приходилось практиковаться в подобном ранее...

— Не могли бы вы мне пообещать, что подумаете об этом, — спросил Игор умоляя. — Говорят, она на самом деле Белоснежка из сказок.

Локи повесил трубку.

Кадиллак был почти под ним. Люси махнула ему рукой. Он был не удивлен, что

придурок Дракула больше не привязан к крыше. Локи сегодня облажался дважды: не убив вампира, для убийства которого он был нанят; и провал с убийством принцессы вампиров, потому что он побаивался демониц. После того, как ему неоднократно было сказано, что его изгнали с Небес из-за любви к демонице, он не хотел рисковать снова. Локи послал сове воздушный поцелуй и приготовился прыгать. Одна из сов послала воздушный поцелуй в ответ. Люси же не собиралась останавливаться со всеми этими машинами, висевшими на хвосте.

— Если Белоснежка вампир, — сказал он сове. — Тогда я принц-попрыгунчик, — произнес он надеясь успешно приземлиться на крышу своего Кадиллака. Однако он приземлился на грязную землю.

Лежа на спине, он поднял голову и увидел, что машина, едущая за Люси не принадлежала вампирам. Это была тачка Донни Сверчка-Убийцы. Они проехали мимо, смеясь, забрызгивая его грязью и бросая в него всякий мусор. Локи увидел, почему они победно кричали; на заднем сиденье сидел заколотый придурок Дракула. Все еще раскинувшись на земле, Локи ощутил боль в спине от падения, поэтому он закрыл глаза на весь этот мир, который был для него неправильным.

— Ты думаешь это он? Избранный? — Локи показалось, что он услышал, как одна сова говорила с другой.

— Неее, он тупица, — ответила другая сова.

Локи не стал утруждать себя мыслями, были ли это галлюцинации. Он услышал, как Люси подбежала ближе.

— Локи Блекстар, — Люси стояла в своем костюме дьяволицы и упиралась руками в бока. — Как ты можешь быть таким эгоистом?

Локи ничего не ответил. Последнее, что ему сейчас нужно было, так это чтобы кто-то

напоминал ему о его неудачах.

— Ты знаешь, зачем я попросила тебя убить придурка Дракулу? — сказала Люси. — Потому что некоторые люди в городе, думают, что ты единственный сможешь убить вампира Белоснежку, но ты оказался неудачником.

— Ты родом из того города откуда звонил Игор? — Нахмурился Локи.

— Да, — сказала Люси. — Он представитель нашего городского совета. Он настаивал на том, чтобы позвонить тебе, даже когда я сказала, что ты провалил тест по убийству, придурка Дракулы.

— Это было испытанием? — новости продолжали шокировать.

— Кое-кто из предков в нашем городе, написал пророчество о том, что пятнадцатилетний охотник на вампиров убьет Белоснежку. Ясен пень, что это не ты, — сказала Люси. — Мой тебе совет, забудь об охоте на вампиров. И перестань носить свой глупый килт.

Локи молчал. Люси опустилась на колени и достала из кармана визитку. Она смочила ее слюной и приклеила на лоб Локи.

— Это адрес нашего города. Наш городской совет по-прежнему ожидает твоего визита, — она коснулась лица Локи руками и взглянула на него, — Локи Блекстар, — вздохнула она. — Какая бесполезная растрата клевого имени.

Люси ушла, а Локи не потрудился подняться на ноги. Его жизнь в Обычном Мире была полна боли. Даже не смотря на то, что он думал, что люди глупы и злы, не стоило отрицать, что это был его полнейший провал. Когда Люси исчезла, визитка упала, и он подобрал ее.

Она гласила:

Добро пожаловать на Остров Скорби.

К Западу от Солнца, к Востоку от Луны.

Город под названием Храп

Локи не мог позволить себе такой роскоши, как вернуться домой или к семье, как другие подростки. Ночами он спал в своем Кадиллаке, одна из немногих примочек, что он получил от Совета, чтобы путешествовать по Обычному Миру. Вначале Локи думал, что сможет припарковаться в пригороде и спать там, но он ошибался. Домовладельцы ошибочно принимали его вора или злоумышленника, поэтому будили его посреди ночи, вынуждая его уехать. Однажды девяностолетняя старушка обвинила его в подсматривании. Она пыталась разбить ему стекло сковородой, а остальные соседи забросали его яйцами. В тот день он потерял свои деньки через дыру в кармане, поэтому был не против сырых яиц. Они были вкусными, когда он слизывал их с лица, а не с земли. Он не мог позволить арендовать парковочное место для своего Кадиллака, и у него не было друзей, которые бы позволили ему поставить в их гараж машину и переночевать там. Неделями он оказывался охранником своей машины по ночам, вместо того чтобы спать. Кармен была старой, незарегистрированной, со сломанными фарами и необычными номерами, на которых было написано:

Д....там, где Сердце.

Пробел после буквы «Д» был довольно потерт, так что Локи предположил, что там должно было быть слово: «дом». Он думал, что это такая шаблонная фраза. Для него домом были Небеса, с которых он пришел и которым принадлежал. Этот ужасный Обычный мир не был его домом и никогда не станет. Дом не имеет ничего общего с сердцем. Это просто место, где он мог бы чувствовать себя достойно, прилично выспаться и помнить, кто же он на самом деле.

Локи избегал полицию. В свои почти шестнадцать у него еще не было водительских прав, и полицейские обычно подозревали, что машину он украл. Также полиция не верила в существование охотников на вампиров, поэтому Локи не знал, как объяснить осинового колья и охотничьи инструменты в багажнике своего Кадиллака. Для полиции такое объяснение показалось бы сумасшедшим, а Локи не хотел попасть в тюрьму. Его жизнь и так уже неудачная шутка, а ночь в тюрьме стала бы пустой тратой времени, потому что не пытаясь убить вампира, он не сможет покинуть этот глупый мир и вернуться на Небеса.

В какой-то момент он решил проникнуть в гараж заброшенного дома. Он думал, что закроет окна, запрет машину изнутри и спрячется под одеялом, пока не взойдет солнце. Он снова ошибся. В этих домах было полно приведений, и они не давали ему спать. Он привык к приведениям, но не к приведениям-девушкам. Они ни чем не отличались от демониц. В конечном счете, он уехал и спрятал свой Кадиллак в густых кустах в лесу. Это была трясучая поездка, но, в конце концов, он нашел место, где мог поспать. Только до тех пор, пока не начали квакать лягушки. Больше всего Локи боялся лягушек. Когда они квакали, у него возникало ощущение, что на него рычит гигантский монстр. Кваканье — это самый страшный звук, который Локи когда-либо слышал, но он об этом не рассказывал. Его пугал звук, который издают лягушки: кваа, квваааа.

Иногда ему снились сны о лягушках, которые хотели поцеловать его.

— Фууууу! Я не собираюсь целоваться с лягушкой! — В криках просыпался Локи и уезжал прочь от кустов, его руки так и дрожали на руле.

В конце конов, он решил воспользоваться печеньем судьбы, которое он получил от

Небесного Совета через Чармвилля; при необходимости оно помогало ему принять трудное решение. Это было заколдованное печенье судьбы. Спросив о чем-нибудь, Локи разламывал печенье, а внутри появлялся ответ, написанный на небольшом кусочке липкой бумаги. Позже печенье судьбы становилось как прежде, так что он мог спрашивать снова. Локи нравился вкус липкой бумаги, которую он жевал, прочитав ответ, — на вкус она соответствовала самому вопросу, горький вопрос — горький вкус и наоборот. Печенье судьбы было наименее любимым инструментом Чармвилля, но Локи оно нравилось. Он назвал его Сезам.

Когда Локи спросил о том, куда припарковать Кадиллак, то получил очень странный ответ. На маленьком кусочке липкой бумаги он прочитал: кладбище домашних животных. Локи идея понравилась; ведь там обитают только мертвые животные. Никаких людей, зомби или мертвых девочек-лунатиков, которые мешают ему спать; только кошки, собаки и другая живность. Он слышал, что животные встают из своих могил как зомби, но он знал, что сможет с ними справиться. Зомби ему нравились больше вампиров; они были медлительными, забавными, безмозглыми и их легко убить. Локи надеялся, что на кладбище домашних животных люди не хоронят лягушек.

Самой сложной была его первая ночь на этом кладбище. Он и не подозревал, что мертвые животные просыпаются и барабанят по крыше его Кадиллака, или, что они убивают друг друга на кулачных боях: зомби-коты против зомби-собак. И еще он не подозревал, что они заговорят с ним.

— Локи! — промяукал кот снаружи машины, скребя коготками по окну. — Открывай!

Локи открыл глаз, все еще прячась под одеялом и думая, что спит, но тут он услышал другой звук.

Тук. Тук. Тук.

Локи высунул голову из-под одеяла, чтобы посмотреть, кто там стучит. Это была белка.

— С тобой все будет в порядке, Локо, — произнесла белка. — Хочешь орешек?

— Это же происходит не на самом деле, да? — Локи бросил подозрительный взгляд. — Я же не свихнулся, да?

— Ты не свихнулся, — сказала белка, глядя на него своими огромными любопытными глазами. — Я предлагаю тебе орех в обмен на то, что тыпустишь меня поспать в машину, потому что на улице очень холодно. Не обращай внимания на кота. Ему нечего тебе предложить.

Локи повернул голову и увидел черного грязного кота, качающего головой.

— Пожалуйста, не разговаривай, — попросил сонный Локи.

— Хорошо, не буду... — промяукал кот. — Пока ты не скажешь мне. Ты думаешь, это будет долго? Могу я спеть тебе песню, пока ты не разрешишь мне говорить, или мой голос не тебе не нравится?

— Только не это, — Локи забрался обратно под одеяло и засунул в уши вату. Он ничего не мог сделать. Это было единственное место, где он мог спать, и это заставляло его еще сильнее хотеть обратно на Небеса. Обычный мир просто ужасен. — Я клянусь, что убью каждого вампира, которого встречу, чтобы выбраться из этого мира, — вздохнул он.

Не смотря на то, что он любил белок, ему надоело, что они зовут его Локо и говорят, что у него все будет хорошо.

— Я не в порядке, — буркнул он из-под одеяла. — Я неудачник, и хватит называть меня Локо.

На бумаге было:

Езжай в Храп.

Храп — это город, в котором Локи ходил в школу, и в котором жил Чармвилль Глиммер, перевоплотившись в учителя в школе Боринг Хай (Невероятно Скучная), названная в честь отца основателя Храпа Сноринга Фон Боринга (Скучный Храп); оставалось загадкой было ли это его именем или грандиозной шуткой.

Чармвилль посоветовал Локи ходить в школу и получать хорошие отметки. Он думал, что получение надлежащего образования будет планом Б на случай, если Локи провалит свою миссию и не сможет вернуться на Небеса. Но была одна загвоздка; Локи приходилось платить за школу. Чтобы делать это, ему приходилось убивать вампиров за деньги, как он пытался сделать вчера.

Солнце светило во всю, когда Локи, заезжая в Храп, прочитал приветственную вывеску на въезде:

Добро пожаловать в Великий Храп.

Немного ниже, краской были выведены слова:

Там, где мечты становятся реальностью.... Ха.

А еще ниже, кто-то вырезал слова ножом:

Хррррррр!

— Точно, — сказал Локи, сжимая руль.

В Храпе было настолько скучно, что ученики на выходные возвращались в школу. В школе тоже было скучно, но так ты хоть как-то чувствовал себя живым в этом двухъярусном городе. Некоторые студенты искали приключений за пределами города, посещая по выходным маскарадные вечеринки в заброшенных домах, но возвращались оттуда далеко не все.

Локи припарковал свой Кадиллак на вечно переполненной школьной стоянке и вздохнул.

— У меня осталась неделя до шестнадцатилетия, а я не убил и половины вампиров, чтобы вернуться, — говорил он Кармен, которая играла для него песню "Мы сможем создать рай в месте под названием Земля". — Заткнись, Кармен. Я не собираюсь провести остаток жизни здесь. Что мне делать? — отрезал Локи.

Кадиллак в тот же миг затрясся, и серый дым повалил из-под капота. Кармен таким способом пожимала плечами на вопрос Локи.

— Почини эту глупую машину! — издалека крикнул Локи ученик. Остальные засмеялись.

Медленно Локи достал свой рюкзак и вышел, сейчас на нем были белая футболка и голубые джинсы с дырами в карманах. Обидно, что Чармвилль запретил ему бить таких учеников в школе, поэтому большую часть времени он изображал хорошего парня, сжимая за спиной кулаки и представляя, что все это всего лишь ночной кошмар. Не смотря на то, что

урок истории, который вел Чармвилль Глиммер, был забавным, Локи снова на него опоздал. Чармвилль не верил книгам по истории; он утверждал, что все они фальшивые. Поэтому вместо преподавания истории, он читал студентам сказки, и они им нравились. Только Локи не верил в сказки, особенно в поцелуй истинной любви, который напоминал ему про лягушек. Никто не знал, что Чармвилль — хранитель Локи, переодетый в учителя, чтобы быть ближе и наблюдать за его путешествием. Но Чармвилль не всегда помогал. Иногда он был немного жесток с Локи; по крайней мере, его не смущало, что Локи носил плащ. Чармвилль одевался современно, чтобы соответствовать образу учителя в Обычном мире.

— Снова опаздываете, Мистер Локи, — сказал Чармвилль, не поднимая головы от Книги Прекрасной Лжи, которую он читал. Большинство девочек в классе сидели, подперев подбородки, слушая сказки Чармвилля. Парни ерзали или незаметно пускали бумажные самолетики в замечтавшихся девочек.

— Извините, Мистер Глиммер, — произнес Локи.

Девушки повернули головы в его сторону. Локи поджал губы. Хотя многие из них ему нравились, но было лучше, когда он относился к ним, как к гриппу, чем влюбиться в одну из них и в конечном итоге выяснить, что она демон.

— «Извините» — это самое худшее слово в истории, и слабое оправдание для неудачников, Мистер Блекстар, — сказал Чармвилль. — Это и будет ваш ответ на следующем моем экзамене?

— Со всем уважением, сэр, вы не учите нас истории, — Локи пожал плечами. — Вы рассказываете нам сказки. А они все скучные, шаблонные и легко предсказуемые.

— Неужели? — Чармвилль повернулся к Локи, глядя на него из-под очков. — Может, ты расскажешь мне, что сделали голуби со сводными сестрами Золушки в конце сказки Братьев Гримм?

— В сказке про Золушку были голуби? — Локи нахмурил брови. — Хммм... поцеловали ее и превратились в Прекрасного Принца? — предположил Локи.

— Я знаю ответ, сэр, — шумная девушка с густыми рыжими волосами подняла руку, глядя на Локи. Ее звали Пиппи Лавбаг. Вокруг нее была туманная аура, слишком мечтательная, слишком увлеченная и очень назойливая. Локи знал, что она влюблена в него, и старался постоянно ее избегать. — Я знаю ответ, — она тянула руку, словно хотела выйти в туалет, а не ответить на вопрос.

— Пожалуйста, просветите Мистера Блэкстара ради меня, Мисс Лавбаг, — Чармвилль потер свою бороду, гордясь увлеченной ученицей.

Пиппи встала, слегка поправила платье и протерла зубы указательным пальцем прежде, чем заговорить.

— Голуби выклевали им обеим глаза, сэр, — счастливо сказала она.

— Потрясающий ответ, — сказал Чармвилль. — Спасибо, Мисс Лавбаг. Теперь вы можете сесть.

Перед тем как сесть, Пиппи подмигнула Локи. Он посчитал это довольно жутким, когда девушка, так счастливо рассказывающая о том, что голуби выклевали кому-то глаза, подмигивает ему. Но глубоко внутри, Локи показался забавным этот странный эпизод, который он пропустил в сказке о Золушке. Значит сказки не только о поцелуях, лягушках и принцах? Почему, когда он был ребенком, никто не рассказал ему эту потрясающую сказку, в которой голуби выклеывают глаза? О, конечно; он ведь даже не помнит о том, как был ребенком.

Чармвилль позволил Локи зайти и продолжил чтение. Локи сел рядом с Пиппи, которая не могла перестать пялиться на него и сидела слишком близко. Иногда, Локи не беспокоился на счет Пиппи, даже если она была немного с приветом. Он мог это вынести. Что его действительно раздражало так это то, что он находил ее привлекательной.

Не доверяй ей. Она может быть демоном. Она в этой школе всего неделю, и ты ничего о ней не знаешь. Ты же не собираешься совершить ту же ошибку, из-за которой тебя вышвырнули из райских ворот?

Локи избегал Пиппи вплоть до звонка, оповещающем об окончании урока. Он должен был встретиться с Чармвиллем, чтобы рассказать ему о провалившейся попытке убить Придурка Дракулу, и хотел обсудить странный телефонный звонок от Игоря Великолепного. Идя по пустынному коридору на последнем этаже, который вел в кабинет Чармвилля, дверь подсобки открылась, и кто-то втащил его внутрь. У Локи не было времени, чтобы вытащить кол, но он испытал облегчение, когда увидел, что это была всего лишь Пиппи. Она закрыла дверь, оставляя их наедине в тесном помещении с метлами и вонючими моющими средствами.

— Поцелуй меня, Локи, — Пиппи прижала его ближе к себе.

— Что? — запаниковал Локи, несколько моющих средств упали с полки.

— Поцелуй меня как в сказках, — она закрыла глаза, и поджала губы, вытягивая их на манер гусиного клюва. — Дай мне убедиться, что ты мой единственный.

— Отвали от меня, Пиппи, — ответил Локи. Она обвила его ногами, и он не мог освободиться. Глядя на нее, он признался: — Я не хочу целовать тебя, и я не верю в этот бред на счет истинного поцелуя любви! — Произнес он, пытаясь оттолкнуть ее, но руки и ноги Пиппи, словно щупальца осьминога намертво прилипли к нему.

Пиппи распахнула глаза, разочарованная, что Локи ее не поцеловал. Она притянула его

еще ближе и накрыла его губы своими. Локи будто пронзила молния. В обычной жизни он раньше никогда не целовал девушку, также он не помнил, целовался ли он до того как его изгнали. Это было так... так приятно, пусть даже это была Пиппи. Почему он не пробовал этого раньше? Ах да, забыл. Запрещено.

Внезапно, Локи забыл, что он охотник на вампиров. К черту возвращение домой, это так приятно. Поцелуй оказался великолепной штукой. Конечно, это не было любовью, но доставляло удовольствие. Локи отвечал на поцелуй Пиппи, закрыв глаза. Когда она отстранилась, у Локи на губах застыла мечтательная улыбка. Не обращая внимания на вонючий запах исходящий от метел, он ощущал, будто попугаи-неразлучники щебечут у него в голове.

Счастливый, он открыл глаза, и в этот момент случилось нечто невероятное. Это больше не была Пиппи Лавбаг, рыжая, причудливая девушка. Она превратилась в вампира. С воспаленными, желтыми глазами, бледным цветом кожи, с клыками. Что-то копошилось у нее под кожей. *Что бы это не было, похоже на маленьких угрей*, подумал Локки.

— Добро пожаловать в ад, Локки, — сказала она отвратительным голосом. Он снова напомнил Локки кваканье лягушек.

Что я наделал? Я снова все испортил. Кладовая была слишком узкой, и у Локки не было времени вытащить осиновый кол из рюкзака. Сейчас его укусит вампир. *Я не хочу умереть в школе, какое ужасное место для смерти*, пронзила его мысль.

Внезапно, дверь распахнулась, и внутрь проник свет. Это был Чармвилль Глимммер. Оттолкнув Локки, он безжалостно вонзил осиновый кол в грудь Пиппи, практически пригвоздив ее к стене. Некоторое время ее тело продолжало извиваться в состоянии шока, потом она окончательно умерла.

— Жди в моем кабинете, — сказал Чармвилль. — Я позабочусь о теле.

Бегом возвращаясь в офис, Локи задумался о том, как безумно будет выглядеть, если кто-нибудь увидел бы как Чармвилль убивает Пиппи. Быть может, люди подумали бы, что он садист, сумасшедший учитель, который убивает своих студентов. Большинство горожан искали того, кто убивал их детей на вечеринках, и если бы кто-нибудь увидел его, это было бы плохо. Локи вошел в офис и стал ждать Чармвилля. Он лишь надеялся, что он не будет на него сердиться.

— Извините, сэр, — произнес Локи, как только Чармвилль ворвался в комнату и закрыл ее изнутри.

— Не думаю, что учил тебя всю свою жизнь извиняться, — заметил Чармвилль, когда его Книга Прекрасной Лжи обратилась в Попугая Пиквика.

— Я — Пиквик, — сообщил попугай Локи. — И я немой.

— А я Локи, — ответил Локи Пиквику. — И я безнадежен.

Чармвилль разглядывал Локи на мгновение, но ничего не сказал.

— Полагаю, ты убил своего тридцать восьмого вампира вчера, — произнес он.

— Нет, сэр, — Локи понурил голову. — Я потерпел неудачу.

— И что же произошло на этот раз? Неужели Донни Сверчок-Убийца убил вампира первым? — Чармвилль, заинтригованный, прислонился к столу.

— Он и убил, в конце концов. Но я не поэтому потерпел неудачу. — Пожал плечами Локи. — Вампир приклеил белку скочем к своему сердцу, а я хотел спасти белку.

— Спасти белку, хм, — Чармвилль закурил трубку, глядя в окно.

Иногда Локи не понимал Чармвилля. Он хотел бы прочесть его мысли. Неужели Чармвилль свыкся с неудачными убийствами вампиров Локи?

— Кхм..., - нарушил тишину Локи. — Я бы хотел рассказать Вам нечто странное о том, что произошло со мной вчера.

— Оу? — Чармвилль все еще смотрел в окно.

— Та девушка, Люси Румпельштейн, которая наняла меня убить вампира, кое-кто позвонил мне из ее города в разгаре самой охоты и предложил мне полный год обучения в их школе совершенно бесплатно, в обмен на убийство столетнего вампира в их городке.

— Продолжай, — Чармвилль выдохнул дым. Он пах очень ароматно, но Локи никогда не осмеливался спрашивать что это. — Звучит как хорошее деловое предложение.

— Дело в том, что вампир...., - произнес Локи, — ...девушка.

Пиквик улетел с плеча Локи обратно к Чармвиллю, словно ощутил слабость Локи.

— Я только что спас тебя от вампирши, — произнес Чармвилль. — Она просидела рядом с тобой целую неделю. Она играла с тобой, а ты даже не понял, что она — вампир. Ты упустил хорошую возможность убить еще одного вампира, и когда она начала искушать тебя, ты почти сдался и был готов погибнуть, — медленно сказал Чармвилль, звуча, скорее, внимательно, нежели разочарованно. Локи хотел сказать ему, что поцелуй был действительно хорош, и что ему всего лишь пятнадцать, и он не обязан убивать вампиров, что ему нужно немного повеселиться, но он волновался, что Чармвилль превратит его в еще одного Пиквика. — После всего того, что я упомянул, пожалуйста, объясни мне, как ты собираешься убить еще одну вампиршу?

— Вы правы, — Локи сцепил руки за спиной, желая закричать и объяснить, что он так больше не может. — Это было глупо. Кажется, я был изгнан по уважительной причине. Я питаю слабость к демоницам....

— ... и белкам, — добавил Чармвилль.

— Да, демоницам и белкам, сэр, — Локи тихонько задался вопросом, как так в мире получалось, что питать слабость к этим двум вещам, могло перерасти в столь большую неприятность. — Я просто подумал, что мне стоит рассказать Вам об этом инциденте, потому что мужчина упоминал, что вампиршу зовут... Белоснежка, — Локи закатил глаза.

Чармвилль повернулся к Локи, а у Пиквика округлились глаза.

— Что ты только что сказал? — спросил Чармвилль. — Белоснежка?

— Да. Вы можете в это поверить? Он даже сказал, что это самая настоящая Белоснежка, — Локи старался звучать обыденно.

— Как мужчина сказал, называется тот город?

— Я немного запутался на счет этого, — махнул рукой Локи. — Тот мужчина сказал, что город называется Ад. Потом, Люси дала мне визитку, на ней говорилось «Скорбь». Полагаю, Скорбь это маленький городок в аду, или что-то вроде этого. Знаю, что все это звучит нелепо.

Чармвилль не нашел в этом ничего забавного. Локи еще никогда не видел его таким серьезным, потирающим бороду и выглядя немного растерянно.

— Присядь, Локи, — серьезно начал Чармвилль. — Пришло время рассказать тебе кое-что.

— ЛАДНЕНЬКО. — Локи неохотно сел. Он ненавидел, когда люди подготавливались к разговорам. Обычно это означало плохие новости.

— Ты ведь знаешь, что на следующей неделе твой шестнадцатый день рождения, а ты убил лишь тридцать шесть вампиров, верно? — Чармвилль положил руки на стол и подался вперед.

— Тридцать семь, сэр, — поправил его Локи.

— Нет. Того из Форкса, в Сизтле, воскресили. Кто-то раскопал его могилу и вытащил кол из груди.

Локи стиснул зубы. Как ему убивать вампиров, если их так легко воскресить? Просто

вытащи кол, и они оживут.

— На данный момент, было бы глупо притворится, что ты убьешь девяносто-девять вампиров до следующей недели, — продолжил Чармвилль. — Ты должен знать, что когда я вызволил тебя из теней, я лишь рассказал тебе о правилах, поскольку Небесный Совет не соглашался отпускать тебя без этого.

— Я всегда буду благодарен Вам, сэр, — Локи почувствовал себя обязанным сказать это.

— Истина заключается в том, что меня на самом деле не волновало, простит ли тебя Небесный Совет, — произнес Чармвилль. — Я заботился о тебе по причинам, которые не желаю обсуждать сейчас, — он избегал взгляда Локи, произнося последнее предложение, а затем и вовсе отвел взгляд. — Частично, моя забота заключалась в том, чтобы ты получил второй шанс, будь то здесь, в Обычном Море, или же, возвратившись домой. Честно говоря, я надеялся, что тебе понравится здесь, в Обычном Море, и, быть может, ты проведешь здесь остаток своей жизни.

— Но, сэр, я ненавижу это место, — Локи ухватился за край стола. — Люди злы по отношению ко мне и к животным. Мне трудно заводить друзей, и я думаю, что Минкины, они...

— Глупые, я знаю.

— Кроме того, почему я должен хотеть быть смертным, если я могу жить вечно? — удивился Локи, и Пиквик кивнул, словно это казалось правдоподобным аргументом.

— Я понимаю твои рассуждения, Локи, — сказал Чармвилль. — С другой стороны, мне нравятся эти Минкины. Они забавные. Мне нравится их смертность, порой глупость и недостатки.

— Но мне нет, сэр, — ответил Локи. — Я хочу вернуться домой. Знаю, мне там не рады, потому что я совершил ошибку, о которой не помню, но я сделаю все что угодно, лишь бы заслужить прощение.

— Все что угодно? — Чармвилль подался вперед.

— Все что угодно, сэр, — подчеркнул он. — Если не ради возвращения, то хотя бы ради того, чтобы узнать, кем был мой отец, что я наделал, и кем была та девушка, которую я полюбил. Как Вы можете ожидать от меня, чтобы я двигался вперед, когда я не знаю о своем прошлом?

— Как твой опекун, в мою обязанность входит обучить тебя и помочь тебе выбрать свою судьбу, — Чармвилль откинулся в кресле. — И теперь, когда ты решился, тебе следует знать, что все, о чем говорил тот человек по телефону — правда, — Чармвилль сделал знак

Локи не перебивать его, чтобы он смог объяснить дальше. — Существует шестнадцатилетняя древняя вампирша по имени Белоснежка. Она проблемная девушка с загадочным прошлым, которая живет в замке, в городе Скорбь. Это скорее остров, нежели город, а попасть туда ты сможешь, только пройдя через другой город, под названием Ад.

— Так город на самом деле называется Ад? — поинтересовался Локи.

— Существует множество городов под названием Ад в Америке. Ты легко сможешь найти их на карте, — сказал Чармвилль. — Есть Ад в Мичигане, на Каймановых островах, в Кливленде, Огайо, в Калифорнии, в Аризоне и в Кентуки. Все эти города служат порталами, ведущими на остров Печали...его жители любят называть его городом, но в действительности это остров. Вампир Белоснежка живет в этом городе. Мы говорим о таких вещах, о которых знают лишь немногие.

— Но Люси выглядела, как обычная Минкин, — предположил Локи.

— Скорбь — это особое место, с особенными секретами, — перебил его Чармвилль. — Ты не должен забивать свою голову знаниями о людях, подобных Люси

— Так на счет чего мне беспокоится, сэр?

Чармвилль посмотрел Локи прямо в глаза:

— Что убийство Белоснежки стоит девяноста-девяти вампиров в глазах Небесного Совета, — произнес он.

— Что? — выдохнул Локи.

— Как я уже сказал, если ты убьешь вампира Белоснежку в стране Скорби, ты будешь прощен, и тебе будет позволено вернуться домой.

— Почему Вы не рассказали мне об этом еще год назад?

— Разве это не очевидно? — Чармвилль вскинул бровь. — Ты боишься девчонок, Локи. Мог ли ты ожидать, что я расскажу тебе о ней год назад? Я думал, вдруг тебе понравится Обычный Мир, или ты убьешь девяноста девять вампиров, или даже пройдет твой страх перед монстрами женского пола. У тебя не вышло ничего из этого. Теперь, это твой единственный шанс, чтобы выполнить свое предназначение.

— Я боюсь больше всего этого вида убийств вампиров, — Локи пожал плечами.

— Ничего не дается легко. Если ты хочешь вернуться, на этот раз тебе придется взглянуть в лицо страху. Путешествие в Скорбь будет твоим тяжким испытанием, потому что оно не только покажет тебе кто ты такой, но и на что ты способен, что важнее всего для меня, — Чармвилль сделал затяжку из трубки.

— Так мне нужно попасть в страну Скорби через портал в городке под названием Ад, убить Белоснежку и все кончится?

Чармвилль кивнул.

— Мне придется встретиться со своими страхами лицом к лицу, — пробормотал Локи себе под нос. — Но что если я убью ее, а кто-нибудь потом вытащит из нее кол, как тот парень из Форкса? Боюсь, меня снова выгонят, — нетерпеливо ответил он.

— Поэтому тебе понадобится вот это, — Чармвилль передал ему толстую, но маленькую книжку.

Локи принял ее. Она была старой, с пожелтевшими страницами и сотнями рукописных чертежей и инструкций. Он пролистал ее, не читая ничего конкретного. Заголовок гласил: Руководство Охотника за Сновидениями.

— Охотник за Сновидениями? — переспросил Локи.

— Ты хотел узнать о своем прошлом, и одна из вещей, которую ты не знаешь это то, что ты был Охотником за Сновидениями, также как и твой отец, причем одним из лучших.

— Я? А чем занимаются Охотники за Сновидениями? Я не знал, что мой отец тоже был одним из них, — Локи был взволнован.

— Охотник за Сновидениями — это единственный охотник, который обладает способностью убивать Дессмертных, так мы называем определенный вид бессмертных демонов, включая вампиров. Дессмертные демоны не умирают, не важно, сколько бы ты не протыкал их колом. Подобно тому вампиру из Форкса, из которого извлекли кол и он вернулся к жизни. Однако, лишь опытный Охотник за Сновидениями может избавиться от них, — Чармвилль снова подался вперед.

— Как так?

— Охотник за Сновидениями протыкает вампира колом, пока тот пребывает во сне, поэтому они уже никогда не проснуться. Разум Дессмертного не может принять идею того, что его могут убить во сне и это парализует их мозг, так что они не смогут проснуться снова в реальном мире.

— Даже если кто-нибудь вытащит кол? — снова спросил Локи.

Чармвилль кивнул.

— Единственный способ убить девушку-вампира из страны Скорби, так это убить ее во сне, что на деле не убьет ее, но погрузит в сон навсегда, что довольно хорошо.

— Так вот почему они меня искали? — удивился Локи. — Люси говорила что-то на счет пророчества, что только один человек сможет убить вампира.

— Не знаю на счет этого, но я знаю, что если ты обучишься всему тому, что содержится в этой книге, ты сможешь сделать это, — ответил Чармвилль.

Локи пролистал несколько крошечных страниц и увидел изображение вампира, лежащего на спине с колом в сердце. Вампир был заключен в круг из свечей, и два зеркала стояли друг напротив друга по обе стороны круга. Парень возраста Локи лежал вытянувшись рядом с вампиршей. Несколько строк под изображением объясняли, что мальчик произнес заклинание, чтобы войти в сон вампира, дабы убить ее. Это не имело смысла, но книга была толстой, да и Локи был рад, что ему нужно было столько много прочесть, чтобы узнать, кем он был, прежде чем стал тенью. Но когда Локи прочел страницу, произошло нечто странное. Страница обернулась песком, и попросту исчезла. Локи не поверил своим глазам и посмотрел на Чармвилля в поисках ответов.

— Руководство для Охотников за Сновидениями — это особенная книга, которая называется Песочная Книга, — объяснил Чармвилль. — Песочная Книга состоит из магических страниц, однажды прочтенные, они обращаются в песок и никогда не появляются вновь.

— Почему?

— Чтобы ты знал, что каждое прочитанное тобой слово дорого, — промолвил Чармвилль, — и чтобы предотвратить врагов от изучения навыков. Любая Песочная Книга может быть прочитана лишь раз в сто лет. Я вижу, ты уже потратил страницу впустую, и я надеюсь, что ты запомнил все, что видел и прочел на ней.

— Вау, — произнес Локи. — Со мной творятся чудеса, — он засунул книгу в карман, надеясь позднее тщательней изучить ее. — Так я еще не проиграл, в конце концов, — улыбнулся Локи, глядя дневной свет за окном. — Я — Охотник за Сновидениями. Слышал, Пиквик?

Попугай с энтузиазмом замахал крыльями и снова, Локи подумал, что это так жестоко, что Чармвилль сделал его немым. Из всех животных, которые говорили с Локи, Пиквик не мог.

— И еще, один скромный подарок от меня, — Чармвилль достал из под стола рюкзак и положил его на стол.

— Вы дарите мне рюкзак?

— Это нечто другое. Он называется Волшебный Рюкзак, — объяснил Чармвилль. — И было бы лучше, если бы ты не открывал его прямо сейчас. Когда ты дочитаешь Руководство

для Охотников за Сновидениями, ты будешь точно знать, что тебе понадобится из Волшебного Рюкзака и при каких обстоятельствах. Теперь же, настало время начать свое путешествие, Локи, — Чармвилль встал и протянул руку. Локи поднялся и почтительно ответил на рукопожатие. Он чувствовал, что заслужил пожать руку Чармвиллю. — Надеюсь, ты найдешь то, что ищешь, — произнес Чармвилль, слишком крепко сжимая руку Локи. — Я чувствую, что есть несколько слов, которые я обязан сказать тебе напоследок. Это лишь малая часть советов, которые я выучил за много лет.

— Пожалуйста, скажите мне.

— Следуй за своей звездой, — улыбнулся Чармвилль. Локи подумал, что это была короткая и загадочная улыбка.

— Непременно, — неохотно ответил Локи. Совет звучал неубедительно и он не понимал, что он значит. — Разве Вы не пойдете со мной? — удивился Локи, растерявшись на мгновение. Он никогда никуда не уезжал, чтобы поблизости не было Чармвилля. Было страшновато отправляться в путешествие без него.

— Боюсь, что нет, — ответил Чармвилль. — Это твое путешествие, Локи. А не мое. Но я всегда буду здесь, — он указал на сердце Локи.

— Но...

— Ничего не говори, даже «прощай». "Прощай" даже хуже чем «извините», хотя иногда это неизбежно.

Помимо ощущения страха без Чармвилля, Локи внезапно понял, как сильно он любил его, даже не смотря на весь тот бред, что он рассказывал о сказках.

— Я также должен предупредить тебя, что тебе не запрещается давать сдачи хулиганам или влипать в неприятности, как только ты войдешь в Страну Скорби, — молвил Чармвилль.

— Правда?

— Страна Скорби — это такое место, где ты находишь то, что твоему сердцу угодно и делаешь то, для чего ты избран. Ты будешь избавлен от раздражающих ответов Минкиным в Стране Скорби. Ты встретишься лицом к лицу со своим самым главным страхом, чтобы попытаться убить демоницу.

Локи очень сильно понравилась эта идея. Наконец, он мог отстаивать то, во что верил.

— Теперь иди, — промолвил Чармвилль. — У тебя есть всего лишь одна неделя, чтобы найти то, что ты ищешь.

Локи уважал тот факт, что Чармвилль не захотел прощаться, и повернулся, идя к двери.

Он сделал это через чур резко, чтобы Чармвилль не увидел, что у него глаза на мокром месте. Он не хотел, чтобы кто-то увидел, как он плачет.

— И еще, — добавил Чармвилль, прежде чем Локи ушел, садясь за стол и снова начиная писать.

— Да, сэр? — Локи схватился за дверную ручку и предпочел не оборачиваться. Он надеялся, что Чармвилль передумает и решит присоединиться к нему.

— Сейчас белка уже в безопасности? — неожиданно спросил Чармвилль.

— Извините? — произнес Локи.

— Ты сказал, что не смог убить Придурка Дракулу, потому что тебе пришлось спасти белку, — объяснил Чармвилль.

— Да, сэр, я спас ее, и освободил. Должно быть, она в каком-нибудь безопасном месте, — ответил Локи.

— Хорошо, — произнес Чармвилль. — Герои всегда спасают белок.

Тень широкой улыбки поселилась в сердце Локи, когда он открыл дверь и вышел, чтобы начать свое путешествие впервые без Чармвилля.

Покидать Храп было сродни побегу из чулана, в котором Локи просидел очень и очень долго; победно вскрикивая, когда открылась дверь и начиная новую жизнь, которая давным-давно уже шла своим чередом. Даже Кармен чувствовала себя хорошо по этому поводу. Будучи настолько неуклюжим, что едва не своротил Кадиллак, Локи все же достиг своей цели. Она гремела и гудела по ухабистой дороге, в то время как Локи постукивал пальцами по рулю, напевая вместе с радио. Сегодня, Кармен играла песню под названием "Дорога в Ад" (прим. переводчика Highway to Hell популярная песня группы AC DC) еще одной вообразаемой...или умершей группы... под названием Сладкие Огурцы. Группа была очень хорошей, даже не смотря на то, что все они были мертвы.

Локи зажал сигарету губами. Не смотря на то, что он не курил и презирал курильщиков, он думал, что так он выглядит старше и, казалось, так люди воспринимают его всерьез. Этот трюк срабатывал раньше, когда клиенты сомневались в его способностях убивать вампиров из-за его юного возраста. Но это было в прошлом. Ему больше не нужно было убить девяносто-девять вампиров; только одной особенной принцессы в замке с привидениями было достаточно. Он старался не думать о своей слабости к демоницам слишком много на данный момент. Что действительно сейчас волновало Локи, так это книга Охотника за Сновидениями на приборной панели. Ему было любопытно узнать обо всем, что он мог узнать, и он планировал прочесть ее, как только ему представится шанс. Сейчас же, он ехал по дороге; убеждая себя, что он не лузер. Он был Охотником за Сновидениями. Хотя он не знал, как именно Охотник за Сновидениями убивает Дессмертного, он по-прежнему ощущал восхитительное чувство важности.

Поездка под убывающей луной, Локи взглянул в зеркало, чтобы проверить прыщ на щеке.

— Аааааа!!!! — закричал Локи, почти ударяя по тормозам ногой. Глаза вылезли из орбит, челюсть отвисла, а сигарета повисла на нижней губе, приклеившись слюной. На заднем сидении сидел призрак в белом капюшоне.

У призрака были длинные черные волосы, которые развевались из под капюшона, словно тот плавал под водой. Лицо было полым и там, где должны были быть глаза, светились два красных огонька. На мгновение, Локи испугался призрака; неожиданно, тот отскочил от окна, словно пинбольный шарик... Локи полагал, что призраки могли проходить сквозь стены, но времени спорить не было. Когда призрак, наконец, разместился посередине заднего сиденья, Локи увидел, как тот потянулся к нему. Его костлявые пальцы переливались, словно луч кинопроектора, а когда они дотянулись до его лица, Локи попытался не обмочиться. Призрак схватил обслюнявленную сигарету с губы Локи, затем снова скрылся под плащом. Локи услышал звук чирканья спички, когда призрак зажег сигарету, наконец, кольца дыма окутали машину.

— Сколько раз я предупреждала тебя на счет сигарет? — пожаловалось приведение, говоря с сильным русским акцентом, глядя на него в зеркало. Локи наблюдал, как лицо призрака медленно обретает плоть.

Погодите. Я знаю этого призрака! Локи сделал долгий вдох. Все правильно. Этот призрак был его....

— Мама? — он искоса поглядел в зеркало.

— А кто еще так тебя пугает? — сказала она, довольно покуривая украденную сигарету.

— Ты выглядишь... ужасно, — сказал Локи. — И пугающе, — он сказал это в качестве комплимента. Привидениям нравится выглядеть пугающе.

— Веди себя хорошо, Локи, — она надула губки в своей чудовищной манере. — Я выгляжу не ужасно. Я всего лишь постарела. В твоем возрасте я была королевой школьного бала.

Да, да. Все мамы были королевами школьного бала.

— Мама, ты больше похожа на мою бывшую маму, — пробормотал он, прячась от ее пустых глаз. Хотя она и становилась материальной, Локи всегда удивлялся, почему его мама отличается от других привидений. Она не обладала способностью проходить сквозь стены, и была больше похожа на зомби, чем на привидение.

— Непослушный мальчик, — она хлопнула его по щеке. — Разве я не просила тебя не называть меня «мамой»? Я чувствую себя старухой.

— Ты и так старуха, мама ..., я хотел сказать Бабушка, — Локи ненавидел называть ее этим именем. Самые ранние воспоминания о ней у него появились год назад, когда Чармвилль освободил его. Не смотря на то, что Чармвилль заботился о нем, она редко была рядом.

Она появлялась только, чтобы раскритиковать его привычку спать, напомнить, чтобы он почистил зубы перед сном, убедить его помыть машину, зашить дырки на брюках и носках, или пристать к нему, чтобы он начал встречаться с земной девушкой, в которую мог бы влюбиться и жениться на ней. Звать ее Бабушкой было глупо; ему необходимо было произносить слово мама чаще. Так он чувствовал себя любимым.

— Я просто шучу, — Бабушка затушила сигарету о свою ладонь. Из-за этого появился странный запах, и Кармен слегка закашлялась. — Ты можешь звать меня мамой, если хочешь. В конце концов, я твоя мама, а ты мой маленький Локо.

— Пожалуйста, не называй меня Локо. Кстати, что заставило тебя вспомнить, что у тебя есть сын, Бабушка? — спросил ее Локи, но она внезапно испарилась с заднего сиденья и возникла рядом с ним на пассажирском.

Он не знал почему, но она бесила его. *Расслабься Локи. Это всего лишь твоя мама.*

— Уомблс! — Локи ударил руками по рулю. Он не знал почему, но **уомблс** было единственным словом, которое он использовал, когда хотел выругаться в присутствии матери. — Ты можешь не подкрадываться ко мне так, мам.

Бабушка подразнила его, щекоча под подбородком, прежде чем унести прочь и возникнуть снова на заднем сиденье.

— Я напугала тебя, Локи? — она наклонилась вперед, довольная содеянным.

Локи не винил ее. Он знал, что для нее напугать его было проявлением любви, гораздо большим, чем объятия. И хотя, это его раздражало, он знал, она нежно любит его, и не ее вина, что она умерла и стала привидением — однажды он спросил ее, как она стала привидением, а она ответила, что умерла, пытаясь спасти из-под колес грузовика ребенка, переходившего дорогу. Она спасла ребенка, а грузовик сбил ее вместо него, потому что она стояла слишком далеко на другой стороне.

— Совсем нет, — Локи поджал губы и притворился, что не испугался.

— В самом деле? Нет? — Бабушка печально откинулась назад. — Я отвратительное приведение, — сказала она, и Локи задался вопросом, приходила ли ей в голову мысль, что она была ужасной матерью — Не знаю, что со мной случилось. Я пугала людей

жевательными резинками. Теперь, я даже не могу напугать обитателей дома с привидениями, в котором я живу, — Бабушка начала всхлипывать. — Я неудачница. Я даже не могу проходить сквозь стены.

Локи стало обидно за нее, но он не знал, что делать.

— Перестань, мам, — сказал Локи. — Возьми себя в руки. Ты клевое привидение. Ты очень страшная. Мне снятся кошмары, когда я думаю о тебе, — это не правда. Он хотел, чтобы она всегда была рядом.

— Правда? — Бабушка подалась вперед. — Не врешь? Скажи мне, я тебя сильно пугаю? Что тебя пугает? — она повернула свое лицо к нему в облике чудовищ, напоминающего Цербера, сторожевую собаку Аида. Локи подумал, что она просто смешна. Тем не менее, он закричал, притворившись, что ему страшно. Он чувствовал себя глупо, обманывая, но если его маме было приятно, он не возражал.

— Видишь? — сказал Локи. — Ты очень страшная.

— Какие хорошие новости, — произнесла Бабушка. — Мне пора уходить, чтобы я успела поугаить обитателей дома, в котором живу.

— погоди, — махнул рукой Локи, глядя на нее в зеркало. — Ты приходила только за тем, чтобы узнать, что ты страшная? И это все?

— Ох, я и забыла, — Бабушка вытащила кое-что, что выглядело как кол, только его поверхность напоминала тонких змей, которые обвивали его. — Возьми это.

Локи взял загадочный предмет и взглянул на него:

— Что это?

— Это Аликорн, — ответила Бабушка.

— Что еще за Аликорн?

— Редкий рог единорога, — объяснила Бабушка. — Их таких всего несколько во всем мире.

— От настоящего единорога? — Локи даже не знал, что они существовали на самом деле.

— Самого что ни на есть настоящего, — ответила она.

Локи хотел сосредоточиться на дороге, но он глаз не мог оторвать от белого рога единорога.

— Серьезно? Рог единорога? Это значит, что кто-то отрезал рог у единорога? Это же ужасно.

— Ты задаешь неверные вопросы, Локи. Если бы я была на твоём месте, я бы задалась вопросом, почему я даю его тебе.

— ЛАДНО. Почему ты даешь его мне? — Опять же, Локи ненавидел ходить вокруг да около. Почему бы ей просто не рассказать ему для чего он?

— Этот кол единственный в своем роде, — сказала Бабушка. — Видишь спиралевидную поверхность? Она помогает проникнуть в сердце вампира; он может превращаться в змею, хлыст, а иногда даже меч. Этот рог единорога был заколдован, чтобы убить самых могущественных демонов, Локи. Не упускай его из виду. Постоянно держи его при себе.

— Так ты знаешь, что я еду в Скорбь, чтобы убить вампира Белоснежку, — произнес Локи. — Как ты узнала?

— Я твоя мать, — она шлепнула его по спине с такой силой, что он чуть не выронил рог единорога. — Мамы все знают.

— Ау, мам, — Локи выгнул спину.

— Сосредоточься, Локи, — произнесла она. — Я даю тебе восхитительное оружие, которое само выбирает хозяина, и я надеюсь, что ты заставишь его выбрать тебя.

— Что ты имеешь в виду?

— Он выбирает хозяина, который заслуживает его сил.

— Что-то не очень убедительно, мам, — ответил Локи. — Признаю, эта штука выглядит круто, и мне хочется верить, что это настоящий рог единорога, но вся эта мамба-джамба на счет выбора хозяина такое клише.

— Тогда отдавай обратно, — она потянулась за ним.

— Подожди, — Локи убрал рог от нее подальше. — ЛАДУШКИ. Беру. Должно быть ; достоин рога, раз ты принесла его мне, чтобы убить зловредную вампиршу из Скорби. Правда в том, что мне нужно что-нибудь, что поможет преодолеть мои страхи, особенно этот. Что нужно сделать, чтобы Аликорн выбрал меня?

— Во-первых, существует заклинание, которое заставляет его работать, — объяснила Бабушка. — Ты взираешь на него взглядом полным решимости и произносишь "**Ора Педора**".

Для Локи оставалось загадкой, почему все было так сложно. Если Единорог был волшебный, почему его было так сложно контролировать?

— Ора Педора..., - начал говорить Локи.

— Заклинание не сработает, пока ты не выполнишь второе условие, — произнесла Бабаушка.

— Какое?

— Тебе нужно поверить в Чанту, — строго молвила Бабушка.

— Чанту?

— Чанту, Локи, — она протянула свою костлявую руку к его сердцу. — Раньше ее называли Енчантой, но Чанта звучит лучше.

Локи подумал, что это немного странно, что его мать говорит с ним об использовании Чанты, которая оказалась, каким-то образом связанной с его сердцем.

— Чанта — это невидимая сила сердец, которая очаровывает нас. Это секрет желаний и творец чудес, — детально разъясняла Бабушка, напоминая ему манеру разговоров Чармвилля. — Это человеческая сила, которую наука не в силах объяснить. Никто не может доказать ее существования, но мы все знаем о ней.

— По-английски, пожалуйста.

Бабушка подалась вперед. Она наклонилась к его правому уху и прошептала:

— Если ты согласишься, я имею в виду, действительно согласишься и пожелаешь что-то всем сердцем, Чанта убеждает всю вселенную объединиться с тобой и помочь тебе получить то, о чем ты желаешь.

— Вся Вселенная? Даже Форкс в Сиэтле? — удивился Локи; пытаясь игнорировать тот факт, что если бы целый мир задумал сделать что-то против него, тогда его жизнь в Обычном Мире была бы жалкой. Тем не менее, он надеялся, что слова его матери были правдой. Разве это не здорово, пожелай он что-нибудь, и весь мир помог бы ему достигнуть этого?

— Весь мир на твоей стороне, Локи, — прошептала она ему на ухо. — Все что тебе нужно, это следовать за своей звездой и мир пойдет следом.

— Ты в последнее время разговаривала с Чармвиллем?

— Перестань задавать глупые вопросы и задавай правильные, — нахмурилась Бабушка.

— Правильные, по типу того, как я намереваюсь следовать за своей звездой, ты об этом говоришь?

— Когда ты научишься заботиться о других так же, как ты заботишься о самом себе, — Бабушка звучала серьезно для приведения, которое пугало других.

— Я больше ни о ком не хочу заботиться. С какой стати мне заботится об этих Минкиных?

— Ну не знаю, Локи, но я думаю, что ты все твердишь об этом, несмотря на то, что ты действительно чувствуешь в своем сердце. Не могу представить, что ты бы отвернулся от того, кто нуждается в помощи.

— Ну, если это беспомощное животное, на которых Минкины охотятся, то согласен, но никто из этих Минкиных не заслуживает моей помощи. Это не мой мир. Это лишь временно.

— Это твоя жизнь, сынок. Ты сам выберешь для себя то, что правильно. Я просто говорю, что для тебя лучше, — сказала Бабушка. — Просто обещаю тебе, что всегда будешь помнить об этом разговоре.

— Если Небесный Совет не сотрет его из моей памяти, то обещаю.

— Это мой Локо. Теперь закрой глаза, сделай глубокий вдох и пожелай чего хочешь, — настаивала она. — Убедись, что ты на самом деле этого хочешь, прежде чем озвучить.

— Я вроде как веду машину. Я не могу закрыть глаза.

— Если ты поверишь в Чанту, то все получится.

— Слушай мам, я знаю, что ты призрак и твоя жизнь тебе больше не дорога, но парни вроде меня не закрывают глаза во время вождения машины. Чанта может и подождать.

Когда Локи бросил взгляд на зеркало, его мать ушла. Иногда, когда Бабушка уходила вот так, Локи начинал думать, что у него на самом деле не было матери. Быть может, она лишь плод его воображения, который он выдумал, чтобы упростить себе жизнь в Обычном Мире. Но если она галлюцинация, что тогда делает рог единорога рядом с ним на пассажирском сиденье? Он дотронулся до него, чтобы убедиться, что он настоящий. Локи на мгновение задержал взгляд на роге, удивляясь, каким Макаром он его выберет...и окажется ли весь этот фокус-покус правдой.

— Ора Педора — прошептал Локи, словно пытался кого-то разбудить. Ничего не произошло; мертвый рог единорога лежал на сиденье.

— Ора Педора, — Локи слегка повысил голос, как обычно делают, когда пытаются разбудить того, кто не услышал в первый раз. По-прежнему, ничего не произошло.

— Ора Педора, — он выпрямил спину и заговорил как заправский волшебник из шестнадцатого века.

Ничего.

— Дерьмо, — Локи перестал возиться с Аликорном и сосредоточился на темной дороге впереди.

Кармен перестала играть музыку. Он постучал по радио рукой, но не раздалось ни звука. Словно те немногие люди, с которыми он общался в этом мире, больше не хотели с ним разговаривать, и он ощутил, как жуткое одиночество ползет по его спине. От скуки, Локи вытащил Сезам, печенье с предсказанием. Он положил его на приборную панель и спросил, куда ему ехать. Он и так знал, куда ему ехать, но ему нужно было, что Сезам убедил его еще больше. В последнее время, он доверял ему все больше.

— Подожди, — сказал он Сезаму. — Это неправильный вопрос. Мой вопрос: Должен ли я убить вампира Белоснежку? Мне действительно нужно сделать это, чтобы вернуться

домой? — Спросил Локи и разломал печенюшку.

На липкой бумажке было написано:

Убей Белоснежку.

Локи взял бумажку и начал ее жевать. Она была вкуса ванили. Хотя и немного кислая. Внезапно, радио Кармен ожило. Ведущий объявил группу под названием Воинствующие Тыквы. Их песня называлась "Нас уже ничто не остановит". Со стихами вроде этих:

***Мы отправились в путь вместе,
Вместе и навсегда,
Сейчас ничто нас не остановит.***

И так оно и было. Те же три фразы снова и снова. Впрочем, музыка поднимала настроение и была веселой. Локи подумал, что Воинствующие Тыквы намного лучше, чем Сладкие огурцы или же Крысоловы.

Несколько миль спустя, воздух снаружи наполнился холодом, и туман начал ползти по земле словно призрак. Туман был настолько плотный, что окутывал Кадиллак и дорогу впереди. Локи увидел деревянный знак справа. Он выгнул спину и прищурился, боясь потерять его из виду, из-за густого, похожего на гороховый суп, тумана.

***Добро Пожаловать в Ад.
До Скорби осталось несколько миль.***

Поезд Последствий

Локи опустил стекла и запер двери, когда Воинствующие Тыквы объявили, что перестают играть на ночь. Они сказали, что на душе становится все холодней и туманней, но они вернуться как только немного потеплеет.

— До встречи, Локи — сказал один из них по радио.

Локи не был удивлен. Это был уже не первый раз, когда один из членов группы, которая играла по радио Кармен, разговаривал с ним. Он просто хотел сосредоточиться на дороге. Туманные окрестности сочились жутким ожиданием, подобно темной лошадке в заброшенном парке аттракционов. Локи ожидал, что в любой момент кто-нибудь выпрыгнет из тумана.

— Если ты подумываешь над тем, чтобы вернуться, сейчас самое время, — сказал один из участников Воинствующих Тыкв Локи. — Похоже, что назад пути не будет.

Локи пальцем щелкнул кнопкой выключения радио.

— Последнее, что мне нужно, так это совет от мертвеца, — пробормотал он.

— Ауч, — только и успел сказать участник группы, прежде чем огни радио погрузились во тьму.

Локи продолжил путь, напоминая себе, что он Охотник за Сновидениями, и что ему полагается быть храбрым.

Минуту спустя, что-то сверкнуло в тумане. Это были огромные ворота, перекрывающие дорогу. Локи остановил Кадиллак, вытирая запотевшее от тумана окно. Ворота имели форму китовой пасти, зубы которой были похожи на вампирские клыки. Локи предположил, что вероятно это способ перебраться в Скорбь. Он удивился, как такие на вид дорожные ворота стоять прямо посреди ничего. Фигура, скрывающаяся в тени, появилась из-за ворот, казалось, словно прошла сквозь них. Она направлялась прямо к Локи. Фигура горбуна в черном смокинге, одетая в шляпу фокусника. Он выглядел как извращенная версия циркового конферансье, и остановился перед Кадиллаком. Не смотря на то, что Локи никак не мог разглядеть лицо горбуна в тумане, он заметил серебряные зубы, сияющие во тьме. Локи предположил, что карлик улыбался ему, но он удивился тому, КАКОЙ эта улыбка была. Были улыбки, и были ухмылки...последние были самыми худшими в мире. Локи зачихал рог единорога поглубже в джинсы и вышел, чтобы встретиться с чудаковатым горбуном.

— Прошу прощения, это дорога в Скорбь? — он указал на ворота.

— Как сказать, это зависит... — ответил горбун, положив руки на трость.

— Зависит от чего? — вежливо спросил Локи.

— От того, насколько сильно Вы желаете поехать туда, — ответил горбун.

— Очень сильно, — Локи нацепил на лицо "призера-двух-академических-наград" улыбку.

— Насколько сильно? — поинтересовался горбун, он издал звук, напоминающий насмешку.

Локи не собирался отвечать на этот вопрос. Все становилось абсурдным, и он просто напросто захотелось прекратить это.

— Не расслышал Вашего имени, — произнес он, отвлекаясь от глупого разговора.

— Мое имя Великолепный, — сверкнули его серебряные зубы, — Игор Великолепный.

— О, — произнес Локи. — Так Вы тот, кто позвонил мне, чтобы я приехал в Скорбь.

— Я тот, кто я есть, — хмыкнул Игор. — Вопрос в том, знаете ли Вы кто Вы такой?

Локи ничего не ответил. Это был неприятный вопрос.

— Вам не обязательно отвечать на этот вопрос, — произнес Игор. — То, что Вам необходимо знать, так это то, что китовая пасть единственный проход в Скорбь для тех, кто прибывает туда впервые.

— Это что, какая-то особая процедура для новичков?

— Что-то вроде этого.

— Звучит великолепно, — произнес Локи. — Так не могли бы Вы тогда открыть их?

— Мог бы, но есть небольшая проблемка, — ответил Игор. — Ворота не ведут напрямик к Скорби. Они ведут к Потерянной Миле, которая уже ведет к Скорби.

— Потерянная Миля? — удивился Локи. — Интересное название, для этого причина?

— На самом деле, множество, — ответил Игор. — Одна из них такова, что о Потерянной Миле знают единицы, — Игор снова хихикнул. — Другая причина заключается в том, что все те, кто находит Потерянную Милю, как правило, исчезают.

— Но ведь Вы же говорили, чтобы попасть в Скорбь, мне необходимо пересечь Потерянную Милю, что звучит так, словно ее невозможно пересечь?

— Не невозможно, всего лишь опасно, — Игор поднял палец в воздух. Его рука была настолько кривой, что Локи даже не был уверен указательный ли это палец был, средний или же большой. — Единственный способ пройти Потерянную Милю, это поехать на Поезде Последствий, — Игор указал тростью на ворота, словно фокусник, показывающий детишкам магазин игрушек.

Дорожка из кричащих огней сияла позади ворот, которые открылись сами по себе. Спирали зеленого дыма вырывались из-под сверкающего поезда. Он выглядел, словно огромный кусок алмаза. Сцена с жутким человеком, воротами и поездом с сияющими огнями и зеленым дымом напомнила Локи смешное Бродвейское шоу, которое он видел по телевизору. Китовая пасть на самом деле оказалась вокзалом. Все окна поезда были запотевшими, и Локи задумался, были ли там внутри какие-нибудь пассажиры.

— Поезд Последствий, — Локи потер подбородок.

— Если бы я был на Вашем месте, прежде чем сесть на поезд, я бы передумал, — произнес Игор. — Поезд Последствий движется силой Ваших намерений, а я сомневаюсь на счет Ваших.

— То есть Вы хотите сказать, что его топливо — это мое желание двигаться вперед? — Не смотря на то, что Игор раздражал Локи, он счел идею на счет поезда интересной.

Игор кивнул.

— Что случится, если мои намерения ослабнут на полпути в Скорбь? — спросил Локи.

— Поезд может замедлиться или даже остановиться, — ответил Игор. — И поверьте мне на слово, Вам не захочется застрять на Потерянной Миле.

— Что на счет моего Кадиллака? Каким образом он сможет перебраться со мной?

— А Вам обязательно брать Кадиллак с собой?

— Мы отчасти пара, — Локи нежно похлопал Кармен по крыше.

— В конце поезда есть пандус. Вы можете поставить ее туда, вместе с остальным грузом.

— Звучит здорово, — обрадовался Локи.

Он сел в Кадиллак и проехал через ворота, затем вверх по склону в самый конец поезда,

и припарковал Кармен внутри. Войдя в поезд, он увидел, что тот был совершенно пуст. Внутри витала обстановка восемнадцатого века: тусклое освещение, мотивы коричневого цвета и довольно устаревший интерьер. Локи прошел внутрь, чтобы занять место, замечая, что он не мог разглядеть ничего снаружи из-за конденсированного тумана на окнах. Он не потрудился протереть окно; все, чего он хотел, так это чтобы поезд тронулся от этой причудливой интермедии и отвез его в Скорбь.

Игор снова появился уже внутри поезда. Оказавшись теперь значительно ближе, Локи разглядел, что Игор был слеп. Он пользовался тростью, чтобы пройти через проход. Приглядевшись получше, Локи увидел, что у него было три глаза: два на месте и один посреди лба. Игор был благословлен третьим глазом, на один больше, чем у большинства обычных людей, но проклят тем, что все три глаза были слепы, что конечно же было хуже, чем у большинства людей. Локи не хотелось комментировать. Чармвилль рассказывал ему, что Скорбь — это особое место, но он никогда не упоминал, что оно некая разновидность цирка уродов.

— Билеты, пожалуйста, — сказал Игор Локи.

— Какие еще билеты? Вы ничего не говорили о билетах. Разве Вы не упоминали о том, что поезд движим силой желания?

— Да, так и есть, но я никогда не говорил, что это бесплатно. Вы когда-нибудь ездили не расплатившись? — спросил Игор. — Все в Скорби имеет цену.

— Расскажите мне об этом, — ответил Локи, припоминая, как он убивал вампиров, чтобы платить за учебу в, и цену, которую он заплатил за любовь к демонице. Проблема была в том, что Локи был без единого гроша в кармане....он рассчитывал на Совет или на Люси, которая заплатит ему аванс.

— Вижу, у Вас нет денег, — произнес Игор, и его три слеповатых глаза сверкнули.

— Это вы, верно, подметили, — кивнул Локи.

— Это хорошо, — обрадовался Игор. — Цена за проезд на Поезде Последствий не выплачивается зелеными купюрами или серебряными монетами.

— Правда? У вас что, какая-то другая валюта?

— Вы платите лишь за последствия, — ответил Игор. — Ведь это же Поезд Последствий. Верно?

Локи ничего не ответил. *Чем дальше, тем страшнее.*

— Вы просто должны согласиться с поездкой на поезде и принять все последствия, которые за этим последуют, — с гордостью пояснил Игор.

Со всей присущей элегантностью, все что сообщил Игор прозвенело тревожным звоночком. В конце концов, Локи придется заплатить за последствия, связанные со входом в Скорбь. Либо ему удастся убить вампира-принцессу и отправиться домой, либо потерпеть неудачу и остаться здесь.

— Принимается, — кивнул Локи.

— Тогда договорились, — Игор отвернулся.

Неохотно, Локи закрыл глаза, чтобы использовать силу своего желания, дабы заставить поезд двигаться вперед. Его сердце пропустило удар, когда поезд медленно начал двигаться.

— Видишь, я же тебе говорил, — произнес Игор, стоя рядом с соседним креслом, шепча кому-то, кого Локи не видел.

— С кем Вы говорите, Игор? — поинтересовался Локи, когда поезд набрал полную скорость.

— Просто проверяю билеты у еще одного пассажира, — ответил Игор, по-прежнему не оборачиваясь, — такого же первого встречного, как и Вы.

— Но здесь ведь нет пассажиров, кроме меня, — произнес Локи, оборачиваясь, чтобы увидеть, вдруг он упустил пассажира.

— О, Вы ошибаетесь, — Игор посмотрел на Локи в ответ. Его серебряный зуб сверкнул, и у Локи по спине побежали мурашки.

Сперва, Локи подумалось, что неплохо было бы оттереть окно от тумана и поглядеть на Потерянную Милю. Не смотря на то, что ему было любопытно, он не стал этого делать. Он сказал самому себе, что нет нужды знать об этом, потому что, не смотря на то, какие бы секреты город не хранил, ему не хотелось в них ввязываться. Кроме того, он не был готов к тому, что таилось за подернутыми инеем окнами. Он откинул голову и закрыл глаза, желая, чтобы эта поездка поскорее окончилась.

Полтора часа спустя, Поезд Последствий остановился. Локи вернулся к своему Кадиллаку и выехал на нем на пандус.

— Почти на месте, — снова появился Игор со своей раздражающей ухмылочкой на лице.

— Почти? — Локи высунул голову из окна. Нечто в воздухе, которым дышал Локи, подсказывало ему, что он уже оставил Обычный Мир позади и в каком-то скверном смысле, он чувствовал себя хорошо.

— Все, что Вам сейчас нужно делать, так это следовать Дорогой Алого Снега, — произнес Игор, опустив подбородок на трость, затем подмигнул, глядя на дорогу впереди.

Проследив за взглядом Игор, Локи увидел дорогу, покрытую толстым слоем белого снега.

— Почему она называется Дорогой Алого Снега? — любопытствовал Локи.

Ответ пришел быстрее, нежели он мог ожидать. С неба начал падать красный снег, снежинки ложились на Кадиллак, оставляя следы маслянистой жидкости на стекле, медленно съезжающей вниз, оставляя тонкие ниточки красно-бурых пятен, которые складывались в слова. Они гласили:

Добро Пожаловать в Скорбь.

К Западу от Солнца, к Востоку от Луны.

Локи потер глаза, чтобы убедиться, что ему это не мерещиться, но все слова куда-то исчезли, оставляя следы размытых кривых линий на лобовом стекле. Снежинки падали на крышу Кадиллака, подобно стуку дятла по дереву. Снежинки замедлились, почти зависнув в воздухе, словно пушинки...,которые люди прозвали пылью...,парящей в воздухе лишь в солнечный день. Оглядываясь назад на Игор, Локи увидел, как тот наклонил голову и позволил снежинке упасть ему в рот.

— Вкуснятина, — хмыкнув, заявил Игор, облизывая красноватые губы. — У этой вкус клубники.

Локи приподнял бровь. Красный снег был похож на капли крови, которая забрызгала лицо Игор, но, возможно, это было то, что для Игор Великолепного было похоже на клубнику.

— О, а у этой вкус вишни, — Игор протянул руку Локи, словно приглашая его испробовать мороженое. — Ты хоть представляешь, что означает красный снег? — теперь Игор выглядел слегка взволнованным. — Это значит, что *ОНА* развлекается.

— *ОНА*?

— *Та*, кто живет в замке, — ответил Игор. — Когда Белоснежка кормится, снег в Скорби окрашивается в красный.

— Как ей это удастся? — удивился Локи. Он все еще не мог уразуметь, почему все называли вампиршу, которую его послали убить, Белоснежкой, и думал, что все это полный вздор.

— Вот где таинство лжи, — лишь ответил Игор. — Быть может, она посылает нам некое предупреждение, чтобы держать нас всех в узде и напомнить о том, что все мы можем стать следующей жертвой. Разве по телефону я не упоминал, что это будет нелегкая работенка? Езжай в Скорбь по Дороге Алого Снега, — указал вперед Игор.

— Так значит Дорога Алого Снега, — вздохнул Локи, глядя на дорогу. — Знаю, что она будет недолгой, но думаю, мне будет Вас не хватать, Игор. Не забывайте писать, — произнес Локи, регулируя зеркало заднего вида и проверяя прическу. Он направил свою Кадиллак напрямик в ночь, мысленно подготавливая себя к убийству принцессы-вампириши.

Было уже за полночь, когда он выехал на улочки Скорби, которая на удивление выглядела совершенно нормальным городком. Было так тихо, что Локи расслышал жужжание мухи, гудевшей в лапах фиолетового сияния флуоресцентного фонаря. Красный снег прекратился.

— Полагаю, она уже закончила свою трапезу, — произнес Локи, постукивая по рулю, — приятного аппетита, принцесса.

В глубине города, большинство улочек были извилистыми, устремляясь вверх и вниз, словно крутые холмы, что Локи редко встречалось ранее. По-прежнему, со всеми взлетами и падениями, Локи разглядел вершины двух башенок, выглядывающих из-за холмов. Башни были невероятно высокими, почти касаясь полуночных облаков. Локи подумал, что, должно быть, они принадлежат замку, где жила принцесса, но сколько бы улиц он не проезжал, они по-прежнему находились далеко, словно меняли свое местоположение или что-то вроде этого. Все эти петляющие улочки вызвали у него ощущение того, что он плутал по лабиринту на машине. Летающая газета приземлилась на лобовое стекло Кадиллака. Она хлопала по стеклу краями, словно птичка крылышками. Локи смог прочесть заголовок, написанный по-настоящему большими буквами:

Добро пожаловать в Скорбь.

— Добро пожаловать мне, а я уже начал было беспокоиться, — пробормотал Локи,

наклоняясь и читая дату на газете. 26 Июля, 1812 года, прочел он; что вовсе не имело смысла. У него было достаточно времени, чтобы убедиться, что он прочел дату правильно, потому что газета улетела, словно птица, размахивая крыльями в воздухе. — Все в порядке, Локи. Это всего лишь летающая газета. Не о чем волноваться, — пробормотал он. — Надо будет потом напомнить себе, рассказать об этом Пиквику.

Локи заметил, что Кармен до сих пор не играла музыку, что означало, что она до сих пор была напугана. Он задумался о том, чтобы позвонить Люси, и спросить ее как проехать в замок, или, быть может, спросить ее о местонахождении какого-нибудь кладбища животных, на котором он смог бы поспать, но он все же решил, что для звонков было поздновато. Он снова прочел визитку, которую дала ему Люси. На обороте был нацарапан адрес: *Средняя школа имени Румпельштейна*. Он не мог не задаться вопросом, принадлежала ли эта школа семье Люси. Адрес гласил: *1821, Соломенная улица Нефелима*, но Локи не у кого было спросить дорогу. Он предположил, что люди в Скорби спать ложатся рано, и решил поездить по округе, чтобы найти школьную стоянку, на которой он мог бы поспать....., быть может, если бы на него снова напала какая-нибудь старушка и попыталась ударить его сковородкой, у него бы появился предлог получше, чтобы позвонить Люси.

Локи расслышал слабое гудение голосов на пустынных улицах, но никого не было видно. Однако в этих невидимых голосах было нечто непреодолимое, и это лишь разожгло его любопытство. Внимательно прислушавшись, он услышал пение детей где-то далеко. Локи склонился над рулем, силясь разобрать слова слабо доносившейся песенки. Это определенно были дети; по большей части девчушки, подумал он, но он так и не узнал песенку. Он попытался отвлечь себя чтением вывесок магазинчиков, разбросанных там и тут. На глаза попала ресторанная вывеска. Он назывался **Пузатая и Чудовище**.

— Я уже проголодался, — произнес он, когда до него снова донеслись поющие голоса.

Он удивился, что дети делали на улицах, когда все уже давным-давно спали. Быть может, они репетировали хором? Пение сопровождалось стуком обуви. Он раздавался из узкой боковой улочки, которые были несколько темнее, хоть и освещались мерцающими фонарями. Исследовать узкие улочки было плохой идеей. Локи больше всего страшило то, чего он не мог увидеть. Они напугали его, хотя он знал, что это, как правило, всего лишь плод его воображения. Голоса становились громче. Локи удивился тому, что они приближались. Он не смог разобрать слов, но это было что-то вроде:

Раз, два, Бла, бла, бла.

Три, четыре, Та — та — та.

Любопытство Локи достигло своего пика. Он начал искать детей, прыгающих на скакалке. С чего бы детям прыгать на скакалке среди ночи?

Три, четыре, Стуки по полу.

Пять, шесть, Клик, клик, клик.

Вместо того, чтобы устанавливать местонахождение детей, Локи обнаружил, что припарковался перед стоянкой Средней школы имени Румпельштейна. Это было весьма странное совпадение, но, тем не менее, он припарковал Кармен, забывая о пении девочек. Ему нужно было поспать, поэтому он закрыл окна, запер двери, откинулся на сиденье и в обнимку с рогом единорога приготовился видеть сны всю ночь напролет.

Час спустя, Локи открыл глаза, услышав голоса снаружи Кадиллака. Он подумал, что это были белки или коты, пытающиеся поговорить с ним, но это были не они. Он слишком устал, чтобы сидеть и выглядывать наружу...даже немного взволнован. Это было пение детей. Голоса звучали настолько близко, что могли бы постучать ему в окно, но он решил забыть о них. Если он выглянет наружу и не найдет их, он свихнется и будет искать их всю ночь напролет. Если увидит их, нет никакой уверенности в том, чего они хотят от него. А он уже и так получил свою порцию мурашек на эту ночь. Локи начал считать овец в ночном небе, готовясь ко сну и к тому, чтобы прохрапеть всю ночь. Он представил себе овец, резвящихся на зеленом Небесном поле, издающих счастливые звуки: бее, бее. Это был прекрасный образ, и он пожелал, чтоб он оказался правдивым. Он подумал о том, что не возражал бы быть овцой, до тех пор, пока не будет помилован и ему не позволено будет вернуться домой. Когда он задремал, он увидел двух черных овец, которых избегали остальные овцы. Немного погодя, он обнаружил, что он был одной из овец, но он уже крепко спал, прежде чем успел разглядеть, кто был второй овцой. Пока он похрапывал во сне, детская песенка проскользнула в его сон. Теперь, он, наконец-то, смог расслышать слова, в то время как детишки отбивали ножками в такт:

*Белоснежка раз, Белоснежка два.
Вот и Скорбь за тобой пришла.
Белоснежка три, Белоснежка четыре,
Ночью темной запирайтесь в квартире.
Белоснежка пять, Белоснежка шесть,
Губы алые похожи на грех.
Белоснежка семь, Белоснежка восемь,
снег бел, не гуляй вечером поздним.
Белоснежка девять, Белоснежка десять,
Чары прошлого развеяны ею.*

Средняя школа Румпельштейн

Этим утром Локи проснулся от стука в окно своего Кадиллака.

— Ты что, поешь во сне? — спросила Люси, прижимаясь носом к окну снаружи, ее лицо загораживало солнце.

Локи выпрямился на сиденье с сонными глазами, пытаясь смахнуть ее нос со стекла. Люси отпрыгнула, когда он опустил скрипучее стекло.

— Тебе тоже доброго утра, — ответил Локи, вытягивая шею, чтобы осмотреть парковку. Она расцвела от изобилия машин и учеников, и казалась совершенно обычной при солнечном свете. — Я пел? Что я пел? — удивился он, прикрыв один глаз, а другим прищуриваясь от солнца. — Что творится с погодой в Скорби? — прошептал он себе под нос сонно.

— Какой-то глупый стишок, — уточнила Люси.

Ее лицо лучилось энергией, а ее светлые волосы были удивительно длинными, что доставали до пояса. Даже теперь, Люси не казалась одетой для школы. Она выглядела так, словно собиралась пойти на еще одну вечеринку. Локи пришла в голову мысль, что девушка демон, в которую прежде он был влюблен, выглядела такой же красивой как и она.

— Ты напевал что-то вроде: Раз-два, я люблю тебя. Словно детская считалочка, знаешь? А еще ты храпел. Ненавижу парней, которые храпят, — добавила Люси.

Я напевал песенку, которую слышал от невидимых маленьких девочек?

— Кто сказал, что я хочу, чтоб ты меня любила? — Локи потер глаза обеими руками. — Кроме того, не обвиняй парня, который приехал из местечка под названием Храп, когда он храпит. Это что-то вроде нашего национального гимна.

— Разве все люди в Храпе выглядят такими напуганными во сне? Много кошмаров? — она сложила руки перед собой.

— Я — Охотник за Сновидениями. Я ем кошмары на обед, — ответил Локи, проводя рукой по волосам, глядя в зеркало заднего вида.

— День назад, я бы одолжила тебе свою расческу, просто чтобы попытаться произвести впечатление на твои зеленые глазищи, — ответила Люси.

Локи не ответил. Он знал, что Люси была избалованным ребенком и разочаровалась в нем, после неудачной попытки убить Придурка Дракулу. Он занялся огромной дырой на носке, пытаясь запихать его в обувь.

— У тебя что, дыра на носке? — Люси вскрикнула, словно увидела таракана, выползающего из носка.

— Расслабься, это просто мой палец говорит тебе "доброе утро", — ответил Локи, поднимая его повыше.

Люси наклонилась и прошептала ему на ухо:

— Мы оба знаем, что ты самый отстойный охотник на вампиров в мире, так что побереги свое тайное оружие. А если ты недостаточно хорош для меня, пока ты находишься в школе моего отца, я клянусь, я....

— Ух ты, — Локи поднялся, заставляя ее сделать шаг назад. — Думаю, мы неудачно начали. Давай забудем о той ночи на вечеринке и начнем все заново, как тебе? — Локи улыбнулся и протянул руку. — Меня зовут Локи Блекстар, и я здесь за тем, чтобы спасти ваш

город. Большое спасибо.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Люси не приняла его руки, поэтому Локи отстранившись, начал потягивать руки и ноги прямо на парковке. Пара девчонок, проходивших мимо, прижимающих к груди книжки, захихикали, бросая на него взгляды через плечо.

— Может кому-нибудь утренней аэробики? — пробормотал Локи, не оглядываясь.

Они могут оказаться демоницами, Локи. Помнишь Пиппи Лавбаг? Сохраняй спокойствие, пока не убьешь принцессу-вампиру.

— Так значит, ты ничего не знаешь о маленьких девочках, которые распевают жуткие песенки в Скорби по ночам, я полагаю, — спросил Локи у Люси.

— Каких еще девочек?

— Так и знал. Не бери в голову. Как на счет Поезда Последствий? — Локи предположил, что она никогда о таком не слышала, и он сомневался, что остальные были в курсе тех сумасшедших причуд, что он повидал прошлой ночью.

— Какой-какой поезд? — удивилась Люси.

Прежде чем он успел объяснить, земля под ногами заурчала. Все началось со слабого гула, который был похож на гигантскую отрыжку под землей, а затем гул перерос в грохот. Глаза Локи широко распахнулись. Подростки остановились, но никто из них не казался удивленным. По ощущениям, землетрясение должно было начаться, но словно передумало. Когда оно прекратилось, все вернулись к своим делам, будто бы все было в порядке.

— Фух, — выдохнул Локи, замечая, как Люси потешалась над испуганным выражением его лица.

— Ты такой простофиля, — рассмеялась она.

— Я что, единственный, кого обеспокоило землетрясение, которое только что произошло?

— Потому что такое происходит каждый день, — отмахнулась Люси. — Мы же на острове. Такое случается почти каждый день, в любое время суток. Теперь, иди за мной, — она подала ему сигнал, словно он был ее личный дворецкий. — Мой папаша оставил тебе что-то в офисе.

— Оставил мне что-то? Разве я с ним не встречусь?

— Он очень занят; так занят, что я его почти не вижу, — бросила Люси, не оборачиваясь.

Локи закрыл дверь машины пинком, и последовал за ней следом в среднюю школу имени Румпельштейна. Люси была невероятно популярна, махая друзьям ручкой и давая остальным пять, пока они шли по коридору. Локи подумал, что если он все-таки окажется тем, кто спасет город, вся слава все равно досталась бы Люси.

Школа явно отличалась от той школы, которую Локи представлял себе в Аду. Он представлял ее себе полной волшебников, ведьм, вампиров, оборотней, призраков и прочей нечисти. Он представлял себе паутину на окнах; кровь, размазанную по стенам, учителей с рогами и огромными вилами, и девушек, которые пьют кровь у бывших парней и размазывают ее по губам, словно губную помаду, забавы ради. Средняя школа имени Румпельштейна была далека от этого. Это была нормальная американская школа, похожая на ту, что была в Храпе, только казалась далеко не такой скучной.

— Ты всегда одеваешься в школу как на свидание? — продолжил разговор Локи, пока они направлялись к офису ее отца.

— Не всегда, но сегодня я иду на свидание, сразу после того как передам тебе пакет от моего отца.

— У тебя есть парень? — спросил Локи.

— Постоянный парень? Едва ли. Парни — это временное, но этот мне нравится. Он гораздо лучше того, который у меня был в прошлом месяце.

— Прошлом месяце? Я знаком с людьми, которые свое нижнее белье не так часто меняют.

— И он не из футбольной команды, — похвасталась Люси. — Я не встречаюсь с парнями из школы. Они скучные, предсказуемые и слишком сильно драматизируют, когда мы расстаемся. Мне нравится, когда мои мальчики аутсайдеры во всех смыслах этого слова, и когда они старше.

Люси остановилась у офиса и открыла дверь. Локи остался стоять в пороге, когда она вошла и взяла со стола конверт.

— Держи, — она протянула Локи конверт. — Здесь твое вознаграждение.

— Уомблс! Спасибо, — Локи принял конверт, даже не открывая его. Он не хотел выглядеть жалким и жадным. Тем не менее, конверт был толстым и заманчивым, наводя на мысли об аренде комнаты и о том, чтобы он смог просто выспаться на настоящей кровати. — Мне начинает нравиться твой папашка.

— Сомневаюсь, что тебе удастся с ним встретиться, — заметила Люси. — В любом случае, мне пора на встречу со своим бойфрендом.

— погоди, — сказал Локи. — И это все? Разве ты не собираешься рассказать мне побольше о принцессе-вампирише, где она живет и как я смогу ее найти?

— Да нечего рассказывать, Локи, — ответила Люси. — Она живет в замке в Черном Лесу, том самом, чьи башенки ты видел при въезде в Скорбь. Ты отправляешься туда и убиваешь ее, если, конечно же, ты готов к работе. Удачи, красавчик. Тебе ее много понадобится.

Люси оставила Локи в оцепенении прямо посреди коридора. Он подумал о том, что это было немного странно, что никто из членов Городского Совета не пришел поприветствовать его.

— О, и еще кое-что, — Люси обернулась. — У тебя есть всего лишь шесть дней, чтобы выполнить работу.

— Одна неделя? — произнес Локи. Локи задался вопросом, а было ли это чистым совпадением. Это было невозможно, что Люси знала сроки установленные Небесным Советом.

— Тогда-то и прибудет новый директор школы, — ответила Люси. — Я слышала, что она — человек дисциплины, и Городской Совет с нетерпением ждет сотрудничества с нею. Она предоставит тебе бесплатный год обучения в средней школе имени Румпельштейна, если ты убьешь принцессу-вампиришу.

— Что общего между новым директором и принцессой-вампиришей? — Локи поднялся на цыпочки, чтобы разглядеть Люси в растущей толпе коридора. При упоминании о принцессе, множество лиц повернулось к нему.

— Она единственная потребовала, чтобы принцесса была убита перед ее приездом и тогда она начнет работу, — ответила Люси, больше он ничего не смог расслышать, когда она скрылась в толпе.

Локи убежал от вытаращенных на него взглядов, удивляясь, почему ученики

заинтересовались им, когда он упомянул принцессу-вампиришу. Он медленно шел по коридору, и подумал о том, чтобы осмотреть его. С доски объявлений на него смотрел неприятный рисунок молодой принцессы-вампириши с окровавленными губами. У нее были красные глаза, татуированные руки, черные волосы и она была очень бледна. Это было похоже на сокровенный фан-арт незримой Белоснежки. Это не была Диснеевская Белоснежка, которую обожали девчушки, когда были малыши. Эта была неприятной особой с клыков которой текли слюни. Рисунок был творческим, жутко забавным и абсолютно ужасным. Локи забавляла эта версия Белоснежки; губы алые, словно кровь; кожа белая, словно снег; описание обыграло идею того, что она вампир, не такой уж надуманной. Но Локи тут же подумал, что эта идея была просто глупой. Его всегда одолевали противоречивые мысли. Она никак не могла быть вампиром, кроме того, Белоснежка не могла быть настоящей, в первую очередь, это был просто книжный персонаж.

Сделав пару шагов, Локи заметил немалое количество других рисунков, картинок, фотошопа и сфабрикованных портретов принцессы-вампириши и ее замка. На доске висели объявления о форумах в Интернете, в которых требовалось членство, чтобы обсуждать вампира Белоснежку...заметный форум под названием **Харум Скарум**, казалось, пользовался популярностью среди студентов. На нем были даже номера фиктивных охотников на вампиров, которые утверждали, что знают как убить ее. Тут и там стояли детишки, продающие чеснок, серебряные кресты и подвески, способные отпугнуть принцессу-вампиришу. Всевозможные самодельные карты на доске объявления от людей, которые клялись, что бывали в самом замке. Казалось, Черный Лес, был своего рода мозговым лабиринтом, в котором люди терялись и не возвращались никогда. Попадались люди, продающие хрустальные гробы и магические зеркала, словно дорогие сувениры, утверждая, что прихватили их из замка. Кое-кто даже продавал билеты на маскарадную вечеринку на следующей неделе, на которую девушки должны были прийти одевшись Белоснежками, а парни — Прекрасными Принцами с клыками. Городок Скорбь видимо был помешан на принцессе- вампирише. Должно быть, поэтому ученики косились на Локи.

— Те, на кого она положила глаз, — раздался голос за спиной Локи. — Долго не живут, чтобы рассказывать об этом.

Локи обернулся. Он увидел паренька, чье лицо было скрыто под фиолетовым капюшоном. Он жевал сэндвич и глядел на доску объявлений.

— Извини? — поинтересовался Локи.

— Это известная поговорка в Скорби, — ответил парнишка. — Тот, на кого принцесса положила глаз, мгновенно проклят, и не важно, что он будет делать, смерти ему не избежать.

— О, — Локи пожал плечами.

— Неудивительно, что ни один охотник на вампиров не смог убить ее. Единственный способ сделать это, это не попасть в поле ее зрения. Должно быть, они не знали об этой маленькой уловке.

— Откуда ты это узнал, не возражаешь, если поинтересуюсь? — спросил Локи.

— У меня свои секретные источники, — ответил парнишка, пока Локи подумывал над тем, чтобы заглянуть под капюшон, дабы разглядеть лицо мальчишки. Даже не смотря на то, что парень говорил так, словно он был неким существом, Локи ощутил, что он подделывает свой голос. — Ты слышал, что я сказал, Локи Блекстар? — спросил парень, все еще прячась под капюшоном и глядя на доску объявлений.

— Откуда ты знаешь мое имя? — спросил Локи.

— Мы все знаем, и мы знаем, что ты здесь за тем, чтобы убить *ЕЕ*, — ответил парень с набитым ртом. — Мы желаем тебе удачи, — парень аж застонал от вкуса сэндвича. Словно он не мог перестать есть. Он сунул в руку Локи остаток сэндвича. — Бургеры из Шкуры Осла — лучшие в городе.

Парень ушел, оставив у Локи в руке жирный недоеденный гамбургер. Он пах хорошо. Локи не удержался и поднес его ближе к носу.

— Бургер из Шкуры Осла? — пробормотал Локи. — Что за урод, — он выбросил сэндвич в мусорку рядом с ним.

Когда он повернулся, коридор оказался пуст. Или же все разошлись по классам, или же школа была призрачной. Локи решил, что в школе он уже повидал достаточное количество людей. Он планировал арендовать лучшую комнату, какую только сможет и самую удобную кровать, о которой он всегда мечтал, поспать немного, а затем порасспрашивать в округе, чтобы узнать дорогу к Черному Лесу. Локи направился к своему Кадиллаку, не способный изгнать из своей головы образ удобной кровати в пятизвездочном отеле...он даже представил вкусную еду и горячий душ. Он задался вопросом, а были ли в Скорби пятизвездочные отели...если да, то будет ли его преследовать жуткое пение девочек и там? Когда Локи приблизился к своему Кадиллаку, он услышал, как со стоянки его по имени окликнул скрипучий голос. Он уже стал знаменит? Быть может, уже весь город знал о нем, потому как он здесь, чтобы спасти их от принцессы-вампириши. Локи обернулся, ища глазами зовущего. Он увидел пару огромных парней, которые издевались над учеником прямо посреди стоянки. Никто не вмешивался. Фактически, большинство студентов наблюдали из холла и смеялись над низкорослым придурком, который извивался между двух качков. Сцена напомнила Локи Донни Сверчка-Убийцу, Пчелу- Хулигана и Жука-Разрушителя из Обычного Мира.

Держись подальше, Локи. Ты здесь не за тем, чтобы спасти чью-то задницу, пусть даже незнакомец зовет тебя по имени. Спасайся сам.

Но слова Бабушки снова возникли у него в голове. Он вспомнил их разговор по пути в Скорбь, когда она сказала ему, что не может представить, как он отворачивается от кого-то, кому нужна помощь.

Я спасаю лишь белок и остальных животных, мам. Мне не нравятся все эти Минкины. С чего мне о них заботиться? Воображаемая пощечина, сделанная рукой Бабушки, опустилась на лицо Локи, но это не тронуло его, и он повернулся, чтобы открыть дверь своего Кадиллака.

— У меня свои проблемы, — пробормотал Локи себе под нос. — Я не герой. Мне пятнадцать с небольшим лет, я ищу дорогу домой и удобную кровать, чтоб поспать, — Локи забрался в машину, и начал поднимать скрипучее стекло, чтобы не слышать голоса, который выкрикивал его имя. Тем не менее, каждый скрип пронзал его совесть виной.

Прежде чем завести Кармен, Локи ощутил нечто в заднем кармане джинсов. Это была книга, которую Чармвилль отдал ему. Держа ее в руке, он внезапно засомневался, бросали ли Охотники за Сновидениями людей, которые нуждались в помощи. Правда была в том, что Охотники за Сновидениями убивали Дессмертных во сне, но что-то подсказывало ему, что они были героическим народом, который помогал нуждающимся. Его мысли были прерваны радио Кармен, которое начало петь. И снова это были Воинствующие Тыквы, и один из них играл незамысловатую песню на акустической гитаре. Она представляла нечто подобное:

*Локи, Локи, ужасный обман,
Брось его, пусть поплачет мальчуган.
Когда по имени его кричат,
Локи говорит, что он не виноват.
Локи, Локи, ужасный обман,
Брось его, прощай, мальчуган.*

— ЛАДНЕНЬКО, — Локи ударил кулаком по приборной панели. — Понял!

Он открыл окно и бросил последний взгляд на двоих звероподобных подростков, которые были в два раза больше его. Он пожал плечами и открыл дверь, направляясь к ним.

— Что ты вытворяешь? — зашипели на Локи две девушки, прижимая к груди книги. — Никто не связывается с Плохишом и Пошляком.

— Кто такие Плохиш и Пошляк? — остановился Локки.

— Пошляк — это тот парень, с серьгой в ухе, Плохиш — это тот качок, — объяснила одна из девушек. — Они называют себя Бульвардами. Никто с ними не связывается.

— Они играют в "Свинью или Овцу" с беднягой, — ответила другая девушка. — Они будут продолжать издеваться над ним, пока он не сознается в том, что он свинья или овца. Если он признает себя свиньей, они засунут его в мусорку и продолжат свое буйство. Если он признает себя овцой, они начнут охотиться за ними кусать, в качестве наказания.

— Локи! Помоги! — закричал парнишка, когда протянул руку из подмышки Плохиша, глядя в его сторону. Плохиш и Пошляк повернули головы к Локи. Было поздно идти на попятную.

— Как считаете, кого из них мне избить первым? — поинтересовался Локи у девушек, его взгляд остановился на огромной грудной клетке Плохиша. Словно внутри сидел кто-то еще, "Большой или Плохой?"

Девушки захихикали, когда Локи все же неохотно двинулся к Бульвардам, которые уставились на него с презрением. Чем ближе он подходил, тем тоньше и короче он себя чувствовал; в противовес жестокие ухмылки стали шире. Он никогда не видел такого выражения на чьем-либо лице, даже у Донни Сверчка-Убийцы.

— Здрасьте, — небрежно махнул рукой Локи, словно он прогуливался по парку. Он собрался улыбнуться им своей фальшивой улыбкой, но потом вспомнил, что Чармвилль говорил ему о том, что в Скорби он сможет быть тем, кем хочет. Образы Донни Сверчка-Убийцы и других охотников за вампирами промелькнули у него перед глазами. Для парня, которому было запрещено драться с хулиганами и остальными, это была хорошая возможность изменить...если конечно Чармвилль был прав в своих словах.

Бульварды стояли всего лишь в футе от него, но этот фут показался ему милями. Уже подойдя ближе, Локи увидел парня и понял, что это был тот самый парень в фиолетовой толстовке и с бургером из Ослиной Шкуры. Его фиолетовая толстовка валялась в грязи, покрытая пылью и отпечатками ботинок.

— Что-то потерял? — прорычал Пошляк, стискивая шею мальчишки своей гигантской ручищей. Он выглядел почти на двадцать, весь покрытый татуировками и слишком взрослый для школы.

— На самом деле, это даже смешно, меня привел сюда запах, — Локи закрыл нос рукой, пряча в ней Магическую Пыль. — Фу, вы что, ребята, сегодня ели?

Зеваки засмеялись, но тут же прекратили, когда Пошляк оглянулся на их смех.

— Ты что, смеешься надо мной, — усмехнулся Пошляк, сильнее сжимая мальчишескую шею, чье лицо уже посинело и язык вывалился из открытого рта.

— Да не приведи Бог, — ответил Локи. — Я смеюсь над ним, — Локи ткнул пальцем в Плохиша.

Все на стоянке затаили дыхание. Локи засомневался в своей выходке на секунду, но блин, так здорово было прикалываться над этими хулиганами, даже если означало, что он мог закончить игрой в "Свинью или Овцу"...над ним достаточно поиздевались друзья Донни в Храпе и вряд ли это остановило бы его от высмеивания их. Словно грязное белье, они вешали его за куртку на дверь классной комнаты, и он ничего не мог поделать с этим.

В то же мгновение, Плохиш потянул за рубашку Локи и одной рукой поднял его в воздух, напоминая ему о былых днях грязного белья.

— Ты уже подрост, чтобы нас оскорблять? — загоготал Плохиш. Ему было около восемнадцати, с красной воспаленной кожей и дурацкой стрижкой под Элвиса.

— Довольно молод, чтобы заниматься этим и довольно взрослый, чтобы делать это правильно, — ответил Локи, задыхаясь в воздухе.

Пара студентов заржали, прячась в толпе. Пошляк швырнул мальчишку на землю и пнул подальше, прежде чем схватить Локи за ноги и поднять его вверх тормашками. Локи подумал, что это ужасный способ умереть, смятым, словно жирный сэндвич, между этими двумя.

— Вау, — произнес Локи. — Мне жаль, ребята. Должен признать, что мне не стоило обижать вас. Мне, правда, очень жаль. Если вы просто опустите меня вниз, я заглажу свою вину.

Плохиш и Пошляк опустили его, громко рассмеявшись посреди стоянки. Их голоса были настолько пугающими, что ученики сделали шаг назад.

— Ну не знаю, чувак, — сказал Плохиш Пошляку, снова рассмеявшись над тем, каким трусливым оказался Локи. Пока он смеялся, мускулы на него груди дергались в такт, вверх и вниз, вниз и вверх, словно пузыри на болоте. — Этот ни Свинья, ни Овца. Он уже раздавленный жук.

— Думаю, мы неудачно начали, — Локи поправил рубашку. — Давайте повеселимся и начнем все сначала. Прошу прощения, что не представился должным образом, — он протянул руку.

— Так назовись, — предложил Плохиш.

— Я — Локи Блекстар, — улыбнулся Локи. — И я здесь, чтобы надрать ваши задницы.

Локи сделал шаг вперед и приблизился к Плохишу, быстрым кошачьим движением, он дунул Магической Пылью ему в лицо. У Плохиша закружилась голова. Локи ударил его кулаков в лицо, прежде чем он свалился на землю, как мешок с картошкой. Кулак Локи отозвался болью, но он повернулся и дунул Магической Пылью в лицо Пошляка, ударил его и стал смотреть, как этот малыш завалился на землю. Все на стоянке начали кричать "УХУУУУУ!" Все они видели лишь как Локи ударил парней; никто не понял, что он дунул Магическую Пыль им в лицо. Они даже не подозревали о существовании такой штуки. Парень схватил кулаки Локи и начал изучать их на предмет сверхъестественных способностей, пока девочки хлопали и визжали. Он ощущал себя хорошо, будучи героем парковки. Впервые в истории, жизнь не была дерьмом, и Локи гордо вернулся к своей машине.

— погоди! — крикнул мальчишка. — Не подбросишь меня домой?

— Я езжу один, — ответил Локи не оборачиваясь.

— Пожалуйста? — парень протянул Локи руку. — Если остальные Бульварды увидят, что случилось с Плохишом и Пошляком, они постараются, чтобы я не ушел без единой царапины от их друзей. Мне нужно свалить отсюда.

— ЛАДНО. Понял. Залезай. Так и быть, подвезу.

Мальчишка плюхнулся на пассажирское сиденье и протянул руку:

— Я — Аксель, — произнес он. — И я здесь не для того, чтобы надрать твою задницу, — пошутил он.

Локи пожал руку Акселю и подумал, что тот без капюшона выглядел довольно приличным мальчишкой; милые черты, натуральные волосы ежиком и веснушки на лице, этакая ботанская версия Маколея Калкина, только слегка полноватого.

Локи пинком завел Кадиллак. Радио заиграло еще одну быструю песню Воинствующих Тыкв, которая была о героях, спасающих мир. Люси подошла, помахав Локи, ее длинные волосы развивались на ветру. Будь прокляты эти длинные, красивые волосы. Должно быть, она слышала грохот на стоянке и теперь гадала, что произошло. Сидя на пассажирском сиденье, Аксель не удержавшись, открыл рот, глядя на Люси, чья улыбка разбивала сердца, прямо как у вечносчастливых милых танцующих девчушек из Манги или Анимэ. Люси была не одна. Из-за ее спины вынырнула мускулистая фигура с устаревшей стрижкой под Элвиса, длинными бакенбардами и черной кожаной куртке. Аксель, словно щенок начал пускать слюни. Локи поела зависть, когда Люси взяла парня за руку.

— Привет, — крикнула Люси, заглядывая в окно.

— И тебе привет, — Перебил ее Аксель, наклоняя голову.

— Ты уже нашел себе друзей? — поинтересовалась она у Локи, который испепелял бешеным взглядом Акселя, словно тот был некой разновидностью забавного гномика или недооцененного Гремлина. Алекс проглотил невидимый огненный шар и промолчал. — Почему ты все еще в школе? — удивилась она. — Разве тебе не надо поспать и купить себе новые носки? Кстати, это Ульффрик Мунклоу, — представила она своего бойфренда.

— Очень приятно, — отозвался Ульффрик, прижимая к себе Люси и шепча ей что-то на ухо, затем целуя в щеку. Ее глаза сверкнули, и Локи был не прочь узнать, что он сказал ей. Ульффрик даже не обратил внимание на Акселя, который официально был невидимкой для большинства людей в школе, поэтому он поглубже вжался в пассажирское сиденье. — Так что там за шум? — поинтересовался Ульффрик, указывая на орду девушек, пытающихся привести в чувство Плохиша и Пошляка. Локи стиснул руль. Если эти двое полярных медведей очнуться, то он не был готов встретиться с ними вновь. Пора было сматываться.

— Это Плохиш и Пошляк на земле? — удивилась Люси.

— Что? — Ульффрик покраснел. — Кто сотворил с ними такое? — он посмотрел на Локи. — Ты знаешь, кто это сделал с ними? — он напряженно уставился в глаза Локи. Локи ощутил, словно ему уже двинули кулаком по лицу.

— Я тут новенький, чувак, пока что не знаком с большинством учеников, — Локи пожал плечами, не обращая внимания Акселя, который тянул его за рукав.

— Я собираюсь наказать того, кто сделал это с моими друзьями, — произнес Ульффрик. Затем он сделал кое-что странное, что поразило Локи. Ульффрик задрал голову и завопил: — Ууууууу!

Секундой позже к нему присоединились остальные "Ауууууууу!" Локи предположил,

что это были остальные Бульварды, к которым Ульффрик поспешил навстречу.

— Полегче, Ульффрик, — взмолилась Люси. — Он становится безрассудным, когда сердиться, — гордо заявила Люси. — И я это просто обожаю.

Но Локи уже здесь не было. Он уже рванул на своем Кадиллаке, Аксель все еще пытался спрятаться под пассажирское сиденье. Поближе к главной улице, Локи разглядел в зеркале заднего вида Ульффрика Мункоу, который чесал за ним на своих двоих. Видать, он выяснил, кто наподдал Плохишу и Пошляку.

Ульффрик в конце концов сдался, ругаясь и тяжело дыша посреди стоянки. Локи не расслышал, что именно говорил Ульффрик, но он предположил, что тот пообещал вскоре преподать Локи и Акселю урок, который они не забудут. Локи тихонько прикинул, сколько бы он денег заработал на том, если бы ему давали доллар каждый раз, когда он видел в зеркале заднего вида очередного преследователя.

— Если ты, правда, хочешь, чтобы я отвез тебя домой, тогда расскажи мне откуда ты узнал мое имя, — произнес Локи продолжая ехать.

— Харум-Скарум, — ответил Аксель. — Это онлайн-форум. Он посвящен принцессе-вампирише. Кто-то упомянул, что ты будешь следующим охотником на вампиров, который приедет в город.

— Так что там за наваждение с этой принцессой?

— Никто не может ее убить, — ответил Аксель. — Я член форума, между прочим, уважаемый член; от звания админа меня отделяет всего лишь двадцать семь постов. Я мог бы помочь тебе, поскольку в городе ты новичок.

— Как я уже говорил, я езжу один.

— Давай же, — канючил Аксель. — Тебе нужен помощник. Бьюсь об заклад, ты даже не знаешь, как добраться до замка или, как преодолеть все препятствия, чтобы добраться туда.

— Могу и сам справиться.

— Ага, это было видно, когда земля затряслась, и ты был единственный на стоянке, кто испугался. Я видел тебя.

— Ты знаешь причину землетрясения на парковке? — Локи стало любопытно.

— Видишь? — усмехнулся Алекс. — Я тебе нужен, — он гордо показал на себя.

Локи резко выдохнул. Он не думал, что возникнут какие-либо проблемы от помощи того, кто хорошо знает город. Все равно, у него не было времени.

— ЛАДНО, — произнес Локи. — Ты можешь показать мне дорогу к замку, но на этом все.

— Клево! — Алекс хотел дать Локи пять, но Локи его обломал.

— Так кто устраивает землетрясения в Скорби? — спросил Локи.

— Кит, — ответил Аксель. — Остров построен на спине кита, и иногда его потряхивает, после сытного обеда.

— Это возмутительно, — недоверчиво ответил Локи.

— Вовсе нет, — отозвался Аксель. — Знаю, они тебе наплели всякого в школе и обозвали это обычным землетрясением. Поверь мне, это был кит.

Сахарный Домик

— Заходи! — возвестил Аксель Локи через дверь. Это был одинокий домик на вершине самого высокого холма в Скорби, идеальное место, чтобы наблюдать за остальными изогнутыми улочками этого городка. — Если ты заблудишься, пытаясь найти это место, — объяснил Аксель, — спроси Сахарный Домик на Иерархической улице. Это практически последний дом, отделяющий город от лесов, которые ведут к водам, окружающим Скорбь.

Локи предположил, что Аксель подразумевал Потерянную Милю, но он сомневался, что Аксель знал о ней или даже о Поезде Последствий. У него было ощущение, что все, что он испытал при въезде в город, было каким-то образом устроено для него; и он вспомнил, что Игор говорил ему, что лишь те едут на Поезде Последствий, кто впервые попал в Скорбь. По-прежнему, у Локи не возникало желания побольше узнать об этой странности, пока он был на правильном пути своей миссии. Вместо этого, он занялся осмотром загадочного дома Акселя.

Сахарный Домик был своеобразным куском безнравственного искусства. Он был выстроен из камня и дерева, и него была крыша, покрытая дерном, словно волшебный ковер самолет с двумя слоями изумрудной травы и шоколадно-коричневой грязи. Локи подумал, что дом был весьма незаметен, потому, что был построен на склоне холма. Только из-за неправильной формы огромных окон со ставнями из лесного ореха, можно было сделать вывод, что здесь кто-то живет. Он выглядел так, словно его построил лесоруб с помощью пил, молотков и стамесок. Это было идеальное примитивное укрытие между окраиной города и началом лабиринта леса позади него.

— Милый домик, — произнес Локи и сделал шаг назад, чтобы получить обзор пошире.

Камни выглядели как куски темного и белого шоколада, а цемент между камнями — как ярко-красные полосы жевательной конфеты. Древесина выглядела как мюсли с фундуком; хрустящие, сладкие и съедобные. Локи слегка облизнул губы и почувствовал непреодолимое желание потрогать дом, дабы убедиться, что он не сахарный, но Локи не хотелось ставить себя в дурацкое положение перед Акселем. Над крыльцом висел фонарь в виде улыбающейся тыквы с клыками; желтое мерцание внутри сочеталось с очертаниями тлеющих свечей, мерцающими в окнах дома. Сахарный Домик был жуткий, в Хэллоуиновском стиле. И Локи был озадачен, потому что дом ему понравился. Впервые за время пребывания в Обычном мире он почти почувствовал себя как дома — хотя вряд ли он мог считать Скорбь частью Обычного мира.

Этого не может быть. Это не настоящее чувство. Скорбь играет с моим разумом. Я принадлежу только к одному дому.

Аксель пытался открыть дверь ключом в форме пряничного человечка, но у него не получалось из-за паутины, опутавшей замочную скважину. Локи казалось немного странным, что дом Акселя выглядел так, словно в нем не жили долгое время.

— Что-то не так? — озабоченно спросил Локи.

— Неее, просто это пауки моей сестры. Они любят поиграть со мной, так что я порой не могу попасть в дом, — небрежно ответил Аксель. — Они меня недолюбливают.

— Сестра? Пауки? — произнес Локи, удивляясь, почему все относились к бедняге Акселю, как к гражданину второго сорта, даже пауки.

А когда-то в Храме ты думал, что так относятся только к тебе.

Аксель не ответил. Он ударил по двери ботинком, словно Мастер Кун-Фу. Каркас хрустнул, и дверь распахнулась. Аксель распростер свои гостеприимные объятия:

— Добро Пожаловать к Крумблвудам!

— Крумблвудам?

— Я — Крумблвуд, — гордо сказал Аксель. — Аксель Крумблвуд, — он протянул Локи руку. — И я собираюсь надрать тебе задницу, — Аксель засмеялся, изображая Локи на парковке. — Кстати, хороший способ — позор, что Бэтмен его не использует. Но вот мы здесь, в доме Крумблвудов, также известном как Сахарный домик, Седьмой на улице Хлебного Мякиша, последний дом на краю мира — почтальоны обычно так говорят о нем, — прошептал Аксель.

Несмотря на глупые названия, пыль и жуть, Локи до сих пор нравился этот дом. У него возникло ощущение, что он бывал здесь раньше, но, вероятно, это из-за того, что он почти год ночевал в своем Кадиллаке. В его голове проскочила мысль спросить Акселя, нет ли у них свободной комнаты, которую он мог бы снять. Внутри дом освещался разноцветными лампами. Это напоминало подростковую страну чудес без родительского контроля. В доме была огромная гостиная с видом на открытую кухню. Стены были шоколадного цвета, а посередине лежал большой ковер; на нем были намешаны цвета ванили, клубники и манго. Также здесь был огромный телевизор, удобный красный дива в форме печени и гамак, висящий между двух деревьев, которые поддерживали сооружение, как колонны, выросшие из земли. Локи был поражен и подумал, а сможет ли он позволить себе подобный дом, когда вернется на Небеса. Камин Сахарного Домика был покрыт конфетами, который был похож на огромную печь, и был освещен свечами и люстрами. Стены были сделаны из соломы, которая была уложена прямо поверх камней и для прочности к ней были приделаны коричневые веточки. Локи заметил еще одну большую неиспользованную печь на кухне, которая была либо очень старой, либо оформлена под старину. Дом был определенно странным, но выглядел забавно. Локи задумался о родителях Акселя, но решил не спрашивать, чтобы не казаться навязчивым.

Внезапно, веселье пропало... Входная дверь в грохотом захлопнулась за Локи, а маленький ветерок-торнадо закружился у окна, пуская волны по призрачным белым занавескам, словно большой невидимый волчище пытался снаружи у дома.

— У вас в доме есть демоны? — вздрогнул Аксель, подсвечивая себе рогом единорога.

— Ну, — пожал плечами Аксель. — Моя сестра, — он тяжело дышал и воздел глаза к небесам, словно его сестрица прилипла к потолку.

— Твоя сестра тоже демон?

— Конечно же, нет, — суетливо ответил Аксель. — Она ведьма; ведьма, потерявшая свою силу. — Прекрати, Фейбл! — закричал Аксель качающимся люстрам, свисающим с потолка. Книжки посыпались с полок, а деревянные колонны едва заметно покачивались. Дом, казалось, рушился и гудел, словно он стоял в самом чреве кита, после обильной еды. Локи пригнулся, чтобы в него не попала посуда, вылетающая из кухни. Его жутко доставало то, что он по-прежнему был смертным, и мог умереть от глупой атаки ведьмы, которую он не смог предотвратить.

Худенькая симпатичная девчушка в очках в розовой оправе показалась, выйдя из другой комнаты. На вид ей было лет пятнадцать, ее маленькие ловкие ручки держали тяжелый фолиант книги заклинаний.

— Извините! — Фейбл повысила голос, перекрикивая летающие предметы, звучание

вышло слишком виноватым, словно она пережарила блюдо по плохому рецепту из интернета. — Неправильное заклинание! — она поморщила нос, затем поправила очки, пытаясь удержать равновесие, пока заглядывала обратно в книгу. Не смотря на то, что Локи хотел сбежать от всего этого сумасшествия, он не мог сбежать от милого отношения к Фейбл. Он подумал о том, что ей очень бы пошло с распущенными волосами и без очков. Никогда еще Локи не ощущал влечения к девушке, которую хотел бы себе в сестры.

Она ведьма, Локи. Не так уж и отличается от демона. Когда же ты, наконец, уразумеешь?

Локи заметил обложку книги, которую она держала:

Магия и Вудду для Чайников и Неудачников.

Вуддубыло написало с двумя Д, еще одну букву У и вовсе упустили. Не удивительно, что заклинания были скверными.

— Секундочку, — Фейбл подняла указательный палец. — Если на этой странице заклинание ветра; стало быть нужно перевернуть страницу, чтобы найти решение, но большинство страниц слиплось от грязи, это займет минуту.

— Намочи палец языком и переверни страницу! — завопил Аксель, держась за дерево, будучи на пять футов, зависнув в воздухе.

Фейбл смочила палец и пролистнула пару огромных страниц, которые были цвета старой карты сокровищ. Когда илистая крыша загрохотала пуще прежнего, Аксель крепче ухватился за дерево руками и ногами, словно обезьяна в цирке.

— Как мне все это надоело, — объявил Локи, посильнее упираясь ногами в пол. Он раскинул руки в стороны, словно он скользил по сердитым волнам. Лицо Акселя, казалось, засасывал невидимый пылесос.

— Нашла! — наконец обрадовалась Фейбл. — Мамбл, джамбл, грохот прекратись, — прочла она отрывок из книги, но ничего не произошло. — Тамбл, крамбл, хватить мямлить, — продолжила она.

— Что это еще за заклинание такое? — запротестовал Аксель. — Сколько раз я тебе говорил испробовать заклинания, прежде чем по-настоящему использовать их?

— Секунду, — Фейбл пролистнула еще пару страниц. — Вот оно. Раз, два, три и готово. Ветер безумия, исчезни. Приказываю тебе убратся с лица земли. Остановись, никаких чар. Ш-Ш-Ш. Ш-Ш-Ш. Ш-Ш-Ш. и Ш-Ш-Ш, — она топала ногой в такт каждому Ш.

Это было невероятно, но все в комнате стихло и расслабилось от яростной истерики. Занавески перестали трепетать, с полок ничего больше не падало, и то, что засасывало лицо Акселя исчезло.

— Вы, ребята, в порядке? — книга Фейбл упала на деревянный пол. В ее глазах была искренность, за которой скрывался стыд.

— Думаю, да, — ответил Локи, тяжело дыша.

— Здорово. Я Фейбл (прим. пер. Фейбл (анг. Fable) — Басня), — она протянула руку Локи и он осторожно пожал ее. — Я старшая сестра Акселя, — произнесла она.

Локи вскинул бровь, поскольку подумал, что она выглядела младше, нежели Аксель.

— Нет. Нет. Я шучу. Я младшая, — рассмеялась Фейбл и на ее щеках появились ямочки.

— Фейбл, красивое имя, — произнес Локи.

— Это сокращение от Фэбьюлос (прим. пер. Fabulous — Потрясающий), — гордо заявила она. — И на этот раз я не шучу. Меня называли Фэбьюлос.

— Довольно лаконично, — ответил Локи. — А Аксель сокращение от чего?

— С какой стати Аксель должно быть сокращением от чего-нибудь? Я — Потрясающая, а он нет, — Она показала язык брату, который все еще тяжело дышал. — Не думаю, что мои родители знали как назвать его, поэтому просто назвали Акселем.

— Где здесь логика? — запротестовал Аксель. — Должен же быть какой-нибудь парень, в честь которого меня назвали, что-то вроде Аксель Великий. Он был древнегреческим богом.

— Такого не существует, — ответила Фейбл.

— Как знать, быть может, меня собирались назвать Отличным, только вот наши родители не знали, как это слово пишется.

— Не важно, — взмахнула рукой Фейбл. — Прости за этот дурдом, Локи. Аксель обычно не приводит в дом гостей. Если бы я знала, я бы не провозилась с заклинанием. Хочешь Свиченюшек? Я научилась печь.

— Свиченюшек? — переспросил Локи.

— Ага, печенье, сделанное из свиней, — ответила она. — Они вкусненькие, розовые и у них есть пороссячьи носики, которые издают смешные звуки, стоит на них надавить.

— Печенье, сделанное по рецепту из книги Вудду? — поинтересовался Локи.

— Ты заметил? Она с ошибками, — произнесла она, прикрывая улыбку руками. — Поэтому она досталась мне значительно дешевле. Почти за бесценку, — прошептала она и кивнула головой Локи, словно у них был общий секрет. Не смотря на то, что красота Фейбл не была такой очевидной как у Люси, Локи не мог сопротивляться ее чарам.

— Хватит, Фейбл, — перебил Аксель. — Иди занимайся в свою комнату. У нас с Локи есть дела. Кроме того, я еще утром съел все Свиченюшки, — Аксель сыграл роль старшего брата, затем направился к холодильнику, съел чипсы из пакетика, по видимости, двухдневной давности, и по пути глотнул из открытой алюминиевой банки. Он открыл холодильник, достал тарелку с красным желе и водрузил его на столешницу. Желе нервно подергивалось на тарелке. — Не бойся. Я не причиню тебе вреда, — разговаривал он с ним, дотягиваясь до ложки. — Я просто съем тебя. Ням-ням.

Локи переглянулся с Фейбл. Казалось, ей хочется кричать и рвать на себе волосы. Каким-то образом, Локи этого было достаточно, чтобы доказать, что дом не был сделан из конфет, иначе Аксель давно бы его слопал.

— У нас остались Гробокексы? — спросил Аксель у Фейбл с набитым ртом желе.

— Гробокексы? — удивился Локи.

— Да, такие маленькие кексы в форме гроба, ты их открываешь и съедаешь морковный трупик внутри, а потом уже ешь кекс, я имею в виду, гроб на десерт, — объяснил Аксель. — Ты никогда о них не слышал? Ты вообще откуда, чувак? Это ж то же самое что Гробомаффины.

Официально; еда в Скорби была довольно своеобразной, безумно эксцентричной и граничила с безумием.

— Ты когда-нибудь перестанешь есть? — зарычала Фейбл на Акселя. — Ты слопал всю мою еду.

— Потому что вчера ты схомячила моих Липких Коричных Лягушек, — огрызнулся Аксель, глотая. — Кроме того, ты ешь одну только сдобу.

— Я не ем сдобу постоянно. Хлеб мне нужен, чтобы найти дорогу домой, когда я иду на рынок и обратно. Не волнуйся на счет этого поедающего все на своем пути Акселя, — обратилась Фейбл к Локи. — Если хочешь есть, у меня в комнате есть яблоки; Испорченные

Яблоки, Сумасшедшие Яблоки и Отравленные Яблоки.

— Они же не в самом деле отравленные?

— Конечно же нет, — рассмеялась Фейбл. Это был завораживающий смех; смех девушки, которая редко выходила из дому или сталкивалась с жизненными опасностями. Локи приглянулась ее бойкость. — Ты просто потеряешь сознание на несколько минут, после того как съешь его. Это вроде как вздремнуть после хорошего обеда. Все в Скорби любят Отравленные Яблоки, — она остановилась.

Локи увидел, как маленький паучок ползал по плечу Фейбл. Когда он попытался смахнуть его, она остановила его.

— Не обижай его. Это Итси, — она погладила его, когда он пощекотал ей шею.

— Я же говорил тебе, что моя сестрица хочет быть ведьмой. Чего я тебе не говорил, так это то, что она еще очень странная, — рассмеялся Аксель.

— А вот это Битси, — Фейбл указала на неподвижного тарантула, лежащего на полу рядом с диваном.

— Он похоже..., - произнес Локи.

— Мертв..., - предположил Аксель, посмеиваясь над своей сестрой.

— Не правда, — Фейбл объяснила Локи. — Просто у него депрессия. Он расстался с своей подружкой.

— Он подавлен, потому что ты наслала на него неправильные чары поднятия настроения на прошлой неделе, — ответил Аксель, бросая ложку в раковину. — Теперь, серьезно, иди к себе. Дай парням сделать свою работу, и не забудь сделать свою домашнюю работу тоже.

— Я не хочу в свою комнату, и знаешь, ты не папочка, — настаивала Фейбл, прижимая тяжелую книгу к груди. — Можно мне к вам присоединится? Все равно, что вы будете делать. Мне скучно, — произнесла она, поправляя очки.

— Нет, нельзя, — артачился Аксель. — Девочки должны слушаться старших братьев, быть вежливыми и не задавать слишком много вопросов.

— Это отдает сексизмом, — попытался вмешаться Локи.

— Тссс, — уставился Аксель на Локи. — Не говори о сексе перед моей младшей сестренкой.

— Аксель, — рявкнула Фейбл, — ты самый тупой брат в мире, — она пробормотала что-то еще и попрощавшись с Локи взмахом руки, который переживал за нее, ушла обратно к себе в комнату.

— Как она связалась с магией? — спросил Локи у Акселя.

— Не связалась бы, если бы не наша мамаша.

— Твоя мать- ведьма?

— Была, она и отец умерли, когда мне было три. Я их не очень-то помню.

— О. Извини.

— Не извиняйся передо мной. Это они мертвы. Извиняйся перед ними. Мой отец был дровосеком. Моя мама — ведьмой; по-крайней мере, мне так сказали. Все что я знаю, она была паршивой ведьмой. Разве не забавно, что моя мать не стала злой колдуньей? Быть может, поэтому Бульварды так сильно меня достают. Уж если быть ведьмой, то офигенной, гениальной ведьмой и очесуенными заклинаниями. Вспомни, что случилось со злыми, отвратительными персонажами?

— Ты бы хотел, чтобы твоя мать была злой?

— Почему бы и нет? Она бы научила меня, что делать с Ульффриком Мунклоу, когда я снова с ним увижусь, — Аксель скрючил правую руку и скорчил злую мину. — Seriously, прислушайся к его имени, Мунклоу. Оно же просто источает зло. Он должен поклоняться своим родителям.

— Разве это не кажется тебе странным, что ты презираешь парня, но просто обожаешь его имя?

— Ни капли; мне и твое имя нравится, кстати. Локи Блекстар. Словно имя вымышленного героя, но он мне все равно нравится.

К чертям логику, было трудно думать о злодеяниях с именем Крамблвуд, или даже будучи героем.

— А кто присматривает за тобой и за твоей сестрой? — Локи откинулся на большой, удобный красный диван. Он не мог припомнить, когда в последний раз он чувствовал себя комфортно в компании подростков, которых только что встретил. Ощущение было странным, но хорошим. Боже, этот диван был намного круче, нежели заднее сиденье Кармен.

— У нас есть опекун, который подобрал нас из приюта Скорби пару лет назад, — ответил Аксель. Локи подумал, что это объясняло, почему у Акселя и Фейбл не было друзей. — Ее зовут Миркалла. Странное имя, знаю, но она фантастическая женщина. Она платит за все и заботится она, не смотря на то, что не проводит много времени с нами. Она что-то вроде нашей крестной феи, и она клевая.

— Почему она сейчас не здесь?

— Она приезжает каждую неделю или около того. У нее по всему миру есть и другие приемные дети, о которых нужно позаботиться, так что мы практически сами ведем все хозяйство.

— Интересно, — Локи подумал, что Миркалла напомнила ему то, как Чармвилль заботился о нем, только Чармвилль никогда не оплачивал его счета и не покупал ему дом. — Я бы хотел познакомиться с ней, — произнес Локи, хотя он не это имел в виду. К тому времени, как Миркалла нанесет следующий визит, он уже убьет принцессу-вампиришу и смоемся.

— Она вернется через пару дней, что означает, что нам нужно будет прибраться весь дом.

Локи подумал, что он поладил с Акселем и Фейбл потому, что они, как и он, были сиротами. Помимо своих утерянных воспоминаний, у Локи не было шанса узнать имени своего отца, а мать отказалась рассказывать ему. Все, что он узнал от Чармвилля было то, что его отец был великим Охотником за Сновидениями, который полюбил его мать и, после рождения Локи, стал тенью. Локи тронул карман, в котором лежал дневник Охотника за Сновидениями. У него не было времени, чтобы прочесть, как убить Белоснежку в ее снах. Сперва, он планировал проткнуть ее колом, и перевезти ее в какое-нибудь безопасное местечко, где бы он смог научиться процессу убийства демона во сне. Так было бы, если бы ему удалось преодолеть свою боязнь демониц женского пола. Локи вдруг понял, что понапрасну теряет время. Ему нужно было, чтобы Аксель рассказал ему, как преодолеть препятствия на пути к замку.

— Я вхожу на форум Белоснежки, Харум-Скарум, чтобы мы смогли найти всю необходимую информацию, — Аксель перенес ноутбук туда, где сидел Локи. Он поднял молчаливого тарантула Битси с пола и швырнул его в окно. Без единой жалобы, паук прилип к стеклу, словно большой волосатый магнит. — Бесполезный мертвый паучара, —

пробормотал Аксель. — Если бы Фейбл тебя так не любила.

— Что на счет этого форума? — спросил Локи.

— Знаю, ты мне не поверишь, но подростки тайно влюблены в принцессу-вампиру Белоснежку, — ответил Аксель. — Здесь ты найдешь все секреты, домыслы и теории заговора о Белоснежке, и что с ней произошло на самом деле.

— При условии, что она настоящая Белоснежка, — Локи закатил глаза.

— Ну, вот что поговаривают, — произнес Аксель. — На этом форуме ты найдешь имена подростков, с которыми она расправилась, те, кто попытался недавно проникнуть в замок, и те, кто клянутся, что видели ее и вернулись. Кстати, они лжецы.

— Почему?

— Разве я не рассказывал тебе в школе, что те, на кого она положит глаз, долго не живут, чтобы хвастаться этим, — Аксель изобразил злобный смех. — Муа-ха-ха.

— Так, довольно всей этой болтовни; ищи нужную нам информацию, и идем в Черный Лес.

— Полегче, Локи, мы поедим, отдохнем немного и выйдем незадолго до полуночи. Вот когда нужно мальчикам и девочкам отправляться туда.

— Зачем нам дожидаться до полуночи?

— Потому что она вампир, думаешь, она вышла бы при свете солнца? Боже. Что ты за охотник на вампиров такой?

Локи нетерпеливо постукивал пальцами, не комментируя то, что Аксель снова хотел есть. Если бы Аксель был демоном, он бы уже давно слопал его вместе с Фейбл.

— Но сперва, — Аксель плюхнулся на диван рядом с Локи, слизывая с пальцев желе. — Мы прикончим парочку Зомби, — произнес он с дьявольской ухмылкой.

— Прикончим Зомби? — удивился Локи, замечая, что Битси исчез с окна, оставив сеть с одним единственным словом посередине. Оно гласило: «придурок», очевидно, адресованное Акселю.

Аксель включил телевизор и запустил игру. Полчища уродливых Зомби направились к ним на экране. Аксель бросил беспроводной контроллер на колени Локи.

— Никто не уходит из Сахарного Домика без взрыва мозгов парочке Зомби. Это будет неплохой заряд адреналина перед убийством твоей принцессы.

Локи вздохнул, взял джойстик и начал нажимать на кнопки. Убивать зомби было гораздо легче, нежели вампиров в реальной жизни. Игровой контроллер напоминал магическое оружие, которое легко справлялось с работой. Локи задумался, что если его рог единорога окажется таким же столь эффективным и поможет ему убить бледную принцессу.

Кладбище Похороненной Луны

Незадолго до полуночи Локи поехал вместе с Акселем в Черный Лес. Аксель настоял на остановке у **Пузатой и Чудовища**, которую он описывал, как самую лучшую молодежную тусовку в Скорби.

— Серьезно? Ты действительно снова хочешь есть? — Локи вздохнул, припарковываясь рядом с закусочной.

Симпатичные девушки на роликовых коньках и в коротких юбках обслуживали посетителей, сидевших в своих машинах перед **Пузатой и Чудовищем**. Аксель не хотел есть внутри, потому что мог нарваться на Бульвардов. Локи не возражал против того, чтобы заехать и поесть как можно быстрее; он заехал сюда не для того, чтобы сплетничать и заводить друзей. Неоновая вывеска **Пузатой и Чудовища** над входной стеклянной дверью мигала розовым, потом голубым, розовым, голубым. На вывеске была изображена зовущая на помощь принцесса, находящаяся в желудке зверя, который жевал трехслойный сэндвич с соусом и соленьями. Локи решил, что зверь похож на Акселя, только более толстого и напуганного.

— Сегодня мы убьем Белоснежку, самого злобного вампира в городе, — произнес Аксель, изображая зловещую ухмылку. — Мне нужно что-нибудь пожевать, чтобы облегчить свои страхи, — он сверкнул крошечным крестиком Локи.

— Просто сделай это побыстрее, пожалуйста. И ты сможешь забыть об этом крестике. Они все равно не работают, — Локи постучал по рулю.

— Ты хочешь сказать, что они не помогают? Мой рюкзак набит крестами, святой водой и чесноком. Я даже купил волшебную палочку Гарри Поттера, на случай если принцессе потребуется немного *авада кедавы*. Я подозреваю, что ты собираешься сказать мне, что они тоже не работают.

— Чеснок? Так вот почему здесь так воняет, — Локи отвернулся, крепко сжав руль. — Прости, Кармен.

Кармен слегка покачнулась и сверкнула лобовым стеклом. Аксель никак это не прокомментировал.

— Ты называешь чеснок "вонючим"? — Аксель подался вперед, все еще сверкая своим крестиком, принимаясь к Локи. — Быть может ты вампир, Локи Блекстар. Поэтому ты не выносишь запах чеснока.

— Пожалуйста, не мог бы ты отвалить, — Локи отпихнул Акселя, замечая, как снаружи ему подмигивает симпатичная девушка на роликовых коньках. Не смотря на то, что окно Акселя было открыто, девушка с широкой улыбкой подошла к Локи, постучав ему в окно.

— Вот поэтому я и жру, — пробормотал Аксель, глядя на нее. — Это заменяет мне секс, которого у меня никогда не будет.

Локи опустил окно.

— Итак, что тебе принести красавчик? — спросила Локи девушка на роликовых коньках.

— У вас есть Липкие Сладкие Косточки? — перебил Аксель, неудобно выворачивая голову и слегка наклоняясь вниз, чтобы взглянуть на нее.

— Ага, — сказала она, все еще поглядывая на Локи, которого интересовало в ней только то, чтобы она не оказалась демоном. — Вы хотите косточки со вкусом карамели или

фундука?

— Ты потрясающе сладкая, милая, — пробормотал Аксель себе под нос.

— Итак, — она вздохнула, наблюдая за тем, как рука Локи скользит по рогу единорога.

— Принеси мне две пачки Липких Сладких Костей, пожалуйста, и еще упаковку Трагических Бобов, — попросил Аксель.

— Ням-ням, Трагические Бобы, — девчонка подмигнула Локи. — Не кажется ли вам, что два пакетика слишком много? Вы от них заплачете.

Локи с тревогой посмотрел на Акселя.

— От Трагических Бобов плачешь, как при чистке лука, — пояснил Аксель. — Но в тоже время ты прикольно себя почувствуешь. А не могла бы ты принести сюда несколько Нервных Сосисок, тех что с привкусом чили, для моего симпатного дружка, — во время разговора с девушкой Аксель похлопал Локи по груди. — Он типа, застенчив с девушками.

— Ой, застенчивые ребята как раз мой типаж, — сказала девчонка, и на мгновение нечто промелькнуло в ее глазах. Локи не был уверен, не показалось это ли ему, но покрепче схватился за свой Аликорн. Он подумал, что девушка была симпатичной.

Пипи Лавбаг тоже была симпатичной. Помнишь?

— Тогда договорились, — сказала девушка и укатила на роликах.

Локи выдохнул, благодарный ей за то, что она уехала, а не то бы он всадил ей кол прямо здесь, в закуской для автомобилистов.

И что не так с этим городом? То ли эта девчонка демон, то ли я просто параноик?

Пару минут спустя, девушка подкатила снова с едой для Акселя. Локи напомнил тому, что они здесь не ради пикника и охотно уехал. Бесполезно было разговаривать с Акселем об этой девчонке, а то бы он бесился всю оставшуюся ночь. Локи нуждался в более-менее уравновешенном Акселе, который показал бы путь к загадочному замку.

— Как далеко до Черного Леса? — спросил Локи, покрепче ухватившись за рулевое колесо.

— Сперва поедem к Кладбищу Похороненной Луны. Оно у южного входа в Черный Лес, — Аксель высунул руку из окна в наивной попытке остановить ветер при помощи ладони.

— Кладбище Похороненной Луны?

— Согласно слухам, в древние времена там похоронили луну, — объяснил Аксель. — Это мистическая, но интересная история, согласно которой, луна, на самом деле, была девушкой. Злая Королева похитила луну с помощью волка по имени Манагарм, который был одержим и каждую ночь охотился на своей летающей карете. Когда он, наконец, поймал луну, королева похоронила ее на этом кладбище, и мир ненадолго погрузился во тьму. В безлунные ночи демоны скитались по миру, пока...

— Прекрасный Принц не разбудил ее поцелуем и вытащил из могилы, — предположил Локи.

— Ты не веришь в счастливый конец? — Аксель дразнил его, жуя свои Липкие Сладкие Косточки, которые хрустели у него во рту. Это взбесило Локи.

— Единственный счастливый конец, думаю, наступит тогда, когда ты перестанешь есть, — ответил Локи.

— Тебе не нравятся Сладкие Липкие Косточки? Кстати, они не настоящие...не смотря на то, что этот кусочек выглядит как кошачий позвоночник. Думай о Сладких Липких Косточках, как о печенье; идея заключается в том, что кости не ломаются, пока ты не

слижешь сладкую карамель с поверхности. Не знаю, как их делают, но это просто вкуснятина, — Аксель лизнул одну, и сунул себе в глотку, не жуя, напомним Локи о лягушках. — Я действительно верю в счастливые концы, и особенно в истинный поцелуй любви, который спасает, — произнес он, глотая.

Локи ничего не ответил и смотрел лишь на дорогу. Дома по обе стороны исчезали во тьме, словно канули в долину мрака. Луна сияла полная и яркая, словно избавляя Локи от рассказней Акселя.

— Так после того, как мы перейдем Кладбище Похороненной Луны, на другой стороне мы найдем Черный Лес? — спросил Локи.

— Ты хочешь, чтобы все было легко, — сказал Аксель, откладывая в сторону Сладкие Липкие Косточки. Он взял телефон и начал читать посты с интернет форума. — Согласно форуму Харум Скарум, Белоснежка обитает в загадочном замке под названием Шлосс.

— Шлосс?

— С немецкого это переводится как "Замок", — пояснил Аксель. — Шлосс находится где-то в Черном Лесу. Сказано, что он принимает множество различных форм и меняет местоположение. Также, он стоял там испокон веков..., чтобы это ни значило. Не найдется и двух человек, которые бы согласились на что он похож. Но те немногие, кто утверждает, что бывали там, говорят, что он словно живой. Люди даже поговаривают, что у него есть своя собственная душа, которой он соблазняет своих жертв и привлекает их, словно мотыльков на пламя.

— Чепуха, — покачал головой Локи. — Это все готическая пропаганда, как у замка Дракулы.

— Ты просто стянул эти слова с моего телефона, — сказал Аксель. — Здесь говорится, что он на самом деле не такой страшный, как замок Дракулы, в котором он почивает в своем гробу, одетый в плащ, красный, будто кровь, и черный, словно ночь, в то время как его кожа бела, как снег, — Аксель подмигнул Локи и закусил губу, читая последнюю часть. — Как только ты войдешь, он оскалится на тебя своей бледнолицей рожей и выпьет твою кровь.

— Не мог бы ты, пожалуйста, перейти к важным фактам? Как мы переберемся от Кладбища Похороненной Луны к Черному Лесу?

— Черный Лес сам по себе — это большой круглый остров, окруженный Болотом Скорби, волшебным болотом, которое отделяет остров от города.

— Так Черный лес — это остров на острове, отделенный от Кладбища Похороненной Луны Болотом Скорби, так?

— Вот что об этом говорится на форуме, — ответил Аксель. — Здесь сказано, что раньше через Болото Скорби тянулся мост, но не так давно его сожрали тролли.

— Тролли?

— Ага, знаешь этих парней; уродливые, неприятные, дубины... иногда большие, иногда маленькие... не годные ни на что?

— Я о них слышал. Ну, так как, мы пересечем Болото Скорби?

— Сперва, нам надо добраться до Кладбища Похороненной Луны, — сказал Аксель. — Это самое безопасное место для перехода через Болото Скорби. Ребята на форуме говорят, что никто и никогда не сумел перейти его в другом месте. К тому же, это поблизости от моего дома, вдруг нам придется драть когти из замка и прятаться.

— А что тогда? Ты так и не сказал мне, как перебраться через Болото Скорби.

— На каноэ, — ответил Аксель.

— Звучит неплохо, и чье же это будет каноэ? Его там что, подростки оставили?

— Нет, — Аксель пожал плечами, с беспокойством поглядывая на Локи, — перевозчик.

— Какой еще перевозчик? — Локи схватился за руль.

— Скелиман, перевозчик, — сказал Аксель. — Все вот тут, — он показал на свой телефон. — Скелиман, перевозчик — это скелет, который когда-то служил перевозчиком на реке Стикс и развозил людей по Аду. Почему-то он кончил тем, что охраняет Болото Скорби. Для того чтобы пересечь трясину, тебе придется поплыть с ним в его каноэ.

— Что-то все становится слишком глупо.

— На твоём месте, я бы прислушался к ребятам с форума, — сказал Аксель. — У половины из них вампирская принцесса убила кого-либо из родственников. К тому же, если ты думаешь, что это безумно, тебе надо бы послушать все остальное.

— Я слушаю, — вздохнул Локи. Этот город, его жители и рассказы конкретно озадачивали.

— Говорят, что в отличие от замка, Скелиман, перевозчик, не любит никого переплавлять, — сказал Аксель.

— Что-то ты меня запутал, — сказал Локи. — Если замок заманивает подростков для кормежки вампирской принцессы, с какой стати Скелиману действовать иначе?

— Без понятия, — Аксель начал чем-то чавкать. — Но вот что еще страннее. Скелиман же скелет; у него нет глаз, только глазницы. Поэтому он не может видеть, — хохотнул Аксель, расслабившись после кормежки. Локи хотелось знать, не поэтому ли он постоянно жрал.

— Валяй дальше, — нетерпеливо сказал Локи.

— Нам посоветовали воспользоваться слепотой Скелимана и забраться в его каноэ, но только если ты сможешь задерживать дыхание большую часть поездки.

— Зачем нам это делать? — Спросил Локи.

— Скелиман узнает живых по их дыханию. Обычно его пассажиры мертвяки и его это устраивает.

— Но это же бессмыслица, — сказал Локи. — Как все остальные подростки переплывают Болото Скорби?

— А вот это приводит нас к другому варианту, — сказал Аксель, пролистывая вниз содержимое экрана своего телефона. — Согласно посту еще одного участника с форума, некоторые подростки находят обходной путь. Они изобрели тайный способ переправиться так, что бы их не засек перевозчик. Это секрет, так что его можно узнать, только подождав каких-нибудь подростков и проследив за ними, чтобы увидеть как это делается.

— У меня нет на это времени. Что если мы не найдем подростков, которые пытаются переправиться этой ночью?

— Я думаю, найдем. Мальчишки и девчонки пытаются войти в Черный Лес каждую ночь. Они приходят туда повеселиться, бухнуть, потусоваться и подурачиться. Кладбище добавляет драматичности и страшилок, которые они ищут.

Локи выпустил долгий выдох, всматриваясь в темную дорогу впереди. Сейчас, когда они были недалеко от кладбища, погода стала зябкой. Локи решил воздержаться и не спрашивать о ней Акселя потому, что знал, Аксель без конца нес бы чепуху, а ему было нужно сосредоточиться. Он сохранял молчание, и краем глаза увидел, как Аксель жевал Сладкую Липкую Косточку. Чем ближе Локи подъезжал к кладбищу, тем медленнее жевал Аксель и тем сильнее расширялись его зрачки.

— Боишься ли ты темноты, Локи? — Нарушил молчание Аксель, уставившись на дорогу так, будто ждал, что из канавы что-нибудь выскочит.

— Пялься на темноту подольше, и ты кончишь тем, что увидишь то, чего там нет, — ответил Локи.

— Мудрые слова, Йода, мудрые слова, — гипнотизирующе покивал Аксель и заткнулся. — Почти приехали, — сказал он, показывая на серые надгробья, которые возникали из темноты, словно духи, выбравшиеся из могилы, чтобы поприветствовать их. За ними Локи видел лишь темные контуры поверх еще более темных контуров.

Наконец они выехали на пустынную грунтовую дорогу. Кармен жаловалась, ворчала и ругалась. Локи заметил, что деревья наклонялись книзу и постепенно искривлялись, их ветви сплетались между собой в темноте, выгибаясь над ними будто змеи. Кажется, у пары из них было по одному глазу на концах веток для того, чтобы шпионить.

— Ты это видишь? — Спросил Локи.

— Я..., - Аксель едва не подавился едой, стараясь вжаться в пассажирское кресло. — Я читал об этих деревьях на форуме. Их называют деревьями Джунипер. Лучше всего избегать их и делать вид, что их не существует. Они шпионят для вампирской принцессы.

— Как то мне не верится тем, кто пишет посты на форуме, — сказал Локи, сбрасывая скорость своего Кадиллака.

— Гоблин-Гений, — прошептал Аксель.

— Кто?

— Гоблин-Гений — это создатель форума и его самый почитаемый участник.

— А ты когда-нибудь встречал этого Гоблина-Гения?

— По правде говоря, никогда не имел чести, — сказал Аксель. — Но мне хотелось бы. Как ты думаешь, он настоящий Гоблин?

— Откуда мне знать? — пожал плечами Локи, наблюдая за деревьями, которые начали расползаться. Локи было интересно, не возвращались ли они к вампирской принцессе, чтобы рассказать той, что у нее сегодня будет компания.

— Когда я был ребенком, мой мозг откалывал надо мной шутки, — начал Аксель. — Бывало, посреди ночи я просыпался в кровати, а рядом стоял Бугимен с моей миской овсянки, жрал ее, смеялся и тыкал в меня длинным пальцем. Стоило мне моргнуть, он исчезал. Моргание решало кучу проблем, когда я был ребенком. Знаешь, что самое странное? Бугимен не выглядел как Бугимен. Он выглядел как пират.

Локи пытался найти безопасную стоянку для своего Кадиллака. Он даже не стал утруждать себя высказываниями о том, что никто и никогда не видел Бугимена, поэтому Аксель не смог бы понять, что тот, кого он видел, не был похож на него. Но как бы не надоедал Аксель, Локи смотрел сквозь пальцы на его непрекращающуюся нужду говорить... в конце концов, Локи бормотал себе под нос все время. Аксель же болтал постоянно потому, что у него не было друзей, чтобы поговорить. Возможно, Локи стал его первым другом за все время, так что он решил, что должен попозже сказать Акселю о том, что не собирается оставаться в городе. Он здесь не для того, чтобы заводить друзей. Он здесь для того, чтобы найти дорогу назад, домой, и рано или поздно, ему придется покинуть город.

— Интересно, а почему ты никогда сам не прокрадывался туда, чтобы увидеть принцессу. — Припарковав Кармен за огромными колючими кустами, Локи проверил достаточно ли они широки, чтобы скрыть ее полностью.

— Я слишком труслив, что чаще всего означает, что я умен, — сказал Аксель. — Я

прихожу на Кладбище Похороненной Луны только, когда мне одиноко, и я хочу посмотреть, как подростки веселятся, обнимаются и занимаются прочей ерундой. Но это все.

— Так ты Подглядывающий Том? — Локи засмеялся. — А как насчет Фейбл, ты когда-нибудь брал ее с собой?

— Конечно же, нет, — Аксель покраснел. — Она слишком юная, чтобы наблюдать за целующимися подростками. Я оберегаю ее. Она для меня целый мир.

— Ты ведь знаешь, что как придурок демонстрируешь ей свою любовь?

— Знаю. Я всегда отвратительно демонстрирую свои чувства, но мне плевать. Я практически ее родитель. Я должен быть с ней строгим и должен быть уверен, что она делает только то, что ей действительно нужно.

Аксель вышел из Кадиллака, подошел к надгробию и уселся на него. Свесив ногу с надгробия, он вытащил очередной пакет с едой. Похоже, Аксель воспринимал все это, как небольшой семейный пикник. Локи устраивало, чтобы Аксель оставался как можно спокойней, пока был его проводником.

— Трагических бобов? — предложил он Локи.

— Нет, спасибо. Я не в настроении плакать и смеяться одновременно, — Локи сел рядом с ним.

— Это произойдет не очень быстро, — объяснил Аксель. — Тебе придется съесть половину пачки, чтобы ощутить эффект.

Обойдя пару кругов вокруг надгробия, к Локи подошел кот черный, с зелеными глазами. Локи побоялся заговорить с ним, как он обычно это делал, но тут он вспомнил, что животные заговаривали с ним, только когда он был один. Кот потерся ушами о джинсы Локи и замаякал. Локи неохотно погладил его.

— Не понимаю, почему животные не любят меня, как тебя и Фейбл, — сказал Аксель, поглощая Трагические бобы один за одним. — Знаешь, когда мы с Фейбл гуляем в лесу за домом, к ней на руки садятся бабочки?

— Она же невероятная, помнишь? — ответил Локи и подмигнул коту. Кот подмигнул в ответ и даже немного прикусил губу и кивнул.

— Я до сих пор не могу получить ответа, что должно означать мое имя. Если она Невероятная, то кто же я? — задавался вопросом Аксель.

— Голодный, — пробормотал Локи. Кот замаскировал смех под чиханье и испарился.

Удивительно, но Аксель не обиделся. На самом деле он рассмеялся от души, болтая свисающими ногами, жуя и хрустя.

— Ты прикольный, Локи, — сказал Аксель. — Ты мне нравишься, и мы можем стать друзьями.

— Ты мне тоже нравишься, — сказал Локи.

Аксель рассмеялся еще больше.

— Или мы с тобой самые клевые чуваки в Скорби, — сказал Аксель. — Или мы самые глупые и предсказуемые.

Локи потянулся к пачке Акселя с бобами и достал один Трагический боб. Хотя его болтливость периодически раздражала, Локи тоже считал Акселя прикольным, но не собирался говорить об этом. Кроме того у Локи раньше не было приятеля. Трагические бобы были солеными, и Локи задумался, как они могут заставить его плакать или смеяться. Возможно, Трагические бобы это обман. Если ты одновременно плачешь и смеешься, ты перестаешь вести себя нормально, правда? Локи вытащил еще один; это всего лишь еда с

глупым названием, подумал он. Оказалось, что жевать не так плохо. Это отвлекает от ползающих над головой веток и странного шума в темноте.

Набив желудок, Аксель разлегся на надгробии, а Локи при лунном свете читал книгу Охотника за Сновидениями. В ней было много информации, которую он должен знать о процессе вхождения в сон вампира, но он лишь начинал постигать теорию и смысл всего этого. С помощью мобильного телефона он записывал прочитанную информацию, пока страница не превращалась в песок. Так он копировал материал из книги, а картинки фотографировал на телефон.

Локи обратил внимание, что нескольких страниц не хватало, и он предположил, что кто-то уже читал эту книгу до него — интересно, неужели Чармвилль прочел несколько глав книги.

— Знаешь, я думаю, что это хорошая идея подождать приезда каких-нибудь подростков, — сказал Аксель. — Не только потому, что они покажут нам, как перебраться через болото, но мы еще сможем использовать их как прикрытие от Белоснежки, она ведь сначала займется ими.

— Что означает, — Локи оторвался от чтения.

— Означает попытаться выжить, — внезапно Аксель пригнулся за надгробием и указал на приближающуюся машину. Локи увидел вдалеке свет от фар джипа и слышал громкую рок-музыку, ревущую из радио. Из джипа, подъезжающего к кладбищу, доносились смех и крики парней и девочек.

— А вот и они, — Аксель с энтузиазмом потер руки.

Фары промелькнули в нижней части кладбища, освещая потрескавшиеся серые камни с вырезанными на них именами, датами и кружащими вокруг насекомыми. Некоторые надгробья заросли травой, другие же были наполовину разрушены. На одном была написана фраза:

Счастливо упокоен с 1857 года.

Не оставляйте цветы, оставляйте монеты.

Когда джип внезапно остановился на заляпанной грязью земле перед болотом, свет пронзил холодный туман.

— Вот мы и здесь, на Кладбище Похороненной Луны! — Завопила выпрыгнувшая из джипа девушка и приземлилась прямо в грязь, отчего остальные над ней только поржали. Всего две девушки и два парня. Девчонка в грязи была рыжеволосой и на ней были надеты длинные кожаные сапоги и, как ни странно, юбка, в холодную-то погоду.

Один из парней кинул на землю сумку-холодильник с напитками, и Аксель сглотнул так громко, что Локи подумал, что тот что-то сказал.

— Это Плохиш с друзьями, — сказал Аксель, едва не подавившись словами.

— Как странно, — Локи прищурился, чтобы убедиться, что ему не мерещилось то, что он увидел. С девчонками был не только один Плохиш. Парнем рядом с Плохишом был...

— Донни Сверчок-Убийца? — Произнес Локи. — Что он то здесь делает?

— Так ты знаешь этого Сверчка-Убийцу? — Спросил Аксель.

— Он конкурент и безжалостный охотник на вампиров, — ответил Локи. — Хотел бы я знать, как он попал в Скорбь, и не заплатил ли ему кто-то за убийство вампирской принцессы.

Сердце Локи забилося чуть-чуть быстрее. Он не мог и вообразить, что Донни собирался убить вампирскую принцессу первым и лишить его шанса возвратиться домой.

— Пожалуй, это значит, что как только они покажут нам путь через болото, тебе придется опередить Донни и убить принцессу раньше его, если ты хочешь выполнить работу.

— Не думаю. Заколоть — это максимум того, что он может. Сомневаюсь, что он знает что-нибудь об охоте во снах, — сказал Локи. — Просто это какая-то бессмыслица, почему Плохиш с Сверчком-Убийцей?

— Паршивых овец тянет друг к другу. Как насчет Близняшки, ты ее знаешь?

— Кто такая Близняшка?

— Она одна из девчонок. Я называю все пары девушек либо Двойняшками, либо Близняшками, Двойка и Копия для краткости.

— Двойка и Копия?

— Прими как есть, — настаивал Аксель. — Должен же я как-то называть вещи, а не то я... запутаюсь... я однажды назвал свою микроволновку Самантой.

— Зачем?

— Ты же назвал свою тачку Кармен, а наезжаешь на меня за то, что я обозвал микроволновку Самантой?

— Я хотел сказать, почему Саманта? Это же микроволновка.

— Саманта — это было так сексуально; она размораживала еду, потому что была горяченькой. Въехал? К тому же, я пользовался ей для сушки шерсти своего кота... то было до того, как он взорвался в микроволновке.

— И после этого ты удивляешься тому, что животные тебя не любят?

Аксель выглядел так, словно угодил под несущийся поезд.

— Ладно, Ладно, — сказал он обиженно. — Вот как мы их назовем. Рыженькая — это Копия, блондика — это Двойка, — Аксель хохотнул. — Усек? Блондинка двоечница? Смешно, ха?

Локи увидел, как Двойка вытянула зеркальце из своей сумочки, видимо проверить, не брызнуло ли ей грязью в лицо. Плохиш прыгнул рядом с ней, корча глупые рожи и изображая из себя зомби с негнушимися руками и ногами. Он выхватил зеркальце у Двойки из рук и побежал с ним в самую гущу надгробий.

— А ну-ка отбери, — насмехался Плохиш, держа в одной руке зеркальце, а в другой жестянку с пивом, из которой бежала пена. Он казался подвыпившим, уставившись в зеркальце и приговаривая:

— Белоснежка, Белоснежка, Белоснежка.

— Так у тебя ничего не выйдет, — рассмеялась Двойка. — Это не Белоснежка. Это Кровавая Мэри, ты придурок. Если ты скажешь ее имя трижды один на один в темной ванной комнате, она выйдет из зеркала и проделает с тобой весьма недобрые фокусы.

— Никто не делает с Плохишем плохих фокусов, — сказал он обнимая Двойку и щекоча ее.

— Кровавая Мэри наводит на меня жуть, — прошептал Аксель Локи. — Когда я был малышом...

— Ты бы не мог прекратить комментировать все, будто это фильм, который ты уже видел? — Локи сжал зубы. — Пожуй чего-нибудь.

— Что там? — Спросила Двойка Плохиша и указала на его заплечный мешок.

— Это мой мешок с набором инструментов для охоты на призраков и уничтожения

вампиров, — заржал он как Кинг Конг.

Донни Убийца-Сверчков насмешливо расхохотался над Плохишом:

— Тебе все это не нужно; мой кол подойдет.

— Ты же не собираешься ее убить, верно? — Казалось, Двойку беспокоила серьезность Донни. — Мы ведь говорили, что повеселимся в замке и если случится что-то странное, мы закружимся и свалим домой. Мне надо вернуться до двух, или мама заметит мое отсутствие.

— Донни — охотник на вампиров, крошка, — сообщил Двойке Плохиш. — А если он ее убьет, его ждет большая награда.

— Если я увижу эту проказливую вампирскую принцессу, я заколю ее, — хохотнул Донни. — Ура! — он чокнулся жестянками с Копией.

— Озорная группа, — прошептал Аксель. — Из тех, кому в ужастиках желаешь умереть первыми.

В ответ на слова Акселя Локи снова осклабился.

— Во второсортных ужастиках? — Аксель пожал плечами. Временами Локи был для него слишком серьезным. Локи не ответил, только напряженно пялился на него.

— В фильмах про потрошителей? — Предположил Аксель. — Ладно, я заткнусь.

— Бедный Донни, — Локи снова повернулся понаблюдать за мальчишками и девочками. — Он не знает, что ее можно убить лишь во сне.

— Во сне? Что это ты все время говоришь о снах и охоте в них? — Спросил Аксель, а потом повел себя так, словно у его рта был замок-молния, и притворился, что застегнул его.

— Эй, — обратилась Двойка к Донни. — Мы же просто слегка повеселимся как в "Ужасе Амитивилия", где все выживают в жутком доме и возвращаются домой, как ни в чем не бывало.

— А кто сказал, что убивать ее будет невесело? — Ухмыльнулся Донни.

Плохиш рассмеялся.

— Ты прав. Убивать ее будет весело. В конце концов, она — источник неприятностей нашего города. Мне это нравится, — он глотнул своего пива. Глоток. Глоток. Глоток. Затем он бросил его в сторону Акселя. Когда над головой Акселя просвистела жестяная банка, он уклонился, и она приземлилась в открытую могилу с кучей других пивных банок.

— Да почиет ваше пиво с миром, — пробормотал Аксель. — Пожалуй, если бы это был фильм, Плохиш умер бы самым первым. Как думаешь, Локи?

Локи пока притворился, что Аксель был не более, чем плодом его воображения и не сводил глаз с мальчишек и девочек.

— Давайте же это сделаем, — Донни швырнул Плохишу еще одно пиво, а затем раздавил на земле жука с широкой, неприятной ухмылкой от уха до уха, будто тем самым делал миру одолжение.

Плохиш с фонариком вел через трясину. Копия, Двойка и Донни шли за ним следом, но сперва Донни подозрительно глянул в сторону Локи и Акселя. Те спрятались в своем укрытии, и их было невозможно заметить. И Донни снова посмотрел вперед в сгущающуюся мглу.

— Как мы сможем прошмыгнуть мимо перевозчика? — Поинтересовался Плохиш у Донни.

— Просто иди вон-туда, — показал Донни. — У меня есть знакомая ведьма. Она соорудила из бревна лодку, которую Скелиман не сможет засечь.

— А теперь что? — Спросил Локи у Акселя. — У них есть собственная заколдованная

лодка из бревна. Мы же не можем к ним прыгнуть.

Аксель наблюдал, как они исчезают в тумане, и пожал плечами.

— Великолечно, — с отвращением сказал Локи. — Мы даже не можем их видеть без фонариков.

— Так не пойдет. Они нас заметят, — сказал Аксель.

Локи смог разглядеть лишь витые контуры, двигавшиеся во мгле. Он надеялся, что их голоса подскажут ему направление.

— Нам стоит двигаться медленно, чтобы они нас не услышали, — сказал он Акселю. — Возможно, у них есть еще одна заколдованная лодка из бревна, как запасной план. А если нет, нам придется поехать со Скелиманом.

Локи услышал, как Плохиш объявил, что нашел их зачарованное каноэ. Они все еще смеялись, когда Локи услышал, как хлюпают их шаги по вязкому болоту.

— Что теперь? — Прошептал Аксель. Локи едва видел его во мгле.

— Следуй за мной. Я что-нибудь придумаю. — Сказал Локи и пошел во мглу с Акселем, хватавшимся за его рубашку, пока Локи осторожно не шагнул в болото.

— Так, Локи, не теряй головы, притворись, что это просто вязкий, грязный, зеленый суп-пуддинг, — ободрял себя Локи при виде волнистых дымок поднимающихся над болотом. Они выглядели, словно горячий пар, который вырывался из котла, где варился мозг инопланетянина. Локи услышал, как остальные гребли в болоте неподалеку, и внезапно ощутил холодок, бегущий по позвоночнику.

Девушки в каноэ гребли и пели. Это была довольно странная песня и у нее были следующие слова:

Греби, греби, греби в своей лодке.

Плохиш вел вторую партию хриплым голосом:

По болоту тихонько.

Девчонки закончили и прихлопнули:

Вперед, вперед, вперед...

— Ха ха, — они все рассмеялись и захлопали в ладоши.

— Жизнь — это просто сон, — беззвучно присоединился к ним Локи, по настоящему наслаждаясь тем, как они взялись за песню. Фраза "жизнь — это просто сон" напомнила ему о том, что он считается величайшим Охотником за Сновидениями в мире.

— Они поют, словно пьяные пираты, — промолвил Аксель, его зубы стучали от холода. — Думаю, теперь ты можешь воспользоваться фонариком. Они не увидят нас в тумане, к тому же, они уже впереди.

Неожиданно Локи наткнулся в болоте на каноэ.

— Почему ты остановился? — Вздрогнул Аксель.

— Я его нашел, — сказал Локи, осматривая каноэ и выглядывая перевозчика. Каноэ было пустым.

Локи снова направил фонарик на Акселя, чтобы ему рассказать. Но тут Аксель издал немой вопль, за которым последовало клацанье зубов.

— Если тут каноэ, тогда оно принадлежит Скелиману, — проскулил Аксель.

— Мужайся, — сказал Локи. — Оно пустое. А теперь забирайся в него.

— Я думаю... — Аксель заикался. — Думаю, я подожду здесь.

— Если ты продолжишь тянуть время, мне придется оставить тебя одного здесь в темноте, — сообщил готовый грести Локи.

— Нет, я поплыву с тобой. Но можно тебя, сперва, кое о чем спросить? — Сказал Аксель.

— О чем?

— Ты раньше убивал вампиров, верно? — спросил Аксель. — На это то я могу рассчитывать?

— Можешь рассчитывать на меня, — ответил Локи не вполне уверенный в том, что мог убить вампирскую принцессу. Локи использовал подход "доберемся, а там разберемся". Он втащил Акселя в каноэ. — Я не собираюсь облажаться на этот раз, слышишь? — Локи стиснул зубы.

— Теперь ты меня пугаешь, Локи, — ответил Аксель.

Заметив, что так он ничего не добьется, Локи махнул на Акселя рукой и начал грести. Больше он не слышал голосов мальчишек и девчонок. Гребя через болото, он притворялся, что не слышит многочисленные голоса ночных существ по кругу. Он просто греб, надеясь без происшествий добраться до другого берега. Аксель присел рядом с ним, спрятав голову под капюшоном. Стало значительно холоднее.

— Погодка просто сумасшедшая, — сказал Локи. — Этому должно быть объяснение.

— Это она, — сказал Аксель приглушенным голосом. — Это Белоснежка. Она может управлять погодой.

— Уверен?

— Общеизвестно, что вампиры способны управлять погодой, делая ее холоднее, чтобы соответствовать тому окружению, которое им нужно для того, чтобы выжить. Пока Белоснежка не покормится, ей нравится, когда холодно и снежно. Так врагам труднее напасть на нее. А когда она накормлена, снег начинает падать красного цвета. Это для нее своеобразный ритуал.

— Откуда тебе известно о вампирах больше чем мне?

— Если бы ты хоть раз читал «Дракулу» Брэма Стокера, то знал бы, что у вампиров есть умение управлять погодой, особенно у тех, что из 18 века.

— Она из 18 века?

— Так я читал на форуме. Я тебе расскажу о ней больше. Если. Мы. Выживем.

Локи наблюдал как пар, выходявший из рта Акселя, обретал форму букв поверх туманной ночи. **Если. Мы. Выживем.**

— Ты это видел? Буквы? — спросил Локи.

— Видел, — Аксель уже закрыл глаза. — Моргни, Локи, моргни и все пройдет.

Он моргнул разок, и буквы исчезли. Но теперь слышался звук, который пугал его. Локи распахнул глаз. Девчонки пели снова. Те девчонки, которых он впервые слышал по приезде в Скорбь. Он слушал, как они тихо пели где-то вдалеке:

Белоснежка раз, Белоснежка два,

Вот и Скорбь за тобой пришла.

Белоснежка три, Белоснежка четыре,

Ночью темной запри двери в квартире.

Белоснежка пять, Белоснежка шесть.

Губы алые похожи на грех.

Белоснежка семь, Белоснежка восемь,

Уплывай в своей лодке, пока не поздно,

Белоснежка девять, Белоснежка десять,

Шлосс доберется до тебя и что же делать?

— Ты это слышишь? — Спросил Локи у Акселя.

— Мда, — Аксель сжал губы и сделал такое сильное ударение на букве «а», что Локи заволновался, что тот не откроет рот снова. Его щеки надулись как шары, а лицо посинело. Локи ткнул в одну щеку пальцем. Аксель выдохнул с одним долгим «пуууф».

Туман начал рассеиваться и Локи вдалеке разглядел Черный Лес.

— Почти на месте. Расслабься, — сказал Локи.

— Ты видишь Плохиша и его друзей? — Спросил Аксель.

— Нет, — Локи увидел непроходимые заросли можжевельника, преграждавшие вход в лес. — Но я вижу их пустую лодку.

— Должно быть, они уже нашли Шлосс.

— Может быть, — Локи сделал глубокий вдох и потащил за собой Акселя в темноту леса.

По коже Локи поползли мурашки, а волосы на спине встали дыбом. Лес производил особенное, свойственное лишь ему, впечатление, аура знобящего холода и грязь на земле, которая пахла словно разложившиеся кости мертвецов, захороненных под ней. Это одновременно и захватывало и пугало. Внезапно, Локи увидел проблески того, что здесь происходило сотни лет назад. Он не знал как, но он у него было видение принцессы, убегавшей от чего-то... или кого-то. Затем это видение испарилось.

— Ты в порядке? — Забеспокоился Аксель.

— Клыкклево, — ответил Локи, как всегда слишком гордый для того, чтобы показывать свой страх.

Ползучие деревья можжевельника не давали увидеть ночное небо над головой. Казалось, будто они вошли в пещеру, образованную изогнутыми деревьями.

— Эй, я только что вспомнил кое-что, о чем я когда-то читал, — сказал Аксель.

— Ну, что еще?

— Эти деревья Джунипер упоминались в сказке Братьев Гримм.

— Спорю, это было яркое и радостное дерево, вроде рождественской елки, — Локи воспользовался своим Аликорном, чтобы проложить путь сквозь густой кустарник.

— А вот и нет, — сказал Аксель. — Ты, наверное, плохо знаешь сказки Братьев Гримм. Там полно убийств и запекшейся крови. В той конкретной сказке, дерево было реинкарнацией мальчика, убитого мачехой и закопанного в земле.

— Правда? — Локи заметил, что в последнее время, всякий раз, когда кто-то заговаривал с ним о сказках, они не казались такими уж легкомысленными и веселыми, как он всегда о них думал. Какое-то время он просто шел молча.

— Эй, — прошептал Аксель, словно не хотел беспокоить деревья. — Я думаю, что-то хлопнуло меня по спине.

— Шшшш, — сказал Локи, пытаясь найти дорогу сквозь заросли. Его фонарик с трудом освещал путь.

— Я серьезно, настаивал Аксель. — Что-то прикоснулось ко мне.

— Как только найдем замок, посмотрим, что там тебя стукнуло. — Вздыхнул Локи.

— Только что это снова случилось, — вздрогнул Аксель. — Это похоже на множество маленьких холодных рук, которые похлопывают меня по спине и голове.

— Ладно, ладно, просто прекрати по мне хлопать, — сказал Локи.

— Что? — Спросил Аксель. — Я тебя не трогал.

Локи застыл на месте. Он задался вопросом о том, к чему бы призраки стали хлопать его по спине, вместо того, чтобы просто «у-у» на него. Локи обернулся. Аксель уставился вверх на невидимое небо, скрытое скрюченными ветвями. Повсюду падали маленькие белые снежинки, пролетающие через пустоты между деревьями.

— Это божественное предупреждение, — прошептал Аксель, — гнев с небес.

— Что?

— Неужели ты не видишь, что снег падает за нами, а не перед нами? Похоже, снег преследует нас.

— Чушь.

— Не могу поверить, что ты охотник на вампиров, когда ты такое говоришь, — пожаловался Аксель. — Ты словно чей-нибудь родитель, который говорит, что в чулане нет Бугимена. Предки всегда умирают первыми из-за того, что не верят детям.

Локи увидел глаза, которые пристально смотрели на него позади Акселя. Он знал, что это были глаза, потому что они моргали. Глаза были по большей части золотыми; пара тут и там, всегда по паре. Если бы он сказал о них Акселю, тот встревожился бы еще больше.

— Слушай, — сказал Аксель, вставая на цыпочки, — Я их слышу.

Локи услышал, как поблизости пела Копия с парнями. Похоже, они конкретно надрались. Локи подумал, что это то, что спасает их от страха. Плохиш снова пел:

Белоснежка сосет кровь. Ля О-ля-ля-ля.

А когда она тебя осушит, ты умрешь Ля О-ля-ля.

— Изобретательно, должен сказать, — Локи поднял бровь, обменявшись взглядами с Акселем.

— У меня есть получше, — сказал Аксель. — Принцесса Белоснежка сосет кровь, йо-о-хо-хо. Она осушит их всех словно крыс йо-о-хо-хо.

Локи закрыл рот Акселя ладонью.

— Ты поешь слишком громко. Они нас услышат.

— Ставлю десять баксов, что Плохиш умрет первым, — произнес Аксель, убирая руку Локи.

Неожиданно, Аксель прошел мимо Локи, набравшись внезапной храбрости.

— Знаешь что? — Сказал он. — Если им не страшно, тогда мне тоже не страшно.

Локи предположил, что это было результатом слишком долгого испуга: тебе становится от страха скучно, и поскольку с тобой не происходит ничего плохого, ты решаешь расхрабриться для разнообразия.

Они оба достигли края леса и сквозь последний ряд деревьев глянули на открытое заснеженное пространство. Копия и ее друзья далеко впереди спешили по глубокому снегу, напевая, рассказывая шутки и время от времени кляня Белоснежку.

— Смоооооотри! — Аксель показал вперед. — Преблагой Властитель — Аксели завопил. — Колец.

Локи взгляделся. Замок, Шлосс стоял далеко впереди, по ту сторону от мальчишек и девочек. Он сиял в ночи, словно громадный драгоценный камень, такой большой, больше, чем самый большой пятизвездочный отель, который он когда-либо видел. Это было потрясающее золотистое строение, немного перебор с изогнутыми формами и стеклом, однако, гордо стоящее среди снега, такое внушительное, что Локи невольно шагнул назад. Это еще что за хрень?

Шлосс выглядел как сказочный замок, не от сего мира, немного в арках, как Тадж Махал, только архитектура была европейской и слегка готической. Локи протер глаза и снова взглянул на эту потрясающую красоту. Издалека здание казалось покрытым золотом. Правда была в том, что его сделали из стекла и золота, а окна сделали из просвечивающего перламутра. Локи подумал, что у него есть собственное сердцебиение, и что тени и силуэты вокруг него постоянно меняются. Окна были огромными, пристально взиравшими на него сверху вниз, будто мертвые прямоугольные глаза, сделанные из мутного перламутра. Белые занавески за окнами порхали словно танцующие призраки и помахивали незваным гостям. Локи пришлось снова моргнуть, чтобы убедиться в том, что ему это не кажется.

Главный вход украшала великолепная дверь, по форме похожая на пасть кита... Локи вспомнились ворота ведущие к Поезду Последствий. Похоже, что для того чтобы ее открыть, потребуется армия. Несмотря на то, что замок сиял, его окружала мрачная аура, как будто он был телепатом и передавал свои мысли в мозг Локи. Вкратце, Локи был почти уверен, что замок живой.

— Что за... — Копия стояла, разинув рот, пораженная видом замка. Должно быть, она видела подробную версию, поскольку была всего в нескольких шагах оттуда.

С точки зрения Локи, мальчишки и девчонки казались крошечными по сравнению с размером замка. С опущенными по бокам руками, смотрящие на невероятно прекрасный фасад, идущие к нему как под гипнозом, они выглядели как Алиса в заснеженном Зазеркалье, готовая к волшебному путешествию.

— Теперь понятно, почему городской совет хочет использовать его как аттракцион для туристов, — сказал Аксель.

— Аттракцион для туристов?

— Я слышал, что новый председатель хочет избавиться от принцессы и превратить замок в туристическую достопримечательность, чтобы обогатить город, — пояснил Аксель. — Если внутри не будет никакой вампирской принцессы, это могло бы быть лучшей приманкой для туристов в мире. Он самое удивительное из всего, что я когда-либо видел. Интересно, почему никто не сфотографировал замок и не загрузил фотки на форум.

— По правде говоря, — произнес Локи, — я представлял его темным, пугающим, заброшенным особняком с грязными, забрызганными кровью стенами.

Двойка отбросила пивную банку и протерла глаза, с неверием взирая на Шлосс. Копия танцевала вокруг, словно малое дитя, которое только что нашло шкатулку с диковинами Санта Клауса. Плохиш с нетерпением поспешил к главному входу. Только Донни не впечатлился. Локи подумал, что тот ощутил тот же ужас, который чувствовал он, что убить принцессу будет совсем не просто, и что этот замок далеко не так прост.

— Выходи, злобное чудовище, — вызывающе крикнул Донни. — Она играет с нами в игры, — сказал он своим друзьям, а затем внезапно противоречил себе и сказал, — так, на сегодня хватит. Давайте возвращаться.

— Какой же ты охотник на вампиров? — Копия рассмеялась над Донни. — Пару секунд назад ты хотел ее убить.

— Я все еще хочу, — сказал Донни. — Но здесь что-то не так.

— Что это с Донни? — Удивился Аксель. — С чего он так испугался?

— Он охотник на вампиров и чувствует, что этот замок какой-то неправильный, — сказал Локи. — Я тоже это чувствую.

Локи раздумывал, не стоит ли ему окликнуть Донни и его друзей и убедить их

вернуться. Но с какой стати ему это делать? Ему все были побоку, тем более Донни. Он находился здесь, чтобы найти способ попасть домой, значит, он должен эмоционально отделиться от всех остальных. Он был здесь не для того, чтобы узнать правду о вампирше Белоснежке или решить головоломку. Он напомнил себе, что ему не нравились малышки, Донни Сверчок-Убийца и Плохиш, возглавлявший этот список. Но мне нравится Аксель, несмотря на то, что он надоедливый. Блин, мне так нравится Фейбл, хотел бы я, чтоб она была моей сестрой. Локи сопротивлялся голосу в голове.

Я сам по себе. Я не принадлежу этому миру. Я из места под названием Небеса, а это место — часть большого города, под названием Ад. Мне здесь нечего делать.

Когда голова Локи была готова взорваться от противоречивых мыслей, он случайно повернул голову в сторону второго этажа замка, глядя на колеблющихся призраков за окнами. На этот раз не было никаких призраков. Никаких занавесок. Там было нечто еще более пугающее. Он взвизгнул. Это была она, Белоснежка. Он увидел вампирскую принцессу прямо там, наверху, за стеклом в перламутровой раме второго этажа, она стояла посреди окна, будто бы была Моной Лизой, сидящей в рамке своего портрета, и осторожно, с легкой улыбкой на лице, наблюдала за своими непрошеными гостями. Она наблюдала за ними, высматривала их слабости, и готовила им ужасную судьбу, как паук паутину, искушала их могуществом Шлосса. Вот только она была куда моложе, чем Мона Лиза, намного страшнее в своем безжизненном безмолвии, наблюдая за ними, словно небесное око, глядя прямо на Локи, прямо в его полу-ангельские глаза.

Белоснежка, одетая в белое, на оттенок темнее ее бледной кожи платье, взирала сверху вниз на захватчиков замка. Локи не мог рассмотреть ее лицо в подробностях, но ее волосы были черны, как окружавшая его темная ночь. И все же, это был совсем другой черный; родоначальник всего темного. В ее волосах была красная лента, из-за чего она выглядела невинным ребенком. Локи сомневался, что она все еще будет похожа на ребенка, когда он подберется ближе.

Он стоял и не мог ничего сказать. Слова не осмеливались покинуть его рот. Удары его сердца замедлялись будто поезд, пытающийся избежать катастрофического столкновения. Время остановилось, и перед глазами снова прошли вспышки воспоминаний, проблески того, как она убегала в Черном Лесу. Локи охватил неконтролируемый порыв желания, рассмотреть ее поближе. Она была подобна Шлосс, сияюще прекрасная и смертоносная, как запретная сладость или колыбельная, что повергала своего слушателя в вечный сон. Аксель вывел Локи из транса, потянув его за руку. Локи равномерно дышал и рассматривал Двойку и ее друзей, желая остановить их, но было слишком поздно. Они уже зашли в Шлосс. Локи снова бросил взгляд на Белоснежку, ее не было. Разглядывая парадную дверь замка, теперь приоткрытую, он вытащил свой Аликорн. То, что он шел по глубокому снегу, который начал падать перед ним, несколько замедлило его. Аксель пыхтел позади.

Фонарики Донни и его друзей мелькали внутри Шлосса, оставляя на стенах и потолке лучи света. За занавесками их тени выглядели высокими и страшными. Некоторые из них были уже на втором этаже.

— Не это ли тот самый миг, когда еще одна тень внезапно подпрыгивает и пожирает Двойку или Копию? — Полюбопытствовал Аксель.

Холодный порыв ветра забрался в штанины джинсов Локи и пробрал его прямо сквозь белье. Он показался щекотливым и крайне холодным. Локи хихикнул от неприятных ощущений.

— Ты чего хихикаешь? — Недоуменно спросил Аксель.

— Забавно, как боль и смех подчас звучат одинаково, — ответил Локи, поправляя джинсы.

— Продолжай и дальше так надо мной насмехаться, и мы оба умрем сегодня.

Локи увидел, как силуэт Плохиша затянул Копию в комнату и поцеловал, напирая на нее и заставляя отстраняться.

— И чего им вечно надо пообжиматься в доме с привидениями? — Пробурчал Локи.

— Это Копия? — Спросил Аксель. Локи кивнул. — Разве Двойка не девушка Плохиша?

— Какая тебе разница? — Ответил Локи.

Шлосс медленно окутывал еще более густой туман. Мгла начала подниматься вверх, набирая скорость вращения, в то время как полуночное небо стало темно-пурпурным, словно синяк, в который добавили легкие мазки желтого и оранжевого. Туман устремился довольно высоко, так что Локи и Аксель потеряли замок из виду.

— Эй, — сказал Аксель. — Я только что вспомнил, что забыл запереть дом, — он пытался избежать мглы тем, что стоял в тени Локи. — Я вернусь и удостоверюсь, что он был закрыт.

— Будь храбрым, — отозвался Локи.

— Я достаточно храбр, чтобы признаться, что я трус.

Локи шагнул в туман, потянув за собой Акселя, теперь он снова видел замок. Плохиш и Копия все еще обжимались. Копия показалась на пару окон дальше, она играла с волосами и разглядывала что-то внутри.

— Давай вернемся, Локи, — взмолился Аксель. — Если мы посмотрим ей глаза в глаза, то умрем.

— Я уже это сделал. Я видел вампиршу в окне, — ответил Локи и подумал, не намеренно ли она это сделала. Неужели она играла с Локи, подначивая его проверить, не тонка ли у него кишка для того, чтобы приблизиться и убить ее? Была ли она в курсе о слабости Локи к девушкам-демонам? — Считай, что меня уже прокляли. Кроме того, мне нужно ее убить. Нужно, — Локи держал Акселя за плечо.

— Не думаю, что тебя проклянут, — сказал Аксель. — Ты привлекательный парень. В фильмах симпатичный парень всегда выживает. С другой стороны, я ботан. Я не могу себе позволить того, чтобы она посмотрела на меня. Да у меня на лбу написано "первая жертва".

— Значит ли это, что ты собираешься сейчас струсить?

— Нет, я пойду с тобой, — перекричал Аксель усиливавшийся ветер. — Потому, что хоть я и некрасивый парень, я силен в другом, чего у тебя нет, — Аксель положил руку на плечо Локи. — Мне нечего... терять! — сказал он так, словно только что обнаружил арахисовое масло.

Одна из Двойняшек внезапно закричала за пеленой мглы. Отвратительное уже началось.

— Слушай меня, Аксель, — встряхнул его Локи, чувствуя себя виноватым за то, что взял парня с собой. — Ты не хочешь идти со мной. Это моя хрень. Я должен это сделать. У тебя есть сестра, которой ты нужен. У нее кроме тебя никого нет. Глупо считать, что тебе нечего терять. Ты дурак, Аксель. Слышишь меня? Ты столько можешь потерять. У тебя есть семья и дом, что-то такое, о чем я даже не помню, чтобы оно у меня было когда-то. Если бы Фейбл была моей сестрой, я бы убивал для нее драконов. А теперь возвращайся! — Локи оттолкнул Акселя, затем снова повернулся к замку и сделал глубокий вдох, когда в замке выключился весь свет.

— Верно, я хочу позаботиться о Фейбл, но она никогда не думала обо мне как о герое, так что теперь есть возможность стать ее героем, — возразил Аксель. — Если я умру, скажи ей, что я был героем. Расскажи ей обо мне хорошее, Локи. Скажи ей, что я умер, сражаясь с девятиглавым львом, а не с пятнадцатилетней вампиршей. Я мог бы быть ролевым персонажем из «Фейбл». На самом деле, если я умру, а она думает обо мне как о ролевом персонаже, мне бы это понравилось.

— Просто уходи, а не то дам в морду! — Локи толкнул Акселя.

Аксель воспользовался моментом, пытаясь выяснить, а не тонка ли у него кишка, чтобы остаться, но Локи был непоколебим и Аксель подумал, что лучше бы ему вернуться назад к сестре.

— Мог бы ты, по крайней мере, выделить мне фонарик, что бы было чем воспользоваться на обратном пути? — Попросил Аксель.

Локи выхватил запасной фонарик из сумки и вручил его Акселю. Щелк-щелк. Щелк-щелк. Аксель включал и выключал фонарик.

— Просто проверяю, — он смутился, заглядывая в обвиняющие глаза Локи. — Седьмое правило выживания в фильмах ужасов: всегда проверяй батарейку своего фонарика перед

использованием, потому, что обычно они не работают, когда тебе нужно.

Локи едва не улыбнулся. Если бы парень сегодня не добрался до места, если бы умер, пытаясь убить вампирскую принцессу, пожалуй, он скучал бы по Акселю, несмотря на то, что они так мало времени провели вместе...

— Я нашел ее! — Донесся эхом голос Донни из замка.

Локи обернулся и услышал звук возни. Должно быть Плохиш и Копия все еще были наедине. Он услышал, как Двойка обвиняла Донни в том, что тот поднимает ложную тревогу, прикалываясь над ними.

— Я не шучу, — раздраженно кричал Донни. — Она..., - его голос отражался от стен так, словно он был в пустой комнате. — Я не могу поверить своим глазам! — Вопил он в истерике.

Пришедший в состояние готовности Локи стоял со своим Аликорном в десяти футовом прыжке от входа в замок и пытался разобраться, что же происходило внутри. Он обернулся посмотреть вдруг Аксель изменил свое решение и решил остаться, но того не было. Локи вновь стало одиноко, совсем как тогда, когда он впервые оказался в Обычном Море.

— Что это? — Закричал Плохиш откуда-то из замка Донни. — Ты где? Я ничего не вижу.

Очевидно, большинство из них разделились в замке и Донни оказался где-то совсем один. Локи не мог определить, где они находились.

— Я тоже иду! — Окрикнула Двойка. — Я не могу найти свой фонарик. Подождите!

Локи все еще наблюдал, застыв на месте, и не мог понять, кто был кто. Все происходило слишком быстро, и смерть была неизбежна. Должно было случиться нечто плохое. Если Плохиш взбирался по лестнице, почему Локи не видел, как его фонарик светит за окнами?

— О, Боже! — Вскрикнула Копия. Ее тон выражал скорее удивление, чем страх. — Я нашла ее хрустальный гроб, прямо как в сказке. Он такой красивый.

— Нашла гребаный фонарик, — откликнулась Двойка. Свет показался в окнах первого этажа. — Уже иду. Где ты и Донни?

Локи увидел, как она поднималась по лестнице, перепрыгивая по две ступеньки за раз. До того, как она достигла второго этажа, ее свет ее фонарика наткнулся на Плохиша, замеревшего на верху лестницы.

— А вот ты где, крошка, — произнес Плохиш.

Локи знал, что если бы Аксель все еще был здесь, он захотел бы разоблачить Плохиша в том, что тот ее обманывал.

— Что еще за гроб? — Отозвался Донни.

— Мы идем, — сказала Двойка, пыхтевшая рядом с Плохишом. — Где ты?

— Не знаю, но я вижу, как из одной из комнат исходит слабый свет, — сообщила Копия. — Это вы ребята?

— Какой еще нахер свет? — Спросил Донни. Слова прозвучали слегка приглушенно. Локи тоже хотелось знать, где находился парень. Разве он только что не сказал, что видел ее?

— Это наш фонарик, — отозвался Плохиш. — Где вы ребята?

— Гроб пустой, — сообщила Копия.

— Конечно же, пустой, — крикнул Донни.

— Где вы ребята? — Плохиш и Двойка были в бешенстве.

Тут Локи понял, что Двойка и Плохиш думают, что Копия и Донни находятся в той же

комнате, а их, по-видимому, там не было. Локи понял это по их голосам.

— Уже за полночь. С какой стати ей быть в гробу? — Произнес Донни дрожащим голосом. — Она прямо передо мной. Вот что я пытался сказать с самого начала.

— Где же ты? — В последний раз взмолился Плохиш.

— Я в подвале! — Прокричал Донни с болью в голосе.

Плохиш с Двойкой понеслись вниз по лестнице. Копия выскочила из комнаты с гробом, которая, как видел Локи, была на втором этаже.

— Оставайся там, — крикнул Плохиш. — Мы идем за тобой. У меня кол.

— Зря стараетесь, — отозвался Донни. — Вам меня не спасти.

— Держись, — крикнула Двойка.

— Она такая красивая... я не прочь умереть в ее руках... — произнес Донни и издал последний стон.

Последнее предложение заинтересовало Локи. *Что Донни имел ввиду, когда сказал, что не возражает против смерти в ее руках?*

Локи бросился в замок с Аликорном в руке. Внутри он налетел на тройку ребят в холле.

— Кто ты такой, черт побери? — Со стоном осведомился у Локи Плохиш с колом. Это был пластиковый кол для детишек. Локи не мог поверить глазам; световая сабля из Звездных Войн и то была бы лучше.

Плохиш решил, что ожидание ответа может оказаться не лучшей идеей, поэтому он поднял свой пластиковый кол, чтобы убить Локи.

— Я не вампир, — заорал на него Локи. — По-твоему, я похож на Белоснежку?

— Ты парень с парковки, Локи Блекстар, — зарычал Плохиш в тусклом свете. — Знаешь что? Меня зовут Плохиш, и я собираюсь надрать тебе задницу!

— Серьезно? — Локи нахмурился. — Ты сейчас подражаешь мне?

До того как парни начали драться, и до того как девчонки спустились с лестницы, из подвала появилось нечто белое, словно плывущее в аквариуме. Это была *Она*.

Белоснежка, принцесса — вампирша скользила по воздуху словно призрак, ее белое платье развевалось вокруг тела, напоминая Локи о матери.

Выкуси! С чего ей напоминать мне о матери? Разве мне нужны дополнительные причины, для того, чтобы сделать ее убийство такой непосильной задачей?

Двойняшки закричали, роняя свои фонарики. Их писклявые голоса застали Локи врасплох, и он тоже выронил свой фонарик. От звука разбивающихся о мраморный пол фонариков у Локи перехватило дыхание. Локи вспомнил слова Акселя, что в фильмах ужасов фонарики перестают работать в самый неподходящий момент. Вокруг была крошечная тьма, за исключением бледной кожи принцессы и ее платья. Фонарик Двойки все еще нечасто мигал на полу. Он упал на сумку с инструментами Плохиша и неудобно приземлился, его круглый пучок света попадал прямо на лестницу. Вспышка. Вспышка погасла. Можно подумать, им были нужны дополнительные факторы страха в такой ситуации.

Находясь под влиянием момента, Локи не двигался, боясь поднять фонарик с пола. Принцесса вампиров парила в паре дюймов от третьей ступеньки, а мигающий свет то освещал, то скрывал ее. Тик-так. Тик-так. Фонарик не только мигал, он также служил тикающими часами. Локи надеялся, что это не отсчет их смерти.

Белое платье вампирской принцессы было забрызгано кровью Донни Светлячка-Убийцы... Локи подумал, а не поблагодарить ли ему вампиршу за избавление мира от таких

задниц, как Донни. Она продолжала парить над лестницей словно марионетка, широко раскачивавшаяся на управлявших ею невидимых нитях. Локи подумал, что она изучала их, свою добычу, уже закусив для аппетита в подвале. Смешанные тени замка не давали Локи увидеть лицо вампирской принцессы. Он видел ее лицо не достаточно четко, когда был снаружи, и ему до смерти хотелось увидеть его теперь. Ему хотелось знать, как выглядела шестнадцатилетняя богиня страшилок при близком знакомстве.

Девушки-Близняшки закрыли свои лица, чтобы не смотреть на нее, они знали, что если встретятся с ней глазами, то неизбежно умрут. Поскольку Локи уже это делал, он знал, что если он хотел попасть домой, сегодня ему вновь придется посмотреть в глаза смерти. Ему надо заколоть принцессу, чтобы остаться в живых.

Надоедливый мигающий фонарик, то я ее вижу, то нет.

Локи заметил, что ее волосы аккуратно расчесаны и выглядят так же красиво, словно натуральный шелк, ниспадая на ее плечи. *Она в самом деле была принцессой?* От этой красной ленты в волосах девушка выглядела такой невинной, вот только она была заляпана кровью. Было заметно, что ей около шестнадцати лет. Извращенная демоническая принцесса из сказки была столь юной, что с трудом верилось в то, что она запугивала этот город сотни лет. А из-за ее красоты поверить в то, что она — порочная вампирша, было тоже невозможно. Локи смотрел на нее и не хотел верить собственным глазам. В ней было нечто порочно-прекрасное.

Перестань, Локи. Ты же знаешь, что девушки-демоны — твоя слабость. Она использует свою внешность для убийств таких как ты, примерно так она прикончила Донни Светлячка-Убийцу. Помнишь, когда он сказал, что не прочь умереть у нее в руках.

Локи никогда прежде не рассматривал вампира, которого собирался убить, но он не мог ничего с этим поделать. Ее платье казалось королевским, в стиле то ли 18, то ли 19 столетия; оно было дорогим, ткань обтягивала тело, словно тоскующие о мире, сердитые океанические волны стремятся к берегу, и демонстрировала ее тонкие обнаженные ручки. Ее хрупкая фигурка лишь усиливала это впечатление порочной невинности и поневоле начинаешь верить в то, что она была обычной девочкой, до того как превратилась в вампиршу, быть может столетия назад? А еще она носила медальон в виде красного, едва надкушенного яблока.

— Оставайтесь здесь, — прошептал Локи остальным, не сводя глаз с принцессы и наблюдая, как она приблизилась еще на пару шагов. Наконец-то, он смог увидеть нижнюю часть ее лица, от носа до подбородка.

Кровь капала из уголка рта на ее платье, вплоть до голых ступней, и, наконец, приземлялась на ступеньки. Дальше она сочилась по полу словно красная ртуть. Из-за мерцания фонарика все выглядело как замедленное немое кино. Локи чувствовал себя так, словно оказался на дешевой вампирской дискотеке, танцуя за свою жизнь.

Иногда Локи думал, что чудовища сами по себе были не такими уж и страшными. Если что и повышало уровень страха, так это дополнительные эффекты: дождь, буря, темнота, кричащие девчонки, сочащиеся вентиля, скрипящие двери, и само собой, мигающий фонарик.

— Сгинь, чудовище! — Завопила Копия, светя на нее цифровым изображением креста, которое было у нее в телефонных приложениях. — Ты, отвратительное существо!

— Серьезно? — Локи стиснул зубы. — Тупые Минкины, — ему хотелось посоветовать ей не грубить принцессе, не говоря уже о том, чтобы светить на нее крестом из приложения.

Но было слишком поздно. Не откладывая в долгий ящик, Белоснежка напала на Двойку. Блин. Вампирская принцесса двигается быстро. С Двойкой расправились с той же скоростью, с какой молния с небес могла бы испепелить бедную душу. В темноте было трудно увидеть, что проделывала с ней Белоснежка, но перед тем как, предположительно, почтить в мире, Двойка вскрикнула и навсегда прекратила болтовню.

Все затаили дыхание, когда принцесса исчезла во мраке. Локи удивило то, что никто не побежал, спасая свою жизнь. Так поступал с людьми страх, парализуя их мысли и не давая видеть возможное решение. Локи увидел, как Плохиш приближался к Белоснежке с пластиковым колом. Вампирская принцесса ударила его наотмашь, и тот отлетел. Локи видел, как это случилось, но казалось, что она даже не прикоснулась к Плохишу, будто у нее была сила двигать предметы простым мановением руки. Сцена была достойна смеха; Плохиш был как минимум в два раза больше ее, а она все же ухитрилась отправить его в полет как большое пушечное ядро. Он кончил тем, что вмазался в стену, словно лягушка из сказки про Принцессу и Лягушку... Чармвилль рассказывал Локи, что в первоначальной версии принцесса со всей силы ударила лягушку об стену.

— Ну и кто теперь тут самый крутой? — Локи не мог ничего с собой поделаться и разговаривал с Плохишом, который теперь был в отключке. Так он успокаивал себя, зная, что понятия не имеет как ему заколоть принцессу, если та нападёт на него.

Я пришел последним, поэтому я думаю, что она прикончит меня в конце. Должен же быть какой-то порядок, в котором она выбирает, верно?

Локи заметил, что теперь стоял в совершенно темном месте, и предположил, что если не будет двигаться, то она не увидит его. Если бы он это пережил, то вернулся бы и выяснил, как убить вампирскую принцессу. Было понятно, что у него не получится убить ее сегодня.

— Что там происходит? — Прокричал Аксель снаружи. — Ответь мне, Локи!

То, что Аксель вернулся, было одновременно и хорошо и плохо. Хорошо то, что Аксель был не здесь, а снаружи. Плохо то, что Белоснежка обратила внимание на Локи. *Большое тебе спасибо, Аксель Крамблвуд!*

Тело Двойки со шлепком врезалось в стену, упав на мешок с фонариком, и свет изменил свое направление, высвечивая принцессу Белоснежку.

— Посвети немного, — обратился к нему Локи, словно тот мог его слышать.

Белоснежка подплыла к Локи, ее платье и черные волосы развевались в дурацком положении и горизонтально слева, будто замок повернулся на бок. Вампириша издала тихий звук, словно говоря *аах* после обильной еды, наполнившей ее вены. Она развела руки в стороны и потянулась, слегка подняла подбородок. Ее глаза стали черными как у демона, и она взлетела еще на дюйм выше. Если бы он только осмелился, то поднял бы фонарик и увидел ее лицо. Никогда раньше лицо демона не вызывало в нем такого любопытства, и он знал, что это может стоить ему жизни.

Локи снова увидел ее коварные глаза, скрывавшие ту душу, что могла прятаться под ее личиной чудовища... если в немертвой принцессе осталась хоть какая-то душа. На долю секунды в ее глазах промелькнула золотая вспышка, настолько яркая, что вокруг нее засветилась аура, как если бы она была феей или светлячком, заблудившимся в темноте ночи. Вспышка продлилась недолго, но достаточно для того, чтобы увидеть, что она была дьявольски очаровательной. Что-то в ней околдовывало. У ее гнева был какой-то ореол инфантильности, словно бы она была сделана не из настоящего зла; этакая неотразимость отравленной конфетки, которую хочется скушать даже ценой жизни. Может, она была

просто непослушной принцессой, которая игралась со своими игрушечными клыками.

На мгновение Локи замер, глядя на нее. Кроме ее лица он больше ничего не видел. Она овладела его разумом и душой, и он сопротивлялся желанию узнать ее историю, ее настоящую историю. Он понял, почему Донни стоял и смотрел на нее и называл ее прекрасной, вместо того, чтобы убежать. В ней было нечто неопишное. Это было словно порхающие в желудке бабочки, когда ты влюбился, ощущение, которое можно передать только кистью в картине, прекрасная песня, которая может заставить тебя плакать, рифма в поэме или искусная хореография в танце. Она была ужасно прекрасна настолько, что это можно было описать лишь при помощи таких оксиморонов как: ужасающе изумительная, греховно милая или убийственно безупречная. Локи хотелось изгнать ее из своей души, но он знал, что было слишком поздно.

Оксѳморон, оксѳморон (др. — греч. οξѳμωρον — «умная глупость») — стилистическая фигура или стилистическая ошибка — сочетание слов с противоположным значением (то есть сочетание несочетаемого). Для оксѳморона характерно намеренное использование противоречия для создания стилистического эффекта. С психологической точки зрения оксѳморон представляет собой способ разрешения необъяснимой ситуации.

Те, на кого она положила глаз, не живут достаточно долго, чтобы об этом рассказать. Они были правы. Когда она, наконец, решилась подойти, Локи сделал последний вдох в своей смертной жизни. Вампирская принцесса приближалась к нему медленно, паря в неподвижном, словно затаившем дыхание воздухе замка, словно давно утерянный демон, которого был обязан встретить Локи, словно карма, которая его настигла спустя годы ожидания. Изысканная, но чудовищная, осмѳрительная, но смертоносная она спускалась к нему.

Локи почувствовал, что у них двоих много общего. Он увидел это в ее темных глазах. Смотреть на нее было сродни смотреть на себя в зеркало, которое отражало лишь темноту в нем; темноту, о которой ему говорил Чармвилль. Локи чувствовал себя так, словно задает ей тот же вопрос, который он задавал себе все время: *Кто я, черт возьми, такой? И кто ты такая, черт возьми, порочная принцесса? Разве внутри нас одна и та же темнота и она настолько ужасна, что я заслужил изгнание, а ты заслужила превращение в демона?* Они разделяли определенную боль, и внезапно Локи осознал иронию того, что они оба хотели друг друга убить. Впрочем, это было неизбежно, кто-то из них должен был умереть, а кто-то выжить. Вот только Локи был слабейшим из двух.

Локи старался всем своим видом скрыть волнение и не выдать страх. Загипнотизированный ее присутствием, он ждал пока она подойдет еще ближе. Он подумал, что когда она подойдет достаточно близко, он воспользуется представившейся возможностью и заколет ее Аликорном. Парень надеялся на то, что этот рог единорога и впрямь особенный, ведь он так в этом нуждался. Он даже попытался прошептать ему Ора Педора, но ничего не произошло.

Ora Pedora (лат.) — Молись, презирающая людей...

Это — моя единственная возможность. Это — моя работа, и насколько мне известно, она обманом заставляет меня полюбить ее, совсем как это произошло с Донни.

Он смотрел своей мучительнице глаза в глаза. Белоснежка протянула руку и коснулась его лица тыльной стороной своей гладкой кисти, скользя ею по щеке Локи. Она прodelывала

это медленно, почти неуверенно, но от этого у парня по коже поползли мурашки. И как это у нее получалось пробуждать в нем все эти противоречивые чувства?

Когда девушка убрала руку, он почувствовал, что погиб. Почему он чувствовал себя так, словно хотел, чтобы ее мягкая рука вернулась на его щеку?

Сосредоточься, Локи! Ведь это твоя слабость привела тебя к тому, что ты провел последний год в Обычном Мире.

Она склонила голову, и посмотрела на него так, как иногда делают хитрые собаки, которые смотрят на тебя как на ребенка, которого надо любить и о котором положено заботиться, но в итоге перегрызают тебе горло. Локи позволил ей пробежать пальцами по своей второй щеке. Он ощущал удовольствие и боль. Он глядел на нее, затаив дыхание, убеждая себя, что она недостаточно близко для того, чтобы заколоть ее.

Кого ты обманываешь, Локи? Сделай это! Просто сделай!

Заметив по лицу парня, что он собирается заколоть ее, вампирша схватила его за горло его той же рукой, которой ласкала щеку, с силой сдавливая вены на шее, ее пальцы оставляли отметины в коже, словно та была из глины. У нее была слишком быстрая реакция. Локи же не попал ей в сердце и всадил кол в живот, что было ошибкой по невнимательности. Это должно было быть сердце.

Локи закричал. Она нет. То был напряженный миг, Локи все еще сжимал Аликорн, который наполовину вонзился ей в живот, и в тоже время Белоснежка все еще сжимала его шею. Именно тогда они оба могли умереть: он заколов ее, а она задушив его. Она так сильно наделава большим пальцем на адамово яблоко парня, что ему пришлось повернуть голову от боли, и он не смог принять такое положение тела, чтобы снова всадить в нее кол.

Как эта хрупкая девчонка была способна вытворять такое?

Одной рукой она оторвала его от пола, а тем временем ее глаза стали кроваво-красными. Локи обхватил ее руки своими, пытаясь защититься от нападения. Она вытащила Аликорн из кровоточащего живота и кинула его в темноту, заколов Копию. Она попала Копии прямо в голову, словно умелая метательница ножей. С другой стороны, рана Белоснежки не причинила ей ощутимого вреда. Она затянется через несколько минут. Локи такое видел и прежде. Пока же Локи требовалось сосредоточиться на том, что вампирская принцесса собиралась задушить его до смерти, и он почти ничего не мог с этим поделать.

Внезапно позади появился луч света и попал ей в лицо.

— Оставь его в п-п-покое, — заикаясь, произнес Аксель. Локи удивился, что Акселью хватило мужества на то, чтобы рискнуть зайти в замок и попытаться спасти его... или умереть с ним.

Белоснежка не дрогнула и не обратила внимания на Акселя, но метнулась прочь он направленного ей в глаза белого света, а тем временем ее глаза из красных вновь превратились в черные. Кажется, никто не замечал присутствие Акселя, даже демоны. Вместо этого Белоснежка продолжала смотреть на Локи так, что он почувствовал себя виноватым, будто бы это он схватил ее за шею. А затем произошло нечто поразительное. Ее лицо с прекрасной и нежной кожей расслабилось. Не смотря на то, что она была мертвой, Локи увидел, как на бледное лицо девушки возвращается часть ее жизненных сил.

Так и было. Ее лицо было белым будто снег. Ее приоткрытые, надутые сердечком губы были красными словно кровь; вишнево-красными; землянично-красными или красными как кровь для переливания. Ее волосы были черными, будто их вырезали из материи таинственных ночных душ. Ее ресницы были словно старинные римские опахала из перьев и

величаво порхали, подобно парусам корабля, улетевшим в стратосферу. Ее ресницы были слегка тронуты золотисто-зеленой тушью, напоминавшей Локи о древних египетских богинях. Она и была богиней. Но не из тех великолепных и потрясающих, а из тех, кто был похож на обычную, добросердечную девушку-соседку.

Она медленно его опустила, ослабляя свою хватку. Вампирша проделала это грациозно и осторожно. От этого он почувствовал себя словно женщина на огромной лапе Кинг Конга, неловко. Сейчас они оба стояли на полу, и она была на дюйм ниже его... не то чтобы это давало ему форы. Она посмотрела в его глаза, а ее собственные медленно превращались из черных в глаза цвета морской волны с оттенком золота.

— Какого че... — произнес Аксель, все еще держа свой фонарик обеими руками, словно тот был волшебной палочкой.

Локи выдохнул. Глаза Белоснежки невероятно сияли, не то что у большинства Минкинов. Это было такое сияние, для которого не было названия, но оно подразумевало, что личность полна жизни... и этим глазам было что рассказать.

Она снова тебя дурачит! Но зачем ей это? Почему она его просто не убила?

С капающей изо рта кровью и бледной кожей она была просто мучительно прекрасной шестнадцатилетней девушкой, которая жила в замке своего персонального ада. *В этом нет ничего такого, верно?* думал Локи. К настоящему времени он прожил уже год в аду под названием Земля. В своем новом обликии она выглядела так мило, что могла бы подкрасться и убить тебя, а ты бы даже не заметил этого, эта девушка знала, когда целовать, а когда убивать.

Локи понял, почему ни один охотник так и не смог убить эту вампиршу. Дело было не в ее силе или свехспособностях. Это было ее гипнотическое и завораживающее притяжение. Локи хотелось выбраться из транса, в который ввела его внешность принцессы, но он не мог.

Позади него, на полу, застонал Плохиш.

— Ты все еще жива, чудовище! — Проревел Плохиш, обращаясь к ней. — Монстр! — Его голос казался другим, словно он сам был монстром. В темноте Локи не смог разглядеть Плохиша, не смотря на то, что ему слышалось, как сломались кости парня, или же его коснулось что-то бесплотное.

От его слов вампирская принцесса вздрогнула так, словно собирала превратиться в нечто куда более зловещее, чем то, какой она была минуты назад. Ее глаза сразу же снова почернели. Локи ощутил ее гнев. Похоже, что Плохиш оскорбил ее, когда назвал монстром. Аксель следовал за ней с фонариком, словно осветитель в бродвейской пьесе: Отлично. Определенно Белоснежка становилась опаснее Злой Ведьмы с Запада, и все из-за глупости Плохиша.

Злая ведьма с Запада — Уродливая, страшная и злая волшебница из сказки Ф. Баума 'Волшебник страны Оз'.

Ее голова завертелась на плечах, в то время как люстры начали раскачиваться и мигать. Локи не потрудился обернуться и посмотреть на Акселя, осветителя. Он слышал, как его колени клацают друг о друга, словно цепи на шее Призрака Прошлого Рождества. В комнату ворвался водоворот леденящих снежинок. Локи не думал, что ей придется их убивать. Она просто могла оставить их здесь замерзать. Она развела руки в стороны, как ведьма колдующая заклинание, на ее руках стали видны багрянистые вены, вьющиеся как маленькие змеи по всему телу, вплоть до голых ступней. Ее голова снова повернулась в нормальное

положение, и она глянула на них вниз с широко открытым ртом, рыча и демонстрируя белоснежные клыки. Локи не вполне был способен объяснить свои чувства. Это резкое изменение эмоций за одну единственную ночь приводило его в слишком большое замешательство. Сердитые глаза вампирши остановились на нем. Глупо, но он продолжал чувствовать себя виноватым. Всякий раз, когда она смотрела на него с мольбой, вот так, он думал, что ей хотелось ему что-то сказать, что заставляло Локи задаваться вопросом, почему она никогда не говорила.

Она перевела взгляд на Плохиша, который был все еще не виден в темноте, а Локи до сих пор слышал его рев и звук ломающихся костей. Что творилось с Плохишем? Сейчас было не до этого. Вампирская принцесса набросилась на Плохиша, словно на невидимом страховочном тросе, быстрее скорости света, и прикончила того в темноте. Аксель слишком испугался для того, чтобы последовать за ней с фонариком и направил его на Локи, словно тот был звездой представления.

— Зеркало, Зеркало на стене, кто страшнее всех на земле? — Снова пробормотал Локи.

Аксель и Локи невольно обменялись взглядами. Локи хотелось знать насколько быстро и как далеко они смогут убежать. Он думал, что спасется этой ночью, и таким образом сможет придумать пригодный способ вернуться и убить ее позднее.

Белоснежка повернулась к Локи. Она вытерла губы кончиком белого платья, а затем буркнула ему что-то. Шагнула на шаг ближе, обнюхала его шею и вдохнула запах тела. Она медленно дышала на шею, словно холодный ветер над водой, а затем нежно лизнула мочку уха языком. От леденящего прикосновения вены на шее проступили, будто у певца, который берет самую высокую ноту. Ее острые зубы слегка коснулись его вен. Это было похоже на то, как если бы кончиком иголки заигрывали с его кожей. Вот так она и стояла какое-то время и не кусала его. Затем она, наконец, заговорила, и Локи совершенно не ожидал такое услышать. Независимо от того, что она шептала ему на ухо, он подумал, что ему это кажется.

Быть того не может. Она же этого не говорила. Верно?

Ее голос оказался музыкальным и очаровательно женственным. Она опустила свою холодную ладонь на грудь Локи, определяя скорость биения его мчащегося сердца.

— Спаси меня, — прошептала она еще один раз.

Когда она произнесла эти слова, ее голос был тих, даже слабее шёпота, будто она боялась, что кто-то ее услышит. Кто бы это мог быть? Замок был пуст. С какой стати ей волноваться о том, что ее услышат?

— Что она сказала? — Проскулил Аксель из своего укрытия. Локи ничего не ответил. Он был подавлен тем, что неожиданно узнал. Почему-то он знал, что этот миг изменит всю его жизнь.

Белоснежка снова исчезла в темноте, без малейшего труда погубив его. Запах яблок все еще висел в воздухе и Локи вдыхал его, пока перед глазами снова проходили вспышки нечетких воспоминаний.

Что же со мной происходит?

Неосознанно он вдыхал ее яблочный запах, словно хотел забрать с собой нечто, принадлежавшее ей, словно хотел разрешить части ее природных убийственных духов побежать по его венам. Но он должен был уходить. Она сохранила ему жизнь, но он не знал почему. Сказать, что он был в замешательстве, значило не сказать ничего.

Он повертелся по сторонам, схватил свой Аликорн, затем взял Акселя за руку и выбежал из замка. Пока они спешили назад через Черный Лес, сверху начал падать алый снег.

Всю обратную дорогу до города, Аксель просидел на пассажирском сиденье с прижатыми к груди коленками, оглядываясь на пустынную дорогу, чтобы убедиться, что принцесса-вампириша не гонится за ними. Когда Локи остановил свой Кадиллак напротив Сахарного Домика, Аксель даже не потрудился пригласить его внутрь. Он выскользнул из машины, практически загипнотизированный, забыв о рюкзаке с крестами и едой, и пошел к дому весь ссутулившись. Обнаружив, что Битси снова сплел паутину в замочной скважине, Аксель злобно фыркнул. Он открыл дверь ударом ноги, что позволило ему освободиться от сковывавшего его страха. Локи поехал обратно на парковку, это будет его спальное место вплоть до шестнадцатилетия. Он не злился на Акселя за то, что тот не пригласил его в дом. Он понимал. Аксель увидел более чем достаточно, и Локи ощущал легкое чувство вины за то, что втянул его в это. Вампиры были ежедневной работой Локи. Правда, никто из них не был прекрасной девушкой. И, конечно же, никто до этого не просил спасти их.

Парковка была пустой, а Локи необходимо было выспаться. Он закрыл машину изнутри и прислушался, играют ли Воинствующие Тыквысвою музыку, но они только похрапывали во сне. Напуганный и одинокий Локи решил не выключать радио и позволил им храпеть за компанию.

— Выключи свет в машине! — захныкал участник группы.

Локи отключил свет на приборной панели, скользнул под одеяло и обнял Аликорн. Одной из причин, почему он желал вернуться домой, была возможность того, что однажды он обнимет в ночи любимую девушку вместо Аликорна. Он опять начал считать овец. Во сне он увидел двух черных овец. Все остальные овцы блеяли на этих двух изгоев. Он знал, что одной черной овцой был он, но кто же другая. Может это темная тень из прошлого, о которой говорил ему Чармвилль, или Белоснежка, сама принцесса вампиров? Локи прекратили сниться сны, и он беспробудно спал до рассвета под мелодию.

333. *Заа. Зуумм.*

Трудно сказать, сколько было времени, когда Локи проснулся позднее ночью. Укутанный в одею, с заспанными глазами он заметил, что Воинствующие Тыквы больше не храпят. Ночь была мертвецки тихой. Локи не хотел просыпаться, поэтому он решил перевернуться на другой бок и спать дальше. И тут он что-то услышал.

— *Греби, греби, греби в своей лодке,* — пела приятным голосом девочка на улице.

Локи резко открыл глаза. На этот раз пели не маленькие девочки. Он знал голос этой девушки. Этот мелодичный голос он слышал прошлой ночью, и не сомневался, что будет помнить его всю оставшуюся жизнь. Это был голос Белоснежки.

— *Осторожно плыви по течению,* — пела она.

Локи боялся выглянуть в окно и обнаружить, что она ждет на улице. Она что, последовала за ним? Он держал Аликорн наготове, гадая, насколько она близко.

— *Ужасно, ужасно, ужасно,* — весело напевала она. — *Самое время закричать.*

Локи медленно приподнимался, протирая затуманенное окно. Когда он стал двигаться, то заметил, что Кармен была шаткой и раскачивалась, словно не стояла на твердой земле. Он посмотрел в окно, и все сразу стало понятно. Парковка превратилась в Болото Скорби, а его Кадиллак плавал по середине, словно лилия. У него вырвался вопль. Насколько он видел, у

болота не было ни конца ни края. Не было уличных фонарей, школы, автостоянки.

— Не забудь закричать, — повторила Белоснежка последнюю фразу, но голос ее по-прежнему звучал по-ангельски, а не пугающе.

Локи увидел как она гребла в другом каноэ, которое, как ни странно, было белым лебедем. Она была в обычной форме красивой девушки, одетой в белое с этой красной лентой в волосах. Ее лицо не было забрызгано кровью и она не сверкала клыками. Просто была красивой девушкой, гребущей по грязному болоту. Повернув голову в сторону Локи, она удивилась, увидев его рядом.

— Локи? — спросила она. — Что ты здесь делаешь?

Локи пожал плечами. Что происходит?

— Как парковка превратилась в болото? — спросил он.

— О чем ты говоришь? — удивилась она. — Ты пришел, чтобы помочь мне? Спасти меня?

От ее голоса у Локи разрывалось сердце. Он был такой спокойный, ранимый, умоляющий о помощи. Она напонила ему белку, которую он спас; маленькое беспомощное создание, просыпающееся каждый день, ищущее орех, но вынужденное жить среди Миникинов, чудовищ и вампиров. Каждый миг каждого дня, оно должно избегать опасности от нависших над ней монстров для того, чтобы жить в мире.

— Какая нелепая метафора, — Локи постучал по своей голове, словно та была орехом, который он хотел расколоть и приготовить.

— Ты что-то сказал? — Белоснежка моргнула и покраснела. У нее были напряженные глаза, как у самки оленя, зайца, кролика, крысы, мыши или хорька, которые заставляли его хотеть пожертвовать собой просто чтобы защитить ее, чтобы защитить ее... но только тогда, когда она была нормальной как сейчас.

— Нет, — Локи покачал головой. — Я вечно бормочу. Я бормочу сам с собой все время.

— Я заметила, — она рассмеялась.

От ее смеха Локи захотелось выбросить Аликорн и танцевать на воде болота под проливным дождем.

— Я тоже часто разговариваю сама с собой, — ответила она. — Как ты знаешь, я одинока...

Это неправильно Локи. Это просто неправильно. Подумай о том, как добраться до нее и убить. Она пощадила тебя, потому что с тобой можно повеселиться. Она дерзкая принцесса, которая хочет немного поразвлечься со своей следующей жертвой. Она знает твои слабости.

— Но я предпочитаю петь, вместо того чтобы разговаривать сама с собой, — продолжала она. — Я знаю много песен.

— Хватит, — закричал Локи, нервно размахивая руками. Это был способ не слышать ее и надоедливый голос в своей голове, который заставлял не верить своим глазам и убить ее. — Там в замке ты сказала, что хочешь, чтобы я спас тебя. — Выражение лица Белоснежки изменилось. Она выглядела обеспокоенной, но нехотя кивнула. — От кого? — спросил Локи.

Белоснежка не ответила. Она казалась напуганной, словно что-то собиралось выпрыгнуть из воды и затянуть ее вниз. Она просто покачала головой: *нет*. Локи понял, что она не собирается ему отвечать.

— Если я подойду ближе, ты сможешь мне прошептать? — сказал Локи, тоже понизив

голос.

Не подходи ближе. Это ловушка!

Локи мгновенно зажмурился, пока надоедливый голос не прошел. Белоснежка кивнула, сплетая руки вместе.

— Я подплыву, — сказал он.

— Тебе не обязательно, — сказала она. — Ты можешь ходить по воде.

— О чем ты говоришь?

— Если ты сделаешь глубокий вдох, и не будешь думать о воде под собой, то сможешь пройти по ее поверхности как по земле, — сказала она. — Я все время так делаю.

— Ну, если ты так говоришь, — Локи решил попробовать, и он не возражал, если это не сработает, поскольку все равно собирался подплыть к ней.

Он открыл дверь Кадиллака и вытянул одну ступню. Дал ей прикоснуться к поверхности воды и притворился, что это земля. На удивление это сработало. Локи обнаружил, что стоит на чем-то слегка мягком и вязком, но достаточно жестком, чтобы он мог по этому ходить. Открывая глаза, он рассмеялся. Это было удивительно. Он стоял на воде, а затем пошел к лебединому каноэ Белоснежки.

— Это магия, — сказал он.

Белоснежка кивнула и приглашающе протянула руки. Внезапно поблизости квакнула лягушка. Локи остановился, где стоял.

— Что не так? — сказала она.

— Никаких лягушек, — пробормотал он. — Я ненавижу лягушек.

— Ты имеешь в виду, что боишься лягушек, — она прищурилась, почти смеясь над ним.

Заквакала другая лягушка, и ещё одна. Тонны их появились поблизости, счастливо прыгая по поверхности воды. Локи утратил свою сосредоточенность, и вязкая земля под ним снова превратилась в жидкость, и он стал тонуть. Пока он тонул, он видел, как Белоснежка смеялась над ним по ту сторону поверхности волнующейся воды, показывая пальцем, клыки обнажены, тысячи лягушек окружают ее.

— Локи. Локи. Локи, — промолвила она. Довольно странно, что он мог ее ясно слышать под водой. — Сколько раз можно обдурить человека? Не удивительно, что тебя изгнали.

Колеблющиеся растения, как щупальца осьминога, ползали по его ногам и рукам, затягивая глубже. Он не мог всплыть к поверхности. Он тонул, и казалось, не было надежды на внезапное спасение.

Локи резко проснулся под одеялом в Кадиллаке, потя и тяжело дыша, пока размахивал в воздухе Аликорном. Воинствующие Тыквы все еще храпели по радио. За окном он увидел стоянку. Болота совсем не было.

— Кошмары? — простонал один из Воинствующих Тыкв. — Случается со мной все время, когда я сплю на животе.

Это был сон, ужасный сон.

Локи рывком открыл дверь и вышел наружу. Желтые уличные фонари едва светили. Он радовался, что это был сон, и ущипнул себя за лицо, чтобы убедиться, что проснулся. Что если вся его жизнь была просто плохим сном?

— Эй, Локо (прим. перев. — чокнутый), — окликнул его голос. Это был голос кого-то крошечного, и он его не испугался. К тому же он знал, кто зовет его «Локо» в этом мире. Это либо его мать, либо животные. Локи опустил взгляд на черную кошку с зелеными глазами,

трушущуюся о его джинсы.

— Чего ты хочешь? — проворчал Локи. — Оставь меня в покое.

— Ты знаешь, чего я хочу, — изрекла она. — Тут снаружи холодно, Локо. Мне нужно где-то поспать.

— Разве тебе не следует быть на кладбище домашних животных?

— Я последовала за тобой сюда, чтобы поспать в твоей машине, — ответила кошка, подергивая хвостом. — Я слыхала, у тебя удивительное заднее сиденье, — она плюнула на свою лапку и потеряла ее другую. — Обещаю, я не расскажу никому из других животных, что ты меня впустил.

— Ладно. Ладно, — сказал Локи, — но никакого мяуканья рано утром, поняла?

— Само собой, — кивнула кошка.

— И чтоб не сопела.

— Кошки не сопят, сопят собаки, — гордо сообщила кошка.

— Когда я встаю, ты встаешь, и не смей просить меня покормить тебя, поняла?

— Поняла, — согласилась кошка, глядя на него вверх. — Хочешь пожать на этом лапы?

— Нет спасибо. Ты только что наплевала на свои, — сказал Локи возвращаясь к Кадиллаку.

— Кстати меня зовут Девятка, — кошка последовала за ним.

— Итак, почему ты говоришь со мной только когда я один, Девятка? — Локи закатил глаза.

— Это дар, который есть только у тебя, — ответила Девятка, переступая рядом с ним с лапки на лапку. — Мы, домашние питомцы любим говорить с тобой, но, по правде сказать, ненавижим Акселя. Он так плохо обращается с Битси (прим. перев. — крошка). Мы не собирались утруждаться и даром тратить наше время, говоря с кем-то, кто так плохо обходится с другими животными или насекомыми.

— Кончай болтать и запрыгивай, — сказал Локи и закрыл дверь.

Поскольку Девятка собиралась спать на заднем сиденье, Локи не нуждался в обществе радио, поэтому он его выключил.

— Тебе надо одеяло или что-нибудь в этом роде? — спросил Локи у Девятки.

— Я в порядке, — ответила Девятка. — Я залезу в твой теплый рюкзак, если не возражаешь.

— Рад за тебя, — сказал Локи. — Разве ты не собираешься рассказать мне, почему ты на самом деле со мной говоришь?

— Локи, я же сказала, это дар, — зевнула кошка. — Однажды, когда ты вспомнишь свое прошлое, ты узнаешь почему.

— Если я когда-нибудь вспомню, — пробормотал Локи.

Локи был близок к тому, чтобы расспросить Девятку о своем прошлом, но он был слишком гордым... и может слишком разумным... для этого. Внезапно земля загрохотала, выкинув фокус с тем легким землетрясением, которое он уже пережил раньше на этой же парковке. На этот раз оно было куда короче. Машину потрянуло несколько раз, и затем оно прекратилось.

— Ты что-нибудь знаешь о китах? — спросил Локи.

— Я сплю, — ответила Девятка. — А я не разговариваю, когда сплю.

Локи поплотней закутался в одеяло, до того как оказался в потасовке с кошкой.

— Но я думаю, кит объелся, — продолжила Девятка, несмотря на то, что призналась в

том, что пытается спать. — Вот почему у него иногда урчит в желудке. Мне всегда хотелось знать, что случится, если кит решит перекатиться на другой бок. Как думаешь, Атлантиду именно по этой причине стерло с лица земли?

— Я сплю, — игриво простонал Локи.

— О, прости, спокойной ночи, Локо, — произнесла Девятка. — С тобой все будет в порядке. Просто следуй за своей звездой.

Час спустя Локи проснулся и обнаружил, что кошка приткнулась под его одеялом, уютно уснув у него на груди. Когда он слегка поднял одеяло, то увидел, что белка тоже прокралась и спала рядом с ним.

— Хитрые дьяволы, — улыбнулся Локи.

Они оба сопели. Локи не возражал. Он нуждался в обществе безопасных созданий.

Утром Локи показал Девятке и белке дорогу наружу, затем заметил на телефоне полученное сообщение. Оно было от Акселя:

Встретимся в "Сказках на Нучь", в библиотеке Средней Школы имени Румпельштейна. Я нашел доказательство, что она настоящая Белоснежка, и что она всегда была вампиром. Кто-то подделал настоящие истории и заменил их детскими волшебными сказками.

P.S. Сожги после прочтения.

Библиотека Средней Школы имени Румпельштейна "Сказки на Нучь" оказалась внутри больше, чем казалась снаружи. Она была огромной. Локи думал, что она даже больше, чем сама школа, что не имело смысла, почти как все остальное в этом городе. Аксель провел Локи в библиотеку, похваливаясь тем, как никто из проходящих или работающих у Румпельштейна, не заботился о ней или ее книгах.

— Любую нужную платную книгу можно найти в интернете. Ты можешь загрузить ее кликом и каплей крови с твоей кредитки, — сказал Аксель. — Это так просто. Только настоящие книги, те что не были напечатаны или переизданы находятся где-то внутри "Сказок на Нучь". То старые, пыльные, рукописные книги с пожелтевшими страницами и запахом возраста. То книги, о которых люди думают, что они им больше не нужны. Мы умнее, потому что эти книги — именно те, которые нам потребуются для решения нашей загадки.

Здесь игра слов: «drop» как капля и «drop», как технология "клик и дрон" (способ пользовательского оперирования элементами интерфейса при помощи манипулятора «мышь» или сенсорного экрана. Способ реализуется нажатием и удержанием кнопки мыши на отображаемом на экране компьютера объекте, и перемещением его в другое место либо «бросанием» его на другой элемент (для вызова соответствующего, предусмотренного программой, действия).

Библиотека была тускло освещена, и становилось лишь темнее с каждым шагом. Сотни книг были расставлены по обеим сторонам полок, похороненные под толстыми слоями пыли и паутины. Пол под ногами Локи поскрипывал, словно никто не был здесь веками. Ему хотелось найти кого-нибудь за чтением книги, но там никого не было. Библиотека была подозрительно пустой. Она была, как дом с привидениями, только с тысячами книг. Казалось, Аксель был прав, когда сказал, что никто ей больше не пользуется. Винтовая лестница в середине вела на очень темный второй этаж. Локи старался не отставать от Акселя, который шёл тихо, но быстро, спеша между столами и полками как крыса на роликовых коньках. Локи подумал, что увидел, как парень свернул направо где-то между полками. Во время поисков Акселя Локи, наконец, увидел, как кто-то сидит за пыльным столом, пряча голову за большой книгой. Он не видел его лица, но над книжной обложкой виднелись белые седые волосы. Рассматривая то, что под столом Локи увидел, что этот кто-то нетерпеливо постукивал ногой по полу. Снова всматриваясь в то, что выше, парень разглядел два отверстия в книге, которую держал постоянный читатель библиотеки. Из отверстий на него уставились две пары глаз. Локи отвернулся и последовал за Акселем.

— Эй, — прошептал Аксель из-за полки. Локи увидел два серых глаза, которые смотрели на него между книг.

— Сюда, — сказал Аксель.

Локи молча обошел полки и оказался в более темном месте.

— Где ты, Аксель?

— Прямо здесь, — Аксель скомандовал ему следовать за ним глубже во тьму.

— Кажется, я видел как кто-то читает книгу, в которой проделаны отверстия, — сказал Локи.

— Да, да, — сказал Аксель, не оглядываясь.

— Это Скелиман, Перевозчик. — Ответил Аксель, освещая тьму светом телефона. — Этим утром я прочел о нем кое-что интересное. Оказывается, он прекратил работать перевозчиком в Болоте Скорби. Вот почему мы не наткнулись на него вчера. Теперь он охраняет "Сказки на Нучь". Его новое имя Скелиман, Библиотекарь.

— Серьёзно?

— Да. Думаю, в библиотеке ему платят больше. Вот почему ему здесь нравится. Говорят, когда ты его видишь, ты просто должен вести себя так, словно его здесь нет, и он тебе не навредит. По слухам он поглощен чтением детских книг о колдунах и ведьмах, и совершенно забывает о своей работе. Поэтому в библиотеке бардак.

— Ты же сказал, что он слепой, — сказал Локи. — У него пустые глазницы, потому что он скелет, так как он может читать?

— Может, кто-нибудь выклевал ему глаза, как голуби в сказке про Золушку, — сказал Аксель. — Ты же знаешь эту историю?

Локи кивнул, скучая по Чармвиллю Глиммеру, но вовсе не скучая по Пиппи Лавбаг.

— Придется спросить Гоблина-Гения обо всем этом попозже, — ответил Аксель.

— Ну, если ты так говоришь, — Локи смахнул паутину. — Почему эти коридоры так тускло освещены?

— Подобные библиотеки есть повсюду, — прошептал Аксель, не оборачиваясь. — Каждая библиотека замаскирована, спрятана где-то внутри настоящей библиотеки, в которую можно попасть только, если идти по самому темному проходу до самого конца.

— Ты хочешь сказать, что тускло освещенные проходы сделаны для того, чтобы

обычные люди держались от них подальше?

— Именно. Никогда не пойдет по темному проходу до самого конца, особенно когда становится темным-темно. Люди побаиваются темных проходов, но они об этом не рассказывают. Если ты меня спросишь, то это довольно страшно, но на то есть причина; темные проходы ведут к настоящей библиотеке.

— К чему настоящие и ненастоящие библиотеки? — прошептал Локи, следуя за Акселем.

— В ненастоящей библиотеке находятся поддельные книги, которые в наши дни все читают. В настоящей же библиотеке хранятся наиболее важные исторические книги, написанные о сказочных трактовках, прежде чем они были фальсифицированы, — объяснил Аксель.

— Я не куплюсь на этот бред, — ответил Локи.

— А я верю, — настаивал Аксель. — На форуме я читал теорию об этом и верю в нее. История мира вымышленная, чтобы скрыть от нас правду. Я читал, что в каждом детском стишке, песне, колыбельной и даже глупой сказке между строк скрыты подсказки, но мы должны расшифровать их, чтобы узнать правду.

Локи промолчал. Аксель был слишком воодушевлен этой сумасшедшей теорией, поэтому он позволил ему рассказывать дальше. Возможно, в конце концов, он расскажет ему что-нибудь полезное, что поможет ему разоблачить тайну принцессы вампиров.

— Я слышал, что в мире идет война между сказочниками; между теми, кто подделывает сказки, и теми, кто хочет возродить истину, — Аксель все шел и шел. — Настоящие тексты похоронены где-то в темноте библиотек по всему миру, только для тех, кто хочет знать правду. Хотя не вся правда была задокументирована.

Печальные теории Акселя напомнили ему о Чармвилле, который всегда рассказывал, что на самом деле сказочные герои реальны настолько, что могут проливать кровь. А тот факт, что он хранил сказки, запертыми в книге, которая превращалась в попугая, явно свидетельствовал в пользу теории Акселя.

— Чем дальше мы углубляемся в библиотеку, тем больше вдыхаем пыли от книг, которыми не пользовались веками, — сказал Аксель. — Так что не сопротивляйся вдыхать пыль, — он остановился и повернулся к Локи, который собирался истерически рассмеяться; Аксель был в очках. — В самой темной части библиотеки в пыли содержатся волшебные чары, которые приведут нас к тому, что я хочу тебе показать.

— Послушай, — сказал Локи. — Я не против твоей ерунды, но это уже чересчур. Ты переходишь все грани разумного.

— А входить в замок с привидениями, чтобы убить принцессу вампиров Белоснежку, по-твоему разумно? — Аксель насмехался над ним, поправляя свои очки. — Поверь мне. Это идея Фейбл. Это она рассказала мне о тайной библиотеке. Она узнала об этом из одной своей таинственной книги, в которой полно ошибочных заклинаний.

Сейчас Локи не мог спорить; даже не смотря на то, что она была немного странной, как и ее брат.

— Почему ты в очках? — спросил он.

— Я готов вдыхать темную пыль, но я не хочу, чтобы пыль повредила мои глаза.

— Ты думаешь, что моим глазам пыль не причинит вреда?

— Сколько раз я должен говорить тебе, что ты не ботаник? Только ботаники носят очки. Ты симпатичный охотник на вампиров. С тобой не может случиться ничего плохого.

Это только несчастные парни вроде меня все время влипают в неприятности, — сказал Аксель и продолжил путь.

Вдыхая пыль, Локи слегка кашлял, но продолжал идти. Они достигли места, в котором чувствовалось, что они уже не в библиотеке, словно они прошли сквозь темный портал в другое измерение. Локи ненавидел темные проходы в библиотеках; они всегда казались ему зловещими и наполненными привидениями. Когда стало так темно, что даже кошки ничего бы не увидели, Локи щелкнул зажигалкой.

— Не сейчас, — Аксель обернулся и закрыл зажигалку.

— Тебе не нравится моя ветрозащитная карманная зажигалка? — нахмурился Локи.

— Не зажигалка. Мне не нравятся твои мозги.

— Это Зиппо- Не бойся Ангела Смерти. Я люблю ее, — Локи снова щелкнул зажигалкой, дурачась с Акселем.

Аксель задул пламя и закрыл зажигалку снова.

— Не сейчас. Хватит болтать и иди за мной.

— Как скажешь, Холмс, — Локи закатил глаза и последовал за ним в темноту. Пол скрипел, словно едва мог вынести их вес.

— Стоп, — сказал Аксель, зажигая свою собственную зажигалку.

— Ооо — так это война зажигалок, — Локи усмехнулся сквозь танцующее пламя. — Я зажгу свою и тебе это не понравится, потому что ты думаешь, что твоя лучше. А где ты взял зажигалку; зажигалку Дарт Вейдер? Ты разыгрываешь меня? Ты ведь даже не куришь.

— Заткнись. — Лицо Акселя было размыто из-за пламени. Локи подумал, что вчерашнее маленькое приключение с Белоснежкой помогло Акселю стать более вздорным по отношению к нему.

— Никогда не говори охотнику на вампиров заткнись, — Локи повысил свой голос с шепота до зловещего шепота, шипя на Акселя сквозь пламя.

— Я не видел, чтобы ты даже таракана убил. Вчера принцесса вампиров могла порвать тебя на кусочки. Одному Богу известно, почему она тебя пощадила.

Локи опустил глаза. Аксель был прав. Не понятно, почему она пощадила его вчера, но он сомневался, что она сделала это ради Акселя. Чем Локи отличался от других, и почему он до сих пор жив, после того как она положила на него глаз? Он задумался, стоит ли рассказать Акселю о его сновидении на парковке, но потом подумал, что Аксель придаст этому слишком много значения.

— Смотри, — сказал Аксель. Он указал на маленькую дверь, вышиной с кресло. Это была деревянная со странными гравюрами и ручкой в форме кроличьего носа.

— Аксель? — Локи указал пальцем на дверь. — Что это? И не говори, что *это дверь*.

— Это не дверь, — Аксель снял очки и наклонился к двери. — Это потайная дверь.

Вместо того чтобы топтать ногами и кричать, Локи тоже наклонился к двери, так что их носы практически соприкасались.

— К твоему сведению, дверь, которая выглядит как дверь, не может быть потайной дверью. Если бы это был камин, который превращался в дверь, то тогда это была бы потайная дверь.

Аксель задумался, потирая виски.

— Это волшебная низкая дверь. Ты удовлетворен?

Локи вздохнул, выдыхая теплый воздух прямо Акселю в лицо, словно пар из кипящего чайника.

— А почему она низкая? — спросил Локи.

— Думаю, ее сделали гномы, — Аксель захихикал. — Ну знаешь, Белоснежка и Семь Гномов, а сейчас низкая дверь...

— Да, да, я понял. Но что за дверью?

— Все тайны, которые нам нужно знать о твоей принцессе вампиров, — Аксель дотянулся до дверной ручки в форме кроличьего носа и начал поворачивать ее. Нос был как настоящий. Локи слегка дернулся.

— Пип, — завизжал Аксель, — просто шучу. Ты ведь знаешь, что у дверей нет носа? — сказал он и открыл дверь, изнутри падал золотистый свет.

Локи встал на колени, чтобы заглянуть внутрь. Он увидел огромную комнату, тайную библиотеку с настоящими книгами, как предположил он. Аксель на четвереньках прополз внутрь. Локи последовал за ним, как крыса за сыром.

— Закрой за собой дверь, — потребовал Аксель, поднимаясь и отряхивая пыль со своих джинсов.

— А ты уверен, что никто не закроет за нами дверь, и мы не окажемся тут в западне? — спросил Локи.

— Хватит так беспокоиться. Жизнь коротка, — сказал Аксель, стоя позади большого круглого стола с единственным светильником в виде яблока и бесчисленным количеством книг. — Почему тебе всегда нужно иметь план? Мы только что вошли в потрясающую тайную библиотеку. Наслаждайся и расслабься.

Локи не собирался спорить. Аксель понятия не имел, кем был Локи и почему он хотел убить принцессу вампиров. Для Акселя это было самое лучшее приключение за всю его жизнь, и Локи немного ему завидовал. Как же великолепно иметь возможность наслаждаться каждым моментом своей юности и не быть на задании?

Локи изучил многоуровневые, уходящие вверх, полки. Потайная библиотека была конусообразной формы с потолком в виде точки, предположительно они находились в какой-то башне, он никогда не видел башню, которая бы возвышалась над Средней Школой им. Румпельштейна. Книжные шкафы стояли вдоль стен и уходили ввысь так высоко, что Локи даже не думал что лестницы, установленные по всей библиотеке на роликах смогут достать до верхних полок. Книги были в кожаном и вельветовом переплетах, с обсидиановыми замками. Перелеты были украшены светящимися золотыми манускриптами и размашистой каллиграфией, которую он не мог прочитать. Некоторые полки были помечены неполными; некоторые были пусты и помечены загадочным нечитаемым языком. Пол был сделан из переплетающихся между собой кусочков стекла и драгоценных камней, образуя некий узор, секретное послание. Локи ходил вокруг него, пытаясь логически разгадать загадку. Он чувствовал, будто узор состоял из читаемых букв, которые были похожи на змею, ползущую по половине круга.

— Это не буква "Я"? — спросил Локи Акселя.

— Верно, — Аксель отвлекся от книги, которую он изучал.

— "Я", — попытался прочитать Локи. — "В", — кружил он вокруг. — А это не «И»?

— Все слово читается: **"Явиги"**, — произнес Аксель. — По рассказам Фейбл, это слово секретное, и о нем мало кто знает. Оно является своего рода заклинанием или порталом куда-то.

Локи снова посмотрел вниз, Аксель оказался прав. Оно гласило:

ЯВИГИ

Локи проглотил комок, глядя на Акселя в ответ.

— Что-то не так? — спросил Аксель.

— Мне кажется, я где-то уже читал это слово ранее, — попытался вспомнить Локи. Он хотел знать было ли это отрывком из подавленной памяти, до того как он стал тенью.

— Как так? Ты был здесь раньше? — Аксель поднял бровь.

— Конечно, нет, — Локи почесал затылок.

— Не парься. Никто даже не знает, что это значит. Возможно, это всего лишь название нового гамбургера в Скорби, — сказал Аксель. — Иди сюда. Я хочу показать тебе, из-за чего изначально я привел тебя в Сказки на Нучь.

— Я слушаю, — сказал Локи.

— Да. У меня есть доказательства, что принцесса, с которой мы столкнулись вчера, это и есть настоящая Белоснежка, и что она всегда была вампиром, — гордо повторил Аксель. Он забрался вверх по лестнице и скинул толстые тома древних книг, которые глухо упали на стол.

— Мне не важно, кто она, — произнес Локи. — Мне нужно придумать, как ее убить, — он старался пренебрегать виной, которую он испытывал, произнося эти слова.

Как ты можешь убить девушку, которая пощадила твою жизнь и нуждается в твоей помощи?

— Послушай, я не знаю, почему ты так одержим идеей убить ее, но если ты действительно хочешь сделать это, то тебе нужно знать, кем она является на самом деле, именно так ты сможешь узнать о ее слабостях. Я думал, что ты умрешь вчера, когда она загребла тебя в свои ручищи.

— А ты прав, — кивнул Локи.

Аксель спустился вниз и встал рядом с Локи, смотря на стол со стопкой книг.

— Дай-ка взглянуть, — сказал он, перебирая их. — В этой библиотеке есть такие книги, о которых я даже и не слышал, — говорил он, читая их названия. — Только послушай: **"Книга Всегда и Никогда"**. Я бегло просмотрел ее, она свела меня с ума. Она была полна строчек с подобным содержанием *"Всегда чисти зубы и никогда не ложись спать не почистив их"*. И *"Всегда будь храбрым и никогда не бойся"*. И *"Всегда люби и никогда не испытывай ненависти"*. И так далее.

— Не можешь ли ты показать мне важную книгу? — Локи отбивал ногой такт.

— Я ищу — а вот послушай название, — сказал Аксель. — **"Тайная история детских стишков"**, видишь? Я говорил, что с ними что-то не так. А вот еще одна, **"Книга о назначении добра и зла"**, — прочитал Аксель и взял другую книгу. — **"Незаконные законы зла"**, мне нравится эта книга, — сказал Аксель. — Пошли дальше: **"А потом они ушли"** написана **"Одним из них"**, — засмеялся Аксель. — **"Думай и поступай как ведьма"** я должен сохранить эту для Фейбл. **"Здравый смысл ерунды"**, **"Убить божью коровку"**, **"Унесенные волшебной палочкой"**, **"Снег в Скорби: незаконченная и нереальная история города Скорби"** и наконец, самое странное название из всех **"Как завоевать друзей, даже если они Минкины"**.

— Дай посмотреть, — Локи взял книгу.

— Знаешь, кто такой Минкин? — удивился Аксель.

Локи даже не знал, что и сказать. Он не знал, что это была за библиотека, но мало кто называл обычных людей Минкинами, в основном так делали полу-ангелы и Охотники за Сновидениями.

— Давай посмотрим твою книгу, — произнес Локи, не в состоянии сообщить Акселью, что он сам являлся Минкиным.

— Вот она, — сказал Аксель. — **"Полное собрание Сказок Братьев Грим"**.

— Собираешься почитать мне сказки на ночь? — спросил Локи.

Аксель протер ладонями пыль.

— Эта книга-сокровище. Ты не найдешь ее в главной библиотеке. В ней содержатся *настоящие* истории Братьев Гримм. — Аксель пытался глумиться над Локи, для придания значимости своим словам, все его лицо было в пыли.

— Так, что ты подразумевал под *"настоящими"*?

— Так как ты не супер-ботаник как я и ненавидишь комиксы и сказки, я полагаю мне придется повториться и рассказать тебе, что сказки, которые мы читаем в наши дни, вымышленные, — разглагольствовал Аксель, вытирая свое лицо.

— Ну, я всегда ненавидел этот поцелуй истинной любви, который в самом конце решает все, — сказал Локи. Чармвилль пичкал его мозг этими сказками из Книги Прекрасной лжи: историями, которые не интересовали Локи.

— Тебе понравятся настоящие неопубликованные сказки Братьев Гримм. Они полны брызг крови, запекшейся в глазницах крови, ну, и в конце концов, несчастья.

— Звучит заманчиво.

— Считаешь меня странным? — Аксель прожевал слова. — Все равно, тебе нужно это знать. Кто бы ни создал эту потайную библиотеку, он сделал это для того, чтобы сохранить некоторые и множественных тайн этого города, очевидно же, что это далеко не обычный город.

— Я заметил.

— Только Фейбл знала об этой тайной библиотеке, потому что она занимается колдовством и прочла о том, как постичь тайный смысл написанного в книгах. Это значит, что мы не знаем с кем имеем дело здесь. Главное, что я выяснил, прочитав некоторые из этих книг.

— И? — забеспокоился Локи.

— Здесь есть еще один подлинник книги братьев Гримм под названием **"Детские и домашние истории"**. Она рукописная, а значит в ней содержатся подлинные истории, как они есть, до публикации книги. После нашей вчерашней сумасшедшей ночи, проведенной в замке, я не сомневаюсь, что та маленькая девчонка, которая надрала тебе задницу и убила Плохиша и Сверчка-Убийцу, и есть та самая Белоснежка. Я имею в виду, ты внимательно ее рассмотрел? На самом деле внимательно? Не смотря на кровь и внутренности, я не сомневаюсь, что это она. Она точно подходит под описание; губы красные как кровь, кожа бледная как снег, волосы черные как ночь. Я задаю себе только один единственный вопрос: как она стала вампиром?

Длинную речь Акселя прервал кто-то снаружи потайной двери. Секунду спустя внутри вползла Фейбл.

— Соскучились? — спросила она с неотразимой улыбкой на лице.

— Что ты здесь делаешь? — Аксель поморщился. — Разве я тебе не говорил что мы с Локи на секретной миссии, и что она очень опасная?

— Обожаю опасности, — ответила она. — Это ведь я рассказала тебе о библиотеке. Я заслуживаю поучаствовать. Я закончила с домашней работой....и твоей тоже. Перемыла тарелки, покормила пауков, мне скучно. Вы даже не представляете, какой вклад сможет внести девушка в вашу работу. Испытайте меня.

— Она в чем-то права, — сказал Локи, хотя ему не нравилось, когда слишком много людей было замешано во всем этом.

— Ладно, — пробормотал Аксель. — До того момента, пока ты не натворишь чего-нибудь глупого, и слушайся старшего брата.

— Хорошо, братец, — Фейбл затопала по полу и резко подняла руку, приветствуя его, как солдата. — Он думает, что если он старше меня, значит он умнее, — она подмигнула Локи. — Так что, я должна отдавать ему дань уважения.

— Итак, — Аксель закашлял, делая вид, будто не услышал ее, и встал, словно профессор в аудитории. — Как я и говорил, все, что тебе нужно знать о Белоснежке находится здесь, — он постучал костяшками пальцев по книге, пыль снова попала на его лицо.

— Ну-же, Аксель, выкладывай, — Локи насмехался над ним. Забавно было находиться рядом с Фейбл.

— Да, — захихикала Фейбл, — Выкладывай.

— Не ругайся в присутствии моей сестры. Ей всего лишь пятнадцать.

— Разве "*Выкладывай*" это ругательство? — спросил Локи.

— Мне пятнадцать с половиной, — возразила Фейбл, сложив руки на груди.

Локи не нравилось, что Аксель относился к своей сестре, как к умственно отсталой. Она была умной, милой, энергия била из нее ключом.

— Однажды все вы поймете, как я умен на самом деле, — произнес Аксель. — Именно поэтому я думаю, что принцесса вампиров на самом деле и есть Белоснежка. Сперва, вы должны узнать, что настоящая история про Белоснежку значительно отличается от той, которую мы все знаем. Белоснежка не изображается невинной, маленькой, умной и бесполезной.

— Но Белоснежка не бесполезна, — настаивала Фейбл. — Она прекрасна, а Принц опоссум, — Аксель высунул язык, как разъяренная ящерица.

Локи не мог избежать того чувства, будто он снова находился с детским саду..., хотя он и не помнил его, для него не составляло трудности представить. Детское поведение Акселя и Фейбл показывало недостаток общения со сверстниками, из-за такого поведения у них и не было друзей. Локи пожал плечами, напоминая себе, что он совсем не отличался от них, когда был одинок. У него была своя машина, на которой он путешествовал, встречаясь с Минкиными. Несмотря на то, что Аксель и Фейбл вели себя гораздо младше, чем им полагал их возраст, это напомнило ему, почему они ему так нравились даже не смотря на то, что они были Минкиными. Ему нравилось находиться рядом с ними. Он был рад, что его внутренний голос все отрицал, ведь, в конце концов, он собирался уехать из этого города.

— После прочтения оригинальных историй и комментариев к истории сказок, — Аксель детально разбирал. — Я обнаружил, что определенные аспекты оригинальной истории, написанной Братьями Гримм, намекали на тот факт, что Белоснежка могла быть вампиром. Это все в оригинальных текстах, если ты читаешь между строк. Это все равно как, если бы рассказ нес в себе какой-то скрытый подтекст или если бы они хотели скрыть правду, заставляя их звучать сказочно и подходяще для детей.

— Она не была вампиршей! — запротестовала Фейбл.

Локи сказал ей, что они должны дать Акселю шанс договорить, и выслушать все, что он хотел сказать.

— Прежде, чем утверждать, что она не была вампиршей, тебе следовало бы задать самой себе некоторые вопросы. Например, с чего бы это сказка для детей начиналась с матери, протыкающей палец и капающей кровь на снег? Кровопролитие, верно? — спросил Аксель.

— Однажды я слышал, как студенты Храпа говорили, что изначально сказки Братьев Гримм были написаны совсем не для детей, — сказал Локи.

— Верно, — подметил Аксель. — Они не думали о детях, когда только начали собирать рассказы. Но затем, когда они узнали, что взрослые рассказывали эти истории вместо сказок на ночь, переделали их в сказки для детей. Тем не менее, упоминать о крови в самом начале Белоснежки кажется мне странным. Ведь странно, когда при виде крови на снегу мама начинает думать о том, чтобы завести ребенка с алыми губами.....

— С алыми как кровь губами, — Фейбл перебила, будто почувствовала, что ей нужно защитить Белоснежку. — Волосы черны, как смоль, а кожа бела, как снег.

— Да, спасибо, — сказал Аксель. — Видишь? — он повернулся к Локи. — Не могу подумать ни о единой женщине, которая при виде крови захотела бы завести дочку, с губами красными, как кровь. Что это за желание? Помимо того, два пункта из описания точно подходят под атрибутику вампиров: губы красные как кровь, и кожа, белая как снег. У всех вампиров бледная кожа и их губы покрыты кровью пораженной жертвы. Взгляните на эту замечательную картину, — Аксель размышлял, показывая на картину, на которой был изображен мужчина с белыми клыками, одетый в черно-красный плащ.

— Дракула? — Локи вскинул брови.

— Считая самого Дракулу, — Аксель поднял указательный палец в воздух. — Человек, чье имя всегда ассоциировалось с теми же тремя цветами, которые мать Белоснежки хотела отобразить во внешности своей дочери. Он носит черный плащ, изнутри он красный, а его кожа так же бледна, как снег. Красный, Черный и Белый.

— Да это же абсурд, — произнес Локи.

— Кто бы говорил, — подметил Аксель. — Ты же охотник на вампиров, не так ли? Половина всех людей в мире не верит в существование вампиров.

— Да, но я не говорил, что герои сказок — вампиры, — пожал плечами Локи.

— Сказочные герои ненастоящие, — сказала Фейбл.

— Ага, и когда я спросил учителя истории о вампирах, она ответила мне что они тоже ненастоящие, — Аксель сурово посмотрел на Локи. — А я уверен, что одного вчера я видел.

Локи пожал плечами. Если бы Чармвилль был здесь, он бы рассуждал иначе.

— Послушай, — Локи начал. — Я понимаю, что в более ранних версиях сказки были полны крови и морали, ничего нового. Тот факт, что существуют распространенные цвета, мотивы между Дракулой и Белоснежкой, ничего не доказывает, так где это происходит?

— Хорошо, оставим цветовую часть, — сказал Аксель. — Здесь что-то другое, на что тебе следует обратить внимание. В конце истории о Белоснежке гномы хоронят ее в гробу...

— В хрустальном гробу, — Фейбл поправила его. — Потому что она была так красива, что они не могли представить, как это не иметь возможности смотреть на нее, когда она умерла.

Аксель проигнорировал ее и повернулся к Локи.

— Я понимаю, к чему ты ведешь, — сказал Локи. — Вампиры спят в гробах, следовательно, вполне логично спросить, почему это в конце сказки Белоснежка оказывается спящей в гробу. Я понял. Все, же звучит неубедительно. Это не совсем весомый аргумент.

— Разве ты не понял? — спросил Аксель. — Ее держали в гробу чтобы принц пришел и разбудил ее поцелуем, в то время как гномы думали что она мертва, что означает, что в момент поцелуя она оживает, — он остановился для большего эффекта и посмотрел на Локи и Фейбл. — То же самое происходит и с вампирами, которых вы убиваете. Они не мертвые, но уже и не живые, когда их протыкают колом. Их ложат в гроб, но если кто-нибудь вытащит из них кол, то они снова просыпаются. Это почти тот же самый сценарий, но написанный загадками для тех, кто может читать между строк. Я считаю, что в сказке поцелуй приравнивается к вытаскиванию кола из сердца вампира. Я даже не спрашиваю, почему там сразу же оказался Прекрасный Принц, или как он узнал о ее местонахождении, или почему он поцеловал мертвую девушку. Фууу.

— Ну и что? Поцелуй принца пробудил ее от долгого сна, вызванного отравленным яблоком, — сказала Фейбл, ведя себя так, словно она адвокат Белоснежки.

— Ага, — казалось, Акселя озарило, глаза его победно засияли. — Ты говоришь так только потому, что этому тебя научили в школе. Правда же в том, что никакого волшебного поцелуя вовсе и не было. Это неправда, — пояснил Аксель.

— Что значит это неправда? — задала вопрос Фейбл. — Все знают, что Принц разбудил Белоснежку поцелуем.

— Полнейший нонсенс, — гордо сказал Аксель. — Оригинальная книга была написана в 1812 году, а переиздана в 1857, принц ее не целовал. Все это сфабриковал Уолт Дисней.

— Не целовал? — удивился Локи.

— Прекрасный Принц хотел отвезти ее в хрустальном гробу обратно в замок, — сказал Аксель. — У него даже в мыслях не было целовать ее. Когда гроб выпал из кареты, кусок отравленного Злой Мачехой яблока, застрявший в ее горле, выскочил, и она проснулась, ожила.

— Действительно, — сказал Локи. — Значит, поцелуя истинной любви и вовсе не было?

— Не было даже в щечку, — заверил их Аксель. — Ни воздушного поцелуя.

— Следовательно, яблоко не было отравлено? Она задыхалась, а они решили, будто она мертва? — Задал вопрос Локи.

— Так написано в подлиннике. По моему мнению, кусок яблока — это метафора, что ее закололи колом. Мне кажется, это похоже на то, что ты вытаскиваешь что-то из нежити, от этого они пробуждаются и возвращаются к жизни. Вспомни 1812 год, когда история была опубликована впервые, мир был в ужасе от так называемой Вампирской Лихорадки. Ты ведь знаешь об этом? — сказал Аксель.

— Да, кивнул Локи. — Тогда люди впервые рассказали о том, что видели вампиров, и за

ними стали охотиться по всей Европе.

— Видишь? — сказал Аксель. — Логично предположить, что это попытка замаскировать тот факт, что Белоснежка была вампиром, а сказки писались загадками, чтобы только такие бдительные как я смогли это вычислить.

— Ты ужасный врун, Аксель, — Фейбл снова топнула ногой. — Должен быть поцелуй.

— Я не вру. Посмотри сама, — Аксель протянул ей книгу и указал на главу, в которой должен был быть поцелуй. Локи и Фейбл прочли ее. Аксель был прав.

— А почему принц решил увезти ее из леса? Он знал ее раньше? — спросил Локи.

— Да, когда она была моложе, — сказала Фейбл. — Он заговорил с ней у колодца, потому что она была красавицей, но она убежала, потому что стеснялась. Разве ты не смотрел фильм?

— Опять, это же диснеевская версия. В ней никогда не упоминалась настоящая история, — сказал Аксель. — И тем более они не объяснили, почему он хотел забрать ее. Ты же знаешь этих прекрасных принцев из сказок. Они никогда ничего не делают, чтобы добиться девушки, она им все равно достается.

— Это же принц, не злись на него только за то, что у него есть девушка, — Локи улыбнулся. — Так значит Белоснежка всего лишь вампир, спящий в хрустальном гробу?

Аксель кивнул.

— Вау. Мама не рассказывала мне такую историю, — сказал Локи. Он не обязан был говорить им, что его мама призрак, но это была правда. Иногда, когда он засыпал в машине, она прокрадывалась внутрь и читала ему сказки, а когда он засыпал, она поправляла вокруг него одеяло. По таким мелочам он понимал, что она заботится о нем. Он никогда не говорил ей об этом, потому что стеснялся, что его мама до сих пор читает ему сказки на ночь, а ведь ему уже пятнадцать лет.

— Я знаю, что эта история очень отличается от той сказки, которую нам рассказывали в детстве, — сказал Аксель. — По каким-то неизвестным причинам, кто-то распространил по миру другие сказки.

— Я до сих пор не понимаю, как это может помочь мне убить ее? — сказал Локи.

— Потому что я еще не все вам рассказал; у меня куча сюрпризов для вас, ребята.

— Что еще? — Фейбл скрестила руки. Она была разочарована. Аксель только что разбил все ее детство на кусочки, и она не знала как собрать его воедино. Локи посмотрел на нее и задумался, каково это иметь детские воспоминания. Он не возражал, чтобы Аксель испортил и его воспоминания, до тех пор, пока он однажды их не вспомнит.

— По версии Братьев Гримм, Белоснежка спала в гробу, конечно же, из-за яблока. Но это не значит, что она была мертва. Взамен Братья Гримм дали название тому, что произошло с ней, когда она откусила кусочек яблока. Они прозвали это Спящей Смертью.

— Как? — Локи изменился в лице. Спящая Смерть звучала так, словно с вампирами у нее было гораздо больше общего, нежели со сказками.

— Именно так и написано по тексту, Спящая Смерть, что является еще одним странным выражением, — сказал Аксель. — Подразумевается, что она не умерла, но спала словно мертвая. Это просто невероятно.

Локи нащупал у себя в кармане книжечку Охотника за Сновидениями, которую Чармвилль подарил ему. Он вспомнил, что некие ученые по Искусствам Мира Сновидений называли состояние застрявшего демона Спящей Смертью. Фактически, единственным способом попасть в сон демона, это когда он был в состоянии Спящей Смерти. Название

произошло от того, что демона можно было разбудить, вынудив из него кол, так что он был не полностью мертвым, но спал словно мертвый.

— Значит кровь, запекшаяся кровь, хрустальные гробы и Спящая Смерть, — Локи считал по пальцам, давая себе время подумать — он не собирался сейчас обсуждать что-либо об Охотниках за Сновидениями с ними. — А как насчет злой ведьмы, которая дала ей яблоко? — спросил Локи.

— Яблоко ей дала не злая ведьма, — объяснила Фейбл. — Это была ее мачеха, которая с помощью колдовства приняла облик либо торговки, либо старухи и так дала ей отравленное яблоко.

— И это приводит нас к самой страшной части истории о Белоснежке, — сказал Аксель. Локи нетерпеливо вздохнул, обменявшись взглядами с Фейбл. — Все мы знаем, что мачеха отправила своего Охотника убить Белоснежку, правильно?

— Охотник не смог убить ее, — сказала Фейбл. — Потому что она была красавицей, и он не смог заставить себя сделать это.

Аксель посмотрел так, будто он хотел вонзить перья в Фейбл; много перьев. Локи почти засмеялся, думая, что если б не Фейбл была ведьмой, а Аксель, то мир бы разрушился за шестьдесят секунд.

— Теперь, выслушайте меня, потому что это сведет вас с ума, — произнес Аксель. — В изначальной истории, злая мачеха попросила Охотника принести ей сердце и печень Белоснежки, после того, как он убьет ее.

— Интересно, — сказал Локи.

— Ты серьезно? — Фейбл наклонилась к нему. Бедная девочка сдалась после того, когда все, что она знала о сказках, разбилось вдребезги за несколько минут.

— Но это не все. То, что Охотник не убил Белоснежку, это правда, но он принес мачехе сердце и печень кабана, как доказательство, что он убил ее, — сказал Аксель.

— Отвратительно, — сказала Фейбл. — Так действительно написано в оригинальной версии Братьев Гримм? А почему они просто не превратили сказку в низкопробный ужастик?

— Я начинаю задумываться, почему я раньше не прочитал такие прекрасные сказки, — усмехнулся Локи. Он задумался, может то, что сказал Чармвилль о тьме внутри него, было правдой.

— Ребята, вы начинаете улавливать мою мысль? — сказал Аксель. — Я не знаю, сколько еще вам необходимо доказательств, чтобы вы поняли, что она была вампиром.

— Я все еще не уверен, что она настоящая Белоснежка, — сказал Локи. — Скажи мне, зачем злой мачехе потребовались сердце и печень Белоснежки? — спросил Локи.

— Она думала, что если съест сердце Белоснежки, она сможет стать прекрасней всех, — добровольно ответила Фейбл.

— Я так не думаю, — возразил Аксель. — По моему мнению, сердце было доказательство того, что охотник на само деле проткнул Белоснежку-вампира колом. Иначе для чего бы она просила сердце. Она могла просто попросить окровавленное платье Белоснежки в качестве доказательства.

Локи почесал голову. Ему нравилось это объяснение.

— Хотя это и очень странно, но в этом есть смысл, — сказал он. — Насколько мне известно, люди верили, чтобы убить вампира раз и навсегда можно проткнув ему сердце колом. Логично, если ты попросишь меня принести сердце вампира как доказательство

убийства. Таким правдоподобным способом охотник мог доказать, что убил ее. Даже в наши дни так поступают. Но это объясняет сердце, но причем здесь печень?

— Мне потребовалось время, чтобы выяснить это, но, в конце концов, я нашел ответ, но не в сказках, а в книгах по истории, — сказал Аксель. — Помнишь, мы говорили о вампирской лихорадке в 18 и 19 веках?

— Да, — кивнул Локи. — Тогда в истории впервые упомянули или заподозрили о существовании вампиров.

— Точно, — Аксель щелкнул пальцами. — Люди писали, что их недавно похороненные родственники вставали из своих могил. Они возвращались вампирами и кусали своих любимых, превращая их в вампиров.

— Где началась вампирская лихорадка? — поинтересовалась Фейбл.

— В Европе, — ответил Аксель. — Вот почему история Дракулы начинается в Трансильвании. Европейцы сошли с ума, наблюдая, как их близкие восстают из могил с непреодолимой жаждой крови и невозможностью ходить при солнечном свете.

— Интересно, — заметила Фейбл.

— Да, — подтвердил Локи. — Только они не были вампирами. Это была болезнь — не то чтобы вампиры не существовали, просто симптомы этой болезни были очень похожи, — сказал Локи.

— Я не понимаю, — Фейбл пожала плечами. — Это как-то запутано.

— Эта болезнь распространилась в 18 веке, — сказал Аксель. — В те дни ее называли Порфирия, — читал Аксель из книги по истории, словно сумасшедший ученый. — Порфирия — это наследственное заболевание печени, нарушающее биосинтез крови, из-за чего заболевший тяжело переносит солнечный свет, десны и губы у него отодвигаются, создавая эффект клыков, а кожа бледная.

— По-английски, пожалуйста? — сказала Фейбл.

— Из-за болезни кожа у людей становилась бледной, вырастали небольшие клыки, а единственное лечение это прогнать кровь через печень, в те времена медицина была очень примитивной.

— Правда? — удивленно сказала Фейбл. — Звучит в точности как признаки вампира.

— Но все таки зачем злая ведьма хотела приготовить печень на обед? — спросил Локи Акселя, хлопнув руками.

— Ты что, не догоняешь? — спросил Аксель. — Недуг вызван потерей печени. Единственным возможным решением проблемы было заглатывание огромного количества крови, которая всасывалась через стенки желудка и печень.

— И? Ты так и не ответил на вопрос, — спросила Фейбл.

— Когда распространился слух, что заболевшие люди были вампирами, люди начали обмениваться советами, как убить их. Очевидно, что тебе в первую очередь приходится протыкать им сердце, потому что только так ты убьешь вампира. Вероятно, вырвать сердце вампира было бы даже лучше; чтобы быть уверенным, что вампир больше не встанет из могилы. Но затем люди заметили, что когда отказывает печень, вампиры тоже умирают...

— Конечно, это были не вампиры, а чуваки с болезнью, из-за которой они выглядели как вампиры, — Фейбл щелкнула пальцами.

— Ааа, — Локи хлопнул себя по лбу. — Они думали, что так можно убить вампира, и поэтому распространили идею о том, чтобы убить вампира необходимо проткнуть ему сердце или печень?

— Проткнуть, съесть, не важно. Когда печень разрушена, никто не сможет пропустить через нее кровь, чтобы воскресить вампира, — сказал Аксель, его лицо светилось. — Если так думали о вампирах в начале 19 века, то именно так и думала злая мачеха о Белоснежке, потому что Снежка была вампиром.

— Вся твоя теория строится на предположении, что Белоснежка родилась в 18 или 19 веке, — сказала Фейбл. — Я думала, что история о Белоснежке гораздо старше.

— Это должно было произойти в те времена, потому что Братья Гримм написали первую версию Белоснежки в 1812 году, — сказал Аксель. — Братья Гримм собирали истории у местных жителей, которые сами должны были быть свидетелями событий. Я хочу сказать, что настоящая история произошла лет за десять-пятьдесят до даты издания, примерно в разгар вампирского сумасшествия.

— Не забывайте, что Белоснежка была принцессой, и, возможно, ее папочка-король не хотел, чтобы кто-нибудь узнал, что она была вампиром, потому что тогда бы ее убили.

— Я все равно не верю, что Белоснежка была вампиром, — сказала Фейбл, обдумывая факты.

— Это какая-то извращенная логика, Аксель. Все, что я знаю, так это то, что вчера я видел вампира, да и твои доказательства по поводу печени весьма значимы. Значит, печень ее слабое место? Мне что, ударить ее колом в печень? Не понимаю, — заметил Локи, не смотря на то, что он знал, что Чармвилль рассказывал ему, что единственный способ убить ее — это войти в ее сон, но он никогда не говорил ему, что ему надо проткнуть ее колом несколько специфическим способом, отличным от остальных вампиров. Локи издал смешок, вспоминая, что он даже не смог ударить колом ее в первый раз.

— Она не вампир! — Фейбл топнула ногой.

— Вампир, — настаивал Аксель. — Знаешь, что еще я думаю? Я думаю, что она из чертовски жуткой семьи. Знаешь, что королева сделала с ее сердцем и печенью, которые, как она думала, принадлежали Белоснежке? Она съела их, — Аксель изобразил чавкающие челюсти. — Ммм. Ммм.

— Спасибо, что уничтожил мое детство, Аксель, — заплакала Фейбл. — Надеюсь теперь ты сам сможешь делать свою домашнюю работу, потому что я умываю руки.

— Все это имеет смысл, — сказал Аксель, обращаясь к сестре. Если бы он действительно заботился о ней, как сказал Локи, то это был плохой способ показать его заботу. — Все вампиры были очень красивы и великолепны. Я вчера видел ее в замке, так прекрасна, невинно позируя, когда ей хотелось, хотя она могла иметь в виду, когда ей хотелось. Это идеальное описание вампиров.

Не было никаких сомнений, что девушка в замке была вампиром, подумал Локи. Она была очень сильной, очень пугающей, очень милой и очень подлой. Но была ли она настоящей Белоснежкой? При этой мысли Локи почувствовал, что ему нужно что-то вспомнить, но он не мог. Так сказки это правда? А она вообще знает, кто она такая?

Локи вздохнул:

— Даже не смотря на то, что из всего что вы мне сейчас наговорили получится прекрасная книжечка, я не понимаю, как все это поможет мне убить ее.

— Как раз об этом я и хотел поговорить с тобой, — Аксель избегал взгляда Локи. — Я нашел этот дневник, мне кажется, что это дневник Якоба Карла Гримма, или, по крайней мере, часть дневника.

— Кто такой Якоб Карл Гримм? — спросила Фейбл.

— Один из Братьев Гримм, двух братьев, которые написали сказку про Белоснежку, — Аксель раздраженно посмотрел на нее.

— Как такая книга могла оказаться в библиотеке? Дневник Якоба Гримма? Ты говоришь о бесценной рукописи в форме дневника, — сказал Локи.

— Я не уверен, но на нем есть инициалы Я.Г., — сказал Аксель. — Я больше никого не знаю с такими инициалами.

— Подожди, — прервала его Фейбл. — Ты ведь не сам раскопал все это, так? Ты получил информацию из этого дневника.

Аксель пожал плечами.

— Какая разница? Я же вам помогаю.

Замолчав на секунду, Локи и Фейбл снова переглянулись.

— В любом случае, — сказал Аксель, не глядя на них. — Я прочитал не весь дневник, но мне кажется, кто бы не написал этот дневник, он совсем не любил Белоснежку. Помнишь, что она вчера прошептала тебе на ухо?

Локи кивнул.

— Этот Я.Г. упоминал, что когда она испытывает слабость к какой-нибудь своей жертве, например, он ей нравится или она хочет привлечь его, то она запутывает его, манипулируя каким-то образом его чувствами.

— Манипулирует? — нахмурился Локи.

— Играет с жертвой и просит спасти ее. Она поступает так до тех пор, пока ее интерес к жертве не ослабевает, и она, в конечном итоге, может ее убить, — Аксель изогнул брови, глядя на Локи.

— Именно это она и сказала мне вчера, — сказал Локи практически сам себе. Он так много хотел разузнать, но только разочаровался. Что-то внутри него желало, чтобы она нуждалась в помощи.

Это к лучшему, Локи. Сейчас у тебя нет оправданий, чтобы играть в ее игры. Все, что ты сейчас должен сделать, это убить ее и вернуться домой. Она такая же, как и другие подлые демоны, которых он раньше встречал.

— Что? — Фейбл насмеялась над Локи. — Она действительно просила тебя спасти ее? — Фейбл была удивлена. — Правда? Я не верю тебе. Что с тобой, Локи? Ей нужна твоя помощь.

— Она всего лишь играет со мной, — Локи избегал взгляда Фейбл. Он думал, что если посмотрит на нее чуточку дольше, то может смягчиться и передумать. Фейбл так восхищалась принцессой вампиров, что это было заразно.

— Поговори со мной, Локи, — она потянула его за руку. — Она попросила тебя спасти ее, а ты все равно хочешь ее убить?

— Перестань, Фейбл, — сказал Аксель. — Она определенно играет с ним. Разве ты не видишь, что в этом дневнике говорится о ее манипуляциях с теми, кто ей нравится?

— Да ты что? — огрызнулась Фейбл. — Если верить твоему дневнику, то она испытывает симпатию к Локи. После всех твоих исследований, почему бы вам обоим не задаться самым важным вопросом? Почему она испытывает симпатию к Локи?

— Вот это меня и беспокоит, — Локи сжал руки в кулаки. — Так что, пожалуйста, давайте не будем говорить об этом. Я должен ее убить, и вы со своими теориями не облегчаете мне задачу. От этого зависит моя жизнь.

— Твоя жизнь? — сказали Аксель и Фейбл одновременно.

— Я не хочу об этом говорить, — Локи рассеянно водил ногой по полу.

— Я не знаю о чем он, Фейбл, — сказал Аксель. — Но поверь мне, ты не представляешь, на что она способна.

— Скажи что-нибудь, Локи, — умоляла Фейбл. — Я думала, ты хороший. Не заставляй меня пожалеть об этом.

— Я не знаю, что и думать, — огрызнулся Локи. — Открытия и Акселя и дневника, который он нашел, говорят о том, что раскрыли тайну одной из самых великих сказок всех времен. Если это правда, мы сможем изменить историю, если расскажем об этом миру ..., ну, по крайней мере, вымышленную историю сказок. Это будет потрясающе; но простите, если я не разделяю ваши чувства, потому что мне плевать на правду. Мне здесь не место. Я не верю в сказки, и не хочу верить в них. Я приехал, чтобы убить ее, и именно это я должен сделать.

Локи последний раз взглянул на брата и сестру, и что-то показалось ему необычным.

— Я собираюсь вернуться и покончить с ней, — сказал Локи медленно. — И мой вам совет — держитесь подальше от меня. Мне следует поблагодарить вас за помощь, но в моей жизни нет ничего кроме проблем, и я не хочу, чтобы вас постигла та же участь.

— А в нашей жизни одни розовые пузырьки и мороженое, — Аксель закатил глаза. — Я самый популярный, не жалкий, всеми любимый парень в школе. Разве не так? — он насмеялся над собой.

— И моя жизнь тоже великолепна, — сказала Фейбл. — Моя мама никогда не была паршивой ведьмой, и никто никогда не упоминал об этом в школе, или не недооценивал меня и не напоминал мне, что я никто. Я просто радуюсь жизни.

— Ладно, хватит издеваться надо мной. Я понимаю, — сказал Локи.

Они говорили ему, что он был все время и что, если он думал, что тяжесть мира только на его плечах, то они ничем не отличались от него, только они столкнулись со своими страхами и наслаждались этими днями.

— Пришло время разделить. Путешествие заканчивается здесь.

— Куда ты пойдешь? — спросила Фейбл.

— Сейчас день, и я думаю, что принцесса вампиров спит в своем гробу где-нибудь в замке. Для меня это идеальная возможность выполнить свою работу, — сказал Локи. — Аксель пытался убедить меня, что нам нужно отправиться завтра после полуночи, но подумав еще раз, будет лучше навестить ее днем, когда она спит.

Аксель упал со стула, пытаясь поймать его. Фейбл нежно коснулась руки Локи.

— Подожди, — она сделала паузу. — Думаю, нам следует пойти с тобой.

— Почему? — удивился Локи.

— Почему? — выпалил Аксель, подсакивая. — Это величайшее приключение, которого я ждал всю свою жизнь. Я чувствую себя Томом Сойером.

— А ты? — Локи перевел взгляд на Фейбл.

— Я действительно беспокоюсь за тебя, Локи, — ответила она.

Лицо Акселя вспыхнуло от гнева.

— Руки прочь от моей сестры.

Фейбл вспыхнула и отняла руку.

— Останови свои грязные мыслишки, — сказала она Акселю. — Локи — хороший друг. Да что с тобой не так?

— Я должен защищать тебя, — Аксель выронил несколько книг.

Локи и Фейбл рассмеялись, и Локи знал, что ее слова были правдой. То, что он чувствовал по отношению к Фейбл, было братское чувство. Оно только усилилось, потому что никто из них не чувствовал себя раньше подобным образом. Фейбл никогда по-настоящему не чувствовала себя в безопасности с Акселем, и Локи никогда не чувствовал волшебной заботы о младшей сестре — хотя он был уверен, что он бы вскоре ушел и никогда больше ее не увидел. Когда они вышли из библиотеки, Локи подумал об этом и понял, почему Фейбл действительно пошла с ними. В отличие от Акселя, она пошла не только из-за большого приключения, и это было не потому, что она беспокоилась за него. Фейбл прибывала в надеждах, что она сможет уговорить его не убивать Белоснежку, когда настанет время.

Стеклянный гроб

Сквозь большие окна светило солнце, освещая все в Замке; мраморные полы, разрисованные потолки и старомодные люстры. На стене в золотых рамках висели картины с изображением битв, в которых люди ездили верхом на единорогах, а не на конях. Локи заметил, что на одном из единорогов сидела женщина в плаще; единорог был без рога. От этого Локи сжал Аликорн сильнее.

В огромном холле беспорядочно стояло несколько предметов старинной мебели, они были накрыты белыми чистыми покрывалами. Складывалось ощущение, что кто-то заботится о Замке, и Локи задумался, кто бы это мог быть. Локи содрогнулся от этой мысли. В замке он ощущал тревогу, не смотря на сказочный сияющий солнечный свет, окрашивающий воздух и намекающий на обманчивое чувство безопасности. Все выглядело дружелюбным и приветственным, но кто знает, что будет дальше. Если бы замок не был наводнен вампирами по ночам, то Локи бы попался в ловушку.

Вокруг не было никаких следов вчерашних жертв, ни следов крови или признаков борьбы. Это был просто очаровательный пустой замок посреди Черного Леса. Даже Болотс Скорби было не таким пугающим, как вчера ночью. Они на удивление легко пересекли болото и лес, чтобы добраться до замка: из-за этого Локи беспокоился еще больше. И все-таки что-то с этим островом и замком было не так, но он не мог понять что. Аксель правильно сказал о том, что у этого места есть душа.

— Вау, — сказал Аксель. — Он совсем не похож на вчерашний замок с привидениями.

Локи осмотрелся в надежде увидеть зловещие детали, которые удержали бы его от дальнейшего продвижения. Но ничего такого не было.

— Потрясающе, — сказала Фейбл, танцуя с вытянутыми над головой руками, как Джулия Эндрюс из "Звуков Музыки". — Я всегда мечтала о таком замке. Может, переедем сюда, Аксель?

Локи не мог не обожать ее. Он не стал говорить ей, что будет лучше, если она перестанет танцевать, чтобы не разбудить принцессу вампиров.

— Думаешь, она спрятала тела в подвале? — спросил Аксель. Он нехотя стоял напротив двери в подвал.

— Аксель, она же не серийный убийца, и ей нечего прятать, — сказал Локи. — Расслабься, я всегда оставляю подвал напоследок.

— Ну, — протянул Аксель. — Просто есть две вещи, которые я ненавижу больше всего, ну ты знаешь...

— Не совсем.

— Подвалы и чердаки, там всегда происходит все самое страшное...

Локи подошел к причудливой винтовой лестнице, ведущей наверх, которую ему едва удалось рассмотреть при единственном мигающем фонарике прошлой ночью.

— Нам нужно подняться наверх. Помнишь, Двойка сказала, что нашла хрустальный гроб Белоснежки наверху? — сказал он.

Он слышал шаги Акселя и Фейбл позади себя. Лестница была такой широкой, что по ней вполне мог проехать экипаж. На ступенях лежал красный ковер, а по сторонам стояли цветы в горшках — настоящие цветы. Кто же заботится об этих растениях?

Локи заметил, что бормочет себе под нос:

— Белоснежка раз, Белоснежка два. Вот и Скорбь за тобой пришла.

— Друг. Потребуется время, чтобы подняться по этим ступеням. Мне надо было купить себе пачку Липких Сладких Косточек, — устало сказал Аксель. — Могу поклясться, что эти короли и королевы 19 века редко делали что-то еще, кроме как подниматься и спускаться по лестницам.

— Это же королевский замок. Все здесь должно быть большим и величественным, — сказала Фейбл, мысленно восхищаясь замком.

Локи достал телефон и прочитал записи, скопированные им с утраченной страницы его книги Охотников за Сновидениями.

— Скажи мне, если увидишь зеркала, — сказал он. — Мы не сможем ее убить, по крайней мере, без двух зеркал.

— Хватит говорить "убить ее"! — напомнила ему Фейбл.

— Прикончить ее? — поддразнил Локи.

— Почему зеркала? — поинтересовался Аксель.

— Согласно ритуалу убийства ее тело должно лежать в гробу между двумя зеркалами, расположенными друг напротив друга, чтобы можно было войти в ее сон, — сказал Локи.

— Я бы на твоём месте, побеспокоился о том, чтобы сначала проткнуть ее колом, — пыхтел Аксель. — А что это за проникновение в сон, о котором ты говоришь?

— Расскажу позже, а сейчас просто ищи зеркала, которые я смогу использовать.

— Вы двое просто ужасны, когда говорите о Белоснежке подобным образом, — сказала Фейбл.

— Честно, я с детства ненавижу сказку про Белоснежку, — сказал Аксель. — Она — бледная девчонка, которой нужно было больше загорать. Ее отец был рассеянным и слабым, в то время как ее мачеху отправить бы в приют для безумно красивых. Мне больше нравился Джек и Бобовый Стебель. Джек был крутым парнем. Он воровал у великанов.

— Так вот почему ты так много ешь, чтобы сражаться с великанами? — сказала Фейбл.

На втором этаже по правой стороне длинного коридора располагался ряд комнат; больше десяти деревянных двойных дверей с золотыми ручками в форме коровьей головы. Локи стал толкать двери, чтобы заглянуть в комнаты. Двери скрежетали по полу, они были очень тяжелыми и требовалась сила, чтобы сдвинуть их. Только такой здоровяк как Плохиш с легкостью открывал такие двери. Скрипящий звук разносился эхом в огромном, практически пустом пространстве. До Локи донеслось порхание птиц.

— Это и вправду большие двери, — сказала Фейбл, толкая дверь изо всей силы, навалившись на нее своим телом, словно она занималась в тренажерном зале.

Комнаты были чересчур огромными, практически пустыми, за редким исключением там была кровать с ночным столиком и большие деревянные шкафы для одежды. Фейбл приветствовала каждую комнату своим собственным счастливым танцем, периодически топая по полу и вытянув руки по сторонам. Она взволнованно смотрела на высокий потолок, словно ожидая дождя. Так как комнаты выглядели безопасными, Аксель, почувствовав себя храбрым, начал открывать новые двери, заглушая страх внутри себя раздражающим звуком скрипящих дверей. Аксель толкнул еще одну дверь, и Фейбл ринулась в комнату вместе со своей танцевальной фигурой. Аксель скрестил пальцы, выгибая спину и разглядывая комнату, словно плохой полицейский с распылителем в низкопробном фильме, тот, которого обычно убивают через две сцены.

— Не волнуйся, Локи, — сказала Аксель. — Пока я верю в силу креста, я защищен и не

безопасности.

— Он должен быть сделан из дерева или серебра, — предположила Фейбл.

— Если ты действительно в это веришь, то почему не использовал его против нее вчера? — сказал Локи, выходя в коридор.

— Моя вера была слаба, но сегодня я сильнее. — Аксель сказал это так, как будто он старый мудрец из фильма. — Вы когда-нибудь слышали поговорку: «Что тебя не убивает, то делает сильнее»?

— Хочу узнать, что ты ел на завтрак, должно быть это была очередная вкуснятина, — произнес Локи. — О, постой. Я забыл, что твой завтрак слопал Бугимен.

Фейбл засмеялась, её смех был похож на чихание. Локи открыл другую комнату, в ней тоже было пусто, как и в остальных. Может ли быть такое, что Белоснежка не спит в замке? И почему не было никаких зеркал? В таких замках обычно были зеркала, много зеркал. В сказке было всё о зеркалах...

— Зеркало, зеркало на стене. — Прошептал Локи, потирая пальцы, как будто заманивал лошадь воображаемым кусочком сахара в руке. Он повернул назад, чтобы осмотреть ванную комнату. Там должно было быть хотя бы одно зеркало.

— Эй, — крикнул Локи Акселю и Фейбл. — Вы видели здесь ванн

ные комнаты?

Выглянув в коридор, Локи не нашел Акселя.

— Аксель, где ты? — удивился Локи. Ответа не последовало, только эхо его голоса. — Фейбл? — спросил он. Не было ни каких признаков Фейбл, ни топота ее ножек, ни пения о невидимом дожде.

Локи напрягся и вытащил Аликорн.

— Хватит меня разыгрывать, выходите немедленно, — одиночество, прозвучавшее в его голосе, обеспокоило его. Что с ними случилось?

Локи ускорился, открывая все больше и больше дверей, просто заглядывая внутрь в поисках друзей. Их не было здесь. Не было там.

— Если вы пытаетесь приколоться надо мной, то это не смешно! — сказал Локи.

Через три комнаты он увидел солнечный свет, освещающий коридор, это означало, что комната впереди была уже открыта. Он осторожно подошел к ней, слыша лишь бешеное биение своего сердца. В комнате было светло, слишком ярко.

— Аксель, ты здесь? — спросил Локи, делая два робких шага ко входу в комнату. Звук его шагов нагнал на него еще больше жути.

Локи остановился перед дверью, поднимая свой кол из-за спины к стене. Он наклонил голову, которую Белоснежка чуть вчера не свернула, и попытался незаметно пробраться в комнату. И вдруг что-то злобное преградило ему путь. Это было черное существо, машущее над ним огромными крыльями и ударившее его по голове. Локи упал в коридор. Лежа на спине, он еще раз взглянул на это и разглядел огромного ворона ростом с человека, размахивающего огромными крыльями, пролетающего над лестницей к люстрам, а затем вылетающего через открытое окно на другой стороне. Локи снова вытащил Аликорн и поднялся, задаваясь вопросом много ли в комнате ворон. Ему придется столкнуться лицом к лицу с тем, что ожидает его в этой комнате.

— Глупый Локи, — бормотал он. — Ни Аксель, ни Фейбл не должны были идти с тобой. Это твоя война. Будет несправедливо, если из-за тебя с ними что-то случится, — Локи заметил, что это один из самых длинных монологов за всю его жизнь. Похоже, он действительно беспокоится о них.

Наконец, Локи увидел Акселя, стоящего посередине комнаты прямо напротив него. Затем он увидел выражение ужаса на лице Акселя. Он был словно парализованный с таким безжизненным взглядом и открытым ртом. У Локи промелькнула мысль, что он словно сделан из воска, волосы жесткие, как метла у ведьмы, лицо бледное, словно его только что укусил вампир. Заметив мурашки на руках у Акселя, Локи остановился. Аксель молчал, он неохотно скосил глаза в сторону; выглядя, словно статуя Акселя в музее знаменитостей. Локи понял и проследил за взглядом Акселя.

Комната была полная передвижных, в полный рост зеркал. Они стояли у стен и в них отражалось солнце. Каждое зеркало показывало отражение другого зеркала; довольно жуткая слепящая яркость, которая отражалась в комнате и коридоре. Это отвлекало, заставляя Локи моргать как минимум дважды, чтобы разглядеть желаемое. Глаза болели, словно он слишком долго смотрел на солнце. Тем не менее, Локи шагнул внутрь, медленно привыкая к яркости. Именно тогда он понял, что происходит. Не зеркала были причиной страха Акселя. Это было нечто иное, что попросту лежало на полу в центре комнаты: хрустальный гроб.

Фейбл опустилась на колени к гробу и нежно провела рукой по стеклянной поверхности. Она смотрела на прекрасную спящую Белоснежку. Локи и представить себе не мог такой сцены, которая прямо сейчас развернулась перед его глазами. Помимо напуганного-до-смерти и стучащего-от-страха-зубами Акселя, и безнадежно романтической Фейбл, Локи был эмоционально тронут. Он то думал, что Белоснежка окажется обычным старомодным вампиром, которого он найдет в темной комнате и синева-бурыми обоями и кровавыми портьерами. А сама она будет в деревянном шкафу со старым замком и пугающими тенями на стенах. С другой же стороны, раз уже Белоснежка оказалась принцессой в стеклянном гробу, он представил себе сцену, происходящую в лесу: семь гномов и Прекрасный Принц оплакивают ее, который наклоняется, чтобы поцеловать ее.

Локи кивнул Акселю, напоминая, что всем было разрешено иногда мочиться на свои брюки. Зеркала в комнате напоминали комнату смеха. Локи видел себя со всех ракурсов, его отражение повторялось и множилось на более мелкие. Он не собирался жаловаться. Зеркал было более чем достаточно, чтобы похоронить Белоснежку в Мире Сновидений.

Он опустился на колени рядом с Фейбл.

— Тссс, она спит, — сказала Фейбл, лаская гроб, как будто это был ее ребенок. Локи решил, что не будет спорить с ней сейчас, потому что он хотел изучить гроб.

Хрустальный гроб был заперт на висячий замок изнутри. Это был весьма хитрый трюк. Чтобы вогнуть ей в сердце кол, Локи придется разбить стекло, что вероятно будет нечто сообщения для нее: "*Эй, детка, я пришел убить тебя. Просыпайся.*" У вампиров чертовски быстрые рефлексy, ему необходимо было найти способ обойти эту ловушку.

— На твоём месте я бы не был таким сентиментальным, — сказал Локи Фейбл. — Если она проснется, то укусит тебя.

— Ага, — Аксель собрал все свое мужество воедино и пискнул это бесполезное слово.

— Вы двое ужасны, — прошептала Фейбл, что натолкнуло Локи на мысль, что она тоже немного побаивалась Белоснежку, но не призналась бы в этом. — Она просто юная красивая девушка. Вы не говорили мне, что она настолько красива.

— Разве она не должна умереть при воздействии солнечного света? — спросил Аксель Локи, зная, что он не сможет выиграть разговор с Фейбл. — Или сгореть? — Кажется, эта идея понравилась ему больше.

— Она необычный вампир. Если бы она в самом деле была всего лишь вампиром, — сказал Локи. — В ней есть нечто иное. Кроме того, не все вампиры сгорают при солнечном свете. Очень опасно пребывать долгое время на солнце, но умирать подобным образом Голливудская примочка. Те немногие вампиры, которые подвержены влиянию солнца обладают заклинаниями и чарами, чтобы защитить себя от подобного.

— Не убивай ее, Локи, — Фейбл уставилась на него влажными глазами. — Она так прекрасна. Теперь я понимаю, что злая мачеха хотела убить её из ревности. Пожалуйста, Локи, пожалуйста.

Локи сейчас легко мог расплакаться, разразиться слезами и упасть на пол, дрыгать руками и ногами, словно двухлетний малыш, орошая слезами воздух и крича: аааааааа! Но вместо этого, он выбрал тяжелый путь и не ответил. Привести Фейбл было плохой идеей. Слишком эмоциональна.

Внутри гроба, Белоснежка скрестила руки поверх платья, словно одна из древних египетских принцесс, заснувших вечным сном. Ей было всего лишь шестнадцать, но она излучала ауру древнего существа. Локи ощутил, что неведомая сила притягивает его к ней. Это было странное чувство, доселе неизведанное им; ощущение причастия к кому или чему-либо. Его глаза изучали каждый дюйм ее тела. Все ее существо вопило тремя цветами: белым, красным, черным. Словно все остальные цвета в мире исчезли, как только он посмотрел на нее.

Ее кожа была бледной, цвет невинной голубки; цвет снежинок красивой зимней ночью, сияющих во тьме. Тех самых снежинок, ради которых хочется запрокинуть голову и наслаждаться их мелкими капельками на своем лице; того самого снега, из-за которого хочется построить снежный замок или снеговика и воткнуть ему морковку вместо носа. Цвет ее кожи гипнотизировал. Да, она была бледна, но благоухала молодостью. Локи возненавидел себя за подобные мысли, зная, что ее красота всего лишь маска всей той великой тьмы, которая скрывалась в ней. У нее были красные ухоженные ногти, и Локи спросил себя, а если это была кровь от её жертв. Он не мог не заметить слабое красноватое сияние на ее щеках, как два маленьких красных яблочка. Красная лента в волосах, заставляла ее выглядеть невинно. Это была одна из немногих вещей, которые не изменились в ней, когда она превратилась в вампира. Эта чертова красная лента! Эта чертова невинность ей идет. Из-за этого труднее воткнуть Аликорн в ее сердце. У нее было красное яблоко, расположенное между ее рукой и грудью. Она плотно сжимала его, как если бы это имело сентиментальный смысл. Волосы Белоснежки были гладкими, ниспадая на плечи, словно их каждый день расчесывали, наносили самые лучшие натуральные масла, они напоминали Локи об океанских приливах в лунную ночь. Они обладали силой заманить тебя на этот самый лунный берег и утопить тебя в этих сомкнутых руках. Как она очищается от крови? Как она выглядит так богинеобразно?

Наблюдать за ее сном было чистейшей эйфорией. Локи подумал, что начисто позабыл бы о Моне Лизе или Семи Чудесах Света, или же как все детишки рисовали Спящую Красавицу во сне. Красота Белоснежки, в нормальных обстоятельствах, была безмятежно красивым зрелищем. У нее была необычная красота, какую Локи не встречал ни на одной обложке журнала. Это была чистая, не искусственная, или же достигнутая хирургическим путем или слоями штукатурки красота. Ей не нужно было все это. Локи даже не обратил внимания на то, что щеки Белоснежки были по-детски пухловатыми, но всю ее красоту невозможно было постичь глазами. Это было то самое чувство, которое он ощутил самим

нутром. Он подумал, вот почему злая мачеха никогда не спрашивала зеркало: *Кто красивей всех на свете*. Вместо этого она спрашивала: *Кто самый прекрасный*. Локи подумал, что девушку в гробу можно было описать конкретным словом: *Прекраснейшая*.

Локи тряхнул головой, пытаясь вывести себя из этого транса. *Что случилось, Локи? Она играет с тобой, и ты не должны поддаваться искушению, чтобы завершить поиск. Зло порой так хорошо выглядит.*

— Она пощадила твою жизнь вчера, — напомнила Фейбл, сшив паутину вины в сущности Локи. — Наверное, она сделала это не просто так. Почему ты настаиваешь на её убийстве?

Слова Фейбл были резки для полу-ангельской души Локи. Он стоял молча, не в силах сделать следующий шаг.

— Ты ведь не влюбился в нее? Правда? — сказал Аксель. — Ты видел, что она сделала вчера.

— Я не влюбился в нее, ты слышишь меня? — Локи схватил Акселя за рубашку и сказал твердым голосом. — Я не влюбился в девушку-демона снова. Ты понимаешь?

На этот раз Аксель ничего не сказал... он даже не понял, что он подразумевал под "*снова влюбиться в демоницу*". Локи напугал его еще больше. Даже Локи заметил, как в нем закипала злость, и это было забавно, словно он внезапно перестал контролировать свои действия. Наконец, он отпустил Акселя. *Что со мной происходит? Как я могу быть таким кровожадным?*

— Воооу, не хочу, чтобы ты снова на меня сердился, — произнес Аксель. — Это больше напоминает Доктора Джекила и Мистера Хайда. В следующий раз, пожалуйста, предупреди меня, прежде чем превратишься в Невероятного Халка.

Локи поерзал немного, не в силах оторвать взгляд от Белоснежки. В руках у него было печенье с предсказанием. Опять же, единственная вещь, которой он доверял всякий раз, когда не знал, как поступить в этом мире, особенно когда Чармвилля Глиммера не было поблизости.

— Что мне делать? — спросил он, почти вспотев. Затем, стиснув зубы и закрыв глаза, он разломал печенье судьбы.

Когда он открыл глаза, то прочел маленькую бумажку с ответом. На ней попросту было сказано:

Убей ее.

Локи вздохнул. Что-то он не чувствовал, что поступает правильно убивая принцессу вампиров, но у Локи не было выбора не доверять печенькам судьбы. Они всегда помогали ему, и лишь благодаря им, он продвинулся так далеко.

— Ты говоришь с печеньем с предсказаниями? — спросил Аксель, пока Фейбл не поняла, что только что произошло.

— Оно помогает мне принять решение, когда я не могу решить куда поехать, или что верно, а что нет, — объяснил Локи.

— Кто же ты такой, Локи Блекстар? — спросила Фейбл с большими недоверчивыми глазами.

— Всего лишь парень, который пытается найти место называемое домом, — пробормотал он, и было очевидно, что он не собирался вдаваться в подробности.

— Ладно, — Аксель поправлял свою футболку — и авторитет. — Теперь я знаю, что тебя надо доставить домой, пока ты не вызверился на нас, как принцесса вампиров вчера на

подростков.

— Гроб заперт... — Объяснил Локи, никак не комментируя замечание Акселя.

— Хорошо для нас, — обрадовался Аксель.

— Изнутри, — продолжил Локи.

— Нехорошо для нас.

Локи порылся в своей сумке, вытащил маленький молоток и протянул его Акселю.

— Ты разобьешь стекло этим молотком.

— Почему я? — Аксель слегка попятился, смотря на молоток как на ядовитую змею.

— Ну, или ты проткнешь ее колом, пока я буду разбивать стекло. Выбирай, — сказал Локи.

Аксель кивнул, разочарованно топнув по полу.

— Как я понимаю разбить стекло — это как наломать дров, а в этом я мастер, — он взял молоток. — У тебя случайно нет в сумке жвачки?

Локи посмотрел на него недоверчивым взглядом.

— Что? Мне просто нужно что-то пожевать, чтобы расслабиться. Прочь с дороги, Фейбл. Ты всегда будешь стоять на моем пути?

— Ты злой, Локи! — Фейбл встала. — Зачем ты вообще приехал к нам в город? Мы все были счастливы до твоего приезда.

Локи пожал плечами. Фейбл определенно была слабым звеном. Фейбл подбежала к Локи и начала колотить его по груди. Локи никак не отреагировал на ее милый гнев. То, как ее голова ударялась о его грудь, и запах ее чистой кожи, сделало его слишком восприимчивым к ней. Локи и Аксель в считанные часы разбили вдребезги все, за то, что она полюбила в детстве принцессу.

— Я вынужден сделать это, Фейбл, — ответил Локи. — Она — демон. Кроме того, я всего лишь проткну ее колом. Обещаю, что как только я найду причину не убивать ее, когда проникну в ее сон, я сохраню ей жизнь.

— Будто бы ты смог ее убить, — пробормотал Аксель.

— Обещаешь, Локи? — Фейбл взглянула на него картинно и эмоционально.

— Обещаю, — сказал Локи, закрыв глаза и глядя ее по волосам. Он лгал ей, всего лишь хотел успокоить, и ему было стыдно за это. Возможно ли, чтобы полу-ангел лгал? Может он и не был хорошим парнем?

Локи хотел рассказать Фейбл, что он не виноват, что в мире полно вампиров, или о том, что это его работа убивать их, или о том, что Белоснежка стала демоном. Черт, прежде всего, не предполагалось, что Белоснежка окажется настоящей. Не смотря на все те сказки, которые ему рассказывал Чармвилль, Локи никогда не верил, что они правдивы.

— Может, мы займемся делом? — простонал Аксель. Он расставил ноги и наклонился над гробом, держа молоток двумя руками над головой, готовый разбить гроб. Он словно страстно желал что-нибудь разбить. Локи подумал, что надо будет поговорить с ним об обратной стороне его увлечения видеоиграми про зомби; из-за них он становится жестоким.

Глядя на Фейбл и Акселя, Локи все еще удивлялся, почему они вели себя так, будто им двенадцать. Он чувствовал себя как шестнадцатилетний, который был и отцом, и старшим братом одновременно. Последнее, в чем он нуждался, так это необходимость заботиться о ком-то еще. Локи похлопал Фейбл по плечу и поцеловал ее в лоб. Он встал на колени рядом с гробом с Аликорном в руках...

— Передай Фейбл волшебную пыль, — сказал Локи Акселю. — Если я не смогу проткнуть ее, бросишь ее в лицо Белоснежки, — сказал он Фейбл. — Она лишится сознания на какое-то время. Если так произойдет, вы вместе с Акселем уйдете отсюда, и убежите как можно дальше. С остальным я справлюсь.

— Почему же ты не воспользовался им вчера, — удивился Аксель.

— Я был настолько парализован, что даже не смог подумать о нем, — ответил Локи. *Я не скажу Акселю правду, что я лажая, когда дело доходит до демониц.* — Ты со мной, Фейбл? — спросил Локи. Фейбл кивнула, смахнув слезы и излишне всхлипнув в самом конце. — Фейбл, — с нажимом произнес Локи, глядя ей в глаза. — Не делай глупостей. Если ты используешь Магическую Пыль против нас, мы все станем вампирами на веки вечные.

Она одобрительно улыбнулась:

— Почему бы тогда тебе не использовать на ней магическую пыль вместо кола? — спросила она.

— Согласно книге Охотника за Сновидениями, чтобы войти в сон, я должен заколоть ее в сердце, в тот самый момент, когда она проснется. Если я проткну ее колом, пока она будет спать, я не смогу попасть в сон.

— Зачем? — спросил Аксель.

— Не знаю, но думаю, что кол в сердце единственный способ вызвать Спящую Смерть, — отрезал Локи. Он ощутил смущение, рассказывая, что он один из величайших Охотников за Сновидениями в мире, когда он об этом не так уж и много знает, и ему пришлось узнать об этом из книги, будто это был обычный учебник по Химии.

— Ты готов? — Локи уставился на Акселя, чтобы убедиться, что он был в состоянии повышенной боевой готовности. — Стекло разобьется после первого же удара. Дыра должна быть достаточно большой, чтобы я смог вогнать ей кол в сердце, или у нас возникнут большие неприятности.

— Я готов, — Аксель сделал вдох и задержал воздух в груди.

Фейбл подражала Акселю. Она желала, чтобы это помогло ей расслабиться. Локи начал считать:

— Один.

Аксель задержал дыхание до такой степени, что его щеки раздулись и были похожи на маленькие розовые шарики. Как ни странно, один был больше другого.

— Два.

Фейбл закрыла глаза, вздохнула и расставила ноги.

— И три...

Прежде чем Локи закончил считать, Белоснежка открыла глаза.

А теперь я спать ложусь

Белоснежка открыла свои дьявольские глаза. Они смотрели словно мертвые, как черные пуговицы, пришитые к глазницам, как черные монеты, оставленные на глазах у покойника, засасывая душу Локи в темноту. Раскрыв кроваво-красные губы и обнажив клыки, она зашипела на него.

— Три, — Локи услышал восторженный голос Фейбл. Она еще не открыла глаза, и лицо ее было напряженным, в отличие от перепуганного лица Акселя.

То, что Белоснежка выпустила клыки, словно по щелчку, было невероятным. Локи задумался, что же произошло с Прекрасным Принцем, когда он попытался поцеловать ее. Все изменилось в миллисекунды. Аксель тяжело сполз вниз. Единственный эффективный удар, и из его легких вырвался долгий истеричный крик, словно безумный самурай соскочил со страниц Манги. Он действовал из страха, а не из мужества. Хрустальный гроб разбился, осколки разлетелись в разные стороны, усыпая пол. Белоснежка удивленно взвизгнула, словно ее пробуждение было болезненным, будто ее уже пронзили колом. Она повернула голову и зарычала на Акселя.

— Мой Бог, — вскричала Фейбл, открывая глаза. У Локи не было времени успокоить ее, или спросить, каково теперь ее мнение о Белоснежке, так ли она красива как и прежде. — Боже. Мой. — Казалось, Фейбл могла повторять эту фразу до бесконечности, забыв о миллионе остальных слов, которые бы выразили ее удивление.

Причина, по которой они до сих пор были живы, была трещина в гробу, которая была недостаточно широкой, чтобы Белоснежка могла через нее выскочить. Аксель просто разбил ту часть, которая была сверху, остальной гроб был цел. Вопреки распространенному мнению, Локи знал из предыдущего опыта, что вампирам нужно всего лишь пара минут, чтобы приспособиться к своему окружению, по мере того, как они проснулись. Вампирская принцесса потянулась, чтобы схватить Локи за руки. У Локи была примерно одна сотая часть секунды, чтобы вогнать Аликорн ей в сердце. Быстрее напуганного кота, он наклонился и вонзил кол. Его хватка была настолько крепка, что даже костяшки побелели. Он удерживал хватку на коле дольше, чем обычно, глядя на нее, и он не собирался опускать руки, пока она снова не заснет. Белоснежка издала еще один вопль, обвивая своими руками ладони Локи, и как только они соприкоснулись, по его телу прошла нервная дрожь. Ее руки были ледяными и снова, Локи ощутил странное ощущение, прикасаясь к ней, словно бы ей удалось передать свои чувства к нему в душу. Словно она обвинила Локи в чем-то.

Почему я снова и снова чувствую себя плохим, когда дело доходит до нее? Я бы хотел, чтобы это ощущение исчезло.

Кровь из сердца разлилась вокруг кола. Она покрыла их руки, и забрызгало его лицо. Верхняя часть тела Белоснежки приподнялась от шока и ее черные глаза впились в Локи. Она не выглядела сердитой, лишь только преданной. Локи мог поклясться, что слышал, как Аксель и Фейбл дышат рядом с ним. Это был напряженный момент, и маленькая Белоснежка оказалась настоящим бойцом. Она не поддавалась. Наконец, Белоснежка сдалась, ее глаза снова стали прекрасного цвета синего океана. Она впала в состояние Спящей Смерти. Ее глаза были так прекрасны, что Локи не мог позволить ее голове упасть обратно в гроб без посторонней помощи. Он придержал ее за плечи, положив руку ей под

голову, чтобы она спокойно легла на подушку.

— Спи спокойно, — он понял, что шептал ей.

— Она мертва? — спросил Аксель. Прижавшись спиной к зеркалу, с молотком в руке, он был похож на маньяка-психопата, так же как и Локи с окровавленным колом в руках.

— Временно, — ответил Локи, разглядывая кровь на своих руках.

На моих руках кровь самой Белоснежки. Что если она и вправду Белоснежка, должна быть я худший человек в мире. Что я наделал?

— Временно? Ты имеешь в виду, что она снова может проснуться? — выпалил Аксель.

— Не сама по себе. Только если кто-нибудь вытащит кол, — объяснил Локи, что ему не удалось убить множество вампиров по этой глупой причине.

Фейбл застонала, приложив обе руки ко рту. Затем она молчаливо указала на кровь, хлеставшую из груди Белоснежки вокруг кола. Локи захотелось упасть перед нею на колени и умолять ее не ненавидеть его.

— Не волнуйся, — сказал он. — Ее раны исцелятся, когда она очнется и покормится...., если мы, конечно, позволим ей. И даже не проси меня сейчас вытаскивать кол, — Локи набрался смелости, чтобы произнести все это в более или менее агрессивном тоне. Она покорно кивнула.

— Что если кто-нибудь захочет вытащить кол? — поинтересовался Аксель.

— Кто-то, кто хочет вернуть ее обратно, быть может, еще один вампир, как и она, — предположил Локи.

— Так что теперь? — неохотно спросила Фейбл.

— Я рад, что ты спросила, — сказал Локи, доставая телефон с заметками из книги Охотника за Сновидениями. — Теперь, я проникну в сон и убью ее снова, так что она навсегда останется в состоянии Спящей Смерти.

— Пора бы тебе уже нам объяснить, как работает весь этот фокус-покус со сном, — пожаловался Аксель.

— Я как раз и собираюсь это объяснить, так что уделите немного внимания, — произнес Локи, — Вампиры — бессмертные демоны, которых согласно моей книге называют Дессмертные. Как правило, Дессмертные не умирают. Когда охотник на вампиров протыкает их колом, Дессмертные входят в состояние Спящей Смерти, то же самое Братья Гримм упоминали в версии сказки о Белоснежке. Благодаря этому вампиры выглядят мертвыми, в то время как они всего лишь спят, пока кто-нибудь не извлечет кол.

— Стало быть, и вправду нет способа убить их? — спросил Аксель.

— Самый верный и единственный способ убить Дессмертного — это проникнуть в их сон уже после того, как в их сердце будет вогнан кол и только тогда появляется возможность прикончить их во сне. Сны Дессмертных берут свое начало в сфере, под названием Мир Сновидений. Если их убить в этом самом Мире Сновидений, их разум застынет, и они уже никогда не проснутся в нашем мире, даже когда вы извлечете кол.

Фейбл захотелось заглянуть в книгу Охотника за Сновидениями, как только ей стало любопытно.

— На что похож этот Мир Сновидений?

— Об этом я еще не прочел, но, думаю, он сродни кроличьей норе, только глубиной в шесть уровней. Бодрствующий Мир — это тот, в котором мы сейчас живем, то есть земля. Мир Сновидений — это место, где Охотник за Сновидениями убивает демона во сне, это первый уровень кроличьей норы.

— Шесть уровней? — Фейбл умыкнула книгу. — Это клево.

— Ага, — кивнул Локи. — Где-то в книге упоминается запрещенное место, называемое "По Шестью Снами", но нас это не касается, потому что мне необходимо убить ее "Под Первым Сном", который похож на те, о которых все мы знаем.

— Можно задать назойливый вопрос? — произнес Аксель.

— Нет, — ответила Фейбл.

— Кто написал эту книгу? — спросил Аксель.

— Не знаю, — Локи пожал плечами. — Многие параграфы помечены инициалами "В.В.А".

— Думаю, это расшифровывается как "Все Вампиры катитесь в Ад", — предположил Аксель.

— Так вот оно что? Ты просто проникаешь в сон, снова вонзаешь в вампира кол и возвращаешься обратно? — спросила Фейбл.

— Это все, что я пока знаю.

— Бери меня в счет, — согласился Аксель.

— А ты? — спросил Локи у Фейбл.

Она старалась избегать его взгляда.

— Фейбл? — с нажимом произнес Локи.

— Послушай, — сказала она, неосознанно поморщив нос под очками. — Я помогу тебе, если это хорошо для нашего города, если убийства и исчезновения подростков прекратятся. Но пообещай мне, Локи, что если обнаружится, что она нуждается в помощи, как она и говорила тебе, мы поможем ей.

Локи колебался. Он не хотел снова обещать и лгать ей.

— Обещай, Локи, — Фейбл угрожающе подняла палец в воздух. — Разве то, что она просила тебя о помощи, ничего для тебя не значит?

Она всего лишь дурачила меня из-за моей слабости к демоническим девчонкам. Вы и понятия не имеете.

— Обещаю. Крест на пузе, — ответил Локи, презирая себя за то, что снова лжет ей.

— И, Локи? — произнесла Фейбл, глядя на него с нежностью. — Возвращайся живым.

В этот момент Локи почувствовал себя даже еще хуже. Хорошо, конечно, было обрести маленькую семью. Хорошо, но в тоже время странно, потому что он всегда был одинок, сколько себя помнил, в Обычном Мире его мать нельзя было взять в счет, она была призраком. То, что о нем заботились и беспокоились за него, было прекрасно, но это также означало ответственность и привязанность. Он делал все, чтобы попасть домой, а не заводить друзей, которые в итоге будут ожидать, что он останется в Скорби.

— Теперь самое время рассказать вам о сонном ритуале, который позволяет мне проникать в Мир Сновидений, — произнес Локи.

Следуя инструкциям из книги, Локи расположил два зеркала друг напротив друга со стеклянным гробом Белоснежки посередине. Таким образом, зеркала отражали друг друга, словно они глядели в бесконечность. Это был единственный способ войти в Мир Сновидений.

— Зеркало номер один, отражает зеркало номер два, в то время как зеркало номер два отражает зеркало номер один, отражающее зеркало номер два, и так далее, — прочел Локи со своего телефона. — Можете себе представить?

Аксель стоял, широко раскрыв глаза, приоткрыв рот, глядя в одно из зеркал.

— Бау. Это жутковато, и так клево. Почему подобной фигне не учат в школе?

Локи достал кусочек мела из рюкзака и нарисовал огромный круг на деревянном полу, охватывая зеркала и гроб в центре.

— Это похоже на создание медиума, чтобы общаться с потусторонними мирами, — произнесла Фейбл, — В твоём случае, с Миром Сновидений.

— Именно, — согласился Локи. — Он называется Круг Эпидавра, названный в честь древнегреческого города. В былые времена в круге, подобном этому первосвященники излечивали больных людей. Он лечил их путем проникновения в их сон.

— За исключением того, что в твоём случае, ты убиваешь, — Аксель стукнул указательным пальцем по нижней губе.

— Я понимаю, почему тебе приходится использовать зеркала, — сказала Фейбл. — На протяжении всей истории, зеркала использовались, чтобы заключать демонов неволю и общаться с другими мирами.

— Не говоря уже о том, что в одном из них прячется Кровавая Мэри, — Аксель вступил в круг, помечая свою территорию.

— Я предпочел бы, чтобы ты вышел из круга, — предупредил его Локи. — Согласно книге, этот круг станет чудовищными воротами, которые утащат каждого, кто не окажется Охотником за Сновидениями, в мир за пределами вашего воображения. Лишь Охотникам за Сновидениями дозволено находиться внутри.

Аксель неловко подпрыгнул, осматривая одежду и оглядывая, словно что-то из нее могло остаться в круге. Локи протянул Фейбл свечи:

— Ты ведь знаешь, что с этим делать, верно? — он подмигнул ей.

Фейбл усмехнулась:

— Ага, уж ведьма то всегда знает, что с этим делать, — Фейбл зажгла свечи одну за одной, и расставила их рядом с кругом. Для начинающей ведьмы, это было просто как дважды два.

— А теперь опустите занавеси, — Локи прочел в книге. — Аксель?

Аксель нетерпеливо подскочил и задернул шторы, создавая в комнате мрак, за исключением света свечей в центре круга.

— Идеальная обстановка, — произнесла Фейбл. — Я бы сказала даже романтическая.

— А я-то думал я тут один такой странный, — пробормотал Аксель, ковыряя мочку уха пальцем.

— Все внутри Круга Эпидавра называется Храмом Сна. Если вы хотите стать моими помощниками, вам нужно ознакомиться с терминологией.

— Как скажешь, босс, — хихикнула Фейбл.

Локи взял рюкзак и вошел в Храм Сна. Он достал две старинных обольских монеты, которые нашел в рюкзаке и положил их Белоснежке на веки. Он всего лишь следовал инструкциям из книги. В ней говорилось, что монеты защитят видящего сон в том случае, если Белоснежке удастся связаться с Реальным Миром из Мира Сновидений с помощью зрения. Это была мера предосторожности, поскольку некоторые злые существа из Мира Сновидений жаждали проникнуть в Реальный Мир. Затем Локи вытащил из рюкзака песочные часы Чармвилля, и поставил их в центр круга.

— А это еще зачем? — нахмурился Аксель.

— Очевидно, это песочные часы, но в книге сказано, что это "*Будильник*", — прочел Локи. — У него есть переключатель, которому я могу задать определенное количество

песка, таким образом я установлю время, которое я хочу провести в Мире Сновидений, и он работает только в Храме Сна. Максимальное время, дозволенное во сне — сорок две минуты.

— Что значит "сорок две минуты"? — спросил Аксель.

— Эта причудливая фраза "сорок две минуты", — ответила Фейбл. — Помню, прочла эту фразу в Шекспировском "Ромео и Джульетте", о котором, думаю, вы даже и не слышали.

— А там есть зомби? — спросил Аксель.

— Это же Роман. Джульетта выпивает отравленное зелье и засыпает на "сорок две минуты", — Фейбл замерла на середине предложения и посмотрела на Локи. — Что если Джульетта тоже находилась в состоянии Спящей Смерти?

— Прошу, — Локи махнул рукой. — Я бы предпочел не анализировать.

— Ты прав; слишком много анализа вызывает путаницу. Прямо сейчас нам необходимо сосредоточиться на сне Белоснежки, — заметила Фейбл.

— Так после того, как в Будильнике закончится песок, связь Охотника прервется с Миром Сновидений и он проснется? — удивился Аксель.

— Да, пока ничто не мешает Охотнику за Сновидениями проснуться, — кивнул Локи.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурилась Фейбл. — Ты можешь остаться в ловушке в Мире Сновидений?

— В книге упоминается, что Мир Сновидений может быть опасен. Предыдущие Охотники за Сновидениями не смогли проснуться, но никогда не описывается, почему или как это произошло. Однако, есть еще одно приспособление, которое позволит мне подать вам сигнал, на случай если я окажусь в опасности и мне понадобится помощь, — сказал Локи и достал из рюкзака клубок красных ниток. — Он называется "Руно Ариадны".

— Клубок ниток? — нахмурился Аксель. — Сдается мне, он принадлежит какой-нибудь бабушке.

— Смотрите внимательно, — Локи взял конец нити и прикоснулся им к поверхности одного из зеркал. Поверхность зеркала задрожала, словно водная гладь от соприкосновения с нитью, словно кто-то бросил в него камушек.

— Вот это настоящая магия, — сказала Фейбл.

Медленно, Руно Ариадны стало частью зеркала, сливаясь с поверхностью, Локи взял часть нити и намотал себе на руку. Как только он сделал это, натянутая часть нити меж зеркалом и его рукой стала невидимой.

— Теперь у меня есть физическая связь между Реальным миром и Миром Сновидений через эту нить, — объяснил Локи, читая с телефона. — И не смотря на то, что эта нить тянется в бесконечность, она будет невидимой и неприкосновенной для всех.

— А как ты подашь нам сигнал, если тебе нужна будет помощь? — Фейбл склонила набок свою любопытную головку.

— Это проще простого; я просто дерну нить вокруг запястья три раза, — объяснил Локи. — Тогда вы увидите движение моих пальцев по ту сторону зеркала, словно кто-то дергает за нить, что будет означать, что меня немедленно нужно разбудить.

— Как прикажешь нам тебя будить, если нам нельзя входить в круг? — спросил Аксель.

— Вам придется чем-нибудь разбить зеркало: бейсбольной битой, топором или камнем, чем угодно; сломайте связь меж двумя зеркалами. Думаю, два зеркала связаны между собой невидимой электрической силой. Разбив одно из них, вы будто вытащите вилку из розетки связи между Реальным Миром и Миром Сновидений.

— Кто ты, Локи? В самом деле, Локи, кто же ты такой? — Фейбл покачала головой.

Локи не ответил на ее вопрос. Было глупо, когда кто-нибудь спрашивал его об этом, когда он сам не знал, как ответить на этот вопрос. Вместо этого, он лег рядом с Белоснежкой в ее гроб, перпендикулярно зеркалам, готовясь ко сну.

— Самое время использовать на мне Волшебную Пыль, чтобы я смог войти в сон, — произнес Локи.

Фейбл подошла ближе, касаясь Круга Эпидавра, с горсткой Магической Пыли, ее лицо сияло в мерцающем свете свечей.

— Прежде чем ты это сделаешь, мне придется произнести молитву, упомянутую в книге, — сказал Локи. — Не сердись. Я просто следую правилам, — Локи закрыл глаза и произнес:

А теперь я спать ложусь.

Господь душу мою сохрани.

И коль суждено мне во сне умереть.

Ты Белоснежке запрети.

Душой моею завладеть.

День Рождения, Проклятый День Рождения

Локи открыл глаза. Так странно просыпаться во сне, заранее зная, что это сон — чужой сон. После того, как Фейбл бросила Волшебную Пыль ему в глаза, он больше не видел того, что происходило в реальном мире, красивый, отражающий солнечный свет, Замок Сновидений предстал перед ним, лежащем без сознания рядом с принцессой вампиров.

Здесь, в Мире Сновидений, Локи понадобилась секунда, чтобы приспособиться к окружению. У него так сильно болела голова, что он вообразил, будто над головой порхают птички. Он задумался, должно ли это было произойти, поскольку в книге Охотника за Сновидениями ничего не говорилось о побочных эффектах во время путешествия по Миру Сновидений. Его головная боль медленно стихла, и он начал искать подсказки о своем местонахождении. Он обнаружил, что лежит на спине, глядя в потолок. Он был гравирован и на нем были написаны какие-то древние мотивы, изображения историй битв неизвестных ему. Похоже, он оказался где-то в 18 или 19 веке, как Аксель и предполагал.

Локи стоял и оглядывался по сторонам. В большой величественной комнате он был один, вероятнее всего, эта комната принадлежала девушке. Он мог слышать голоса, празднующие что-то за пределами комнаты.

Внезапно, дверь распахнулась, и Локи сделал шаг назад. Огромная женщина, одетая как уборщица, вошла в комнату. Она сердито посмотрела на Локи.

Вау, эта женщина просто великанша. Где это я?

— Ну и что ты тут делаешь? — грозным тоном говорила она, тряхнув Локи за плечо, — И что вообще на тебе надето? — продолжала вопрошать она, — Надень вот это, — она протянула ему костюм солдата, который выглядел как-то по-детски странно, — Переодевайся и иди к другим детишкам на улицу, — продолжала она.

Она что-то сказала о детях? Конечно, такой огромной женщине как она он показался маленьким ребенком, вообще ему не нравилось, когда его называли ребенком или малышом, даже во сне. Локи посмотрел на костюм и открыл рот от удивления. Он был слишком мал. Как он мог его надеть? Великанша явно ошиблась с размером. И что тут вообще происходило?

— Ну и чего ты ждешь? — ворчала она, — Я не могу ждать тебя, одевайся. Сегодня день рождения принцессы. Маленькая принцесса скоро познакомится с принцем.

Маленькая принцесса и маленький принц? Что за дурной сон у этой Белоснежки?

— Но он мне мал, — пожаловался Локи. Эти первые два слова, произнесенные во сне, казались очень даже настоящими.

Женщина вздохнула и подтолкнула Локи к зеркалу. Он не знал плакать ли или смеяться, глядя на свое отражение. Женщина не была великаншей. Это Локи был очень мал, слишком мал. Он вошел в сон семилетним мальчишкой. И? Разве это должно было произойти?

— Поторопись! — приказала ему женщина.

Локи не мог оторвать глаз от своего отражения, пока он переодевался, ему казалось, что он выглядит немного тощим.

— Что мне делать дальше? — спросил он у женщины.

— Смейся надо мной? Давай, пошевеливайся, — она проводила его до двери и ушла по своим делам.

Локи был рад, что она ушла, так что он поднял с пола Аликорн. Он вышел в коридор огромного замка; это был Шлосс в прежние времена. Все было другим, но все равно изящным. Золотой и синий были самыми выдающимися цветами в декоре Шлосса. Он услышал звуки праздника снаружи. Должно быть, сотни тысяч людей праздновали день рождения принцессы.

Локи стало любопытно, где же находилась Белоснежка. Он и так потратил слишком много времени на ту женщину, но он не могу проснуться прежде, чем выполнит то, зачем он сюда пришел. Подойдя к самому краешку ступенек, он смог наблюдать за церемонией, которая развернулась внизу. Король и королева восседали на троне, но Локи не видел их лиц. Напротив них стояли другие король и королева с семилетним ребенком. Он был похож на принца.

— Да благословит Господь эту встречу, — начал Король.

— Где принцесса? — спросила стоящая королева.

— Я здесь, моя Королева, — произнесла маленькая девочка, ее голос слышался в холле. Короли и Королевы, стоящие внизу, подняли головы вверх, чтобы рассмотреть принцессу, которая стояла за перилами. Локи отступил к стене. Глядя в ту сторону, откуда доносился голос, он увидел ее, Белоснежку, девочку семи лет, величественно смотрящую на толпу с холла.

— Неплохо, Локи, — издевался он сам над собой, — Ну, и как это, убить семилетнюю девочку?

— Я сейчас спущусь, — сказала Белоснежка, — извините за опоздание, — с одной стороны она рукой приподнимала платье, и прогуливалась по холлу в ожидании церемонии.

Локи молчаливо стоял, наблюдая, как элегантно юная принцесса идет по коридору. Она споткнулась о платье, но быстренько взяла себя в руки, убедившись, что никто не увидел. Она вздохнула и пробормотала что-то о том, как ей жали туфельки, и что она ненавидит быть принцессой, лучше б она поиграла в саду с другими ребятами.

— Дурацкие туфли, дурацкий этикет, — говорила она сама с собой, как обычно делал Локи. Локи понравилась эта идея, что он не единственный разговаривает сам с собой. У них обоих было что-то общее.

Направляясь к ступенькам, она внезапно остановилась прямо перед ним. Она медленно повернула к нему голову. Его сердце забилося так быстро, что он подумал, что сейчас проснется. Он крепче стиснул Аликорн, не способный пронзить ее колом, когда появилась возможность. Если Охотнику за Сновидениями нужно убить милую семилетнюю девочку, тогда Локи определенно самый подлый человек в мире. Белоснежка пристально посмотрела на него своими глазами лани, словно он был мороженое, а она хотела его попробовать. Локи услышал, как ее мать снова зовет ее. Белоснежка повернулась к Локи и показала ему язык. Затем она улыбнулась ему задорной улыбкой.

— Что ты собираешься делать, Локи Блекстар? — прошептала она.

— Ты меня видишь?

— Нет, — покачала она головой. — Я сумасшедшая принцесса, которая видит воображаемых друзей. Конечно же, я тебя вижу. Ты же не думаешь, что тебе удастся так просто убить меня?

— Белоснежка! — требовательный голос матери был необычным. В нем слышалась необычная властность. Это ее мать или мачеха?

— Все в порядке, я иду! — ответила Белоснежка. — Ты не можешь убить меня, Локи, —

она повернулась к нему. — Попробуй. Ну же, — прошептала она, приближаясь к нему. — Я сильнее и я знаю, что у тебя слабость к демоницам. Давай же, покажи свой кол, который ты прячешь за спиной.

Локи стиснул зубы. Он ненавидел себя за то, что сейчас ему не хватало смелости заколоть ее. Как долго он сможет сопротивляться своим страхам? Он изо всех сил старался убить ее, но что-то сдерживало его.

— Ора Педора, — прошептал он, закрывая глаза. Он подумал, что Аликорн придаст ему смелости, но ничего не вышло. И это все о чем говорила Чанта? Почему Аликорн не помогает? — Ора Педора, — повторил он, но ничего не произошло. Аликорн был бесполезен.

— Так и думала, — Белоснежка посмеялась над ним и продолжила элегантно спускаться по ступенькам.

Локи подошел к краю, чтобы наблюдать за ней из-за перил. Локи стоял беспомощный, все еще думая, как ему убить ее, если ей семь лет, даже не смотря на то, что она — демон. Принцессу Белоснежку представили принцу из соседнего королевства. Локи не расслышал его имени, но он услышал, как горничные шептались, будто это "Прекрасный Принц". Кажется, эта встреча имела большое политическое значение между королями и королевами обоих государств. Локи услышал, как они называли его Королевством Скорби.

Так это и была Скорбь, только много веков назад? Это было королевство?

Две королевские семьи собрались, чтобы обсудить возможность женитьбы принца и принцессы, когда те подрастут. Локи понял, что это был первый раз, когда Белоснежка и Прекрасный Принц встретились. Он дошел до конца коридора и выглянул в огромное прямоугольное окно. Снаружи ожидало шикарное празднество с цветами, шарами и экипажами. Туда должны потом пойти короли и королевы после знакомства. Множество детишек снаружи были одеты в точности как Локи. Это была просто армия детей, у большинства из них были даже маленькие шпаги.

Кем, по мнению этой женщины, я был? Одним из этих детей? Но почему в этом сне я ребенок? Как такое могло произойти? Она может контролировать свои сны?

Локи вспомнил, что в его книге было написано, что некоторые Дессмертные обладают такими силами, хотя, было сказано, что такое случается редко.

Внезапно, Локи услышал крик. Он устремился вперед, чтобы выглянуть из-за перил. Молодой принц лежал на полу, кровь сочилась из его шеи. Его родители, король и королева, были в шоке, а родители Белоснежки пытались переубедить их, что все в порядке. *Что произошло?* Бедный юный принц умирал. Приглядевшись, Локи увидел семилетнюю Белоснежку, которая пристально смотрела на принца, кровь капала с ее губ. Локи ахнул, когда она подняла голову и посмотрела на него своей милой, жуткой улыбкой. Она смеялась над ним, облизывая губы, словно это был шоколадный сироп. Локи крепче стиснул перила, будто испуганный ребенок. Он был потрясен и смущен в то же самое время. Опять же, она выглядела такой невинной, не смотря на то, что она только что укусила принца.

— Что ты наделала? — Локи увидел, как королева ударила Белоснежку по рукам. Локи все еще не мог разглядеть лица короля оттуда, где он стоял, и он не знал, как объяснить кто он, если его обнаружат.

Послушайте, ребята, я только что пришел в этот сон из реального мира. Я собираюсь убить вашу дочь, потому что она гребаная вампириша. Это займет минуточку, все будет хорошо, а вы будете жить долго и счастливо до конца своих дней. Кстати, не

беспокойтесь о том, что ваша жизнь нереальна и это всего лишь сон. Счастья вам всем.

— Табула! — позвала королева великаншу, которую Локи уже встречал прежде. — Иди сюда.

Табула устремила вниз по ступеням.

— Забери Шу с собой и прибери весь этот беспорядок, — услышал Локи слова королевы Табеле. *Шу?* Локи подумал, что это было симпатичное прозвище для непослушной принцессы. — Отложи церемонию до тех пор, пока я не распоряжусь, — королева продолжила. — Никто из местных не должен узнать об этом, поняла?

Табула послушно кивнула. Она взяла Белоснежку за руку, в то время как Король Скорби заверял других короля и королеву, что он сможет спасти их сына. Табула и Белоснежка заговорили в коридоре, в то время как Локи спрятался в одной из комнат, оставив дверь приоткрытой.

— О чем ты только думала, Белоснежка? — сказала ей Табула. — Разве мы не говорили о том, как контролировать эти приступы желаний?

— Не могла я себя контролировать, и он вкусный, — сказала Белоснежка, держа Табулу за руку. — Такой вкусный. Хочу еще.

— Думаешь, его кровь вкусна?

— Еще он очень красивый, — ответила Белоснежка. — Мне нравится кусать его. Не знаю, почему это сводит его с ума. Ему что, больно?

Локи постарался, чтобы ему в голову не врезался школьный автобус с бесконечной скоростью миль в час, когда услышал все это.

— Скоро узнаем, — Табула легонько шлепнула Белоснежку. — Но тебе нельзя кусать мальчиков только потому, что они красивые и вкусные, Шу.

— Почему? — Белоснежка топнула ножкой.

— Непослушная маленькая принцесса, — пробормотал Локи.

Табула вздохнула.

— Принцессы себя так не ведут. Ты должна быть более вежливой, поскольку ты ничем не лучше уличного гоблина.

— Но я хочу еще и это ведь мой день рождения. Не хочу быть принцессой, раз не могу укусить, кого хочется.

— Что за гадости ты говоришь. Нельзя кусать того, кто тебе нравится. Понимаешь? А теперь идем в ванную и смоем всю эту кровь. Целое королевство ждет, чтобы поприветствовать тебя. Ты не можешь пойти к ним в таком виде.

— Нет! — ответила Белоснежка, пиная Табулу по ногам и убегая.

Обгоняя медленную Табулу, Белоснежка вернулась к Локи, чья голова выглядывала из-за двери. Он не знал, почему он все еще находился во сне, когда было очевидно, что у него не хватит храбрости чтобы убить ее, ведь она манипулировала им. Ему было необходимо вернуться в реальный мир и сверится с книгой, вдруг есть способ убить вампиров, которым под силу контролировать свои сны. Белоснежка, юная и шустрая, толкнула Локи и вошла в комнату, затем закрыла за собой дверь.

— Ну и как тебе это нравится, Локи? — презрительно усмехнулась она над ним. — Ты вроде бы должен быть самым великим Охотником за Сновидениями во всем мире?

— Откуда ты знаешь? — нахмурился Локи. — И как тебе удастся контролировать свои сны? — он не был уверен, что Чармвилль говорил ему о том, что он самый великий в мире Охотник за Сновидениями. Очевидно, что Локи даже не был достаточно силен, чтобы убить

эту крошку-вампиришу.

— Бедняжечка, — поддразнила она его и обхватила его лицо руками, словно он был милым щеночком.

Локи огляделся, пока она разговаривала с ним. Ему всего лишь нужно было трижды постучать по Руну, чтобы подать Акселю знак разбить зеркало. Он потянулся к Руну на правой руке левой, чтобы постучать, и взмолился, чтобы Аксель поскорее разбил зеркало.

— Не просыпайся, Локи, — умоляла Белоснежка. — Мы может поиграть вместе. Мне нужно кое-что показать тебе. Ты нужен мне здесь. Ты единственный, кто может спасти меня, — прошептала Белоснежка ему на ухо, словно она боялась кого-то или...чего-то.

Зачем она так со мной поступает? Почему она играет мной, когда могла бы просто убить? Неужели ее и вправду нужно спасти, а я слишком упрям, чтобы признать это? Мне нужен кто-то, кто бы спас меня.

— Ты лишь играешь со мной, — ответил Локи, удивляясь, почему Аксель до сих пор не разбил зеркало.

— Не сейчас, поверь мне, — она обхватила лицо Локи ладонями. Не смотря на то, что она втянула клыки, ее лицо было нормальным, он все еще не доверял ей. — Я не зло, — прошептала она, бросая взгляд на запертую дверь, словно она боялась того, что за ней.

— Тогда кто? — спросил Локи.

Проклятье, Локи. Не спрашивай ее об этом. Ты не волнуешься за нее. Ты волнуешься лишь за себя.

— Не могу сказать, — она опустила голову. — Не могу, — повторила она, ее глаза изучали потолок, будто где-то там прятались монстры. Локи поднял голову и не увидел ничего подозрительного.

Она что, пытается сказать мне что-то?

— И, да, я контролирую этот сон, — ответила она. — Ты продолжаешь пытаться убить меня, когда должен спасти, и я не позволю тебе находиться в моем сне до тех пор, пока ты все еще хочешь убить меня, не зная моей настоящей истории.

Внезапно, Локи услышал карканье ворон. Их было много, и становилось еще больше, кружась за пределами замка. Они выглядели похожими на ворон, которые каркали, когда он входил в окно Белоснежки в реальном мире. Локи не знал, что это значило. Он смотрел, как за окном вороны истерично взмывали в небо. Затем он услышал удар, потом еще один. Он ощутил, как под ногами дрожит пол, словно возникло землетрясение. Он не мог поверить своим глазам. Мир снаружи рушился: горы падали, земля расходилась на части, а звезды падали с неба, будто снежинки.

Локи повернулся к Белоснежке, но ее уже след простыл. Комната распалась на части. Все сильно тряслось, и прошло несколько секунд, прежде чем замок собирался рассыпаться в прах. Сон заканчивался.

Однако, это был добрый знак. Это означало, что он проснется, а не утонет в нем. Локи закрыл глаза и сделал глубокий вдох, готовый проснуться, планируя неприятный разговор с Акселем на тему, почему тот не разбил зеркала.

Локи подумал, что очнувшись от Мира Сновидений, у него будет достаточно времени, чтобы расслабиться и перевести дыхание. Он ошибся.

Когда он открыл глаза, он услышал крики Фейбл и Аксея. Занавеси были отдернуты,

солнечный свет заполнил комнату. Локи мгновенно подскочил на ноги, проверяя на месте ли кол Белоснежки, он был на месте. Акселя и Фейбл не было в комнате. Они кричали снаружи.

— Беги, Локи. Беги! — закричала Фейбл.

— Это Плохиш, — закричал Аксель. — Он до сих пор жив!

Прежде чем Локи смог до конца очнуться ото сна настолько, чтобы понять, что перед ним стоит Плохиш. На его лице сияла широкая улыбка, он держал Акселя и Фейбл, словно два мешка с картофелем, по одному в каждой руке.

— А ты разве не должен быть мертв? — спросил Локи у Плохиша, на чьем лице были ужасные раны. Локи предположил, что они остались после вчерашнего маленького приключения с принцессой вампиров.

— Он здесь, чтобы отомстить тебе за то, чтобы сделал с ним на парковке, — ответила Фейбл, повиснув в руке Плохиша, словно игрушка Йо-Йо. — Аксель и я остановили его.

— Отпусти их, Плохиш, — сказал Локи.

— Ни за что, — ответил Плохиш. — Я убью их обоих, убью тебя, а потом прикончу спящую вампирскую принцессу.

— Надери ему задницу, Локи. Ты можешь! — Фейбл сучила ногами в воздухе. Удивительно, но ей удалось вытянуть руку и со всей силы ударить Плохиша по щеке. Это был смелый жест.

— Ты, мелкая задница, — Плохиш швырнул Акселя и тот покатился по полу, и схватил обеими ручищами Фейбл. — Я убью тебя, тупая ведьма, — он схватил ее за горло.

— Меня и похуже называли! — хохотнула Фейбл.

— Паршивая ведьма, дочь такой же паршивой ведьмы, — Плохиш покраснел от злости.

— Отвали от моей сестры, — закричал Аксель, и врезался в Плохиша головой, но в итоге снова оказался на полу. Плохиш даже не поморщился. Он просто стоял, напоминая огромный грузовик, а Аксель сполз вниз после столкновения.

Аксель пришел в настоящую истерику, разыскивая Волшебную Пыль, но он не смог ее найти, потому что Плохиш наступил на рюкзак. Локи твердо стоял на ногах, сжимая руки в кулаки. Его смутило то, что он даже не шевельнулся, чтобы спасти Фейбл. Глубоко внутри, он знал, что стал слишком привязываться к ней и к ее брату. Как бы ни заученно и раздражающе это не звучало, он здесь не за тем, чтобы завязывать знакомства. Ему не нужны были друзья или драки с хулиганами. Он здесь не за тем, чтобы беспокоиться о ком-либо. Все это казалось пустячным ради главного стремления быть прощенным и вернуться домой. Но ему было не все равно, всем своим сердцем. Как он сумел привязаться к этой семье всего за пару дней? Как же так вышло, что они стали ему чем-то большим, нежели друзьями? Он никогда не чувствовал ничего похожего на протяжении всей своей жизни в Храме. И это напомнило ему о матери, которая рассказывала ему о Чанте, что он ощутит то же самое, когда будет заботиться о ком-то кроме самого себя. Что же будет, Локи?

— Выкуси, — выплюнул Локи и побежал на Плохиша, врезаясь ему в плечо. Теперь никакой Магической Пыли, ему придется сражаться самому, голыми руками.

Удар вызвал хруст, а Плохиш лишь слегка поморщился, в то время как Локи закончил, как и Аксель, на полу.

— Я убиваю вампиров и не могу ударить хулигана, — пробормотал Локи.

— Спасибо тебе, Локи, — Фейбл чмокнула его в щеку. Все же удар не был бесполезным. По этой причине Плохиш выронил Фейбл.

Плохиш схватил Локи за шкурку и начал крутить в воздухе. Локи наблюдал, как Аксель и Фейбл ничего не могли поделать, его руки и ноги болтались в воздухе, когда он попытался высвободиться от Плохиша.

— Как тебе это нравится? — сказал Плохиш. — Я не против сперва прикончить Крамблвудов.

— Сделай же что-нибудь, — сказал Локи.

Аксель скривил рот, пока стоял неподвижно.

— Я люблю тебя Локи, но я могу спасти только одного. Я люблю свою сестру, Извини, — он обнял Фейбл.

— Ты не спас ее, трус! — выплюнул Локи. — Я спас.

— Вообще то, я бросил ее, — рассмеялся Плохиш. — Никто из вас, лузеров не спас паршивую ведьму.

— погоди, Локи, — произнесла Фейбл, стоя на краю Храма Сна. — У меня есть идея.

Фейбл присела на колени и, дотянувшись до Аликорна, вытащила его из сердца Белоснежки.

— Ты в своем уме? — закричал Аксель, таращась на вампирскую принцессу.

— Не надо..., - попытался сказать Локи из-под руки Плохиша. — Она нас всех убьет!

Было слишком поздно. Фейбл вытащила Аликорн, и красные глаза Белоснежки распахнулись. Она воспользовалась моментом, чтобы выпрямиться, и этого было достаточно, чтобы все сделали шаг назад. Затем она явила миру свои клыки, и по ее венам заструился гнев. Локи удивился, почему она не проснулась так же быстро, когда разбилось стекло.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Не понимаю, — произнес Аксель. — Вампиры должны умирать от солнечного света. Почему тогда она не умирает?

— Заткнись, — произнесла Фейбл.

— Вот уж фигушки, — ответил Аксель. — По крайней мере, я заслужил сказать пару слов перед смертью.

— Она не причинит нам вреда, — сказала Фейбл, пристально глядя на принцессу вампиров. Темная сила Белоснежки, когда та была в гневе, поразила Фейбл. Она задалась вопросом, будет ли она когда —нибудь столь же сильна. — Разве вы не поняли? Ей нравится Локи. Она не тронет нас.

Белоснежка медленно направилась босиком в сторону Плохиша, словно он был единственным ее врагом в этой комнате. Плохиш швырнул Локи об пол, не в силах избежать пронзительного взгляда Белоснежки. Локи тоже не мог оторвать от нее глаз. Решение Фейбл вынуть Аликорн оказалось на удивление правильным.

— Ты не хочешь этого, — пытался убедить Белоснежку Плохиш.

Как и всегда, Белоснежка не вымолвила ни слова. Она медленно шла к нему, с ее белого платья капала кровь. На кого бы она ни сердилась, с платья всегда капала кровь.

— У нее всегда на платье кровь? — изумился Аксель. Фейбл закрыла ему рот рукой, наблюдая, как принцесса вампиров делает то, о чем всегда мечтала Фейбл.

Вдруг лицо Плохиша покраснело, а в теле затрещали кости. Словно у него внутри сейчас нечто вот-вот лопнет. Это напомнило Локи о тех же звуках, что Плохиш издавал вчера. Что происходило? Плохиш издал мучительный стон, выгибая спину, а затем он закричал во всю мощь: Ауууууу!

Локи задался вопросом, зачем ему делать это: не мог же Плохиш звать Бульвардов. Он отступил, чтобы защитить Фейбл и Акселя, готовясь бежать.

— Это зов, — сказал Аксель. — Он зовут Бульвардов себе на выручку.

— Если они придут, то умрут сегодня же, — сказал Локи, поднимая свою сумку.

— Вы что, ребята, еще не поняли? — Фейбл все еще предусмотрительно наблюдала.

— Что? — спросил Локи.

— Плохиш превращается в..., — произнесла Фейбл.

Глаза Плохиша сузились и пожелтели. На лице, на руках и на остальном теле выросли волосы. Его ногти стали длиннее и острее, а его волосатые ноги стали еще больше, разрывая обувь в клочья. Его трансформация напугала всех, всех кроме Белоснежки. Она остановилась прямо напротив него и снова зарычала.

— Так он не Плохиш? — удивился Аксель. — Он...

— Большой Плохой Волчара! — отметила Фейбл еще одну странность их городка.

В последний раз Плохиш осмелился посмотреть в глаза Белоснежки, когда они оба скалили друг на друга клыки.

— Битва Титанов, — прокомментировала Фейбл.

Наконец, Плохиш сдался и отступил, выпрыгивая на четвереньках из окна второго этажа.

— Это что, правда происходит? — Аксель потер глаза.

Белоснежка повернулась к ним и тоже зарычала на них.

— Нам нужно бежать, — завопил Аксель. — Сколько еще раз она пощадит наши жизни?

Локи и Фейбл неподвижно стояли, на их лицах отражалось замешательство. На этот раз Белоснежка не будет хорошей с ними. Она взмахнула рукой в их сторону и, внезапно появившийся снежный вихрь, вышвырнул их из комнаты. Они воспользовались моментом побежали так быстро, как только смогли, устремляясь, прочь из Шлосса.

Детские Слезы

Спасение из Шлосса оказалось не самым худшим, что только могло произойти с Локи. Сюрпризы продолжались.

Войдя в Сахарный Домик, по адресу Иерархическая Улица 7, Фейбл ринулась в свою комнату и захлопнула за собой дверь, ругаясь и плача.

— Не могу поверить, какие вы ужасные мальчишки, — рыдала она в своей комнате. Локи и Аксель услышали за дверью звук передвигаемой мебели. — Она дважды спасла твою жизнь, Локи, а ты все еще хочешь убить ее. Ненавижу тебя!

По пути назад, Фейбл умоляла Локи отказаться от убийства Белоснежки. Она сказала, что после того как увидела превращение Плохиша в волка, было просто очевидно, что в Скорби что-то было не так. Локи рассказал ей и Акселью кто он такой, пока вел свой Кадиллак обратно к дому. Он рассказал им все: что он полуангел, которого изгнали с Небес, о девушке-демонице, за любовь к которой его изгнали, и о том, что ему необходимо убить Белоснежку, чтобы вернуться домой и узнать, кто он на самом деле такой.

— Взбодрись, Фейбл, — произнес Аксель по пути к холодильнику. — В нашем доме падший ангел. Такое не каждый день случается.

— Полуангел, — вежливо поправил его Локи.

— Мне плевать, кто он, — выплюнула Фейбл. — Мне даже наплевать, если вдруг он расправит крылья и полетит.

— А ты так можешь, да? — скептически спросил Аксель у Локи. — О, я вспомнил, у тебя ведь две татуировки черных звезд на плечах, в тех самых местах, откуда должны расти крылья.

— Все верно, — кивнул Локи, размышляя, что это Фейбл делает у себя в комнате.

— Если я схожу к Эйбу фон Ноксусу, тату-мастеру на улице Скримшоу, чтобы он нарисовал мне две звезды, все в школе тоже будут думать, что я падший ангел?

— Заткнись, Аксель, — закричала Фейбл. — Я вас обоих ненавижу!

— Неужели все было так плохо? Ты что, не рада, что мы сбежали от лап Большого Плохого Волка, — захихикал Аксель, стукнув себя кулаком по лбу. — Поверить не могу, я буквально встретил Большого Плохого Волка. Это ж сумасшествие.

— ЛАДНО, Фейбл, — произнес Локи. — Мне жаль. Я знаю, это странно, но тот факт что она спасла нас, не поможет мне вернуться домой. Я знаю, что ты чувствуешь по отношению к ней, но только подумай о всех тех подростках, что она убила.

— Когда же ты поймешь, что она мой любимый сказочный персонаж. Она убила тех, кто мешал и врывался в замок, — яростно спорила Фейбл. По звуку, она будто бросала на пол тяжелые книги. Что она делает? — Мы никогда не слышали, чтобы она охотилась за кем-то вне стен замка.

— Она права, — произнес Аксель, слизывая с пальцев желе. — Почему она не выходит из замка и не убивает кого-нибудь в городе? Я б так и делал, будь я на ее месте.

— Все, чего хочет Белоснежка, так это чтобы никто не вмешивался и не нарушал ее жизнь в замке, — продолжила Фейбл. — Это словно жить в городке, в котором люди не разделяют твой образ жизни, и все чего ты просишь, это оставить тебя в покое.

— Вампирский образ жизни, — произнес Аксель с полным ртом. — Фейбл, что ты там

делаешь?

Локи и Аксель обменялись взглядами.

— О. Нет, — Аксель внезапно уронил на пол тарелку с желе. — Тебе лучше не делать того, что, по моему мнению, ты собираешься делать, Фейбл.

— Держи пари на свое прожорливое брюхо, если не сделаю, — ответила она. — Наконец-то, нашла!

— Что происходит, Аксель? — спросил Локи.

Аксель выглядел испуганным, оглядываясь и ища место, куда можно было бы спрятаться.

— Не хорошо, чувак. Совсем не хорошо. Нам нужно убираться из дома, сейчас же! — Аксель потянул Локи за майку. — Помнишь, когда ты в первый раз пришел к нам домой? Это будет похуже.

Дверь комнаты Фейбл распахнулась. Она вышла в еще одной гигантской книгой, которую едва могла удерживать двумя руками. На этот раз она называлась: **Крик Шекспировской Ночи: Шекспировские Чары, чтобы Наказать Неправедных** Локи не был уверен, что Шекспир когда-либо писал что-то подобное, но спорить в этом городе, где вампиром была Белоснежка, было бессмысленно. Откуда ни возьмись по комнате прошел легкий бриз, от которого косички Фейбл слегка зашевелились, и превратился в настоящий ветер. Он зло уставился на Локи и Акселя.

— Мне жаль, Локи, — произнесла она, но это прозвучало так, будто ей вовсе не было жаль. — Я не могу позволить тебе уйти из дома, потому что я не могу позволить тебе убить Белоснежку.

Локи был готов ударить себя молотком. Когда же он наконец-то встретит красивую девочку, которая не превращалась бы в ведьму, когда злится?

Фейбл поправила очки, и начала читать книгу. Она читала заклинание на языке, который был не знаком Локи.

Шака ри, мака ни

Тека тети, тека зи

До ре, мо но тамор

Тетер, фетер ола ор.

Ветерок превратился в ураган, напоминая мини-шторм внутри дома, безумно двигаясь по спирали, что все двери и окна захлопывались сами по себе. Итси и Битси побежали к окнам, выстреливая паутиной, создавая свои собственные балки над ними и забираясь по ним в свои домики. Битси не забыл написать «придурок» Акселю на одном из окон.

— Это заклинание, которое заключает людей в ловушку в доме. Только это дает гарантии, что из дома никто не сможет выбраться, — объяснил Аксель. — Почему ты просто не скажешь: "*Дважды, дважды потрудишься и все будет зашибись?*" — прокричал Аксель Фейбл, нырнув под диван, прячась от урагана. Вместо этого, тот налетел на Локи и опрокинул его на спину. Каждая дверь, окно или печная труба закрывались, создавая в Сахарном Домике темень.

Фейбл продолжала читать заклинание, тяжело дыша, волосы растрепались и развивались у нее за спиной. Зрелище было действительно жуткое, но у всех, кого знал Локи, была некая чертовщинка. Когда мини-ураган, наконец, исчез, Фейбл тяжело дышала. Она уронила тяжеленную книженцию, и рухнула на диван, на ее лице играла слабая улыбка. Она ослабела из-за силы, которую высосало из нее заклинание.

— Теперь, я абсолютно уверена, что Белоснежка будет в безопасности от тебя, — выдохнула она.

Локи поднялся, желая покинуть дом и забыть об этой сумасшедшей семейке. Когда он потянулся к дверной ручке, она была такой горячей, что он отдернул руку. Вазы и книги на полках нервно задрожали. Упрямыствуя, Локи схватил кухонный табурет и запустил его в окно, но тот лишь отскочил от паутины на окне, словно резиновый.

— Бесполезно, Локи, — произнес Аксель, все еще прячась за диваном. — Меня неделю держали в этом доме, когда я не разрешил ей пойти на первое свидание.

Локи подошел и снова уселся напротив Фейбл на диван. Она усмехнулась и прыснула одновременно. Проблема была в том, что чтобы не делала Фейбл, глупое или же смертельно-опасное, она по-прежнему выглядела невиновной, у Локи пропадало всякое желание задушить ее или выкинуть в окно. То, как она изменилась от чистого ангела до сущего дьявола, было поразительно и очаровательно, хотя и мучительно невыносимо. Не удивительно, что она симпатизировала Белоснежке. Реальной проблемой Локи было то, что он не привык заботиться о Минкиных, не говоря уже о том, чтобы иметь дело с их причудами. Он не знал как любящие люди, друзья и семья разбирались со своими проблемами, когда у всех вокруг все было хорошо. Для него это просто не имело смысла.

— Ладно, Фейбл, — сдался Локи, оперевшись локтями на колени и сложив руки вместе. — Давай обсудим это как два зрелых шестнадцатилетних человека.

— Мне пятнадцать...с половиной.

— Знаю. Мне тоже еще нет шестнадцати, но ты поняла, — произнес Локи. — Давай найдем решение, которое осчастливит нас всех.

— Я счастлива по своему, — она вздернула подбородок. — Пока ты заперт здесь, Белоснежка будет в безопасности.

— Поверь мне, я и понятия не имею, как убить ее. Я-то думал, что вся моя проблема в том, что я не могу проткнуть ее колом, а потом, когда я вошел в замок при свете дня, я обнаружил, что она контролирует свои сны. Она гораздо сильнее рядового вампира, с которыми я сталкивался прежде. Нет способа причинить ей вред.

— Но ты хочешь, верно? — Фейбл наклонилась, вставая в позу и одаривая его взглядом.

— Я должен, — Локи откинулся на сиденье, почти смущенный тем, что он так сказал. — Знаешь, какого это не помнить кто ты такой, и какого это быть наказанным за то, чего ты даже не помнишь? Если я останусь здесь, я не знаю, как буду жить. Иногда, я даже не понимаю, что правильно или нет, что хорошо, а что плохо. Я не знаю, где мое место.

— Ты — дурак, Локи, — ответила она. — Ты продолжаешь задавать неправильные вопросы, и забываешь о самом главном: Почему ты до сих пор жив, когда она могла бы просто прикончить тебя? Потому что, ей нужно, чтобы ты спас ее, — сказала Фейбл. — Ты нужен ей, а все, о чем ты продолжаешь думать, это как убить ее.

— Она права, — сказал Аксель. — Ты нравишься принцессе вампиров.

— Заткнись, Аксель, — выплюнул Локи. — Я не могу помочь самому себе, не говоря уже о том, чтобы «спасти» кого-то еще.

— Не знаю, почему ты продолжаешь так говорить, — сказала Фейбл. — Ты будто отказываешь открыть глаза на мир вокруг тебя, заиклился на своей глупой мечте вернуться обратно в то место, откуда, по твоему мнению, ты пришел. Ты спас Акселя от Бульвардов, спас меня от Плохиша. потом я тебя спасла, но ты ведь попытался спасти меня. Почему ты не замечаешь того, что ты помогаешь другим людям, и что ты заботишься о них? Разве ты не

один из самых великих Охотников за Сновидениями? Думаешь, Охотники за Сновидениями не помогают людям? Думаешь, твой отец не помогал людям?

— Меня изгнали за помощь или любовь к девушке, которая оказалась демоном, Фейбл. Мне просто необходимо выяснить, что произошло. Мне нужно вернуться. Мне нужно узнать. Внезапно, что-то врезалось в окно позади Локи.

— Локи! — закричала Фейбл, падая вниз.

— Холли Молли! — выругался Аксель, когда кто-то схватил Локи за шкурку. Это было нечто с огромными когтями.

— Это ж Ворон..., - в ужасе показал пальцем Аксель, — один из тех, что вылетели из комнаты в замке.

У Локи не было времени оглянуться. Ворон крепко ухватился за него, перетаскивая его через диван.

— Сделайте что-нибудь! — завопил Локи, не в силах освободиться.

— Например? — крикнул Аксель.

— Не ори на меня! — закричал Локи, ощущая боль на затылке. — Если собираешься орать на кого-нибудь, поори на ворона.

— Он огромный, — ответил Аксель. — Не хочу разозлить его.

— Да он уже свихнулся, — отозвался Локи.

— Сделай же что-нибудь, Аксель! — закричала Фейбл.

— Почему бы тебе не сделать что-нибудь, Мисс Добрая Ведьма, — огрызнулся Аксель на Фейбл в ответ. — Где же твоя волшебная книга заклинаний? Или ты учишься только тому, как запереть нас внутри, но отказываешься учить заклинание, чтобы сюда не лезла всякая дрянь? — сказал Аксель, хватая руками ноги Локи, пытаясь оттащить его.

— Бла, бла, бла, — произнесла Фейбл, скрестив руки на груди.

Локи сучил ногами в воздухе, пока ворон перетаскивал его через диван. У них было несколько секунд, прежде чем ворон унесет его. Акселю удалось лишь стащить с ноги Локи один ботинок, и он кувалькнулся обратно на диван. Фейбл схватила бейсбольную битку, устремилась к Локи и начала бить огромного ворона. Существо лишь потеряло равновесие и, взмахнув крыльями, улетело глубже в дом. Он кружил под потолком, будто черный вентилятор, при этом, не отпуская Локи, который кружился, словно на лошадке в парке аттракционов. Боясь, что его утащат, Локи обхватил ногами Акселя за шею, чтобы добавить ворону веса. Ворон боролся с тяжестью до тех пор, пока у Акселя не закатились глаза, он задыхался. Он попытался сбросить ноги Локи, чтобы спасти свою собственную жизнь. Локи ему не позволил. Аксель был его единственной надеждой. Если он будет сильным, они справятся.

— Огонь! — идея появилась, подобно вспыхнувшей лампочке, в голове у Локи. — Ты можешь наколдовать огонь, Фейбл?

— Я не знаю заклинание огня, — закричала она, отбегая в сторону.

Фейбл ударила ворона посильнее, и тот разозлился, протаскивая Локи по гостиной, выискивая пути к отступлению. Локи все еще тащил Акселя с посиневшим лицом.

— А нет ли какого-нибудь заклинания, чтобы он не утащил меня отсюда? — прокричал Локи с потолка.

— Есть, не могу его найти, — задыхаясь, объяснила Фейбл. — Если ты оглянешься, то увидишь, что окно, которое он открыл, снова запечаталось паутиной. Поэтому он не может попасть наружу. Поэтому он такой злой. И в этом-то вся проблема. Мы должны убить его,

пока он не убил всех нас.

Ворон был дезориентирован, перемещаясь от окна к окну. Дом тоже был недоволен, хаос в доме набирал новую силу. Заклинание снова начало работать, как только ворон попытался прорваться через паутину к окну. Как бы он не пытался, он отскакивал назад, вместе с Локи и Акселем. Дом играл в Пинг-понг с ними, и не похоже, чтобы Фейбл знала способ отменить заклинание. Из паутины появились маленькие паучки, расползаясь по стенам. Дом превращался в ужасный зоопарк. Ворон толкнул Фейбл, и та упала, выронив палку. Ее голова ударилась об столик, где лежала зажигалка Локи. Она бросила на них взгляд и вскрикнула.

— Огонь! — завопила она, словно это была ее идея, и Локи не кричал о том же ранее.

Она подожгла несколько сигарет, закашлялась и прокляла всех курильщиков, поднялась и начала тыкать в ворона сигаретами, вызывая при этом небольшие, но довольно эффективные сигаретные ожоги. Так жестоко. Ворон пронзительно вскрикнул от боли.

— Я причинила ему боль, но он все равно не отстает от тебя, — пожаловалась Фейбл.

— Знаю, — закричал Локи. На этот раз, он решил отпустить Акселя, прежде чем тот потеряет сознание у него между ног. Он был слишком молод, чтобы погибнуть столь глупым способом.

Затем, произошло чудо. Ворон отпустил Локи, который рухнул на пол, услышав, что птица закаркала громче. Перекатившись на спину, Локи увидел, что птица устремилась к окну, через которое существо появилось, не смотря на то, что оно знало, что это невозможно. Рядом с Локи, Фейбл тоже закричала; длинная непрерывная нота, от которой заболели уши и должно было разбиться стекло, от которой не могло не защитить заклинание Фейбл. Милые девочки закричали: *Ужасно. Ужасно. Ужасно.* Она раскинула дрожащие руки в стороны, выставляя на всеобщее обозрение крошечные венки, не в силах остановиться, будто увидела призрака. Прежде чем Локи обернулся посмотреть из-за чего она кричала, он увидел, что Аксель, наконец, пришел в себя. Но когда тот посмотрел в том же направлении, что и Фейбл, он упал в обморок, почтительно и молчаливо осев на диван. Ворон был так напуган тем же самым, на что смотрела Фейбл, что продолжал биться об окно, пока не сломал его и скрылся в глубине Иерархической Улицы. Потом и Фейбл упала в обморок. Даже пауки испуганные выползли из окна. *Что так всех напугало?*

Локи все же обернулся, чтобы посмотреть на причину всеобщего ужаса, он ощущал себя словно последний человек, которому удалось пережить Апокалипсис. Но Фейбл увидела привидение. Страшное привидение, чья голова наклонилась в сторону, разглядывая Локи. Оно плыло в двух дюймах над полом. Призрак улыбнулся ему. Казалось, все привидения и вампиры рано или поздно находили Локи.

Локи неохотно улыбнулся ему, говоря:

— Привет... мам?

Тот факт, что мать Локи спасла их, напугав ворона, заставил наброситься Локи на еду подобно Акселю. Ему было просто необходимо поесть, чтобы восстановить силы после смешного количества потрясений, которые он испытал за последние несколько часов, плюс смущение, в которое вогнала его собственная мать. То, что его мать была призраком, вызывало у Локи сомнения, что он мог быть самым великим Охотником за Сновидениями в

мире. Даже собственное отражение в зеркале ему бы сейчас не поверило.

Все люди, которые мне нравятся, жуткие: мама, Фейбл и Белоснежка. Я только что сказал Белоснежка? Конечно же, нет. Я не говорил только что Белоснежка. Я просто вообразил, что говорю это.

Ну, Локи не мог отрицать, что в Белоснежке было что-то такое, что чертовски привлекало, она была похожа на капризную девушку, без которой он не мог жить; но не ее, она ему не нравилась, ни за что. Фактически, она играла ему на нервах, и он становился уязвимым из-за ее красоты каждый раз, когда они встречались.

От Локи ускользнуло как Аксель, Фейбл и он собрались вокруг стола, обедая с Бабушкой, которая готовила для них. Он помнил лишь как потерял сознание рядом с Акселем, после того как сказал «привет» своей матери — кучеобразной матери. Когда он очнулся, его мать приняла облик, более похожий на человеческий, дополненный несколькими шрамами и порезами там и тут. Это был один из редких случаев, когда ее облик был похож на облик большинства матерей, ну или почти похож. Теперь, когда она выглядела более человечней, он чувствовал себя лучше, он мог представить ее друзьям без всякого смущения...или страха. Аксель и Фейбл сами были теми еще чудаками, жили в странном доме, в странном городе. Они полюбили Бабушку, она любила их вдвойне.

Пока Бабушка занималась готовкой, Локи заметил, как изменился ее призрачный вид, у нее был небольшой животик и щеки значительно округлились. Она была в фартуке, а ее волосы были собраны в хвост, не хватало пары прядок, у некоторых же, концы были подпалены, но так было гораздо лучше, чем когда она впервые появилась в Сахарном Домике. Фейбл дала ей пару великоватых по размеру очков, шлепанцы в виде кроликов, и разрешила Битси помочь ей готовить. Он появился с полной миской ложек и вилок на спине.

Локи нравилось наблюдать за своей сравнительно новой матерью. У нее появилась заботливая материнская улыбка...опять же, у нее не было одного переднего зуба..., а еще у ней были красивые серо-голубые глаза.

Все путем, мама. Как же ты научилась так превращаться? И почему ты никогда не готовила для меня?

Не имело значения, как она выглядела, это по-прежнему не делало ее человеком. Она была такой же мертвой, как и курица, которую она готовила для них; холодная, как лед и нет пульса, но она хотя бы была здесь, в отличие от его отца, с которым он никогда не встречался, что напомнило ему спросить у нее о нем что-нибудь.

— Как у тебя получается каждый раз оказываться там, где ты захочешь, мам? — спросил Локи, наблюдая за Акселем, который вгрызся в куриное крылышко, будто бы оно могло научить его летать.

— Не знаю, милый, — отозвалась она, наблюдая за Акселем и Фейбл, чтобы убедиться, что им понравилась еда. — Я же тебе сказала. Внезапно у меня появилось ощущение, будто ты зовешь меня.

— Так ты не властна над этим? — Локи вспомнил, как она говорила ему нечто подобное в Кадиллаке.

— Я же тебе говорила, тебе еще многому нужно научиться. Это просто произошло. Я сейчас здесь. Вот что важно.

— Но ты же не останешься надолго. Ты всегда, в конечном счете, исчезаешь, — сказал Локи.

— Ничего не могу с этим поделать, милый. Я не нормальная мамаша, и ты должен

принять это. Я..., - она с неохотой посмотрела на Фейбл и Акселя.

— Привидение, — ответил Аксель с набитым ртом. — Мы знаем. Но Вы готовите самую вкусную курицу, какую я только пробовал.

— Ты такой очаровашка, сладкие щечки, — сказала она Акселю. Локи ощущал себя не очень комфортно, когда его мама называла Акселя "сладкие щечки". Он был уверен, что никто не называл его «милым» с тех самых пор, как динозавры вымерли.

— Я люблю Вас, Миссис Бабушка, — обрадовалась Фейбл.

— Просто Бабушка. Не Миссис, — сказала она Фейбл.

— Я люблю Вас, Бабушка. Давненько я так вкусно не ела, — сказала Фейбл.

— Ну что за милая девочка, — Бабушка послала Фейбл воздушный поцелуй.

Вся эта любовная чепуха, которая таки заполонила комнату, лишь разозлила Локи. Бабушка и Фейбл заставили его чувствовать, будто полюбили друг друга с первого взгляда. Когда Бабушка готовила, Фейбл продолжала спрашивать ее о всех нюансах и пыталась научиться. Локи подумал, что они похожи на мать и дочь, что только взбесило его еще больше.

— Мам, — Локи попытался напомнить ей, что она была *ЕГО*мамой. — Почему бы тебе не остаться на какое-то время? Зачем тебе уходить, особенно, когда ты выглядишь почти как нормальная?

— Не говори так со своей мамой, — ответила Бабушка, хлопнув его по спине, одновременно потягивая суп из миски. Локи терпеть не мог, когда родители говорили о себе в третьем лице. "Не говори так со своей мамой?" Будто ее тут не было, что в этом случае, было отчасти, правда? Бабушка ведь была не настоящей Бабушкой. Она была лишь призраком Бабушки.

— Ага, — усмехнулся Аксель. — Не говори так со своей мамой.

Локи захотелось запульнуть Акселю в лицо двумя мертвыми куриными крылышками, они бы так забавно торчали у него из глаз, а потом он бы утонул в миске с супом.

— Я не могу оставаться надолго, — объяснила Бабушка, обращаясь к Акселю и Фейбл. — У меня есть дела. Ну, знаете, призрачные дела.

— Конечно же, Миссис...я имею в виду, Бабушка, — согласилась Фейбл. — Быть призраком нелегко. Думаю, вы проделываете огромную работу: быть призраком и воспитывать ребенка.

Локи подумал о том, чтобы тоже утопить Фейбл в своей чашке с супом. Нелегко быть призраком? Следующее, что Фейбл ляпнет его матери, так это то, что она тоже станет призраком как и она, когда вырастет.

— Ты такая душка, и ты тоже потрясающая, — ответила бабушка. Фейбл захихикала, ее щеки покрылись румянцем.

— Видела бы ты ее злую ухмылку, когда она наслала на дом заклинание чуть раньше, — сказа Локи.

— Это для твоей же защиты, — вступилась за нее Бабушка. — И сейчас она уже сняла заклинание...я имею в виду, я спасла всех и разрушила заклинание своими силами. Оглянись, Локи, все в порядке. После того, как закончим есть, Фейбл и я уберем в доме. Ты и Аксель почините разбитое окно.

Аксель перестал есть, у него отвисла челюсть, когда он уставился на окно.

— А есть возможность, что ворон может вернуться, Бабушка?

— Ни единого шанса, милый, — ответила Бабушка. — Он испугался меня. Призраки

более могущественны, чем вороны.

— Вы совершенно потрясающая, Бабушка, — сказал Аксель.

— Спасибо, — ответила она и повернулась к Локи. — Я, правда, удивлена, почему ты по-прежнему хочешь убить Белоснежку, когда у тебя такие замечательные друзья, как Аксель и Фейбл.

— Да, Бабушка, — вставила Фейбл. — Пожалуйста, скажите ему забыть об убийстве Белоснежки. Ей нужна наша помощь.

— Ты что, опять собираешься вернуться к этому разговору? — спросил Локи и перестал есть.

— Думаю, Фейбл права, — произнесла Бабушка. — Из всего того, что она рассказала мне, существует возможность, что Белоснежке нужна твоя помощь.

— Уфф, — Локи был близок к тому, чтобы уйти из-за стола. — Это невыносимо. Словно весь мир против меня.

— Присядь-ка, Локи, — потребовала Бабушка, теряя части своего тела из-за призрачного гнева. — Невежливо так уходить из-за стола, малыш.

— Я не ребенок, мам, — Локи ударил ложкой по столу. Аксель воспользовался звяканьем ложки, чтобы скрыть свой смех. Фейбл удивилась, почему Локи становился таким ворчливым в присутствии матери.

— Скоро тебе исполнится шестнадцать, детка, — Бабушка протянула руку, чтобы дотронуться до его лица, но ее плоть отслоилась и обвисла. Она прилепила ее обратно, чтобы прикрыть кости.

— Все в порядке, Бабушка, — сказала Фейбл. — Вам станет лучше.

— Ох. Ты так добра, — ответила Бабушка.

— Послушай, мам, сейчас мне этот разговор ни к чему. Не тогда, когда я даже понятия не имею, как войти в сон, чтобы она при этом не сделала из меня дурака.

— А кто говорит, что ты не можешь? — спросила Бабушка.

— Разве ты, Фейбл, это не говорила? — сказал Локи. — Она может контролировать свои сны и для меня нет способа убить ее подобным образом. Она даже сказала мне, что не позволит мне войти в сон, если я не попытаюсь спасти ее.

— Но ты, конечно же, до сих пор можешь проникать в сны, — сказала Бабушка. — Обо всем этом написано в книге Охотника за Сновидениями.

— Нет, не написано, — ответил Локи.

— Нет, написано, — настаивала Бабушка. — Покажи ее мне.

— Не могу. Если ты прочтешь страницу, она превратится в песок.

— Я не буду читать. Просто покажу страницу. Покажи мне книгу.

Локи передал ей книгу, удивляясь, как его мать прознала про книгу. Она пролистала ее, словно прежде частенько читала ее. Она остановилась там, где были отсутствующие страницы, и задумчиво потеряла подбородок.

— Здесь нет страниц, и именно на них было описано, как именно контролировать сон. Есть еще пропавшие страницы.

— Как ты об этом узнала? — спросил Локи.

— Просто знаю, и я расскажу тебе, как войти в сон Белоснежки, при одном условии.

— И что за условие? — взволнованно спросил Локи.

— Что когда ты войдешь в сон, ты узнаешь ее историю и почему она хочет, чтобы ты помог ей...

— Но, мам...

Бабушка шикнула на него.

— Или так, или я не буду тебе помогать.

Локи ничего не ответил, пристально глядя на Фейбл и Акселя.

— Ну, так что же сынок? — спросила Бабушка. — Прими решение, прежде чем я уйду.

— И тогда я смогу убить ее, если решу, что так нужно, неважно какой будет история? — поинтересовался Локи.

— Делай что хочешь. Это твоя жизнь. Тебе лишь нужно собрать нужную информацию, чтобы принять решение, — ответила Бабушка.

— Почему ты хочешь, чтоб я это сделал? Тебе плевать, что я попаду домой?

— Я беспокоюсь о твоём счастье. Дом там, где сердце, — произнесла Бабушка. — Поэтому мне нужно услышать, что ты сперва узнаешь ее историю. И помни, что хорошие люди держат свои обещания.

— Хорошо, узнаю, — ответил Локи, опуская взгляд. — Но как я смогу войти в контролируемый ею сон и защитить ее, если понадобится.

— Если вампир контролирует свой сон, не так — то легко проникнуть в него, — сказала Бабушка. — Но ты можешь проникнуть в нечто, называемое Дримори. Это будет по-прежнему ее сон, который сам по себе является воспоминанием. Это очень сложный уровень в Море Сновидений, но это поможет, какой бы твоя задача не была: убить ее или узнать ее историю. Чтобы попасть в Дримори, тебе нужны две вещи.

— Я слушаю, — глаза Локи заблестели.

— Первая вещь зовется Инкубатор.

— Что это такое? — спросил Аксель.

— Инкубатор — это слово и число, которые ты прошепчешь уснувшему на ухо, пока он находится в Храме Сна, это вызовет определенные воспоминания, чтобы сон именно в то время, а слово ассоциировалось с воспоминанием.

— Это круто, — сказал Локи. — Так какое слово?

— Это не конкретное слово, — ответила Бабушка. — Это зависит от Мира Сновидений. Думаю, что здесь пригодятся знания Акселя.

— Мои? Как так? — спросил он с набитым ртом.

— Тебе предстоит найти слово и число в своих исследованиях, которые бы вызвали во сне Белоснежки воспоминание. Это может быть много слов...многие слова описывают места. Тебе придется хорошенько поискать.

— Нельзя ли объяснить попроще? — спросил он.

— Это должно быть слово, связанное с местом ее рождения, настоящее имя ее отца или королевы, что угодно, что ты сможешь найти в книгах в библиотеке "Сказки на Ночь".

— Ох. Это имеет смысл, но что если я не пойму какое слово правильное? — озадачился Аксель. — Она все еще будет контролировать сон?

— Если вам удастся раздобыть вторую вещь, тогда она не сможет контролировать сон, но не будет никаких гарантий, в какой момент ее сна войдет Локи или же насколько опасным он будет. Так что найти нужное слово — твоя работа, Аксель.

— Это я смогу сделать, — сказал он.

— А что за вторая вещь? — спросила Фейбл.

— Должна признаться, это самая лучшая часть, — улыбнулась Бабушка. — Вам придется отправиться в небольшое приключение, чтобы добыть жидкость, которая по капле

попав в ее глаза, может помешать ей контролировать свои сны... или любого другого спящего, у которого будет подобная сила.

— Существует такая вещь? — заинтересовался Локи.

— В самом деле. Помнишь ту часть ритуала, когда на глаза Белоснежке нужно положить две обольские монеты, чтобы она не смогла из мира снов связаться с реальным миром? Это почти то же самое, как только жидкость попадет ей на глаза, ей это не удастся, не важно, чтобы это ни было, контролировать свои сны или играть с тобой в игры. Это блокирует любые силы, которыми она обладает в реальном мире, чтобы контролировать Мир Сновидений.

— Что за жидкость? — Локи широко распахнул глаза. — У нее есть название?

— Есть, это очень редкая и довольно чувствительная жидкость, — сказала Бабушка. — Она называется Детские Слезы.

— Правда? — Фейбл вскинула бровь. — Вы же не хотите сказать, что это настоящие детские слезы.

— В действительности, так и есть, — ответила Бабушка, тоном, не допускающим возражений. Локи вспомнил, что она была призраком, и выполняя свою работу, она, должно быть, сотворила множество детских слез.

— Мам, так, где мы сможем раздобыть Детские Слезы? — нетерпеливо спросил Локи, припоминая, что Люси предлагала ему напиток под названием Детские Слезы, когда они были на вечеринке Мертвы на Веки Вечные. Он задумался, а вдруг это были настоящие детские слезы. — Я имею в виду, их легко найти в Скорби или нам придется пугать младенцев в колыбелях?

— Думаю, я знаю, где в Скорби вы сможете достать Детские Слезы, — ответила Бабушка. — Впрочем, поездка вовсе не будет легкой.

Бабушка ушла сразу после обеда. Это было неожиданное исчезновение, как обычно, только в этот раз она не оставила его одного. Локи был удивлен узнать, что Аксель и Фейбл готовят ему комнату для ночевки — фактически это была лишь кровать. Ему очень хотелось спать в комнате, которую мог бы впервые назвать своей. Он должен был заметить, что Аксель и Фейбл стали чем-то вроде семьи, и что это все осложнило, так как он знал, что не мог остаться. Локи не знал многого о прощаниях — и даже меньше о приветствиях, но он не мог идти против течения как раньше.

Он решил, что пойдет к своему Кадиллаку и вздремнет там в последний раз. Он слишком устал и нуждался в небольшом отдыхе — и это был шанс попрощаться с водительским сиденьем Кармен.

Пару часов спустя, Аксель вернулся, чтобы разбудить Локи.

— Эй, — Аксель потряс его. — Просыпайся. Пора за работу.

— А? — Локи посмотрел на Акселя, который сел с ним рядом на пассажирское сиденье. — Ты закончил с моей комнатой?

— Фейбл закончила, — ответил Аксель. — Но сейчас это не столь важно. Ты все равно не увидишь свою комнату, пока мы не раздобудем Детские Слезы.

— Детские Слезы, — радостно воскликнула Фейбл с заднего сиденья.

— Да, я не глухой, — ответил Локи. — Так вы мне не напомните, где Бабушка сказала, мы сможем раздобыть Детские Слезы?

— Твоя мама сказала, что мы сможем раздобыть их у Бугимена, — ответила Фейбл.

— Ага...моя мама. Ммм...а где она?

— Ты под кайфом что ли? — спросил Аксель, проверяя пульс Локи. — Ей нужно закончить дела.

— Призрачные дела, — захихикала Фейбл. — Она рассказала мне, как напугала плохих мальчишек, которые напугали маленькую девочку тем, что затащили ее в дом с привидениями. Твоя мама вышвырнула их оттуда. Я тебе уже говорила, что у тебя клевая мама?

— Ага, я заметил, — пробормотал Локи. — Так какой у нас план?

— Охxxx, — вздохнула Фейбл, — Ну и какой из тебя Охотник за Сновидениями? Нам нужно пробраться в замок, чтобы ты опять смог проникнуть в сон Белоснежки, и, так как мы знаем, что она может управлять своим сном, нужно будет капнуть ей на глаза Детские Слезы, чтобы лишить ее этой силы.

— Да, я помню, — моргнул Локи, глядя на Фейбл в зеркало дальнего вида.

— Ну и затем найти Инкубатор, — продолжил Аксель, — Я только что пришел из "Сказок на Нучь". Я принес все нужные мне книги. Как вы думаете, можем ли мы использовать слово «Скорбь» в качестве Инкубатора?

— Откуда ж мне знать?

— Из того, что мы прочитали, следует, что Королевство, в котором проживала наша Белоснежка, называлось Скорбь. И я думаю, что этот город — и есть то самое Королевство, только двести лет спустя. Думаю Слово " *Скорбь*" — самое то, — предположил Аксель.

— Может быть, ее настоящее имя послужило бы Инкубатором, — предложила Фейбл.

— Ну и где мне взять ее настоящее имя? — спросил Аксель, — Даже в дневнике Якоба Гримма о нем ничего не сказано. И кто вообще знает, может Белоснежка и есть ее настоящее имя?

— Не припомню, чтобы в сказках Братьев Гримм упоминались имена, — Локи пытался помочь расследованию.

— Это на самом деле правда, — сказал Аксель. — Не думаю, что я когда-нибудь читал сказку с именами принца или охотника, или же королевы. Мне любопытно, почему никогда не упоминались имена? Может, это доказывает, что они были вымышленными, или их скрыли намеренно.

— Сейчас ты много выдумываешь. Так как насчёт Детских Слёз? — спросила Фейбл. — Нам нужно найти Бугимена.

— Об этом, — сказал Локи. — Не думаешь ли ты, что это большая шутка?

— Ты до сих пор не веришь в Бугимена? — спросил Аксель.

— Я не знаю, — Локи мотнул головой. — Я знаю, что мы живем в городе, где полно вампиров, призраков, домов с привидениями и даже оборотней, но не думаю, что можно просто пойти и найти Бугимена. Ты хотя бы знаешь, как он выглядит?

— Уродливый, — пожал плечами Аксель вспоминая того, что съел его завтрак-хлопья, когда он был ребенком.

— Твоя мать сказала, что в детских шкафах полно Бугименов. Может, мы можем порасспрашивать, — предложила Фейбл.

— Шкафах? — переспросил Локи.

— По словам твоей матери — это место, где они живут, — ответил Аксель.

— Она сказала, что если спросим правильного человека, мы сможем нанять Бугимена, чтобы он принёс нам Детские Слёзы, — сообщила Фейбл.

— Правильного человека? — спросил Локи.

— Кого-нибудь, кто знал тут все или уполномоченного по особым предметам, про которого должны знать подростки-охотники на вампиров, — сказала Фейбл.

— Я думаю, что знаю того, кто мог бы помочь, — Локи взял телефон и набрал номер.

— Кому ты звонишь? — спросила Фейбл.

— Люси Румпельштейн, — ответил Локи, ожидая ответа.

— Люси? — глаза Акселя засияли.

— Кто такая Люси? — спросила Фейбл.

— Она дочь Профессора Румпельштейна, — проинформировал ее Аксель.

— Клево, — задумчиво произнесла Фейбл. — А кто такой Профессор Румпельштейн?

— Ты не знаешь владельца школы, в которую ты ходишь? — изумился Локи.

— А, этот, — произнесла Фейбл. — Знаешь, я ненавижу школу. И дня не проходит, чтобы я не ощущала, что день прошел плохо, что конечно хорошо для ведьм. Порой некоторые заклинания требуют плохой энергии.

Локи и Аксель переглянулись, пытаясь не вспоминать о том, что именно Фейбл заперла их в доме.

— Не позволяй ей ходить в школу, — тихо шепнул Локи Акселю.

— А что ты так отреагировал на Люси, Аксель? — Фейбл подозрительно сморщила одну бровь.

— Я? Да никак не реагировал, — защищаясь, произнес Аксель, стараясь не встречаться взглядом с Фейбл. Локи глянул на Акселя, будто говоря "какой же ты придурок". — Она мне

даже не нравится. Она очень странная, — сказал Аксель, откинувшись на спинку сидения и накидывая капюшон, пытаясь прикрыть лицо, — Почему это обязательно должно означать, что она мне нравится?

— Не когда ты в капюшоне, — ответила Фейбл. — Между прочим, я всё ещё вижу тебя. Ты не одет в плащ-невидимку, знаешь ли.

— Знаю. Это моя жалкая клоака занудничества, — пробормотал Аксель.

— Занудни — что? Это даже не слово, — сказала Фейбл. — В любом случае, эта Люси — которая я чувствую мне не понравится — знает, как найти Бугимена?

Люси, наконец, подняла трубку.

— Привет, — Локи постарался звучать бодро.

Люси не ответила сразу же. Локи услышал странное потрескивание в телефоне и последние вздохи долгого стога; и Люси, которая смеялась на заднем плане.

— Чего тебе надо, урод? — прорычал голос.

— Мунклоу, — обрадовался Локи, услышав его голос, чего он не делал с самого прибытия в Скорбь. — Как дела, чувак?

Аксель усмехнулся.

— Не тыкай мне своим "как дела", урод, — ответил Ульффрик Мунклоу, плюнув в телефон. — Ты выставил парней дураками, и ты за это заплатишь, когда я тебя увижу.

— Заплатить? А много? — прикалывался Локи.

— Ты пытаешься быть смешным? — Ульффрик понизил свой голос, может быть для того, чтобы Люси не слышала. — Мой друг, Плохиш, видел тебя в замке, тебя и двоих паршивых ведьминых деток, — он закричал, и Локи уже мог представить картину, где Ульффрик превращается в оборотня, как и Плохиш. — Это было глупо со стороны Плохиша разоблачить себя, но сейчас, когда ты знаешь наш секрет, тебе придется умереть.

— И все? — спросил Локи. Его сердце билось намного быстрее. Однажды им уже удалось убежать от Плохиша, и они знали, чем чреваты встречи с ним.

— Что ты имеешь в виду? — злобно спросил Ульффрик.

— А где-же "Ухахахаха"? — спросил Локи, — Ты говоришь, как злой гоблин. А они всегда смеются в конце.

— Кто у телефона, Ульфи? — Локи услышал голос Люси, и, казалось, она взяла трубку. Локи было любопытно, знала ли она, что ее парень и его банда на самом деле были оборотнями.

Люси была в хорошем настроении. Локи задумался, чем же они там занимались. Некоторые люди просто счастливы. Они делают то, что любят делать все, например, встречаться, когда достигают определенного возраста. Интересно, когда я свободно буду встречаться с какой —нибудь девчонкой, кем-нибудь, кто не окажется демоном. Но потом Локи вспомнил, что Люси тоже практически целовалась с монстром. Ульффрик был оборотнем, поэтому складывалось впечатление, что ему действительно нужно перестать ныть.

— Дай мне поговорить с девчонкой, — произнес Локи с небрежной улыбкой. Слоги будто слились в музыку. Закончил он на высокой ноте, практически напоминая кульминацию. — Мууунклоооу, — нараспев произнес Локи.

Он услышал, как Ульффрик сказал Люси, что собирается заставить Локи заплатить за то, что делает из него дурака.

— Привет, — произнесла Люси. — Как жизнь, Локи? Ты все такой паршивый Охотник

на Вампиров?

— Не поверишь, — глядя в зеркало, Локи провел рукой по волосам. — Становится лишь паршивей. Подумываю стать на какое-то время Охотником на Куриц.

— Извини, дружище. Эта работенка уже занята. Лисами, — ответила Люси. Локи услышал, как Ульффрик щекочет ее или что-то в этом роде. — Так какая помощь тебе нужна на этот раз?

— Откуда ты узнала, что мне нужна помощь?

— Да она тебе всегда нужна, Локи, — ответила она, шикая на Ульффрика. — Как я понимаю, ты до сих пор не убил принцессу вампиров. Вчера из школы пропали две девчонки. Так что тебе надо?

— Тебе приходилось знать хорошего и надёжного, не очень страшного, не очень дорогостоящего — я уже говорил не очень страшного — Бугимена? — спросил Локи. Он обвел нас быстрым взглядом, как будто не желая, чтобы кто-то его услышал. Локи всё ещё не мог поверить, что он только что задал этот вопрос.

— Что?

— Как я уже говорил, — Локи пожал плечами. — Мне нужен Бугимен сегодня вечером. И опять же, тот, который не очень страшный.

— Вау, — произнесла она. — Скорбь и до тебя добралась.

— Нам нужен Бугимен, чтобы...

— Нам?

— Да, — произнес Локи, — Сейчас я работаю с командой, — пояснил он, в зеркале заднего вида он видел, как Фейбл грызет свои ногти от волнения.

— Избавь меня от подробностей. Я, правда, не хочу слушать всю эту чепуху. В любом случае, я не знаю Бугимена, но... — Ульффрик насмехался над Локи на заднем плане. — Но я могу позвонить своему отцу. Он точно знает про все эти жуткие вещи. Собственно, он мог бы дать мне имя и адрес.

— Помни, я не хочу лучшего Бугимена в городе. Чем хуже, тем лучше, — Локи не хотел быть напуганным. — И когда я смогу встретиться с твоим отцом? — он поинтересовался, хотя это и не имело значения. Как только Локи закончит работу, он собирался покинуть город.

— Может быть, в том случае, если ты соберешься прийти в школу, — задумалась Люси.

— Будто ты ходишь в школу.

— Да, в этом ты прав. Все мы не без греха. Школа для тупиц, которые готовятся к тому, чтобы отправиться в Ад. Знаешь что? Я позвоню тебе через час, — Люси повесила трубку.

— Примерно через час мы получим Бугимена, рекомендованного самим Профессором Румпельштейном, — сказал Локи Акселью и Фейбл, смотря на заходящее солнце.

— Так, Фейбл, — произнес Аксель, — Исходя из того, что вы с мамой Локи точно такие же подруги, как Золушка с Волшебной Феей, расскажи нам, зачем именно нам нужен Бугимен? Я понимаю, что с помощью него мы получим Детские Слезы. Только не понимаю как именно.

— Бугимен, Детские Слезы, привет, — медленно выговаривала Фейбл, будто Аксель самый тупой в этом Кадиллаке, — Что происходит, когда плачут дети? Они проливают слезы! А кто заставляет детей плакать — кто в этом эксперт. Ох.

Это оказалось правдой, они и вправду могли нанять в Скорби самого Бугимена. Локи вел свой Кадиллак, следуя адресу, который дала ему Люси. Радио включилось само, и Воинствующие Тыквы заиграли песню, подобную этой:

Огромный Бугимен-Плохиш снует в твоём домишке.

Он запирается в шкафу, подобно мелкой мышке.

Ну а пока ты спишь, храпишь и видишь сновиденья,

Он будет страхом изводить тебя до изнеможенья.

Фейбл захихикала, когда слышала, как Воинствующие Тыквы прекратили играть, и возмущались о том, что солист пел совсем не ту песню.

— Вот так Кармен работает, — объяснил Локи. — Она играет те песни, какие сама хочет, а эта группа, кажется, ее любимая.

— Вау, — Фейбл подалась вперед с заднего сиденья. — А я смогу с ними поговорить?

— Да, можешь, — ответил участник группы. — Так что у тебя на уме?

— Я знаю еще одну песню о Бугимене, — сказала она Воинствующим Тыквам. —

Лучше убегай, лучше убегай, маленькая девочка, лучше удирай. Когда леса темнее ночи, это радость Бугимена. Лучше убегай, лучше убегай, маленькая девочка, лучше удирай.

— Вам нравится эта, ребят? — спросил участник группы у остальных парней в группе. После небольшого обсуждения, они снова заговорили с Фейбл. — Вот что. Вы все думаете что это будет отчасти тот Бугимен, о котором вы столько всего слышали, но наши песни расскажут вам о кое-чем еще, так что мы не перестанем играть, пока вы не узнаете, кто такой Бугимен на самом деле.

Локи свернул в Нефельхейм, необычайно живописную окрестность в Скорби, о которой Люси писала ему в сообщении.

— Вау! — глаза Аксея широко распахнулись в жажде дотянуться до офигенных девчонок, которые неторопливо шли в бары и клубы на высоких каблучках. — Я и не знал, что такое место в Скорби существует. Адские каблучки, детка! — помахал он девушкам, отчасти пуская слюни. — Ближе я был только к тем горячим малышам, что на экране моего компьютера.

— Это очень странно, Локи, — произнесла Фейбл. — Я даже не думаю, что этот район существовал прежде.

Локи не ответил. Он знал, что Фейбл и ее братец не так уж часто тусовались. Откуда они будут знать о подобном месте?

— Мы хотим найти Бугимена. Значит, едем в Буги-таун, — Локи нахмурился в зеркале, глядя на Фейбл. — Люси сказала, мы должны встретиться с ней здесь, если хотим нанять Бугимена.

— Почему здесь? — удивилась Фейбл. — Я думала, мы будем искать Бугимена на кладбище, в темном месте, или в шкафу.

— Мы ищем бар, где Бугимены коротают время, пока не заняты работой.

Локи повернул налево, на улицу под названием Сакман Стрит (прим. переводчика Sakman — Грабитель, разбойник). — Согласно указаниям Люси, мы должны найти бар здесь и она будет нас ждать уже там. Хочешь угадать как он называется, Фейбл? — с беспрестанно пускающим слюни Акселем было бесполезно начинать разговор в данный момент. Он продолжал пялиться на девчонок и в ответ на свои взгляды получал лишь усмешки.

— Дай угадаю, — Фейбл наклонилась, положив голову Локи на плечо. — Он называется ***"Сказочный Страшный Бар Бугименов?"***

— Неее, — Локи скрутил губы трубочкой. — Это по-настоящему длинное название. В нем всего лишь два слова, но они в самом деле эффектные. Оно и вправду натолкнет тебя на мысль о Бугимене.

— Страшный Бар? — она попыталась напугать Локи в зеркале. Он ощутил ее дыхание на шее.

— Неее, — Локи проехал мимо клуба и припарковал Кадиллак, указывая на фиолетовую неоновую вывеску, которая мигала. Большой высокий вышибала стоял рядом с вывеской.

Фейбл прочла вывеску:

— **"Шкаф"?**(прим. Ред. — The Closet — в оригинале перевода два слова)

— Прямо в точку, — ответил Локи, стукнув по рулю, отчего тот скрипнул. — Хочешь нанять Бугимена, придется пойти в Шкаф и поговорить с ним.

— Так клишировано, — Аксель покачал головой, наконец, отрываясь от девчонок. — Шкаф — мой...

— И в этом «Шкафу» мы найдем того самого особого Бугимена, который поможет нам? — спросила Фейбл.

— Мы ищем Джорджи Порджи, — ответил Локи.

— Джорджи Порджи? — рассмеялся Аксель. — У меня такое ощущение, будто я тону в бассейне из пудинга.

— Это самая худшая метафора, которую я когда-либо слышал, — произнес Локи. — К вашему сведению, Джорджи Порджи самый известный Бугимен в Скорби. Фактически, он — предводитель всех Бугименов, — Локи потянулся. — Не смотря на то, что я хотел самого худшего, Люси сказала, что он единственный может помочь с Детскими Слезами.

— Этого не может быть, — настаивал Аксель.

— Да, Локи, здесь что-то не так, — Фейбл впервые поддержала своего брата.

— У вас нет проблем с верой в Бугимена, а потом вы жалуетесь по поводу его имени?

— Все дело не в этом детском имени Джорджи Порджи, — ответил Аксель. — А в том что это известная детская песенка.

— А? — Локи провел лишь год в Обычном Мире, и он ничего не слышал о детской песенке.

— *Джорджи Порджи, пудинг и пирог,* — начал петь Аксель.

— *Поцеловал девчонок — и сразу за порог,* — продолжила петь Фейбл, над своим отрывком.

— *А когда мальчишки появляются,* — Аксель вопросительно поднял брови, глядя на Фейбл.

— *Джорджи Порджи, поджав хвост, удаляется,* — закончила Фейбл песенку. — Обожаю ее, — добавила она.

— ЛАДУШКИ? — Локи был смущен. — Все равно не понимаю в чем проблема Бугимен назван в честь песенки, что с того?

— Ну, если бы он был настоящим Бугименом, то он не "убегал бы при появлении мальчишек", — сказал Аксель, — с чего бы он мог пугать девочек, но бояться мальчиков?

— Аксель говорит, что в городе, где живет настоящая Белоснежка, и Большой Серый Волк, может быть и настоящий Джорджи Порджи, — ответила Фейбл.

— На что вы двое намекаете? — спросил Локи.

— Что все персонажи детских песенок и сказок реальны, — ответил Аксель. — Вот что я частично выяснил из дневника Якоба Гримма.

— Ой, да перестань, — отмахнулся Локи. — Ты даже не знаешь, его ли это дневник. Дай мне передохнуть.

— И все они живут в Скорби, — Фейбл, казалось, понравилась эта идея.

— Ну и пожалуйста, — сказал Локи, — Нам есть о чем переживать, и вообще я очень измучился. Давайте с фокусируемся на добыче Детских Слез от Джорджи Порджи.

— Но как мы попадем внутрь Шкафа? — пессимистично спросил Аксель, — Мы несовершеннолетние, нас не пустят в бар.

— Пожалуйста, скажи мне, что мы нарушим закон, — произнесла Фейбл, ее глаза загорелись. — Если вы дадите мне немного времени, я смогла бы найти заклинание, чтобы вышибала увидел вместо нас взрослых, или я могла бы обратить его в тролля.

— Как превращение в тролля заставит его впустить нас? — удивился Аксель. — Кроме того, ты все равно не пойдешь, — Аксель снова начал играть роль братца-заступника. — Ни за что! Она не пойдет в бар, — он глумился над Локи, угрожающе ткнув в него указательным пальцем.

— Да? — вспыхнула Фейбл в ответ. — Мне нельзя идти в бар, но тебе значит можно напиться без моего ведома? К твоему сведению, я видела как ты пил у себя в комнате на прошлый День Святого Валентина.

— Ты напился на День Святого Валентина? — удивлено спросил Локи.

— Это был клубничный напиток из опилок, и не будь умником, Локи. — Аксель пытался от гнева, пытаясь скрыть свое смущение. — Не все тут такие красавчики, как ты и не ходят на свидания в День Святого Валентина.

— Это к делу не относиться, — вставила Фейбл. — Ты несовершеннолетний и тебе нельзя пить.

Локи ничего не сказал. Игра в старшего брата уже порядком начинала раздражать, но наблюдать за Акселем было весело.

— Это не так уж и страшно, Аксель, — произнес Локи. — Просто разреши ей пойти с нами. Они все равно не разрешат пить никому из нас, если нам удастся попасть внутрь, — Локи услышал, как из бара доносятся звуки буги-музыки. Хорошие гитары и много буги. — Лучше пусть она идет с нами, чем остается тут с кем-то вроде мистера Годзиллы, — Локи указал на вышибалу, которому, кажется, все они не понравились.

— У него что, сейчас дым из ушей повалит? — удивилась Фейбл и была права. То как они раздражали его, было довольно обескураживающе.

— Это только что могло случиться, — рассмеялся Аксель. — Думаю, он Огр, которого замаскировали под вышибалу, или маленький дракон.

Кто-то постучал в окно Кадиллака. Локи подпрыгнул, думая об Ограх. Фейбл и Аксель рассмеялись. Это была Люси Румпельштейн, снова прильнув носом к стеклу. Локи опустил окно.

— Тебе нужно взять себя в руки, — произнесла Люси своим приятным голосом.

— Нам нужно перестать встречаться подобным образом, — улыбнулся Локи. — Так и будешь всегда стучать в мое окно?

— Да, верно, — она передала ему три удостоверения личности, что было весьма странно. На удостоверениях значились их имена, но не их фотографии; это были фото плачущих детей.

— Могу я спросить, что это? — поинтересовалась Фейбл.

— При нормальных обстоятельствах, занудным пташкам как ты, нельзя, — ответила

Люси. — Но раз уж выдался безумный денек, тебе нужно знать, что Бугимены серьезно относятся к своим трофеям.

— Своим трофеям? — переспросил Локи.

— Для Бугимена, самой важной вещью в мире является напугать ребенка, заполучить его слезы, и похвастаться об этом.

— Я уже ненавижу Бугименов, — произнесла Фейбл. — Должно быть они так уродливы, раз не хотят свои фото на удостоверения личности.

— Не обязательно, — ответила Люси. — Шкаф предоставляет ВИП-удостоверения определенному кругу посетителей время от времени, так что ты ими и притворимся.

— Так мы все зайдем внутрь, встретимся с Джорджи Порджи и получим Детские Слезы? — спросил Локи.

— Ага, — кивнула Люси. — Нам нужно выглядеть как парочка, чтобы они нас пропустили, и тебе нужно снять толстовку. Это тебе не клуб Реперов, — сказала Люси Акселю.

Аксель проглотил комок в горле, переставая улыбаться. Казалось, сегодня ему не удастся впечатлить Люси.

— Вы двое притворитесь парочкой, как только подойдем к двери, — посоветовала Люси, обращаясь к Фейбл и Акселю.

— Им нельзя, — произнес Локи, передавая Акселю и Фейбл их поддельные удостоверения личности, надеясь, что Мистер Годзилла их не увидит. — Они вроде как брат и сестра.

— Вроде как? — рассмеялась Люси, открывая дверь. — Почему вы все еще в машине, ребятки?

Локи выбрался из машины и увидел длинную очередь людей, ждущих перед баром. Потом он представил всех друг другу формально.

— Кстати, это Фейбл, — представил он. — Люси.

Он знал, что Люси уже встречалась с Акселем на парковке. Фейбл сказала «привет» широко улыбнувшись, сразу стало очевидно, что они с Люси не поладят. Вместо того, чтобы растаять от потрясающей улыбки Фейбл, Люси закатила глаза и поздоровалась в ответ.

— Что еще за косички? Ты похожа на гуфи.

— А? — Фейбл вспыхнула, будто она допустила какую-то оплошность и распустила волосы. — Лучше?

— И очки сними тоже. — Люси сложила руки вместе.

— Я, — Фейбл колебалась. — Боюсь, без них я ничего не увижу. Я дислексик, если не возражаешь, — Фейбл скрестила руки на груди в ответ. Казалось, она хочет ударить Люси в лицо, но ведь именно она подначивала ее. Локи подумал, что Фейбл хотелось бы подружиться с девушкой, вместо всех тех парней, что постоянно окружили ее, но рассчитывать на Люси было большой ошибкой.

— Не удивительно, что твоя мамаша была паршивой ведьмой, — сказала Люси. — Как дислексичка читает заклинания? — рассмеялась Люси.

— Думаю, здесь тебе следует остановиться, — Локи бросил на Люси пронизывающий взгляд, что Люси внезапно понравилось. Локи знал, что ей нравятся грубые мальчишки, но на этот раз он сделал это исключительно ради Фейбл. Если им все еще нужна помощь Люси, он приложит еще больше усилий.

— Я в восторге, — произнесла Люси. — Не знаю, как ты докатился...

— Ты мы будем разыгрывать из себя парочку, или как? — перебил Аксель.

— Раз уж ты и эта занудная девица родственнички, мы поменяемся ролями, — сказала Люси.

Аксель стоял, похожий на вибрирующий, вбитый в землю столб, кипя от злости.

— Ты и Локи разыгрывайте из себя парочку, — Люси слегка подтолкнула Фейбл к нему. — Вообще-то вы вместе неплохо смотрите. Оуууу, — затем она бросила взгляд на Акселя, поморщив губки. — А ты и я тоже разыграем парочку. А если ты попытаешься выкинуть какую-нибудь шуточку, я отрежу тебе твой маленький член.

Аксель не ответил. Это был самый лучший день в его жизни: поход в клуб, притворяться парнем Люси. Локи подумал, что это огромный прогресс. Он и вправду подумывал над тем, чтобы сделать фото этих двоих на телефон. Это сведет с ума Мунклоу.

— Нно..., - заикался Аксель. — Я не хочу, чтобы Фейбл притворялась девушкой Локи. Она слишком юная. У нее даже прежде не было парней.

— Да откуда ты вообще знаешь? — вскрикнула Фейбл, краснея. — Локи будет моим третьим. Просто к твоему сведению, — выплюнула она, переключая свое внимание на каких-то парней и девушек, стоящих в очереди.

— Резкая девочка, — произнесла Люси, впечатленная. — Как у тебя получается так укладывать волосы?

Фейбл улыбнулась. Опять же, Локи заметил, как она жаждала подружиться с Люси, не смотря на то, что выносить ее не могла. Люси направилась к Годзилле, таща за собой Акселя, который одними губами произнес «клево» у нее за спиной, как только они взялись за руки.

— Я, правда, надеюсь, что Ульфрик этого не увидит, или ты превратишься в гренку! — прошептал Локи в ответ.

— Пойдем, сладенький, — сказала Фейбл Локи, притягивая его за руку и дразня этим самым Акселя.

Люси что-то сказала вышибале и он внезапно начал обращаться с ними как с ВИП-персонами, чуть ли не кидая розовые лепестки им под ноги. Локи нахмурился, затем кивнул ему, словно был самым главным в городе, а вышибала был его работником.

— Эй, — поприветствовал его Локи, кивнув.

— Приятно, что вы посетили нас, сэр. — Вышибала кивнул и Фейбл тоже. — Мадам.

Фейбл притянула Локи за руку еще ближе.

— Он только что сказал «Мадам»? Это так клево.

Как можно было ожидать, что страшная ночь по поиску Бугимена обернется неожиданно прекрасной вылазкой с новыми друзьями. Он подумал, что что-то подобное может произойти только в Скорби. Прежде у него не было даже подобного опыта. Хорошие друзья, шутки, хорошее настроение и какое-нибудь приключение в придачу. О чем ему еще было просить? Впервые Локи удивился, на одну долю секунды, а будет ли дома подобное веселье.

Шкаф гудел тусующимися Бугименами, которые были похожи на пчел в поисках меда. Большинство из них были невообразимо высокими, одетыми в странную одежду, что заставляло их выглядеть так, словно они вырядились для маскарада, нетипичного для ночи. Это напомнило Локи вечеринку "Мертвы Навеки Вечные", только тут были здоровяки, по большей части одетые как пираты. Скорость чоканья рюмок просто поражала. Пиратообразные тусовщики разливали пиво прямо по большим деревянным площадкам, смех и болтовня становились громче группы, выступающей на сцене. Группа состояла из пяти человек, ничего подобного Локи прежде не видел. Вместо инструментов у них были негабаритные заколдованные животные. Ударной установкой служил огромный осьминог, на чьих щупальцах разместились различного размера барабанные тарелки. Его голова использовалась в качестве большого бас-барабана. Барабанщик боролся с осьминогом, когда тот тряс щупальцами и не давал тому ударить по нужной тарелке. Микрофоном солисту служила шея жирафа, торчащая прямо из пола, Локи предположил, что тело животного, должно быть, находится под сценой. У бас и соло-гитариста вместо гитар были фламинго, они наигрывали на их животах, изменяя позицию аккордов у них прямо на шеях. Гитарные струны были натянуты от их клювов по всей шее, которые были длиннее обычного. Каждый раз, когда гитаристы играли на животах у фламинго, тем становилось щекотно, они корчились и у гитаристов выходили неправильные ноты. И последнее, но, безусловно, не в последнюю очередь, пианино служила большая черепаха. Она спокойно стояла на полу, а ее панцирь был сдвинут набок, словно крышка рояля. Там, где должна была торчать черепаший голова, была клавиатура. Клавиши были черно-зелеными, вместо черно-белых, и они были скользкими. Каждый раз, когда пианист ударял по клавише, лягушки, сидящие, по-видимому, внутри панциря выквакивали нужную ноту. Локи ненавидел лягушек, так что решил держаться подальше. А еще он подумал, что пианисту нечего бояться. Черепаха вряд ли куда-нибудь уйдет, а если и соберется, то у нее это выйдет крайне медленно.

Однако посетители Шкафа по-прежнему не были в восторге от группы. Все, казалось, были заняты более важным событием, которое разворачивалось прямо посреди зала. Локи и его друзьям не было видно, на что все вокруг так пялятся. Они попытались протиснуться сквозь толпу, чтобы подобраться поближе.

— У меня есть идея получше, — произнесла Фейбл. Она поползла на четвереньках, найдя проход между пиратских ног, но ей снова пришлось встать, когда дорогу загородила пара тяжелых ботинок.

Толпа неистово закричала. Локи и остальным стало очень любопытно, на что же они все-таки смотрели. В это мгновение они даже позабыли о Детских Слезах. Застряя посередине, Локи снова оглядел толпу. Никто не выглядел устрашающе, не смотря на то, что у большинства на глазу были повязки, пиратские шляпы и слишком много украшений. Они и вели себя как пираты: громко и вульгарно в полной мере. У большинства из них были плохие зубы, изо рта текли слюни. И они гордились этим.

— Эй ты, — окликнула Люси тусовщика. — Джорджи Порджи здесь?

Человеку показалось, что он что-то услышал, и он начал оглядываться. Конечно, ведь все они были гораздо короче его. Люси толкнула его со всей злости.

— Эй, я с тобой разговариваю! — На самом же деле она разговаривала с его пузом.

Локи заметил, что Фейбл была довольна тем, что Люси общается с людьми без страха и колебаний.

— Что тебе нужно, малышка? — мужчина смерил ее взглядом.

Люси пожала плечами. Она осознала, что разговор с ним может не очень хорошо закончиться. На лице у него была огромная пугающая улыбка, обнажающая его ужасные желтые зубы.

— Нничего, — произнесла Люси, делая шаг назад. Его дыхание было невыносимо.

— Ух, — сказал Аксель, — Даже моя попа так не воняет.

— Мои извинения, Мистер..., - перебила Фейбл, пытаясь поправить ситуацию.

Глаза мужчины засияли, словно он увидел Санта Клауса, затем улыбнулся Фейбл.

— Как она это делает? — нахмурился Аксель.

— Чем могу помочь, малышка? — спросил мужчина у Фейбл.

— Мы тут ищем кое-кого, — прокричала Фейбл протискиваясь через толпу. — Некто по имени Джорджи? — Фейбл пожала плечами, боясь, что мужчина посмеется над ней. — Джорджи Порджи?

— Ты не знаешь Джорджи? — человек засмеялся, из его рта вырвалось несвежее дыхание. Люси чуть не упала в обморок, — А ты милая, малышка, — он поднял голову и, зазывно повторял, — Джорджи, Джорджи, Джорджи!

Стало очевидно, что сам Джорджи был там, он стоял у центрального стола и все смотрели на него. Неожиданно все находящиеся там запели:

Джорджи Порджи, пудинг и пирог,

Поцеловал девчонок — и сразу за порог.

А когда мальчишки появляются,

Он пугает их и те в страхе разбегаются.

— Да! — прокричали остальные, после исполнения песенки.

— Это не настоящая песенка, — заметил Аксель. — Ее изменили, — он схватил Локи за плечо.

— Мне какая разница? — спросил Локи. — Хватит уже анализировать.

— В настоящей песне Джорджи Порджи как раз таки убегает, когда появляются мальчишки, — объявил Аксель, — Все, что он может это пугать и без того трусливых девчонок, а мальчишек то он сам боится.

— Неужели? Ты действительно думаешь, что сейчас самое время? — сказал Локи, когда он пробирался в середину Шкафа, держа за руку Фейбл.

Локи и его друзья пробирались сквозь толпу, пока не добрались до первых рядов, удивляясь из-за чего весь этот сыр-бор. Добравшись до столика в центре, они обнаружили нечто, слегка отличающееся от того, что они ожидали увидеть. В центре стоял круглый столик, за которым сидели два человека друг напротив друга. Оба они смотрели на маленькие стаканчики, что стояли на столе; стаканчики были действительно крошечными, буквально на один глоток. На мужчинах были точно такие же пиратские шмотки, что и на остальных только тот, что был справа отличался по многим причинам. Он был намного больше, чем остальные, сильнее, у него была аккуратная борода, собранная в конский хвост спиральными дредами свисая с подбородка. На каждом кончике дреда сверкала какая-нибудь цацка: изумруд, бриллиант или другая драгоценность. Волосы у него на голове были

длинные и кудрявые, и это добавляло некой дикости его внешности, словно жесткий и непреклонный воин, которого все уважают. На ресницах лежал едва заметный слой туши, он как и другие носил на глазу повязку. Прямой нос и выдающаяся челюсть. Локи подумал, что он напоминает извращенную версию Долговязого Джона из Острова Сокровищ. Его цапки и наряд выглядел дороже, нежели у остальных, особенно его фиолетовое пальто и ботинки.

— Это Джорджи, — ответил Фейбл мужчина с желтыми зубами, следуя за ними. — Тут все его знают, — он еще раз крикнул имя Джорджи.

Локи заметил, что на той стороне, где сидел Джорджи, стоял пудинговый пирог. Ему стало любопытно, обратит ли он внимание на теории Акселя.

— Мужик напротив него — Плакса, — сообщил желтозубый, шикнув на Плаксу, который оказался толстячком, с кустистой головой и округлыми щеками. Рядом с ним стоял тыквенный пирог.

Мужчины подняли рюмки, выдохнули и выпили их залпом. Каждый сделал это по очереди, и пока один пил, другие наблюдали, все взгляды сосредоточились на нем, глядя, кто же выигрывает.

— Это что, запойное соревнование? — прошептал Аксель Локи на ухо.

— Похоже на то, — ответил Локи. — Они уже давно пьют, смотри сколько пустых рюмок, — Локи увидел, что у мужчин, которые болели за них, в руках деньги. — Очевидно, толпа ставит на того, кто сможет выпить больше всего.

— Или потеряет сознание, — предположил Аксель. — Или даже лучше, его вырвет прямо в толпу.

— Интересно, что в стаканах, — произнес Локи.

— Думаю, у меня есть мыслишка, но ты можешь рассердиться, — ответил Аксель.

— Жги, — произнес Локи, не отрывая глаз от стола.

— Того другого зовут Плакса, верно? О нем тоже есть детская песенка.

— Любопытно, — Локи потер подбородок. — Расскажи мне ее.

— Звучит что-то вроде: Плакса плачет, выколол глазик, ты не выдавай меня, не говори, что это был я, — набормотал Аксель.

— Что еще за сумасшедшая песня? Зачем ее нужно петь ребенку?

Внезапно, Аксель еще сильнее стиснул плечо Локи.

— Я понял. Нам необходимо раздобыть Детские Слезы. Этого мужика звать Плакса, и детская песенка про детей. Сейчас все обрело смысл.

— Какой в этом смысл?

— Все эти люди вокруг нас — Бугимены, — начал Аксель. — Они приходят к детям по ночам и пугают их, только они делают это не из-за того, что им нравится пугать детишек и отбирать у них хлопья, как это было со мной. Они делают это, чтобы собрать Детские Слезы.

Локи широко распахнул глаза, когда толпа взревела. Джорджи Порджи выпил еще одну рюмку, затем усмехнулся Плаксе, демонстрируя свои желтые зубы.

— Так Бугимены пугают детишек, чтобы собрать у них слезы? — задумалась Фейбл. — Зачем им нужны Детские Слезы?

— Понятия не имею, — ответил Локи. — Это кажется маловероятным, даже если кажется ужасным, зарабатывать на запугивании детишек.

— Раз уж вам нужны Детские Слезы, думаю, вам не пристало жаловаться, — сказала Люси. Она глаз не могла оторвать от Джорджи Порджи. Она прямо таки восхищалась мужчиной, предводителем Бугименов-извращенцев, даже не смотря на то, что он был лет на

десять ее старше.

— Твоя очередь, — произнес Джорджи Порджи Плаксе, перекрикивая рев толпы. Он был немного навеселе от выпивки. Его голос был тягучим, показушным, насмехаясь надо всеми вокруг. — Кто называет себя Плаксой? — рассмеялся Джорджи Порджи над своим противником. Толпа мгновенно переняла его смех.

От последнего напитка у Плаксы закружилась голова. Джорджи Порджи предложил ему на выбор упасть в обморок или сдаться. Плакса решил сдаться, взмахнув тяжелыми руками в воздухе. Джорджи поднял со стола пудинг и запустил его в лицо Плаксе, объявляя себя победителем. Буги-группа начала играть еще громче, певец еще сильнее вцепился в шею жирафа, выкрикивая свои песни. Все разбрелись по своим столикам или начали танцевать.

— Сегодня все напитки за мой счет, — объявил Джорджи Порджи, по обе стороны от него были девчонки, довольно пиратской внешности.

— Я скажу вам кое-что, что вам точно не понравится, — сообщил Аксель остальным. — Знаете, что они пили на соревновании?

— Что? Виски? — спросила Люси.

— Неа, — ответил Аксель. — Детские Слезы.

— Не может быть, — произнесла Фейбл.

— В этих крошечных рюмках Детские Слезы, — кивнул Аксель.

— Так это и есть Детские Слезы? — удивилась Люси. — Поэтому Локи они не понравились, когда я предложила их ему на вечеринке Мертвы на Веки Вечные.

— Поверить не могу, — сказала Фейбл. — Для них Детские Слезы вроде горячего, или как?

— Мы упустили огромную возможность, — пробубнила Люси. — Нам нужно было просто стянуть одну из рюмок, прежде чем они опустошат целый стол. Если мы хотим достать Детские Слезы, нужно немедленно поговорить с Джорджи Порджи.

Джорджи Порджи оттолкнул поклонниц, цеплявшихся за его руки и направился к бару. Похоже, он собирался произнести речь.

— Всем моим друзьям, жутким, уродливым, пугающим детей Бугименам, — закричал он и музыка остановилась снова, чтобы он произнес тост. — Я пью за вашу трудную работу, бессонные ночи и ваше самопожертвование, когда вам приходится покидать своих жен, мужей и детей из-за Бугтизма (прим. пер. Бугтизм — эквивалент Буддизма в книге). Это позабытое искусство, на которое всем плевать.

Толпа взревела.

— Даааааа! — Аксель поднял пустую рюмку и закричал вместе с ними.

— Что ты творишь? — усмехнулась Фейбл.

— Нам придется влиться в толпу, притвориться, что мы такие же как и они, — объяснил Аксель. — Кроме того, Джорджи такой клевый.

— Люди в наши дни помешаны лишь на вампирах..., - Джорджи продолжал речь.

— Переоценено....

— И призраках, — сказал Джорджи.

— Глупо...

— И придурковатых лунных демонов, которые называют себя оборотнями, — добавил Джорджи Порджи.

— Слишком волосатые!

— Ненавижу оборотней, — произнес Джорджи и все с ним согласились. — Они

слишком претенциозные, ни на что не годны, и меня пугает то, что люди их бояться, когда им всего-то нужно подстричь у парикмахера свои длинные патлы, — Джорджи выпил свой напиток и тут же заказал еще один. На этот раз это были уже не Детские Слезы, в противном случае, Локи бы схватил их и убежал.

Джорджи громко рыгнул, и толпа рыгнула в ответ. Локи и его друзья зажали носы пальцами. Вышло довольно пахуче, и они бы просто не вынесли.

— Подобные вещи меня конфузят, — отозвался Аксель с зажатыми на носу пальцами, по звуку напоминая сломанную трубу. — Не знаю, что лучше сделать, зажать нос пальцами от запаха или закрыть руками уши, чтобы не слышать ора этих ребят?

— Мы — Бугимены! — объявил Джорджи, как бы говоря "Мы — Чемпионы". — Мы самые страшные, самые примитивные монстры на земле... и мы гордимся этим, — Джорджи наблюдал, как толпа послушно кивала. — Ох, ребят, мы гордимся собой. Мы появились здесь задолго до остальных монстров. Мы появились с тех самых пор, как человек изобрел такую клевую штуку как шкаф и кладовка. Следовательно, человек создал нас по своему собственному желанию, — толпа согласилась. — А затем, они стали придумывать нам имена, снимать о нас фильмы и преуменьшать наше значение.

— Но зато мы пугаем их детишек, — выкрикнул кто-то из толпы.

— У глупых людей глупые дети, — ответил Джорджи. — Знали бы они, как трудна наша работа...

Толпа согласно закивала.

— Мы работаем на износ и всю ночь напролет, время, когда все отдыхают и спят, — произнес Джорджи. — Каждый Бугимен проводит все ночь, запершись в шкафу, дожидаясь нужного момента, когда ребенок остается в комнате один одинешенек, чтобы мы смогли сделать свою работу и напугать его, — Джорджи окинул взглядом всех своих приятелей — Бугименов. — Неприятные дети!

— Да! — крикнул кто-то.

— Человеческие дети ужасны! — поддакнул другой.

— Мне нужно было снять это на камеру, — промолвил Аксель. — Я бы вполне мог выиграть Нобелевскую Премию, разместив все это на форуме.

— Эти человеческие дети настоящая заноза в заднице, — объяснил Джорджи. — Они никогда не лягут спать во время, пока родители им не скажут. Они любят спать при свете, тогда как наши страшные чары работают только во тьме. В наши дни детей не так-то легко напугать, они смотрят все эти кровавые страшилки. Поэтому нам приходится ждать всю ночь, издавая жуткие звуки, нашептывая из шкафа, скрипя дверцами...

— Даже эти способы порой не срабатывают, — перебил Джорджи Бугимен. — Они частенько смазывают дверцы шкафов.

Все согласились с ним.

— Я тебя понимаю, — Джорджи ударил себя рукой в грудь. — Весь этот ад через который мы проходим, и все ради чего? — произнес Джорджи, вытаскивая рюмку наполненную Детскими Слезами.

Локи и остальные поднялись на цыпочки, выискивая пути к отступлению. Но разве от Бугименов сбежишь? Если им и удастся, те будут преследовать их каждую ночь до конца их жизней, или им что теперь, жить без шкафов?

— И почему мы до сих пор занимаемся этим? Ради этого! — Джорджи поднял стакан Детских Слез в воздух, глядя на него, словно это был Святой Грааль. Остальная толпа тоже

подняла свои рюмки с Детскими Слезам в воздух.

На мгновение, взгляд Джорджи затуманился от слез, да и атмосфера в Шкафу стала напряженной. Где-то рыдала парочка Бугименов.

— Теперь Детских Слез полно, — сказал Аксель.

— Больше чем нам нужно было, — продолжил Локи.

— А я недоумеваю, почему Бугимены такие огромные, — произнесла Люси. — Разве это не доставляет неудобство тому, что живет в детском шкафчике?

— А меня удивляет, зачем им нужно столько Детских Слез, — сказала Фейбл.

— Но, в конце концов, мы всегда добываем слезы, — лицо Джорджи изменилось и его пиратское поведение вернулось. Он произнес тост и все снова чокнулись стаканами. — Всегда помните наш девиз, — произнес Джорджи, сияя счастливыми глазами.

— Спуки- Вуги-Бу! — выкрикнул он и выпил Детские Слезы.

— Спуки-Вуги-Бу! — поддержал другой Бугимен и тоже выпил.

— Какая напрасная растрата слез, — пробормотал Аксель. — Они нас к себе не пригласят?

— Мы для них слишком мелкие, чтоб нас заметили, — сказала Фейбл. — Спуки-Вуги-Бу! — закричала она, поднимаясь на цыпочки, но ее никто не услышал.

— Это было так буу, — отозвался Джорджи, стукнув рюмкой по барной стойке.

— Полагаю, «буу» означает фантастично или что-то подобное, — объяснил Аксель.

— Что за ночка! Пусть музыка играет вновь, — закончил Джорджи свою речь.

Настал тот самый момент для Локи и его друзей поговорить с Бугименом.

— Приветик, ты Джорджи Порджи? — приблизилась к нему Люси. Она была выше всех, будучи на высоких каблуках. — Я — Люси, — нетерпеливо произнесла она.

— Ну, конечно же, так и есть, — флиртовал Джорджи.

— Люси Румпельштейн.

— Оу, — произнес Джорджи. — Не знал, что у старика Румпа такая красивая дочурка как ты.

— Благодарю, — расцвела Люси. На памяти Локи, такой он видел ее в первый раз. — Мне нужно немного Детских Слез. Мой папочка сказал, что я могу попросить у тебя чуть-чуть.

— Детские Слезы? — подозрительно пробормотал Джорджи. — С чего бы они понадобились такой красивой девушке? Хочешь вступить в Бугтизм? (приме. пер. Думаю Бугименский эквивалент Буддизма)

— Я, нет, — ответила Люси.

— Боже, потому что в этом ты была бы отвратительна, — прокомментировал Джорджи. — Так зачем вам понадобились Детские Слезы. Мы трудимся изо всех сил, чтобы добыть их, и впустую мы их не тратим.

— Говорят, они помогут мне проникнуть в кое-чей сон, — неохотно ответила Люси, ожидая, что Джорджи посмеется над ней.

— Полагаю, они нужны затем, чтобы контролировать сон, — на полном серьезе отозвался Джорджи, и Локи удивило, что он знал о подобных тонкостях.

— Да, — ответила Люси. — Я и не знала, что ты в курсе о...

— Охоте за Сновидениями? — закончил Джорджи. — Вообще-то не очень, но кое-что знаю. В последний раз, у меня просили Детские Слезы, чтобы войти в сон, лет сто назад.

Никто из них не знал, правда ли это, или всего лишь очередная шутка Джорджи. Он

залпом выпил еще рюмку и поднял свой бокал, говоря:

— Спуки-Вуги-Бу!

— Так мне можно взять Детских Слез? — спросила Люси. — Думаю, одной из этих рюмок было бы достаточно.

— Неее, — возразил Джорджи. — Детские Слезы для снов другие. Она по-крайней мере должны быть столетней выдержки. У меня в кабинете есть немного. Следуйте за мной.

Они прошли за ним в боковую комнатку, которую он сразу же запер изнутри. Она была полна сувениров и бутылочек, как они предположили, наполненных Детскими Слезами. На некоторых бутылочках стояла дата... некоторые были 1812 года. Некоторые же были помечены как «мальчики» или «девочки». Потом пошли этикетки с наистраннейшими пометками: «неприятные», "печальные", "слезы счастья" и "хрен добудешь". У одной из стен стоял шкаф. Он был открытый и пустой.

— А для чего нужен тот шкаф? — Люси стало любопытно.

— Я там сплю, — ответил Джорджи. — Вампиры спят в гробах. А Бугимены в шкафах.

Фейбл окинула комнату любопытным взглядом, пока не увидела нечто, что сильно ее расстроило. В комнате был заперт малыш. Это была девочка и она спала.

— Кто это? — спросила Фейбл.

— Чья-то дочь, — ответил Джорджи. — Я украл ее, чтобы тренироваться.

— Тренироваться? — нахмурился Локи. — Ты имеешь в виду...

— Да. Да, — ответил Джорджи, выискивая для них бутылочку Детских Слез. — Бугимену нужно практиковаться.

— Это ужасно..., — крикнула Фейбл, прежде чем Люси закрыла ей рукой рот.

— Ну, конечно же, тебе нужно практиковаться, — сказала Люси.

Локи и Аксель обменялись взглядами, разрываясь между спасением ребенка и добычей Детских Слез.

— Так ты время от времени пугаешь ребенка? — спросил Аксель. — Ты это подразумеваешь под практикой?

— Вы ведь еще не видели устрашающего облика Джорджи Порджи, верно? — спросил Джорджи.

— Ну, конечно же, еще не видели, но с радостью посмотрим, — сказала Люси, практически задушив Фейбл.

Вспыхнув, Джорджи стиснул руки в кулаки и его лицо начало превращаться в чудовищное, выдохнув ужасающий запах, присущий таким как он. Поначалу, они все отпрянули, пока его лицо трансформировалось, но потом Фейбл начала смеяться. Чудовищное лицо Джорджи выглядело скорее комичным, нежели пугающим. Его один глаз действительно был безобразен, болтаясь из под повязки, словно игрушка Йо-Йо, его нос напоминал пустой вафельный стаканчик из под мороженого, а его щеки надулись как воздушные шары. Но он вообще не был страшным. Единственное, что в нем было ужасного, так это запах.

— Фейбл! — закричал на нее Аксель, боясь огорчить Джорджи. Не смотря на то, что для них он выглядел смешно, может ему все же удавалось пугать детей... Акселя он определенно пугал.

Джорджи не огорчился на реакцию Фейбл. Он был печален и расстроен.

— Думаешь, я не страшный?

Фейбл отрицательно мотнула головой, сложив руки на груди.

— Тогда посмотри на это, — сказал Джорджи. — Я покажу, какой я страшный.

Джорджи подошел к детской колыбели и закричал в лицо ребенку, снова превращаясь в уродливого монстра. Дитя проснулось и вперило сонным испуганным взглядом на него на какое-то мгновение. Секунду спустя, ребенок разразился заливистым смехом, болтая ножками.

— Нет! — Джорджи мотнул головой, возвращаясь в нормальный облик. — Не могу в это поверить.

— Ну, ты и лузер, — произнесла Люси, разочарованная тем, что злодей, который ей понравился, оказался не таким уж и страшным, как он из себя корчил. — А остальные Бугимены про тебя знают?

— Пожалуйста, не говори никому, — Джорджи превратился в слабого, инфантильного мужчину, умоляя Люси на коленях. — Они не должны узнать обо мне настоящем. Они думают, что я самое злое существо на земле, и я хочу, чтоб так продолжалось и дальше. Не знаю, почему я такой. Я унаследовал Лидерство над Бугименами от своего отца, но мне никогда не удавалось пугать детей, — он оглянулся на ребенка в колыбели. — Эти проклятые неприятные детишки.

Дитя снова зашевелило ножками и улыбнулось, когда Джорджи посмотрел на него.

— Не стоит грустить, — успокаивала его Фейбл, счастливая, что может говорить ему все прямо в лицо, с тех самых пор, как он упал на колени. — Ты должен быть рад. Дети тебя до смерти обожают. Я имею в виду, посмотри, — Фейбл постаралась завладеть вниманием ребенка, но его счастливые глазки всецело сосредоточились на Джорджи. — Она тебя обожает. Ты ее совсем не пугаешь.

— Но для меня это проклятие, — пожаловался Джорджи, поднимаясь. — Я испробовал все что мог. Я прочел все книги по злу. Я тренировался из всех сил, а все дети, что видят меня, только смеются.

Локи и Аксель проглотили смешки. Фактически, Локи подумал, что он не смеялся последние два дня столько, как сейчас над Бугименом. Это определенно был не тот Бугимен, который украл кукурузные хлопья Акселя, когда тот был ребенком.

— Ты — хороший человек, — настаивала Фейбл и взяла его за руку.

— Патетичный, — Люси сложила руки на груди. Мужчина ее мечты оказался смехотворным и добросердечным.

— Продолжайте думать обо мне как и сейчас, но не дескредитируйте меня, — произнес Джорджи. — Мне нужно сохранять репутацию.

— Не волнуйся, — ответил Локи. — Не будем. Ты всегда будешь Джорджи Джорджи, от которого в страхе рассыпаются детишки. Нам всего лишь нужны Детские Слезы и мы исчезнем.

— Спасибо, — поблагодарил Джорджи и передал Локи бутылочку Детских Слез столетней выдержки.

— Ты и вправду одурачил меня, чувак, — сказал Аксель. — Ты был близок к тому, чтобы стать моим страшным идиолом.

Неожиданно, дверь распахнулась, и вошел Плакса. Джорджи тут же подскочил и вытер слезы разочарования.

— Что случилось? — наигранно разозлился Джорджи. — Разве я не говорил стучать трижды и говорить «Спуки-Вуги-Бу» прежде чем войти?

— У нас ЧП, — Плакса опустил глаза, выказывая Джорджи свое уважение.

— Что еще за ЧП? — спросил Джорджи.

Плакса поднял было голову, чтобы ответить, но потом увидел улыбающегося ребенка, который болтал ножками.

— Это что, счастливый ребенок? — ткнул он в него пальцем, ужаснувшись, словно это был сам дьявол.

— Ага, так и есть, — усмехнулась над ним Фейбл.

— Я думал, ты на нем практикуешься, так что ты можешь заставить его плакать как никого на свете, — обратился Плакса к Джорджи.

— Нет, он не смеется, — перебил его Аксель, делая все возможное, чтобы не выдать Джорджи. Как у главы Бугименов в комнате мог быть смеющийся ребенок? — Аксель оскалился на малышку и на мгновенно начала плакать. Локи закатил глаза, отмечая, что не только животные ненавидят Акселя, но и маленькие дети тоже. — Видишь? — сказал Аксель Плаксе. — Это все твое воображение.

Плакса почесал затылок.

— Может Детских Слез перепил, вот и мерещится всякое такое.

— Так что за чрезвычайная ситуация? — настаивал Джорджи.

— Снаружи Бульварды, — ответил Плакса.

— Что? — воскликнул Джорджи. — Как они посмели прийти в Шкаф?

— Они сказали, что ищут Локи Блэкскара, — сообщил Плакса.

— Блэкстара, — поправил его Локи.

— Почему они тебя ищут? — спросил Джорджи.

— Они от меня без ума, — ответил Локи.

— Они говорят, что не хотят с нами неприятностей, — объяснил Плакса. — Им нужен паренек и его друзья из-за каких-то давнишних дел, которые необходимо уладить, и тогда они уйдут.

— Эти оборотни что о себе возомнили, думают, могут прийти к Джорджи Порджи и взять все, что им заблагорассудится и свалить? — произнес Джорджи. — Да ни вовек.

— Ты хоть понимаешь, что тут произойдет резня между Бугименами и Бульвардами? — спросил Плакса.

— Мне плевать, — прорычал Джорджи. — Я — Джорджи Порджи, и я ненавижу этих сказочных, уродливых оборотней.

Джорджи распахнул дверь и вышел наружу, остальные последовали за ним. В Шкафу становилось жарко. Два племени стояли друг напротив друга, в то время как Локи обнаружил, что он и остальные оказались посреди всего этого.

— Спуки-Вуги-Бу! — Бугимены сжали руки в кулаки, демонстрируя оборотням свои уродливые лица... все, за исключением Джорджи.

— Ауууууу! — взвыли Бульварды в другой стороне бара, во главе с Ульффриком Мунклоу, Плохишом и Пошляком.

— Это же все не на самом деле происходит? — произнес Аксель, зажимая нос от ужасного запаха.

— Мы здесь не для того, чтобы разжигать войну, Джорджи, — сказал Ульфрик. — Мы пришли за тем парнишкой, Блэкстаром. Передай его и его друзей нам. Они для тебя ничего не значат.

— Ульфрик, малыш, — Люси прыгнула в объятия к своему приятелю-оборотню. — Надери его буги-задницу. Этот Джорджи пытался поцеловать меня.

— Сейчас это не происходит на самом деле, — пробормотал Аксель, пытаясь спрятать лицо в ладонях.

— Никто не в праве приходить в Шкаф и оскорблять меня, — произнес Джорджи. — Если вы сейчас же не уйдете, мы немедленно сожрем всех и каждого.

Один из Бугименов показал на Фейбл, которая выносила на руках ребенка из комнаты Джорджи.

— Значит, ты не позволяешь оборотням приходить и забирать все что вздумается, зато разрешаешь этой паршивой ведьме уносить своих детей? — Плохиш насмеялся над всеми Бугименами.

— Это не его ребенок, — прокричала Фейбл. — У него есть родители, и он принадлежит им.

Локи увидел, как Джорджи покраснел. Выходка Фейбл выставила его перед всеми в довольно неприглядном свете.

— Ты что, позволишь ей забрать ребенка? — спросил другой Бугимен у Джорджи.

Булльварды начали смеяться над Джорджи.

— Сделай же что-нибудь, Локи, — сказал Аксель. — Эти два клана сожрут нас живьем.

— Фейбл? — Локи оглянулся на нее.

— Локи, — в ответ она нахмурила брови. — Ты же герой. Ты мог бы помочь мне отвести этого ребенка к его родителям.

— Может нам сперва самим добраться до дома? — предложил Аксель, когда оба клана начали к ним приближаться. Джорджи не собирался ничего предпринимать, в противном случае он бы дескредитировал себя.

— Локи? — повторил Аксель. — Ты же падший ангел. У тебя должна быть какая-нибудь сила, чтобы что-то сделать.

— Я не падший ангел, — Локи стиснул зубы. На мгновение, он перестал понимать, как же так получилось, что он оказался посреди всего этого. Как во всем огромном мире он попал сюда, застрял между Булльвардами и Бугименами? Как его миссия стала еще сложнее?

— Ора Педора, — пробормотал Локи себе под нос, снова стискивая Аликорн, надеясь, что эта бесполезная штукавина каким-нибудь образом поможет.

Может эта волшебная палка поможет мне исчезнуть.

Но Локи было виднее. Исчезновение никогда не работало. Ему вечно приходилось сталкиваться со своими проблемами лицом к лицу. Даже не смотря на то, что он обладал волшебной палочкой, было бы трусостью с его стороны использовать ее, чтобы исчезнуть.

— Ульфрик, — серьезно произнес Локи. — Это между нами: мной и тобой. Не вмешивай сюда Фейбл и Акселя.

— Оу, — поддразнивал его Мунклоу. — У нас тут объявился герой. Ауууууу!

Булльварды начали смеяться, в то время как Бугимены приближались. Выхода не было.

— Слишком поздно играть в героя, — произнес Плохиш. — Если до тебя не доберутся Булльварды, то это сделают Бугимены.

Локи обернулся и Бугимены засмеялись и над ним, потирая руки, готовые съесть его живьем, или по-крайней мере наказать их за попытку Фейбл вернуть ребенка обратно родителям.

— Я начинаю задыхаться, — запаниковал Аксель. — У меня такое ощущение, что я заперт в комнате, комнаты которой смыкаются.

Локи притянул к себе Фейбл.

— Выше нос, Аксель, — произнес Локи. — Мы сразимся с ними.

— Как так? У тебя еще осталось немного Магической Пыли?

— Не тут, — ответил Локи. — Придется нам использовать свои кулаки.

— Ну и какой ты герой после всего этого? — спросил Аксель.

— Мне жаль разочаровывать тебя, — Локи покачал головой. — Я просто парень, который пытается найти дорогу домой.

— Не раскисай, Аксель, — сказала Фейбл, оба клана на мгновение отступили. — Ты можешь это сделать, а потом я смоюсь и спасу ребенка.

Как только все трое приготовились драться с обоими ужасными кланами, над их головами пролетел попугай, с прекрасными зелеными перьями и желтым телом.

— Я — Пиквик, — сообщил он Плохишу, паря над ним. — И я... надеру тебе задницу!

У Локи на лице расплылась большая улыбка. В тот же самый момент в бар вошел Чармвилль, покуривая трубку. На нем был плащ с капюшоном, он был крут как никогда.

— А ты еще кто такой, старик? — рассмеялся Ульфрик.

— Вопрос не в том, кто я такой, — спокойно ответил Чармвилль, сделав еще одну затяжку. — Вопрос в том, что я могу сделать.

Чармвилль сделал еще одну затяжку и дыхнул огнем в лица Бульвардов, заставляя их отступить назад, чтобы Локи и его друзья смогли сбежать из Шкафа.

— Что это еще за, мать ее, мерцающая трубка? — Акселю пришлось остановиться и спросить у Чармвилля. Локи толкнул его и все трое забрались в Кармен, чтобы уехать, Попугай Пиквик летел над капотом. Они устремились к Сахарному Домику, и Локи с нетерпением ожидал там встречи с Чармвиллем.

Следуй За Своей Звездой

Уже в Сахарном Домике, Фейбл пригласила Чармвилля войти и предложила испечь для него свежих Свиченюшек. Чармвилль сердечно поблагодарил ее, но ответил, что хотел бы поговорить с Локи на улице. Несмотря на то, что Фейбл была разочарована — она не стала спорить. Ей хотелось бы разузнать побольше об опекуне Локи. Она хотела задать ему вопросы о происхождении Локи, о его историях про Изгнание с Небес, Белоснежке и силах Чармвилля, и о том, почему же он не находится постоянно рядом с Локи. Однако, из-за своей вежливости, она не осмелилась задать ему все эти вопросы. Между прочим, ее все еще забавляло кормление Пиквика.

Аксель так и не добился у Чармвилля ответа по поводу его Дыхания Дракона, или как он смог заполучить такую офигенную силу. Вместо этого, Локи заставил его поработать над Аликорном. Но сколько бы раз Аксель не произносил "Ора Педора", ничегошеньки не происходило, так что он решил сделать себе сэндвич Синдирела-Моцарела и съесть Сопротивляющееся Желе на десерт.

Локи подстерег Чармвилля снаружи, чтобы поговорить.

— Я рад, что вы появились, — произнес Локи. — Думал, что вы никогда не навестите меня в Скорби.

— Ну и сколько еще раз, по твоему мнению, я должен тебя спасать, а, Локи? — сказал Чармвилль, убрав руки за спину.

— Знаю, виновато опустил глаза Локи, несмотря на то, что Чармвилль даже и не смотрел на него. Он разглядывал звезды, — Я должен уметь справляться сам, и, кроме того, как много раз передо мной стоял сложный выбор, возможность выбора сбивает меня с толку.

— Думаешь, что не перед кем, кроме тебя, не стоит возможность выбора? — уставившись на Локи, Чармвилль раскурил трубку.

— Но все вокруг не похожи на меня, — объяснил Локи.

— О, то есть ты думаешь, что ты отличаешься от остальных?

— Конечно, отличаюсь, я — другой, — возразил Локи, зная, что Чармвиллю порой нравилось его поучать. — Я был брошен в этот мир, не зная, кто я или кем был. Ах да, мне же все рассказали; что мне нужно убить девяносто девять вампиров, чтобы вернуться обратно домой, в то место, о котором я даже ничего и не помню. Так не честно. Это уж слишком. Я не хочу быть героем. Не хочу помогать никому кроме себя. Я делаю все это чтобы вернуться домой, откуда, по твоим словам, я был изгнан за любовную связь с демоницей. Я ничего не понимаю, Чармвилль, — Локи стеснялся своей слабости, ведь Чармвилль ждал от него совсем не этого, — Я извиняюсь за свой тон, но я действительно не все уяснил.

— Говори конкретно, что именно ты не уяснил? — спросил Чармвилль.

— Почему я нахожусь здесь? — задал вопрос Локи, — Знаю-знаю, что ты расскажешь мне о том, что все происходящее лишь последствия моего поганого выбора, и я должен сделать все, чтобы вернуться домой. Но все то, что произошло в Скорби, перевернуло мои мысли вверх дном. Я начал ощущать то, чего никогда раньше не ощущал, и это сводит меня с ума, — Локи поднял глаза, чтобы посмотреть на Чармвилля, будто прося о подсказке.

— Что-то вроде заботы о друзьях, таких как Аксель и Фейбл? — Чармвилль закурил свою трубку.

— Что-то вроде этого, да, — ответил Локи.

— Почему тебя так беспокоит появление друзей?

— Я не обеспокоен. По правде говоря, что может быть лучше настоящих друзей, о которых заботишься ты, и которые заботятся о тебе? Это смущает меня, но одновременно с этим мне кажется, что я совершенно не должен быть смущен. Но я не отсюда, я не принадлежу здешнему миру. Я ненавидел простых смертных до того момента, как вошел в Скорбь. Мне даже показалось, что это...,- Локи пожал плечами, — Будто это...

Чармвилль склонил голову так, будто зная то слово, которое чуть было не сказал Локи.

— Дом? — догадался он.

Локи кивнул. Он даже не мог произнести этого.

— И почему тебе так трудно сказать это? — удивился Чармвилль. — А, помню. Ты не хочешь обрести дом здесь, поскольку я рассказал тебе о другом твоём доме.

Локи снова кивнул.

— Прошу, поставьте себя на моё место, Чармвилль. Мне просто необходимо вспомнить кто я такой. Я схожу с ума, ничего не зная о своём прошлом.

— Ты больше заинтересован узнать своё прошлое, нежели своё будущее? — Чармвилль деловито выдохнул облачко дыма.

— И что это за вопрос? — спросил Локи.

— Очень простой, — произнес Чармвилль, — Так ли важно то, кем ты был и где был твой старый дом, если ты обрел новый и нашел верных друзей, готовых помогать тебе? Что же важнее, прошлое или настоящее?

— Вы утверждаете, что моё будущее важнее моего прошлого? — возмутился Локи.

— Я ничего не утверждаю. Я лишь спрашиваю, а все ответы кроются внутри тебя, — ответил Чармвилль.

— Послушайте. Я не могу дать правильных ответов о том, как все должно быть, — сказал Локи, — я просто схожу с ума от того, что я абсолютно не знаю своего прошлого. И я даже злюсь на Аксея с Фейбл за то, что они точно знают кто они.

— С чего ты взял, что они знают, кто они на самом деле такие? — спросил Чармвилль.

— Что вы имеете в виду? — Локи выглядел так, словно ему в лицо кирпичом двинули. Не то чтобы он расспрашивал об особенностях Аксея и Фейбл прежде. Но он уяснил, что это не его дело, раз уж ему суждено покинуть Скорбь.

— Оглянись вокруг, Локи, — Чармвилль медленно вдыхал ночной воздух, разглядывая закоулки Скорби, — а ведь это необычное место; оно может легко одурачить и показаться маленьким городишкой. Что может быть ещё безумней, чем городок внутри города под названием Ад, городок к Востоку от Солнца и к Западу от Луны, городок, в который можно попасть лишь на Поезде Последствий? В нём обитают сказочные вампиры, оборотни, Бугимены из детских песенок..., - Чармвилль бросил на Локи взгляд сияющих глаз, — самое сумасшедшее на свете меню, — он вытащил пакетик Сладких Липких Косточек, подозвал Пиквика и дал ему одну. Попугай закрыл глаза и простонал, слизывая с нее карамель.

Локи потерял дар речи.

— Так значит, в этом городе, где возможны даже самые безумные вещи, люди знают кто они такие на самом деле? То есть вы имеете в виду...

— Большинство из них не знают, кто они такие, — пояснил Чармвилль, — их послали сюда так же, как и тебя. Просто они забыли об этом и приняли эту действительность.

— Значит ли это, что у всех них есть другой дом? Как так?

— А вот на этот вопрос я пока что не могу тебе ответить, — произнес Чармвилль.

— Почему? Я хочу знать, — пожаловался Локи. — Почему бы вам просто не рассказать мне все, что я хочу знать, не будучи при этом таким загадочным?

— Как же ты сможешь сделать выбор и научиться на своих ошибках, если я тебе все расскажу? Я всего лишь наставник. Я укажу тебе путь, или же его часть, но ты сам должен будешь пройти по нему, Локи. Никто не может выбрать твою жизнь за тебя.

— Я помню, как вы говорили о том, что никто не заслуживает смерти до того, как он узнает правду о своем происхождении, — вспомнил Локи.

— Да, в самом деле, — кивнул Чармвилль, — хочу заметить, что я сказал "о своем происхождении" а не "откуда родом", Локи. Ты — не прошлое, неважно можешь ли ты стыдиться за него или гордиться. Ты — не имя, не взгляд, не походка.

— Тогда кто я такой? — Если бы Локи так сильно не уважал Чармвилля, он бы заорал на него.

— Ты тот, кем ты сам себя выбрал, — спокойно произнес Чармвилль, — все просто.

В этот момент, Локи проглотил все свои вопросы, которые хотел задать. Это прозвучало клишировано, но ему было плевать. Ему сказали, что он тот, кем сам выберет, и это ощущалось просто правильно. Во многом это было облегчением. И даже если Локи до конца не мог понять смысл сказанного, это заставило почувствовать себя свободным от ограничений, от прошлого и того, что ему необходимо было сделать.

— Я понимаю, — кивнул Локи, — речь идет не о том, чтобы найти свой путь домой, а о том, чтобы найти себя.

Чармвилль ничего не сказал. Он только указал номерные знаки Кармен, на которых было написано "Дом там, где Сердце". Локи не был удивлен, когда слово «дом» стало намного видимей сейчас. Он повернулся к Чармвиллю, готовый задать еще больше вопросов.

— Так я здесь не затем, чтобы убить Белоснежку? — спросил Локи.

— Ты ожидаешь, что я стану отвечать?

— Понятно, — отозвался Локи. — Ты не можете ответить, потому что прямо сейчас это мой выбор. Мое решение.

— Хорошо сказано, — подмигнул Чармвилль.

— Но разве мне не нужно чуть больше подсказок, чтобы принять решение? — спросил Локи.

— Единственная нужная тебе подсказка — это твое сердце, — ответил Чармвилль.

— Я все еще слегка неуверен на счет того, что это может значить, — признался Локи.

— Если ты не еще не понимаешь, не уверен точно, и просишь совета, то ищи подсказки во сне Белоснежки.

— Так значит, вы согласны с тем, что мне нужно это сделать, — обрадовался Локи. — Тогда я рад, что у меня есть Детские Слезы.

— У тебя ловко получилось достать их, — сказал Чармвилль, — а Фейбл хорошо поступила, отдав ребенка обеспокоенным родителям. Она умница. Знаешь почему?

— Не особо, но я не могу отрицать того, какая она замечательная, — ответил Локи.

— Она замечательная, потому что верит в свою Чанту. Ей не нужна логика, чтобы действовать. Она поступает так, как велит ей сердце. Она попросту следует за своей звездой, — произнес Чармвилль.

— И прежде чем ты задашься вопросом и начнешь скулить по поводу того, что же такое Чанта на самом деле, позволь мне рассказать тебе кое-что, что уберет тебя от поисков

своей Чанты.

— Правда? Что же?

— Один из предметов, что ты носишь с собой, сдерживает тебя.

— Сдерживает меня?

— Для того, чтобы следовать за своей звездой и для того, чтобы позволить миру сговорится с тобой, дабы ты получил то, чего жаждешь, тебе нужно отказаться от того, чем ты обладаешь все это время, — объяснил Чармвилль. — Он сдерживает тебя от достижения твоих целей, поскольку поглощает твой разум, что в свою очередь отравляет твоё сердце, и сдерживает тебя от тех великих сил, которыми ты обладаешь.

— Предмет? — Локи нахмурил брови. — Какой предмет? — он начал ощупывать карманы, думая о том, что у него при себе.

— Опять же, не могу тебе сказать, — ответил Чармвилль.

— Но это сведет меня с ума, — огрызнулся Локи. — Это Аликорн? Или моя фальшивая пачка сигарет? Что это, Чармвилль?

— Я все покажу тебе, но только когда придет время, — сказал Чармвилль, — но тебе придется хорошенько подумать и избавиться от этой вещицы, либо же, тебе не удастся избежать великого зла.

— Великого зла? Вы имеете в виду в Мире Сновидений?

— Этот сон будет нелегким, Локи, — произнес Чармвилль. — Теперь, думаю, мне пора.

— Не так скоро, — Локи сделал шаг вперед. — Вы еще не ответили на все мои вопросы.

— Это твоя судьба, Локи, — промолвил Чармвилль. — Лишь ты сам можешь вершить ее и ответить на вопросы. Мы увидимся с тобой снова, когда ты, наконец, найдешь свою звезду.

— Но погодите, — заторопился Локи. — Я все делаю правильно? Я имею в виду, я раздобыл Детские Слезы. Вдруг мне нужно что-то еще, чтобы я смог войти в сон, который бы она не контролировала.

— Кто она? — спросил Чармвилль.

— Она? Белоснежка, принцесса вампиров, — Локи пришел в ярость из-за вопроса Чармвилля.

— А кто сказал, что она контролирует свои сны?

— О. Да бросьте, Чармвилль, — сорвался Локи. — Что сейчас вы имеете в виду? Ну конечно же, она контролирует свои сны, поэтому я не могу войти в них и убить ее.

— Разве она не просила тебя спасти ее? — черты Чармвилля не выражали ровным счетом ничего. Локи очень бы хотелось иметь возможность читать меж строк его стареющего лица.

— Да, но это возможно уловка, — сказал Локи. — А если же нет, то от кого ее надо спасать?

— Не от кого. А от чего, — ответил Чармвилль.

— Вы меня окончательно запутали.

— У тебя есть какие-либо соображения по поводу того, что такое "Гениальный Лочи"? — произнес Чармвилль снова своим назидательным тоном.

— "Гениальный Лочи"? Что это еще за такое? Это имеет что-либо общее с моим именем «Локи»?

— Не думаю, — ответил Чармвилль. — Гениальный Лочи — это объект или попросту дух, который обитает в различных местах, особенно в архаичных. Он может быть зловредным или же доброжелательным, зависит от его истории и того, откуда он родом, и

кто вызвал его. Гениальный Лочи — это место, у которого есть душа. Оно умно, оно слышит и может действовать.

— Да? — удивился Локи, думая о том, что это имело общего с просьбой Белоснежки спасти ее.

— Шлосс — это Гениальный Лочи, — ответил Чармвилль. — Да только он злой, заколдованный злой энергией сотни лет назад. У Шлосса есть душа, темная, и благодаря ей, он может действовать. Если ему нужно, он может совершать темные поступки.

— Так Белоснежка хочет, чтобы я спас ее от...

— Шлосса, — ответил Чармвилль. — Она в плену у могущественной силы. Это не говорит, конечно же, о том зло Белоснежка или нет. Это лишь объясняет, от чего она хочет спастись. Поэтому она никогда не покидала его.

— Так все это время это был Шлосс, насылал на нас огромного ворона, контролировал ее сны, а, быть может, контролировал и сам принцессу вампиров? — Локи посмотрел на Чармвилля, ожидая больше ответов.

Чармвилль кивнул.

— Я верю в то, что Белоснежке под силу контролировать свои сны, чтобы ты не смог убить ее, но лишь потому, что она хочет показать тебе нечто в своих снах. Но в тоже время она не сможет рассказать и показать тебе все, то хочет, потому что ее заточили, тебе придется спасти ее.

— А почему я должен входить в ее сны? — поинтересовался Локи, — из-за того, что все ответы находятся именно там?

— Полагаю, что так. А теперь, извини меня, мне нужно уплыть в другой городок, чтобы прочесть сказку детишкам, — Чармвилль бросил взгляд на часы, повернулся и направился прямо в темноту.

Локи тяжело было наблюдать за тем, как тот уходил от него, но он знал, что это неизбежно. Ему было необходимо самому завершить свое путешествие. Хотя, осталась еще одна вещь, о которой ему нужно было спросить его.

— Эй, Чармвилль, что на счет Акселя и Фейбл? — Локи привстал на цыпочки, хотя Чармвилль уже скрылся во мраке.

— Разве ты еще не понял? — раздался голос Чармвилля под покровом ночи, он становился все тише. — Аксель и Фейбл, их отец лесоруб и они живут в Сахарном Домике? Аксель всегда голоден, и ест слишком много сладостей, а Фейбл обожает выпечку. Нет ничего легче узнать, кто они такие на самом деле. Даже их имена: Аксель и Фейбл, рифмуются с персонажами из сказки. Тебе не кажется?

Жемчужная Тюрьма

Ночь распростерла свои крылья и нежно укрыла Шлосс. Несмотря на его красивые жемчужные окна, Локи знал, что Шлосс наблюдает за ними. Он, буквально, ощущал его присутствие и гнев, словно ледяное дыхание призрака на щеке глубокой ночью. От стен Шлосса исходил низкий, слабый гул, дрожь негатива, отравляя воздух в Черном Лесу. Это был тот же гул, который появился, когда Белоснежка сказал ему спасти ее.

— Вы это чувствуете? — Фейбл остановилась, тяжело дыша, словно пыталась общаться с замком мысленно. — Замок не хочет, чтобы мы сегодня приходили. Он знает, что на этот раз мы здесь затем, чтобы помочь Белоснежке.

— Я чувствую, — кивнул Локи, несмотря на то, что идею убийства Белоснежки все еще никто не отменял. Он пообещал самому себе, что войдет в ее сон, чтобы помочь себе принятием решения.

Внутри замка, люстры слегка покачивались над их головами, будто маятники или железная дева, готовая раздавить их в любой момент. (прим пер. Железная Дева — средневековое орудие пыток, представляющее собой железный шкаф утыканный острыми длинными гвоздями). Свисающие кристаллики звякали друг о дружку, словно последний сигнал тревоги для злоумышленников. Где-то поблизости раздались звуки скребущих по стенам когтей, казалось, Шлосс играл с ними. Все в замке — темнице слегка вибрировало: стены, пол, даже воздух, которым они дышали.

— Это место жуткое, — прошептала Люси, становясь у входа позади Локи. Ее голос был необычайно тонок. — Пожалуй, я не буду заходить.

Фейбл шла первой, опережая Локи. Она оглядывала потолок и стены, ее взгляд, казалось, пытался пронзить все это насквозь.

— Как мы упустили из виду, что это место на самом деле темница? Это объясняет, почему Белоснежка никогда не нападала за пределами замка, — произнес Аксель, приблизившись к Люси настолько, насколько это вообще было возможно.

— Что меня удивляет так это то, что твой отец и городской Совет хотят смерти Белоснежки, — Фейбл обернулась к Люси.

Люси бросила на нее хмурый взгляд. Несмотря на то, что вопросов становилось еще больше, Локи не ответил.

Если у Белоснежки не было силы за пределами замка, зачем его наняли убить ее, и почему она была равносильна девяти вампирам? Возможно ли, что городской Совет был в курсе того, что замок был ее темницей? Или же они просто волновались, что не могут никак уберечь подростков от смертельных вылазок в замок?

— Откуда я знаю? — бросила в ответ Люси. — Все что я знаю, он следует приказам городского Совета, и он попросил меня разыскать Локи, потому что Совет каким-то образом поверил в то, что он сможет убить ее, — ответила Люси.

— Как на счет нового директора, который по твоим словам приезжает в Школу Румпельштейна? — спросил Локи. — Ты говорила, что она согласилась принять должность в том случае, если принцесса вампиров будет убита.

— Это правда. Мой отец сказал, что она хотела использовать Шлосс в качестве туристического аттракциона, — ответила Люси.

— Что еще за директриса, у которой такое могущество над городским советом? — спросила Фейбл. — Кто она? Как ее зовут?

— Я не знаю ее имени, — пожалала Люси плечами, — повторюсь, все, что я знаю, это то, что она довольно известная и так — же она станет новым председателем городского Совета.

— Председатель и директриса? Кто такая эта женщина? — Акселью стало любопытно.

— Думаю, я знаю, — Фейбл потеряла подбородок.

Аксель и Локи повернули головы в сторону Фейбл, а та нервно топала ногой.

— Злая Мачеха, конечно же, — объявила Фейбл.

— Мачеха? — фыркнула Люси. — Ты серьезно?

— Ты ж помнишь злую мачеху Белоснежки, которая отравила ее яблоком, — сказала Фейбл. — Каким-то непонятным образом им представилась возможность жить среди нас, и теперь эта мачеха собирается стать директором школы и председателем города. Она желает смерти принцессы, чтобы остаться навеки молодой.

— Ого, — Аксель разинул рот, — в твоей голове полнейший беспорядок, а я еще думал, что со мной что-то не так.

— Какая счастливая семейка, — прокомментировал Люси.

— Вот что я тебе скажу, — начал Аксель, — мы знаем, что Мачеха приезжает в город, в связи с чем, на нашу голову обрушится много забот, так почему бы нам не сходить покушать в **Пузатая и Чудовище**, там мы и сможем обсудить все за обедом.

— Ты прям как заноза в заднице, прекрати, — отреагировал Локи.

— А ты милый, Аксель, — сказала Люси с явным презрением, когда она наконец-то вошла в замок, — Ну и где же наша злобная кровососущая принцесса? — Люси оглянулась. — Тук, тук, — звук ее каблучков по мраморному полу отзывался эхом. — Зеркальце, зеркальце, — произнесла она с усмешкой, — Кто страшнее всех на свете? — Люси нравилось высмеивать принцессу вампиров.

— Не думаю, что это хорошая идея дразнить ее, — Аксель сделал шаг назад.

— Заткнись, сын лесоруба, — Люси утихомирила его.

Локи было любопытно посмотреть на реакцию Люси после того, как она встретится со злой Белоснежкой. Он не думал, что она так и продолжала бы язвить.

— Шшшшш, — пыталась утихомирить их Фейбл, указывая на лестницу, залитую тусклым светом.

Локи поднял взгляд и увидел Белоснежку. Она была в своем белом платье, парила на самой вершине лестницы, наблюдая за ними. Все задержали дыхание, но когда платье Белоснежки всколыхнулось от обычного прохладного ветерка, Аксель приглушенно всхлипнул.

— Видите? Шутка с зеркалом всегда срывается, — произнесла Люси. Она единственная была непоколебимо уверена в оскорблении живых и... мертвых. Локи не мог не заметить, что у девчонок в Скорби воля была намного сильнее, нежели у парней.

Белоснежка сделала шаг вперед, оказавшись в лучах тусклого света. Ее платье начало истекать кровью, которая липла к ее миниатюрным ножкам, прежде чем она скользнула вниз, паря через каждые три ступеньки. Опять же, она выглядела как марионетка, повисшая на невидимых нитях своего жестокого кукловода... и он, наконец, понял почему. Шлосс стал жемчужной тюрьмой Белоснежки. Он контролировал ее. Самый главный вопрос был в том: *"Почему ее заточили на сто лет и кто?"*

Локи схватился за кол, когда она скользнула на последнюю ступеньку. Не смотря на то,

что он знал, что она пленница, было нелегко довериться ей, когда вены испещряли ее руки и шею, покрывая бледное лицо. Ее глаза превратились в две дыры, заполненные черной нефтью, и впервые за все время, по ее щекам потекли слезы... черные слезы.

— Ну и уродина, — выпалила Люси.

Окровавленные ноги Белоснежки приземлились на пол. Она начала приближаться к Локи, оставляя за собой кровавые следы. Она не показала гнев или намеренную враждебность. Что-то водянистое капало на пол позади Локи. Это был Аксель, он пускал слюни. Локи почти расслышал, как сколотится сердечко Фейбл, словно оно было его собственное. Она смотрела на свою любимую принцессу вампиров взглядом, полным ужаса. Белоснежка всегда была идолом Фейбл.

— Не смей приближаться ко мне, злобная принцесса! — проворчала Люси. — Я только что сделала маникюр и укладку волос.

Белоснежка лишь единожды рыкнула на Люси. Она сделала это, выглянув из-за плеча Локи, и Люси вцепилась в руку Акселя. Даже Аксель, кто по-нормальному хотел спасти Люси, не был счастлив по этому поводу. Иногда страх может настолько парализовать, что любовь не может преодолеть его...то, что Аксель чувствовал по отношению к Люси напоминало любовь.

— Не нужно быть такой грубиянкой, — огрызнулась Люси. — Я знаю, что ты у нас чемпионка по няшности. Он весь твой, — она ткнула пальцем в Локи. — Только не вздумай кусаться на первом свидании.

Белоснежка...очень мертвая ее версия... была всего лишь в дюйме от Локи, ей удалось произнести слова лишь со второго раза.

— Ты здесь, чтобы убить меня? — спросила она.

Локи очень бы хотелось, чтобы она не говорила, потому что она сделала это на манер невинной шестнадцатилетней девушки, чей голос был более нежным и живым, с намеком на приключения. Это смутило его, он попытался связать этот голос с ее ужасным видом. Он колебался, прежде чем ответить. В конце концов, он все еще не знал, зачем он оказался здесь, перед ней. Убить или помочь ей, отправиться обратно домой или же остаться в Скорби?

Фейбл, не смотря на шок, попыталась подать Локи знак рукой из-за спины Белоснежки, подсказывая, чтобы тот ответил, что он здесь не затем, чтобы убивать ее.

— Ты здесь, чтобы убить меня, Локи? — повторила Белоснежка без единого намека на гнев. Она была просто милой девушкой его возраста. С тем же успехом она могла спросить его, что ему больше нравится: розовая или желтая сахарная вата.

В другом мире, в другой жизни, Локи, быть может, пригласил бы ее на свидание и они бы сходили вместе в кино, взяли немного попкорна, и украдкой поцеловались бы во тьме кинотеатра. Когда она произносила его имя, он ощущал..., что они так близки, словно он знает ее уже очень давно.

Конечно же, я давным-давно знаю ее. Как и другим детям, каким-то образом, по-видимому, моя мать рассказывала мне ее сказку, когда я был ребенком. Даже не смотря на то, что я не помню своего прошлого, подобные сказки должно быть глубоко укоренились в моей душе.

Хотя Локи никогда не верил в сказки, он все же не мог закрыть глаза на то, какое значение и влияние они оказывали на жизни людей. Трудно не встретить кого-то, кто слыхом не слыхивал о сказке про Белоснежку, но зато вполне возможно, что люди ничего не

знали про ту или иную религию, страну или блюдо. Когда дело доходило до сказок, все знали их, словно они были одним единственным языком, который объединяет мир. Локи внезапно понял, почему Чармвилль называл свою книгу "Книга Красивой Лжи", как одну из самых важных книг человечества. Если мир не соглашался с какой-либо религией, или национальностью, или даже с точкой зрения того, что добро, а что зло, со сказками соглашались все.

— Нет, он здесь не за тем, чтобы убить тебя, — наконец ответила Фейбл от имени Локи. — Он хочет знать, как ты умерла, — продолжила Фейбл. Белоснежка даже не обернулась. Она продолжала пристально смотреть на Локи этими своими черными глазами. — Он хочет знать, как тебя сотворили, — пожала плечами Фейбл. — Такой, какая ты сейчас....

— Не то чтобы с тобой было что-то не так, — Аксель ударился в лесть, словно волшебник, достающий кроликов из шляпы. — Фактически, ты выглядишь..., - Не смотря на то, что Аксель нисколько не возражал полицемерить, чтобы спасти свою жизнь, он не смог заставить себя сказать, что она прекрасна. Он так громко пожал плечами, что эхо прокатилось по замку.

— Такой грязной, — выпалила Люси. — Принцесса...

— Не слушай их, — перебила Фейбл. — Мы здесь, чтобы помочь тебе. Мы знаем, что здесь что-то не так..., - Фейбл огляделась, боясь, что оскорбила замок.

— Мы знаем, что с замком что-то не так, — прошептала она. — Мы знаем, что ты спасла нам жизни... жизнь Локи. Ты спасла нас, теперь, позволь нам помочь тебе. Позволь Локи проникнуть в твой сон, не контролируя его.

Хоть глаза Белоснежки не изменились, в них мгновенно промелькнул тот золотистый оттенок, когда Фейбл упомянула о помощи. Локи заметил, что такое случалось, только когда она смотрела на него, или ей нравилось то, что она слышала или увидела.

— Это правда? — спросила Белоснежка у Локи, ее голос умолял его сказать «да».

Локи кивнул, лишь раз. Слова намертво застряли у него во рту. Часть из них была о том, что он не хотел ей лгать. Ее убийство по-прежнему было его единственной надеждой на возвращение домой, если он все же предпочтет его, и тем не менее, нелегко было стряхнуть с себя ощущение, которое бежало по венам так долго. Но он по-прежнему хотел войти в ее сон и узнать, что произошло с ней, на случай, если он передумает.

— Ты можешь мне рассказать, что с тобой случилось? — выдавил Локи.

Белоснежка не ответила. Она выглядела так, словно пыталась вспомнить. Ее молчание было даже еще страшнее ее ярости.

— Я не могу, — наконец произнесла она. Это был самый очаровательный момент, когда она опустила голову, будто бы смущенная тем, что не может вспомнить. Ее миролюбивый жест вызвал всеобщий вдох, за исключением Люси.

— Серьезно? Ты купишься на ее штучки? — спросила Люси.

— Как так? — спросил Локи у Белоснежки.

Она подняла глаза, встречая его взгляд, на этот раз они были прекрасно голубыми. Она держала Локи за руки, и он сам обнаружил, что тянется к ней, поэтому он ослабил хватку на Аликорне. Белоснежка смотрела на него, словно искала нечто в его взгляде. На него так никогда прежде никто не смотрел. Он не знал, что это значило.

— Я так много хочу сказать, но не могу, — прошептала Белоснежка. Ее взгляд стрельнул влево, затем направо, в то время как Локи сузил свои. Он бросил взгляд на

потолок, а затем снова на него. Ее глаза говорили ему, что она не может говорить из-за замка, и что ему нужно что-то придумать.

Фейбл снова скользнула за Белоснежку и одними губами произнесла слова у нее за спиной:

— Не думаю, что одних Детских Слез будет достаточно, чтобы войти в ее сон. Нам нужно выбраться из Шлосса и...

Локи не стал дожидаться, пока Фейбл закончит предложение.

— Я заберу тебя отсюда, — сказал он Белоснежке. Ему было плевать на гнев Шлосса, не смотря на то, что он услышал, как стены завибрировали громче, будто бы великан просыпался.

— Не так громко. Шлосс тебя услышит, — скрипнула зубами Фейбл. — Если бы только слушал, все что я тебе говорю, — она закатила глаза.

Замок начал трястись, и глаза Белоснежки снова стали черными. Она оглядела дрожащий интерьер. Она выглядела словно ребенок, который боялся родителей, которые поймают его за очередной проделкой.

— Сейчас же уходи, Локи, — произнесла Белоснежка. — Не думаю, что он позволит мне выйти.

— Нет, — Локи приблизился к ней. — Я войду в твой сон. Я хочу узнать, что с тобой произошло.

— Ты не сможешь, пока я заперта здесь, — закричала Белоснежка сквозь оглушающий грохот Шлосса. Поскольку замок контролировал ее, она в скором времени должна была обратиться в другую свою ипостась; им необходимо было спешить.

— Тогда я вытащу тебя наружу и проведу ритуал там, — настаивал Локи.

— Снаружи я смогу выжить только сорок две минуты или...

— Или что?

— Или этот городишка обратиться в прах, — объяснила она. — Моя душа каким-то образом связана с этим городом. Пока я в замке, город в безопасности. Но если я решусь на это и проведу снаружи больше сорока двух минут, кит, на котором расположен этот город, погрузится в океан, увлекая за собой и весь город.

— Вау, — произнес Аксель. — Лучше держать принцессу в Шлоссе.

— Как это возможно? — спросил Локи.

— Это часть моего проклятия, — ответила она. — Могу я доверить тебе свою жизнь? — она посмотрела прямо ему в глаза, и мир вокруг них разбился на осколки.

— А жизнь города включает и мою! — Аксель ощутил острую необходимость напомнить им об этом.

Это был очень трудный вопрос. "Могу я доверить тебе свою жизнь?" Локи удивился, почему она задала его ему, когда все что ему было нужно, чтобы вернуться домой — убить ее.

Почему я? Почему я вынужден отвечать? Я не хочу прозвучать как хныкающий герой, который не может справиться с препятствиями, но никто не чувствует того, что чувствую я. Мне необходимо узнать, кто я такой. Это то, что нужно каждому человеку. Мне нужно узнать, за что меня наказали и почему меня забросили в этот мир. Мне нужно вернуться домой.

Белоснежка выглядела разочарованной. Как и Фейбл, глядя на Локи из-за его нерешительности.

— Используй Чанту, — подсказала ему Фейбл, указывая на сердце. — На некоторые вопросы нельзя ответить логически. Используй Чанту, как тебе говорила твоя мама, и ты сможешь правдиво ответить ей.

Локи было плевать на Чанту. Он до сих пор не понимал что это такое. Но он знал, что к Белоснежке у него возникло сильное чувство. На этот раз, это не было похоже на то, что у него было с Пипи Лавбаг и остальными демоническими девчонками, что одурачивали его прежде. На этот раз, девушка-демон спасла ему жизни. Если бы ему пришлось выбирать между тем, чтобы узнать, кем он был прежде, и почему Белоснежка спасла ему жизнь, он бы выбрал то, что сейчас было в его власти. Он хотел узнать, почему ее нужно было спасать, и зачем она спасла ему жизнь.

— Ты можешь доверить мне свою жизнь снаружи, — кивнул он, его пальцы прижались в руках Белоснежки. — Я должен узнать твою историю!

Фейбл сделала движение кулаком в воздухе позади Белоснежки. Ей пришлось нагнуться, чтобы увернуться от летящей вазы. Сердитый замок был в миллион раз хуже, чем заклинания Фейбл из колдовских книг из секунд-хэнда. Демоническая трансформация Белоснежки была завершена.

— Заколи ее! — закричала Люси, когда снаружи раздался оглушающий раскат грома и замок задрожал. — Или она прибьет нас всех.

Локи поднял Аликорн и вонзил его в грудь Белоснежке, снова погружая ее в сон.

— Извини, — прошептал он ей на ухо, подхватывая ее, прежде чем она упала на пол, ее руки обхватили его плечи.

Это было поистине поразительно, как ее черные глаза стали обратно голубыми. Двери захлопнулись, стекла на окнах разбились сами собой. Пол под их ногами треснул, а перила превратились в змей, которые тот час устремились к ним. Локи удерживал Белоснежку в своих объятиях, убрав тыльной стороной ладони прядь с ее глаз, затем посмотрел на Фейбл.

— Нам нужно выбираться отсюда, — сказал он. — Мне нужно войти в ее сон.

— Я тебе не говорила, что до парней всегда медленно доходит? Как раз вовремя, — закричала Фейбл.

Локи, Фейбл, Аксель и Люси были близки к тому, чтобы вынести Белоснежку из замка прямо в тонкий луч лунного света. Им нужно было еще приготовить Храм Сна примерно в ста шагах прямо на снегу. Два зеркала друг напротив друга, Круг Эпидавра, и все прочие элементы Локи, которые требовали точности, как и наука.

Аксель и Локи вытащили из разгневанного замка два зеркала к выбранному местоположению. Они установили их друг напротив друга и подперли их двумя тяжелящими шкапами, которые им удалось вынести из замка, не смотря на хлопающие двери, падающие с потолка люстры и ураганные ветры. Фейбл начертила Круг Эпидавра, используя бензин, который Локи сказал ей взять из Кадиллака. Это была не совсем девчоночья работа, но она никогда не переставала удивлять. Она настояла на том, чтобы чертить круг точно по часовой стрелке, что якобы увеличивает мощь заклинания. Она также указала им место для зеркал, чтобы те стояли к Северу и Югу. Не то чтобы об этом было сказано в книге Локи, но он не стал возражать.

Локи принес свои песочные часы, Аликорн и Руно Ариадны, в то время как Люси стояла в сторонке, ничего не делая и, защищала свои наманикюренные ноготки. Через

некоторое время, Люси все же решилась помочь. Она принесла Акселью довольно привлекательный топор со своего квадрацикла. Она предложила им использовать его, если понадобится разбить зеркало, на случай если Локи застрянет в Мире Сновидений. Было довольно впечатляюще, что она запомнила практически все, что объяснял ей Локи в процессе приготовления, и, тем не менее, он был обеспокоен тем, зачем ей понадобился топор на квадрацикла.

Локи гордился своими тремя помощниками, которым удалось таки выучить правила Мира Сновидений и он ценил их помощь ему в качестве Охотника за Сновидениями. Все четверо вернулись назад и взялись за края Хрустального Гроба, который стоял у порога злобного замка. Локи и Фейбл схватились за оба края впереди, Аксель и Люси взяли за края сзади. Земля между замком и Храмом Сна слегка шла в гору, что слегка затрудняло толкать гроб вперед, зато назад будет нести гораздо легче. Было несколько странно, что ледяной пруд, больше подходящий для катания на коньках, разлился над землей. Было опасно, если он треснет и кто-нибудь упадет в ледяную воду. Локи не стал тратить время на вопрос, что если ледяной пруд, некогда бывший твердой землей, тоже был частью души замка. Снова ударила молния. Замок гневно пыхтел. Он издавал такие кипящие и бурлящие звуки, что Локи на мгновение подумал, что он вот-вот взорвется.

— Я понимаю, почему замок на нас сердиться, но вот почему погода становится только хуже? — прокричала Люси, но ее слова потонули в ветре.

— Белоснежка управляет погодой, — предложил Аксель свою версию. — Вы же знаете, что вампиры могут управлять погодой, так?

— Сейчас это не она, — поправила его Фейбл. — Это замок!

— Хватит болтовни, — произнес Локи. — Аксель, отрегулируй время Пробуждения, — закричал Локи. — Поставь через тридцать пять минут. Нам понадобится минут пять, чтобы передвинуть гроб в Храм Сна, и надеюсь, что минут пять, когда я вернусь обратно из сна.

— Готово! — сообщил Аксель.

Руки Локи были ледяными как лед. Ветер был настолько сильным, что он представил себе, что еще чуть-чуть, и он сможет летать по воздуху, как уличный знак, сорванный с основания.

— Если все готовы, — Локи поочередно посмотрел в лицо каждому. — Начали!

Они начали вытаскивать гроб. Если бы у замка были руки и ноги, он бы пустился за ними в погоню, Локи напоследок оглянулся, чтобы убедиться в этом наверняка. Тот взревел, словно внутри него был разъяренный зверь. Локи на секунду подумал, что когда открылись его огромные двойные двери, то стал напоминать пасть Кита, но был не уверен. Звуки, что он издавал, были громкими и оглушительными, а погода стала прямо-таки невыносимой. Тем не менее, им нужно было идти дальше. Небольшой уклон вверх оказался весьма утомительным, лед слегка затрещал под ними.

— Не смотрите вниз, — посоветовал Локи.

Они пересекли Храм Сна и поставили гроб в середину. Локи опустился на колени и приподнял замерзшими пальцами веки Белоснежке, чтобы капнуть ей в глаза по капельке Детских Слез. Ее глаза приняли голубовато-золотистый оттенок, в них мерцали белые огоньки, которые непрерывно двигались, напоминая снег внутри стеклянных сувенирных шаров. Потом он закрыл ей глаза и прикрыл их двумя оболскими монетами.

— Зачем закрывать ей глаза? — спросила Люси.

— Глаза — это окна в душу, — закричал Локи, выплевывая снег. — В этом случае, они

окна в Мир Сновидений. Закрывая их, я не даю злу из Мира Сновидений, проникнуть в наш реальный мир.

— Так какой Инкубатор? — спросила Фейбл, моля о том, что Аксель нашел нужное слово.

— Надеюсь, ты ничего не напутал, Аксель, — произнес Локи. — В противном случае, я войду в сон, не запомнив, где он начинался.

— Не волнуйся, Локи, я все уяснил, — гордо ответил Аксель. — У меня есть оно: слово и дата. Это поможет войти тебе в сон Белоснежки, и ты попадешь прямо туда, где она хочет показать тебе, что произошло с ней.

— Так какое? — нетерпеливо прокричала Фейбл.

— Слово "*Явиги*", — Аксель прокричал, когда молния пронзила небо. — Слово, написанное на полу библиотеки.

— Оно что-нибудь значит? — спросил Локи.

— Это ключ к Миру Сновидений, — ответил Аксель. — Выходит, что Братья Гримм создали Мир Сновидений, *Явиги*, по какой-то причине.

— Что? — спросила Фейбл. — Не понимаю. Что *Явиги* имеет общего с именами Братьев Гримм?

— «Я» это первая буква имени "Якоб", — объяснил Аксель. — «В» и «И» от Вильгельма, его брата. «Г» и «И» взяты из их фамилии «Гримм». Это код, что-то вроде анаграммы.

— И еще раз, кто такие Братья Гримм? — спросила Люси. Все скептически на нее посмотрели.

— Они написали сказку о Белоснежке, — ответил Аксель.

— А в каком году? — спросила Люси, ветер ерошил ее волосы.

— А ты как думаешь? — ответил Аксель. — Сказка была написана в 1821 году, около двухсот лет назад.

Локи приложил Руно Ариадны к зеркалу, наблюдая как по его поверхности пошла рябь. На этот раз рябь сопровождалась мерцающим фиолетовым светом. Локи обернул другую часть руна вокруг своего запястья. Нисколько не смутившись, он все еще слышал разгневанный рев замка за спиной. Затем он лег рядом с Белоснежкой, и прошептал слово *Явигией* на ухо, повторив его три раза. Он увидел, что ее голова слегка дернулась, словно она кивала, будучи во сне.

— Вау, это похоже на волшебство, — произнесла Люси.

— Это и есть волшебство! — прокричала Фейбл. Она стояла, касаясь круга, готовясь бросить добрую пригоршню Магической Пыли в лицо Локи. — Береги себя, Локи. Ты — Великий Охотник за Сновидениями. С этого момента и впредь пути назад уже не будет.

— Не забудь произнести молитву, — напомнил ему Аксель, когда Фейбл подула Магическую Пыль с ладони ему в глаза.

— Ага, — отозвался Локи. — Я произнесу ее про себя, — он стиснул Аликорн и молчаливо понадеялся, что на этот раз он окажется более полезным.

— Эй, — закричали Аксель и Фейбл одновременно, глядя на Локи по мере того, как он становился все более сонным.

— Возвращайся, — произнес Аксель.

— Знаешь, этот мир, который ты так ненавидишь, не так уж и плох, — добавила Фейбл.

Локи сделал глубокий вдох и произнес молитву:

А теперь я спать ложусь.

И коль суждено мне во сне умереть.

Всякому злу я запрещаю

Душой моею завладеть.

На этот раз он не смог заставить себя произнести "*Ты Белоснежке запрети душой моею завладеть*". Он знал, что где-то в Мире Сновидений его поджидало зло, но он не был уверен, что это была она.

Локи затянуло в Дримори Белоснежки; в ее воспоминание о том, как она стала вампиром, и что на самом деле произошло с ней. Отчасти он знал, что это может изменить его и жизни людей в Скорби, навсегда. Мальчик, которого называли лишь Тенью, был близок к тому, чтобы открыть Мир Сновидений и обнажить все его сказочные секреты.

Та, Кому Нужно Повиноваться

Локи открыл глаза во сне Белоснежки. Он знал, что прямо сейчас в реальном мире, его тело выглядит так, словно он в коме, и если что-нибудь в Море Сновидений пойдет не так, он может больше никогда не проснуться. Локи лежал на спине. Не смотря на то, что головной боли не было, как в предыдущем сне, он несколько раз моргнул, чтобы сфокусировать расплывчатое зрение. Он также предпочел не вставать, пока не выяснит, что это за место и убедиться, безопасно ли оно. Где бы он ни был, место было полно горячего пара и это и оказалось причиной его затуманенного зрения. Запах какого-то ароматического мыла наполнил воздух. Поначалу, он подумал, что пахнет спелыми яблоками, затем он также почувствовал цветы, за которыми последовали и другие не менее очаровательные ароматы, включая шоколад, молоко и..... последний запах было трудно распознать, не смотря на то, что он затмевал остальные, но он казался странным для подобного места. Одно для него было очевидным; он был в бане, лежа в ванной на спине.

Когда пар истончился, Локи смог разглядеть фрески на потолке. Ничего подобного он не ожидал, они изображали ужасающие сцены в бане..., очевидно, в той же самой, в которую он и попал. Нарисованные по старинной европейской моде, они изображали молодых прекрасных девушек, которых слуги тащат к огромной ванне, в которой нежится красивая женщина. Ее небрежно привлекательные черты выдают в ней Королеву, даже в ванной. Все вокруг нее склонили головы в почтении... или же в страхе. На ней тонкая золотая корона, вплетенная в золотистые локоны ее волнистых волос. Она купалась в смеси, которая походила на смесь молока и темного шоколадного сиропа. Локи удивился, зачем королева надела в баню корону. Бойтся ее потерять что ли?

Но это была не самая ужасная часть. Это было изображение выпотрошенных как ягнята девушек, которые были разложены вокруг женщины с короной. У каждой на шее алел укус. Их кровь наполняла специальные желобки в полу бани, затем стекая в ванну, которую и принимала Королева.

Локи подскочил на ноги, хватаясь за Аликорн, оглядываясь. Большинство пара уже рассеялось, и стало очевидно, что он находится в той же самой бане, что и на фреске, только следы крови теперь отсутствовали. Однако Локи все еще ощущал ее запах в воздухе. Теперь он понял, что это был за последний запах, который как он еще подумал, был неуместным. Эти желобки в полу выглядели как щупальца спрута, тянущиеся с разных сторон к огромной ванне. Локи выпрыгнул из нее и стал дальше осматривать место.

Баня была выстроена из кремовых кирпичиков. Стены были украшены резными и совершенно удивительными сценами баталлий, которые он уже прежде видел на стенах замка. Голубой и золотой были одними из доминирующих цветов, и почти все вокруг него имело плавные изгибы так или иначе. Словно это место было тщательно вылеплено руками того, кто любит Микеланджело.

Семилетняя версия Белоснежки возникла из туманного пара прямо перед ним. Она держалась ручками за свое белое платье и покачивалась взад и вперед. Ее волосы были длинные и черные, струясь по ее плечам и затянутые сзади красной лентой. Ее глаза были голубыми, подобно чистому летнему небу; губы вишнево-красные, а кожа ослепляюще — белой.

— Так на самом деле это не сон? — удивился Локи. — Это еще одно воспоминание из твоей молодости?

— И то и другое понемногу, — ответила Белоснежка.

— Пожалуйста, не говори мне, что Детские Слезы не сработали, — произнес он, покрепче стискивая Аликорн.

— Не беспокойся по поводу Аликорна, — произнесла она. — Он бесполезен пока ты не увидишь, Локи.

— Увижу что?

— Поверь и тогда ты увидишь, — ответила она.

— Я довольно тупой, когда доходит до загадок, — ответил Локи. — Не могла бы ты пояснить? Шлосс тебя все еще контролирует или как?

Снаружи бани раздался грохот, до них донеслись звуки женского смеха и приближающиеся шаги. Белоснежка бросила озабоченный взгляд на закрытую дверь бани.

— Идем со мной, — приказала она ему, протягивая маленькую ручку и хватая его за руку. — Я не могу рисковать, чтобы *она* увидела тебя, хотя это маловероятно.

— Кто "*она*"? — спросил Локи, когда Белоснежка потащила его, ее босые ножки шлепали по мраморному полу. Она подвела его к маленькой дверце, затем отпустила его руку.

Кто бы ни шел в баню, он чертовски напугал ее. Локи пригнулся и последовал за нею через дверцу. Он снова узнал замок. Это не было для него большой неожиданностью, что они снова оказались в Шлоссе, в котором теперь теснились слуги и посетители. Он выглядел совершенно иначе, словно какой-нибудь другой величественный замок, без намеков на преследование или же зло. Солнечный свет врывается через каждое жемчужное окно и освещал величественную сущность.

Белоснежка снова дернула Локи за руку.

— Идем, — прошептала она. — Я не смогуечно спасти тебе жизнь, даже в своих снах.

Локи сдался и последовал за ней, словно ему семь лет и он в сопровождении своей матери.

— Почему в замке столько людей? — спросил он, увидев часть пейзажа за окном. Он был невероятно очаровательным, повсюду лежал снег, за исключением солнца, которое, казалось, жило бок о бок со снежинками, падающими с голубого неба. Замок стоял на вершине холма, открывая вид на обширный сад, защищенный лебедеобразными воротами, через которые стекались повозки и экипажи.

— Это замок Короля Скорби, — ответила Белоснежка. — За день его обычно посещает довольно много народа. Дождись ночи, и ты увидишь его иную сторону.

— У нас нет времени дожидаться ночи, — сообщил Локи, следуя за ней в темную комнату.

— Знаю, — она зажгла газовую лампу и прикрыла за собой дверь. Они оказались во встроенном шкафу. — Вот почему ты должен привыкнуть ко сдвигу во времени. Это происходит быстро и часто.

— Что еще за "сдвиг во времени"?

— Увидишь, — она уже собиралась выйти, когда вдруг повернулась и притянула его к себе за рубашку. Локи склонился к ней, и она запечатлела поцелуй на его щеке.

— Открой свой сердце, Локи, и пересеки мысленные океаны, — прошептала она, выключая лампу и выходя за дверь, повторила все те же слова. — Только когда ты откроешь

свое сердце, ты все поймешь.

Локи остался в темноте шкафа, чувствуя себя дураком. Немного погодя, он снова открыл дверь, чтобы позвать ее, но вдруг понял, что в коридорах темно и тихо. Наступил вечер.

— Так вот что значит "сдвиг во времени", — пробормотал он. Он подумал, что сдвиг во времени в шкафу был довольно клевым, хотел бы он, чтобы дверь в душевую комнату в его школе служила той же цели. Зайдешь, закроешь дверь, откроешь, а занятия уже закончились. Или еще лучше, школа вообще исчезла. — Это была бы самая крутая машина времени. Кто-нибудь обязательно должен придумать такую дверь, — прошептал Локи в пустоту.

На этот раз он не беспокоился по поводу разговоров с самим собой. Слушая свой голос во сне, он представлял, что у него хорошая компания, и это помогало ему облегчить его страхи. Выйдя из шкафа, он подумал, что, быть может, стоит подобрать себе какую-нибудь одежду из шкафа. Будет не камилльо встретиться с Королем и Королевой в джинсах и майке. Бабушка бы этого точно не одобрила.

— Никаких манер. Тебе знаком хоть с каким-нибудь этикетом, Локи? — сказала бы она, представил Локи.

Локи спрятался за доспехами, затем постучал по его шлему, чтобы убедиться, что в нем не засел какой-нибудь древний охотник. Он осторожно заглянул в королевскую столовую из-за его металлической руки, и увидел ужинающую в одиночестве Белоснежку за необычайно длинным столом. У окна почтительно стояли двое слуг, ожидая приказа принцессы, чтобы они смогли подать то, что она пожелает. Одним из них была Табула, великанша из его первого сна. Она представляла из себя загорелую женщину в черно-белом платье, с уже заметной сединой в волосах. Другим слугой был пожилой седовласый дворецкий. Локи прежде не видел его.

Обеденный стол был заполнен таким количеством еды, что Аксель не съел бы и за всю свою жизнь. Огромная жареная индюшка, множество разнообразных видов риса, салат, суп и все виды мяса мерцали на залитом светом свечей столе. Локи ощутил голод; голод во сне был отчасти кошмарным. В сиянии свечей, Белоснежка выглядела грустной; есть в одиночестве хуже, нежели испытывать голод.

— Ну что за черствые люди, — шепнула Табула дворецкому. — Почему они не разрешают своему собственному ребенку есть вместе с собой?

— Закрой свой рот, женщина, — прошипел дворецкий, выдерживая свою претенциозную позу и вздернув подбородок. — Нам не позволено обсуждать это.

— Король и королева такие странные, бросают свое дитя во время приема трапезы, — пробормотала Табула.

Белоснежка не слышала их, играя с вилкой и гоняя по тарелке оливку.

— Видать не очень вкусно, — прокомментировал Локи. — Не как Прекрасный Принц.

— Моя дорогая принцесса! — окликнул Белоснежку счастливый оживленный голос снаружи комнаты.

Тяжелые ботинки загрохотали по полу, прежде чем обладатель голоса вошел в комнату. Он был одет в шикарные одежды воина, черные до плеч волосы, заметный второй подбородок, и волевая челюсть. Это был отец Белоснежка, весьма мужественный король. Мужчина, чье присутствие было неизбежным, он прямо таки излучал героизм.

— Где ж тебя носило в сказках Братьев Гримм, — пробормотал Локи. — Ни одна мачеха не обидела бы ребенка в твоём присутствии.

Белоснежка прыгнула со стула и побежала к своему отцу, раскрывая руки для объятия и поцелуев. Сходство между ребенком и отцом было странным. Она унаследовала от него черные шелковистые волосы. Даже его губы были необычайно алыми, наполненными жизнью. Как и все в нем, за исключением бледной кожи; король был загорелым, даже слишком, что заставило Локи удивиться, где ж он был. Отец Белоснежки поднял ее своими сильными ручищами. Она обхватила ручонками его широкие плечи и прижалась к доспехам на его груди.

— Я скучала по тебе, Папочка, — произнесла Белоснежка, потирая щеку от его колючей бороды. Локи ощутил, как ему на глаза навернулись слезы. Он не знал, по какой причине: то, что он тоже скучал по отцу, которого никогда не встречал; или же что ему хотелось бы вспомнить подобный момент.

— Я только что вернулся, моя маленький вишневый снежок, — король стиснул свою дочь в объятиях.

Белоснежка захихикала.

— Ты покушаешь со мной? — спросила она.

Лицо короля помрачнело, когда он опустил ее на пол.

— Ты знаешь этикет замка, — ответил он, опускаясь перед ней на колени.

Казалось, дворецкий и Табула были захвачены сценой могущественного мужчины на коленях.

— Король и королева должны есть вместе без своей любимой дочери, чтобы обсудить важные вопросы, касающиеся государства.

— Ты сказал, что мне можно будет есть с вами, когда мне исполнится шестнадцать. Я хочу, чтобы мне исполнилось шестнадцать прямо сейчас. Сделай с этим что-нибудь, — потребовала она.

— Это правда, — рассмеялся он. Его смех был величественным, эхом разливаясь по широкой груди. — Почему ты хочешь вырасти так быстро, принцесса? У тебя еще вся жизнь впереди.

Белоснежка встала на цыпочки и резанула по воздуху рукой, словно бесстрашный воин.

— Я хочу поскорее вырасти, чтобы вместе с тобой сражаться с врагами.

Король снова рассмеялся.

— К тому времени, как тебе исполнится шестнадцать, обещаю тебе, моя дорогая, я уже отрублю их головы одну за одной, чтобы ты смогла в мире и процветании править королевством.

— Отрубит головы одну за одной? — пробормотал Локи. — Не удивительно, что немного погодя его дочурка съехала с катушек.

— Мне нужно отдохнуть, — сообщил король Белоснежке. — Твоя мать и я позовем тебя, как только закончим наши ночные обсуждения.

— Я уже поела, — Белоснежка пожалала плечиками.

— Тогда иди в свою комнату, — приказал ей король. — Я вскоре позову тебя.

Локи наблюдал, как слуги вывели Белоснежку из столовой, после того, как ее отец ушел. Прячась за доспехами, он колебался, ожидая еще одного временного сдвига. Он не знал за кем идти: за Белоснежкой или ее отцом, или вообще возвращаться обратно в шкаф.

— Пора идти, — раздался позади него девичий голос.

Локи обернулся, думая, что его застучала одна из служанок. К его удивлению, это снова была Белоснежка, уже шестнадцатилетняя версия, лишенная клыков.

— Я тебе уже говорил, что соскучился по тебе? — улыбнулся Локи, изображая полное спокойствие.

Белоснежка рассмеялась. Он впервые увидел ее смех, и он был уверен, что она и понятия не имела, каким великолепным и чарующим был ее смех.

— Чрезмерное остроумие тебя погубит, Локи, — сказала она. — И нечего паять на мою юную версию. В этом сне две Белоснежки.

— Есть еще какие-нибудь твои проявления, о которых мне следует знать, принцесса? — Локи шутливо склонил голову. После ее смеха, он чувствовал себя в безопасности.

— Нет, в Дримори только и я моя юная версия могут тебя увидеть, — сказала она.

— Так почему вас две?

— Мне хотелось познакомить тебя с юной версией меня, чтобы ты не сошел с ума и попытался убить меня, прежде чем у меня будет шанс показать тебе то, что я хочу. Я знаю, что ты просто жаждешь воткнуть мне в сердце кол, — она с любопытством огляделась в поисках свидетелей. — А еще я хотела тебе показать, как работают шкафы в Дримори, — она схватила его за руки и снова потащила его за собой.

Они зашли в другую комнату, где она открыла дверь совершенно другого шкафа, полного прекрасных платьев, вероятно, принадлежащих Королеве из-за их большого размера. Белоснежка затолкала его внутрь, запрыгнула сама и закрыла за ними дверь. Не смотря на то, что шкаф был большой, в нем было столько обуви на полу и платьев, что места едва хватало на двоих. Они стояли лицом к лицу, нос к носу, слишком близко для людей, которые хотели убить друг друга.

— Одна девчонка однажды затолкала меня в шкаф прямо в школе, — произнес Локи, припоминая Пипи Лавбаг, и удивляясь, что если его снова одурачат. Он засомневался, что на этот раз Чармвилль придет и снова спасет его, и он опять же сомневался, что сможет заставить себя пронзить сердце прекрасной принцессы колом.

— Тебе лучше перейти на шепот, — лицо Белоснежка стало серьезным. — Или же Королева найдет нас и отправит тебя в незапланированное путешествие в один конец.

— Ты всегда такая серьезная в Дримори?

— Локи, — Белоснежка приложила ладонь к его груди и, внезапно, он забыл обо всем: сне и убийстве вампиров. Он задался вопросом, почему он чувствовал себя в своей тарелке здесь, с ней, в Дримори. Или же он просто махнул на все рукой и позволил себе это чувство, с того самого первого дня, когда он положил на нее глаз? По какой-то причине, он засомневался, что она положит глаз на того, кто не живет вечно. Те, на кого она положила глаз, медленно влюблялись в нее, и забывали про ее клыки и дурной нрав.

— Ты шутишь, — добавила она. — Тебе нужно узнать как можно больше обо мне в этом сне. Сосредоточься, пожалуйста.

— ЛАДНО, — он взял в руку ее пальчики и поднес их к лицу, словно носовой платок и провел ими вниз по щеке, пока они снова не оказались на его груди. — Назад к серьезному выражению лица, моя принцесса. Что ты задумала?

— Мне просто необходимо показать тебе мою историю в разные временные периоды и места так быстро, как только смогу, чтобы ты узнал, как все это началось.

— Почему ты мне просто не расскажешь? У меня двойка с плюсом по химии, так что я отчасти умный.

— Не могу, и на это у меня свои причины, — вздохнула она. — Ты не понимаешь. Ты должен понять, открыв свое сердце. Нам нужно вернуться вовремя, — объяснила она.

— Что у тебя на уме? Ренессанс? Темные времена? Динозавры и прочая чушь?

— Пожалуйста. Прошу тебя. Перестань.

— Что ты хочешь мне сказать? Мы практически в 19 веке, так? Как далеко мы вернемся в прошлое от этого момента?

— Я перенесу тебя на пять лет назад до моего рождения. Я родилась в 1796, поэтому мы отправимся в 1791.

— Это интересно, — его поразила волна серьезности.

— Почему? — она выглядела озадаченной.

— Значит, фактически тебе и было шестнадцать, когда Братья Гримм написали твою сказку в 1812, — внезапно, Локи подумал, что Аксель оказался весьма полезен.

Белоснежка улыбнулась, выглядя удовлетворенной.

— 1812, — кивнула она. — Тогда они написали первичную версию. Она была близка к правде, в отличие от версии 1857 года, которая наполнена сплошной ложью и скрытыми посланиями.

— Ложью? — нахмурился Локи. — Мы тут и правда говорим о том, что ты настоящая Белоснежка?

— Ну конечно же, я — настоящая Белоснежка, — казалось, она была оскорблена вопросом. — Как ты можешь даже сомневаться в подобном?

— Я должен быть честным с тобой, — признался Локи. — Я не знаю чему верить. Пару часов назад, я пришел, чтобы убить тебя и вернуться домой, но теперь все изменилось.

— Это потому что ты согласишься открыть свою Чанту, — сказала Белоснежка.

— Ты тоже знаешь о Чанте? Это нечто вроде новой клевай крылатой фразы? — произнес Локи. — Не понимаю.

— Прошу, перестань упрямиться.

Никто прежде не говорил Локи, что он упрямец, но теперь, когда она указала на это, он понял, что так и есть. После всего того, что ему пришлось пройти последние пару дней; он все еще терпеть не мог Минкиных и верил в свое превосходство над ними, даже после встречи с Акселем и Фейбл и проявленной заботе о них. И он по-прежнему хотел убить Белоснежку, даже после того, как узнал, что замок для нее темница и ее просьбы о помощи. Локи подумал, забавно, что люди зациклены на основах, которые им закладывают, а не на тех, что имели смысл. Вот ты родился, тебе сказали, что ты — полуангел, что мир — дерьмо; и что если ты убьешь кое-кого, то станешь героем и попадешь домой. Потом эта идея прикипает к тебе навечно. И плевать на то, что всё вокруг тебя кричит о том, что ты ошибаешься. Что в жизни есть иные вещи, более прекрасные. Ты слишком слеп, чтобы увидеть это; одержим тем, что идеальное будущее не настанет. Почему бы просто не жить настоящим моментом, и посмотреть, к чему он может тебя привести?

— Локи, с тобой все в порядке? — спросила Белоснежка.

— Никто не чувствовал себя лучше, — Локи притворился, что так и есть, не в силах открыться и показать свое замешательство. — У меня вопрос. Раз уж тебе сейчас шестнадцать, я полагаю, что это тот самый год, когда ты умерла, так?

Белоснежка снова улыбнулась.

— Чего улыбаешься? К твоему сведению, у меня слабость к демоницам, особенно когда они улыбаются, — он избегал ее взгляда, и в первый раз за все время его эмоции были искренни.

— Я знаю о твоей слабости. Я улыбаюсь, потому что твой вопрос доказывает то, что, в

конце концов, тебе не плевать, даже самую малость. Да, кто-то пытался убить меня, когда мне исполнилось шестнадцать, но я не умерла. Я нашла способ оставаться бессмертной.

— Бессмертной? — нахмурился Локи.

— Большинство сказочных персонажей бессмертны, — ответила она.

— Ну-ка повтори? Сказочные персонажи? То есть ты хочешь сказать, что они по-настоящему живы? — спросил он, припоминая, что Чармвилль говорил ему тоже самое. — Так кто пытался убить тебя, твоя Злая Мачеха? — Локи никогда бы не подумал, что задаст подобный вопрос.

— Это сложная тема, но я вернусь к ней чуть позже.

— Все же не могу не удивиться, — вздохнул Локи. — Почему никто не рассказывает того, что мне нужно знать? Все что-то от меня скрывают, а потом просто просят меня понять.

— Я не могу ответить, но мы может отправиться в прошлое, чтобы узнать больше о моем отце.

— Короле?

— Да, — она слегка наклонила голову. — Ангел фон Сорроу (прим. ред. Sorrow — Скорбь). Это его имя. Ночной Ангел фон Сорроу.

— Приятно познакомиться Белоснежка фон Сорроу, — с уважением произнес Локи. — А фон имеется в виду то, откуда ты?

— Да, у нас немецкие потомки, и мой отец был очень важным человеком, — Локи ощутил то, как она гордилась своим отцом. То, как она поставила ударение на этом слове, будто бы доказывала невиновность того, кто был несправедливо осужден.

— Естественно он был важным. Он же был королём. Хотя, я не помню, чтобы о нем упоминалось в сказке.

— Я же тебе говорила, что сказки изменили.

— Так он не был вечно отсутствующим папашкой, который понятия не имел как контролировать свою новую женушку, а может и дочурку?

— Перестань быть таким грубияном, — она стукнула его по груди. Это был игривый жест и Локи это понравилось.

— Я серьезно, это то, что все думают о твоём отце в Обычном Мире.

— Существует причина, по которой Братья Гримм изменили часть о нем, — сказала она.

— Раз уж все это обернулось в дружелюбный разговор между сказочным персонажем и полуангелом, почему бы нам не выбраться из шкафа и выпить по чашечке кофе. У вас же есть тут в 18 веке кофе или как?

Внезапно, Белоснежка поморщилась. Кто-то звал ее снаружи; это был глубокий, загадочный и могущественный голос взрослой женщины.

— Шу, где ты? — звал ее голос. Женский голос был требовательным и серьезным, Локи ощутил приступ боли во всем теле и неконтролируемое желание ответить.

— Это она, — произнесла Белоснежка. В ее взгляде отразилась смесь ужаса и симпатии. — Не отвечай ей. Ее голос оказывает подобный эффект на людей. Волей не волей, хочется ей ответить. Хочется подчиниться ей, даже пожертвовать своей жизнью ради нее. Не позволяй этому ощущению поглотить тебя.

— Как у нее получается оказывать на меня подобный эффект? — спросил Локи. — Кто она?

— Она та, кому нужно повиноваться, — ответила Белоснежка.

— Довольно длинное имечко. Я серьезно. Кто она?

Белоснежка кивнула, стискивая дверную ручку.

— Пора возвращаться назад в прошлое, пока она не нашла меня, ты готов?

— погоди минуту. Ты ее боишься? Разве она не твоя мать? Расскажи мне о ней.

— Перестань болтать, или она убьет тебя в Дримори, и ты никогда уже снова не проснешься, — взмолилась Белоснежка, слушая, как приближается женский голос. — Нам пора уходить, — прошептала она.

— Куда? Откуда ты знаешь, в каком времени и месте мы окажемся?

— Это же мой сон, помнишь? — прошептала Белоснежка. — Заткнись хоть на секунду.

— Но Детские Слезы...

— Детские Слезы не дают мне контролировать мой сон, так что ты не сможешь убить меня, как в тот раз, когда ты вошел в мой сон семилетним ребенком. Но он не может помешать мне показать тебе то, что нужно мне. Когда ты использовал слово "*Явиги*", ты дал мне силу.

— Так Аксель снова был прав, — пробормотал себе под нос Локи.

— Шу? — женский голос прозвучал практически в самой комнате. Стоя в центре, женщина, видимо, заволновалась из-за шума в шкафу

Локи увидел ее через маленькую щель в двери шкафа.

— О, вот ты где, милая, — Локи ощутил приближение этой злой ведьмы.

— Я согласен. Лучше отправиться в прошлое. Делай все необходимое, — согласился Локи, хватаясь за Аликорн. Он еще никогда прежде не был так напуган. Даже самые жуткие демоны не были способны пробудить такой страх в его сердце, как эта женщина.

— Кто эта тетка? — снова взмолился Локи, когда та уже собиралась открыть дверь шкафа.

— Тебя заставили поверить в то, что она моя Злая Мачеха, — сказала Белоснежка.

— А на самом деле?

Комната задрожала. Белоснежка использовала магию.

— Персонаж, известный как Злая Мачеха не была моей мачехой, — произнесла Белоснежка и толкнула дверь, открывая ее в иное измерение. — Она была моей...

Ангел и Кармила

— ...мааааааамой. — Закричала Белоснежка, падая с неба.

Сердце Локи подскочило где-то в районе горла. Он растопырил руки, пытаясь схватиться за что-нибудь, чтобы замедлило их внезапное падение. Он знал, что шкаф был своего рода порталом, который приведет их в новое время и место, но он не ожидал, что падение с неба поспособствует его открытию. Он попытался ухватиться за ветки, но листья вырвались из его хватки, когда он рухнул на землю. Его вес, буквально, утопил тело глубоко в снегу. Вытянув шею, чтобы сделать вдох, он вдохнул в легкие ледяного воздуха.

— Да я лучше влюблюсь, чем буду вот так вот падать, — пробормотал он, выпрямляясь. Как только слова сорвались с его губ, к нему на колени приземлилась Белоснежка, снова роняя его на спину. (прим. пер. игра слов влюблюсь (fell in love) — упаду (fell)). Их руки и ноги запутались, и Локи подавился несколькими прядями ее волос, которые попали ему в рот. — У меня что, вот рту волосы? — пожаловался он, пытаясь выползти из под нее. — Меня бы больше устроили губы.

— Ай! — вскрикнула Белоснежка, лежа на нем сверху и глядя ему в лицо. — Ты не мог бы просто не двигаться? Вообще-то, мы больше не в шкафу.

— Извини, что не захватил свой парашют, Мисс Я-Контролирую-Свои-Сны, — ответил Локи, приподнимаясь на один локоть, пока она переводила дыхание после падения. — Вообще-то, это тебе стоило бы подвигаться; мне бы хотелось подышать, если ты не возражаешь, — его лоб случайно стукнулся с ее.

Их холодные носы слегка соприкоснулись, вызывая в его теле электрический разряд. У него пересохли губы, поэтому он спонтанно их облизал.

— Не в твоих самых смелых мечтах, — Белоснежка двинула ему по лбу своим лбом, опрокидывая его на спину.

Локи разглядывал голубое небо над ветвями деревьев красных и желтых листьев за плечами Белоснежка. Куда бы их не телепортировало, была осень.

— О. Да брось, — отозвался Локи. А у нее определенно крепкий лоб, он задумался было ли это свидетельством ее упрямства. Еще он пожелал, чтоб удар вернул его воспоминания, как бывает иногда в кино. — И если бы я реально хотел поцеловать вампира во сне, я бы обязательно попытался подняться и облизать свои пересохшие губы.

Белоснежка зарычала на него, обнажая клыки. Это вышло гораздо дружелюбнее, нежели тогда, в замке; словно друзья говорят «Бу» надоедливым друзьям. Она просто валяла дурака с ним и, скорее всего, не понимала, как очаровательно она выглядела при этом.

— Я боюсь только лягушек, — Локи хотел храбро показать ей язык, но забеспокоился, что тот отмерзнет на холоде.

Белоснежка рассмеялась, облако белого пара вырвалось из ее рта.

— Как же плохо, что я не сфотографировала тебя в реальном мире, — подразнила она его. — Ты был как напуганный маленький щеночек, держащий в трясущихся лапках свой кол, будто волшебную палочку. Я могла разместить эти фото в интернете.

Локи передразнил ее смех, словно зеркало, зеркало на стене.

— Кроме того, у меня не было выбора, кроме как упасть на тебя, — Белоснежка поднялась, складывая руки на груди.

— Правда что ли? Почему тогда у меня ощущение, что ты сделала это нарочно, чтобы воспользоваться одиноким парнем во сне?

— Ты и понятия не имеешь, сколько парней в королевстве моего отца мечтали жениться на мне.

— Серьезно? Что ты только что сказала?

— Если ты меня не выносишь, почему тогда ты здесь? Почему ты до сих не прикончил меня? — поинтересовалась Белоснежка. — Ты умираешь от любопытства узнать обо мне, так что не делай из меня дурочку. Я не похожа ни на одну девушку, которую тебе когда-либо доводилось встречать. Я тебе нравлюсь, хочешь ты это признавать или нет!

— Мне нужно было просто тебя убить, — ответил он, отряхивая снег с одежды.

— Тогда почему не убил? — она поднялась на цыпочки, чтобы заглянуть ему в глаза, сжимая кулачки.

Локи пришлось признать, что она была гораздо лучшей версией сказочной Белоснежки, легкомысленной, беспомощной и наивной девушки. Эта же была задирой. Ему это нравилось, даже если она и бывала порой немножко своевольна.

— Почему же ты так беспокоишься обо мне? А? — поинтересовалась она.

— Ты же сама попросила меня спасти тебя, — Локи склонил шею, бесцеремонно заставляя ее отойти подальше. Еще один обмен любезностями между этими двоими, и он представил себе, как она хватает его за нос своими крошечными пальчиками.

— Ну и что? — прищурилась она. — Почему бы тебе не пойти к ближайшему шкафу и просто оставить меня в покое? Я уверена, что ты снова окажешься в Обычном Море, все тем же бесцельным, жалким мальчишкой, который будет и дальше продолжать мечтать вернуться на Небеса, и отказывающимся наслаждаться жизнью и беспрестанно задавая миллионы вопросов вселенной.

— Откуда ты знаешь обо мне столько много? — Локи проглотил комок в горле, желая, чтобы она отстранилась, так как он просто не мог устоять перед ее алыми сочными губами.

— Просто знаю, — Белоснежка взмахнула рукой в воздухе.

— Послушай, — произнес Локи. — Думаю, мы неправильно начали. Давай начнем все сначала, словно ничего не происходило, — он протянул ей руку для рукопожатия. — Привет. Меня зовут Локи Блекстар...

— ... и я здесь, чтобы надрать тебе задницу! — перебила его Белоснежка.

— Серьезно, откуда ты знаешь все это обо мне? — он был впечатлен. Никто еще никогда так не относился к нему, с прямоотой и честностью.

— Тебя слишком легко прочесть, Локи, — она пошла прочь. — Это ты думаешь, что нет.

— погоди, — произнес он и она обернулась. Он подошел к ней и положил ей руку на плечо. — Послушай. Я позабочусь о тебе, — выдавил он, слова тяжелым грузом опустились на сердце. — Я никогда не говорил никому такого прежде, я понятия не имею, почему я ощущаю такую потребность, но обещаю, так и будет.

Глаза Белоснежка засияли, не смотря на то, что она знала, что его самого надо защищать в Море Сновидений, а не наоборот.

— Навечно? — застенчиво спросила она.

— Черт, нет, — он щелкнул ее по кончику носа пальцем. — Пока не закончится сон.

— И на этом спасибо, — улыбнулась она довольная. — Теперь, следуй за мной, а не то застрянешь в этом сне... навечно, — произнесла она и направилась по направлению к тому,

что отдаленно напоминало школу 18 века.

— Ты видел, какой умопомрачительный взгляд она на тебя бросила? — пробормотал Локи у нее за спиной, следуя за ней к главному школьному входу. — Выкуси, Прекрасный Принц. Я ей нравлюсь больше, — Локи уже было собирался подпрыгнуть в воздухе и пристукнуть каблуками, словно счастливый Арлекин, но смутился и догнал ее.

— Поторапливайся, — произнесла Белоснежка.

Входная дверь школы распахнулась. Орда мальчишек и девчонок устремилась на улицу. Один из них прошел прямо сквозь Локи, словно тот был невидимкой.

— Значит, никто не может увидеть меня здесь, в Дримори? — спросил Локи.

— Только я могу видеть тебя, потому что это мой сон, — ответила Белоснежка, выглядывая кого-то в толпе. — Но не испытывай удачу. Чем дольше ты остаешься во сне, тем больше твое присутствие может тебя же и выдать, люди смогут тебя видеть, заговорить с тобой, и, к сожалению, убить тебя.

— Что ты имеешь в виду, что мое присутствие может меня выдать?

— Что если ты вмешась в нечто такое, чего нельзя избежать, ты станешь видимым, и тебе придется иметь дело с последствиями проникновения в Мир Сновидений. Потому то, ты не должен оставаться во снах слишком долго.

— Вмещаюсь, к примеру, во что?

— Например, слишком громко закричишь или издашь громкий звук, все что угодно, что может привлечь к тебе внимание. Для них мы, что призраки в Мире Сновидений. Иногда призраки вытворяют нечто такое и обнаруживают сами себя.

— Это интересно, — Локи потер бороду. Ему все еще нужно было столько разузнать о Мире Сновидений.

— Смотри! — она показала ему юношу с длинными кудрявыми черными волосами; красивого и сильного, лет девятнадцати от роду. — Это мой отец, — произнесла она срывающимся голосом. — Ночной Ангел фон Сорроу.

— Так это сон до твоего рождения?

— Да. Идем же, — она шла за Ангелом, который вышел в переулок, попрощавшись со своими друзьями. За ним следовал черный ворон, паря над его головой. — Если что-либо вокруг тебя изменит форму или облик, не пугайся, — объяснила Белоснежка. — Я пытаюсь показать тебе десять лет жизни за десять минут сонного времени, — она поспешила за Ангелом в переулок.

— Как ты можешь видеть сон о том, чего не испытывала? — спросил Локи.

— Думай об этом, как о путешествии во времени. Мир Сновидений сложен, и будет лучше, если ты не будешь анализировать все и вся на своем пути, — ответила Белоснежка, осторожно останавливаясь, когда Ангел замедлил свой шаг в переулке.

Ангел стоял один перед кучами мусора. Он разглядывал огромную крысу, которая искала себе пропитание. В мгновение ока, Ангел поймал крысу голыми руками и погрузил в нее клыки. Он поглощал ее кровь, а желтые осенние листья трепетали, гонимые порывом ветра, кружащегося вокруг него.

— Так твой король — отец был вампиром? — удивился Локи. — Как же тогда вышло, что он пойдет войной на вампиров позднее?

— Тогда никто не знал, что он был вампиром, — ответила Белоснежка. — Видишь тот ветер вокруг него. Он защищает его, скрывает его секреты.

— Какие еще секреты?

— В 18 веке, — вздохнула Белоснежка, — вампиры не были такими сильными, как в наши дни. Они были изгоями, их преследовали и убивали по всей Европе. Историки называют это время "Вампирской Лихорадкой".

— Об этом я знаю, — Локи вспомнил разговор с Акселем в библиотеке "Сказки на Нучь".

— Порой, когда человек заболел или подцеплял заразную болезнь из-за которой потом кашлял кровью, он нем думали как о вампире. Таких вешали, сжигали или кремировали. Иногда им даже протыкали сердце колом и хоронили на глубине 6 футов. Во время Вампирской Лихорадки в Европе сжигались целые деревни. Подобно ведьмам, на которых охотились в Европе в 16 веке. Тысячи ведьм было сожжено здесь, в Лоре; а вампиры стали следующей угрозой.

— Как ты сказала? Лор? — удивился Локи.

— Лор с буквой х. (прим пер. оригинальное название Лор по англ. звучит как Lohr). Мы сейчас в нем и находимся, маленький городок в Германии, где мои предки жили долгие годы. Мой отец, Ночной Ангел фон Сорроу родился в этом городке. Это в Баварии, Германия. Здесь даже есть замок под названием Шлосс, точно такой же как и в Скорби, позднее построил точную копию эпитафии в его родном городке.

— Так слово «знания» (приме. пер. слово «знания» на англ lore) как и выражение "вампирские знания" образованы от названия города «Лор»?

— Понятия не имею. Тебе следует поехать в Лор, когда выйдешь из этого сна. Похоже, это было вырезано из сказок. Это место, откуда моя семья родом.

Цвета в мире вокруг Локи стали постепенно меняться. Ветер, что защищал ее отца, закружился и взвился в небо сумасшедшими разноцветными кистями.

— Что происходит? — спросил Локи.

— Держись, — ответила она, прижимая пальцы ко лбу, как иногда делают экстрасенсы. — Я пытаюсь показать тебе кое-что другое, пока мы стоим тут.

Цвета обрисовали вокруг них черты кладбища. Все, чего касался ветер, превращалось в плоть, кровь, камни и все было объемным, как в формате 3-D. Все было настолько правдоподобным, что Локи засомневался, что он находится во сне, они словно очутились в анимированной картине, сцены которой менялись сами собой. Посреди кладбища, Локи увидел Ангела, который разговаривал с женщиной в черном плаще.

— Это мой дед, Ночная Скорбь, — поясняла Белоснежка словно заправский рассказчик за кадром фильма. — Он был самым жестоким вампиром-королем в Трансильвании, прямой потомок первых вампиров во всем мире.

— Самых первых?

— Да, и не спрашивай меня кто они, потому что я не знаю. Ночная Скорбь — мой дед, сбежал в Лор из Трансильвании, после того, как крестьяне сожгли его замок, когда им открылась настоящая правда о его злобной натуре. Ночная Скорбь его ненастоящее имя. Поговаривали, оно появилось в связи с тем фактом, что он привнес «скорбь» в «ночь», когда нещадно кормился на людях в Трансильвании.

— Выходит вполне сносно. Ты уверена, что ты Белоснежка, потому что в этом нет никакого смысла.

Белоснежка не ответила и продолжила историю.

— Однажды Ночная Скорбь поселился в Лоре, ему было приказано матерью всех вампиров создать секретный вампирский клан, который бы был достаточно силен, чтобы

противостоять охотникам на вампиров, которые прочесывали в их поисках всю Европу. Она хотела создать целое королевство и завоевать Европу, все в пределах ста лет. Это был единственный для вампиров способ выйти из тени и заявить свои права на жизнь среди людей, — сказала Белоснежка. — Ночь отправил своего сына, Ангела, моего отца, посещать обычную школу в Лоре, замаскировав его под человека. Он хотел, чтобы ангел пообщался с людьми и изучил их жизни, дабы выявить их слабости.

— А я думал, что вампиры достаточно сильны, чтоб использовать подобные маневры, — произнес Локи.

— Не в этот период времени, — ответила Белоснежка. — Они были слабы, и их было очень мало. Они не знали, кто их создал, и все кончилось тем, что их стали выслеживать и убивать повсюду. Для того, чтобы мой отец мог общаться с людьми в Лоре, мать всех вампиров отложила его трансформацию в полноценного вампира до 16 лет.

— Разве его человеческие друзья не спрашивали об Ангельской семье? — удивился Локи.

— Моему отцу даровали двух человеческих рабов (их укусили вампиры, и они не полностью обернулись), играть роль его родителей. Эти, так называемые, Ренфилды (приме. пер. Ренфилд — имя взятое у персонажа книги Брема Стокера, последователь Дракулы, который готов на все ради своего Господина) делали все, о чем их просили, поскольку они не были ни людьми, ни вампирами, а им было необходимо, чтобы вампиры питались от них или же в противном случае, их ждала смерть. Они были двумя женщинами, которые притворялись матерью моего отца и тетей, которые заявили, что отец Ангела мертв.

— Думаешь, эти имена звучат похоже?

— Потому что Братья Гримм позаимствовали историю Белоснежки у них; это написано в исторических книгах, — сказала она.

— Хочешь сказать, они солгали Братьям Гримм?

— Или Братья Гримм солгали всему миру. Я, правда, не знаю правды.

Локи увидел, как Ангел упал на колени, умоляя о чем-то своего отца. Глаза его отца стали цвета крови от гнева.

— Что тут происходит? — спросил Локи.

— Ангел просит Ночь поделиться с ним человеческой кровью, чтобы завершить свою трансформацию. Как ты видел, мой отец питался лишь животными. Ему было около шестнадцати. Его шпионская миссия практически подошла к концу, и пришло время стать настоящим вампиром, и обратиться против людей, одним из которых он больше не хотел быть. Выросший с людьми, мой отец застрял меж двух миров. Он отказывался становится настоящим вампиром против желания своего отца. Готов к следующему сдвигу?

Прежде чем Локи успел ответить, меж ними зазмеился ветер. Словно губка, стирающая мел с доски, он стер деревья и небо над кладбищем, и начал рисовать новую жизнь и место перед ними. Они перенеслись в замечательный летний день и теперь стояли в огромной саду, посреди которого возвышался фонтан.

— Где мы сейчас? — спросил Локи.

— В Штирии, во времена царствования Франциска II, Императора Австрии, — ответил Белоснежка. — Конец 18 века.

Локи увидел прекрасную молодую девушку, вбегающую в яркий сад под сияющим солнцем в розовом платье, которое парило над лилиями фиолетового, желтого и лимонного цвета. Локи думал, что Штирия всегда была холодной и снежной, но со снами он поспорить

не мог.

— Кто она такая? — спросил Локи. Ему нравилось, как выглядела Белоснежка, но эта девушка была такая же красивая и милая, как и она, если не еще прекрасней.

У нее были кудрявые светлые волосы, глаза цвета голубого моря, и улыбка, от которой перехватывало дыхание, а лилии звенели колокольчиками, когда она пробежала мимо. Белоснежка, сперва, не ответила, наблюдая за девушкой в лилиях заботливым взглядом. Ее глаза следили за каждым движением, каждым звуком и каждым вдохом.

— Та, на кого ты смотришь — моя мать, — наконец заговорила Белоснежка. — Ее зовут Кармилла Карнштейн.

Ангел вырос среди лилий как хитрый кот, сгребая Кармиллу в объятия и целуя ее сзади. Он поцеловал ее в шею единожды, прежде чем она игриво выскользнула из его рук, и ему пришлось догонять ее снова и снова.

— Моего отца отправили в Штирию учиться, — продолжила она. — Ночная Скорбь послал его шпионить за отцом Кармиллы прямо в Доме Карнштейнов, богатая семья, известная охотой на вампиров. Общественность пока не знала, что Сорроу и Карнштейны одни из самых больших враждующих семей в истории. Одна семья была вампирами, другая охотниками на вампиров.

— Значит, Ночная Скорбь и отец Кармиллы были разными, как день и ночь? — спросил Локи. — А твой отец просто напросто влюбился в дочь Карнштейнов? Хороший ход, Ангел, — Локи приветливо махнул Ангелу рукой, забыв о предосторожностях. Но, ни Кармилла, ни Ангел не могли видеть их, не смотря на то, что Белоснежка и Локи стояли посреди поля лилий.

— Она того стоила, — промолвила Белоснежка, ее глаза увлажнились при взгляде на родителей.

Локи смотрел не отрываясь. Кармилла лежала в объятиях Ангела на одеяле из лилий, пока он нежно перебирал ее волосы. Она выглядела необычайно счастливой, и в это же время на ее палец приземлилась бабочка. Не смотря на то, что Ангел был сыном одного из самых злобных вампиров в мире, он не вообще не выглядел как вампир, за исключением его нечеловеческой красоты и силы. Он ждал, пока Кармилла заснет и украшал ее ложе фиолетовыми и желтыми лилиями, затем укладывал ее, затем наблюдал за ней, словно за спящей красавицей.

По разным соображениям, Локи подумал, что они были красавицей и чудовищем: Кармилла была чиста и невинна, как и положено быть принцессам в сказках; Ангел же был испорченным и красивым вампиром, о которых обычно пишут в романах; как не крути — совершенный портрет красавицы и чудовища.

— И когда он собирался ей рассказать, что он вампир? — спросил Локи.

— Он уже рассказал, — отозвалась Белоснежка. — Она восхищалась его мужеством и тем, что он хотел стать хорошим, не смотря на то, что его отец хотел, чтоб он продолжал его темное дело.

Локи наблюдал, как Кармилла просыпается от поцелуя Ангела. Она прошептала ему что-то на ухо, и его лицо засияло, словно он и вправду был ангелом.

— Что она говорит ему? — спросил Локи.

— Почему ты так любопытен? — удивилась Белоснежка. — Я — то думала, что ты веришь в поцелуй истинной любви.

— Серьезно, — лицо Локи поморщилось как у нетерпеливого ребенка. — Что она

такого сказала ему, что осчастливило его? Я хочу знать.

— Ангел всегда видел в себе лишь животное, — объяснила Белоснежка. — Моя мать сказала ему, что для нее он красив, но не из-за этого в его глазах появился свет, который ты только что видел. Он появился, когда она сказала ему, что любит его и будет с ним до тех пор, пока смерть не разлучит их.

— Ангел был бессмертным как остальные вампиры? — спросил Локи, не в силах отвести взгляд от пары. Он не мог понять, что так привлекло его в них, зато он подумал, что ему бы понравилось, если бы на их месте, здесь, в Дримори, оказались его родители.

— Ангел не был бессмертным, потому что его трансформация в вампира не была полностью завершена, — ответила Белоснежка. — Он практически выбрал смертность, пока с ним была моя мать.

— А что произошло потом? — спросил Локи, словно она рассказывала ему восхитительную сказку на ночь.

— Кармила рассказала своему отцу об Ангеле. К удивлению, он обрадовался, что он и его дочь вместе, веря в то, что Ангел станет огромным подспорьем Карнштейнам в защите от вампиров... что также означало, что Ангелу придется пойти против своего народа.

— Значит, Ангел остался в Штирии?

— Ему хотелось, но ради спасения своих наполовину человеческих родителей, Дженнет и Амелии, которые вырастили его в человеческом мире. Он боялся, что Ночная Скорбь, в конце концов, убьет их, если он не вернется, — объяснила она. — Ангел вернулся в Лор и попытался помочь им сбежать, но Ночь поймал его, прекрасно осведомленный о плане своего сына восстать против Сороу. Ночная Скорбь заточил своего сына в высоком Чахтицком замке, предлагая ему всевозможные виды человеческой крови, чтобы завершить превращение. Он пожалел, что так долго откладывал трансформацию сына, ведь от этого он стал больше человеком, нежели вампиром.

— Просто продолжай, — сказал Локи. — Не останавливайся.

— Мой отец боролся с соблазном, и ему удалось сбежать из замка. Кроме того, в Лоре у него не было союзников, да и вампирских сил он так и не получил, пришлось ему бежать на своих двоих через леса из Трансильвании в Венгрию, чтобы вернуться к Кармилле в Штирию. Была середина зимы, и он рисковал замерзнуть от холода. Когда Ночь узнал, что его сын сбежал, он послал за ним в погоню летучих мышей и пантер. Ночь, как и его имя, обожал все черное. Я слышала, что одной из его сил была способность контролировать почти каждое черное животное.

— Какой отец сделает такое со своим сыном? — удивился Локи.

— Он был одним из самых жестоких вампиров, которых знало человечество, но это еще не все. Существует еще одна причина, по которой он хотел Ангелу смерти, но я вернусь к этому чуть позже, — сказала она. — В конечном счете, мой отец кормился на черных животных, которых Ночь посылал за ним. До сих пор остается загадкой, как он убивал их, но кормежка на летучих мышах и животных, драматичным образом усилила вампирские силы Ангела, хотя и не трансформировали его. Ночь посылал членов своей вампирской армии за ним. Охотясь за моим отцом, они являлись в образе черных животных, мертвых и укушенных, пока падал белый снег с алыми следами крови, — Белоснежка обратила свой взор на Локи. — Так и появились в нашей семье эти три проклятых цвета. Запомни фразу: "губы алые, как кровь; кожа блее снега и волосы темные как..."

— Как ночь? Как вороны? Как Ночная Скорбь?

— Как тебе больше нравится, но помни, каким именно образом эти цвета появились в нашей семье, — промолвила Белоснежка. — Ночная Скорбь распространил слухи, якобы Ангел вампир-садист, которого разыскивают местные, и что он один в ответе за распространение смертельной заразы, которая держала всю Европу в страхе. Описание моего отца разнеслось по всей Европе; люди вообразили, будто он Белоснежка, Алый как Кровь, или Черный как Ночь, откуда бы ни пришло его имя. За Ангелом повсюду велась охота, даже среди людей. Они прозвали его: Черная Скорбь, Снежная Смерть и Красный Дракон. Ты ведь знаешь, что первоначальное имя Дракулы было «Дракул», что означает "сын дракона", или еще иногда его интерпретировали как дьявол, верно? Так что Красный Дракон означает вампир. Мой отец стал самым жестоким вампиром в глазах целого мира.

Локи до сих пор удивлялся, сколько всего остальные знают о вампирах, больше него самого. Временами, он сомневался, что он был величайшим Охотником за Сновидениями в мире.

— Ангел, наконец, настиг Кармиллу в Штирии. Они назначили дату поистине королевской свадьбы вместе с ее отцом, пригласив королевских подданных на торжество, — продолжила Белоснежка.

— Что произошло с его человеческими родителями?

— Дженнет и Амелии удалось сбежать, они так и не появились на свадьбе Ангела. Они посылали ему письма из разных городов по всей Европе, в течении долгих лет, рассказывая ему, что с ними все в порядке, но им приходилось сражаться с истребителями вампиров.

— Звучит так, будто до счастливого конца Кармиллы и Ангела еще далеко, — произнес Локи, недоумевая, как все это может быть связано с Белоснежкой.

— Не совсем, — ответила Белоснежка, в то время как ветер снова начал описывать круги вокруг них.

— Только не опять, — фыркнул Локи. — Звучит как "за восемьдесят дней вокруг света", за исключением того, что все это происходит в одном сне.

Платье Белоснежки развивалось на ветру.

— Новости о свадьбе расстроили дворян Штирии, — она повысила голос, используя руки в качестве слабенького щита от порывов ветра. — Моя мать была юной, красивой и ее многие желали. Они возненавидели ее за то, что она выходит замуж за незнакомца из города, наводненного вампирской чумой.

— Куда мы направимся теперь? — спросил Локи, не способный слышать свой собственный голос. К его удивлению, слова, которые она ответила ему, обратились в дымные, читаемые буквы, которые заплясали на ветру у него перед глазами. Послание гласило:

В канун свадьбы произошло нечто непредвиденное.

— Еще одна темная и ненастная ночь, — пробубнил Локи, как только они перенеслись к тому, что было похоже на коттедж посреди леса.

Локи увидел Кармиллу, обнимающую Ангела, жаркие волны от костра плясали вокруг них, словно призраки-хранители.

— Моя жажда становится сильнее, — прошептал Ангел Кармилле, обнимая ее. Локи увидел как руки и шею Ангела испещрили вены. — Кровь животных больше не утоляет мой голос, — сказал ей Ангел.

Кармилла, зарывшись руками в его длинные волнистые волосы, притянула его ближе, не зная, что ответить. Она подняла его подбородок и поцеловала, пытаясь помочь ему

превозмочь боль. Рядом с Локи, Белоснежка боролась с подступающими слезами. Локи хотелось стиснуть ее в объятиях... он так долго хотел это сделать, но он боялся, что она укусит его или расплачется. Он не хотел проявлять никаких эмоций, чтобы не выдать свое присутствие в Мире Сновидений. Он не мог рисковать быть увиденным. Когда они целовались, Ангел сделал то, что делают все злодеи...которые так и не выбрали зло. Плавное, его поцелуй сместился на шею Кармиллы и обнажил клыки. Ангел слегка поднял голову, готовясь погрузиться в шею Кармиллы. Не смотря на то, что это было всего лишь воспоминание, Белоснежка не удержалась от крика. Локи увидел, как воздух подернулся рябью, словно круги на воде. Взгляд Кармиллы на мгновение метнулся к ним, будто бы она их слышала. Казалось, даже Ангел заметил их присутствие. К счастью, они их не видели, зато Локи понял, как легко их могут обнаружить. Затем, цвет глаз Ангела стал нормальным. Он заставил себя остановиться и не кусать ее, не смотря на то, что боль была мучительной.

— Любовь побеждает все... — произнес Локи. — Клыки, — пробубнил он себе под нос, убедившись, что его голос слишком тих, чтобы выдать свое присутствие.

— Почему ты не укусил меня? — спросила Кармилла у Ангела. — Я хочу быть с тобой вечно.

Кармилла обхватила лицо Ангела руками, и на этот раз он потерял контроль. Он снова обнажил клыки, все еще жаждая крови Кармиллы, впрочем, она уже дала ему свое согласие.

— Он старался изо всех сил, — сказала Белоснежка. — Он знал, что их жизни превратятся в ад с этого момента.

Пока Ангел пытался заставить себя отстраниться, он случайно уколол палец Кармиллы своими острыми зубами. Это мгновенно напомнило Локи о том моменте, когда мать Белоснежки проколола свой палец в сказке братьев Гримм, за исключением того, что это было сделано иголкой, а не клыками Ангела. Образ ее капли крови застыл в воздухе перед ними. Ангел уставился на человеческую кровь потемневшими демоническими глазами, устрещающий и страстно жаждущий ее. Он никогда прежде не пробовал человеческую кровь. А это была кровь его любимой, которая пахла для него в сто раз лучше, чем что-либо во всем мире. Кармилла согласно кивнула.

— Быть может, если ты выпьешь две или три капли крови, ты не обратишься полностью в вампира. Если ты будешь брать каплю или две каждый день, я поверю, что в тебе еще осталось добро, чтобы сражаться со своей темной стороной.

— Ты уверена? — спросил Ангел.

— Я все для тебя сделаю, любовь моя, — отвечала Кармилла, и ближе притянула его голову к своему пальцу. Ангел слизнул маленькие капельки крови, словно от этого зависела его жизнь..., что в действительности оказалось правдой.

— Моя мать заключила с отцом сделку, что она будет давать ему две-три капли каждые день всю свою оставшуюся жизнь, а он взамен останется хорошим человеком и не будет питаться людьми, — сказала Белоснежка.

— Она не просто жертвовала своей молодостью, — прокомментировал Локи. — Она практически спасала мир от потенциального сына тьмы самого жестокого вампира в мире.

— Это была поворотная точка в жизни Ангела, — пояснила Белоснежка. — Это помогло ему контролировать жажду и предотвратить его полное превращение в вампира. Самым лучшим было то, что их любовь стала еще сильнее, как только их судьбы переплелись друг с другом.

— Что на счет Кармиллы? — удивился Локи. — Это повлияло на ее здоровье и красоту?

— Наоборот, — ответила Белоснежка. — Кармила стала еще краше и крепче. Когда Ангел брал ее кровь, его слюна исцеляла ее и сохраняла ее молодость. Это было подобно волшебству.

Локи хотел сказать, что это чертовски негигиенично, но решил промолчать и хоть раз побыть вежливым.

— К сожалению, ее отец узнал об этой сделке в день их свадьбы. Он слишком тяжело ее воспринял и распустил свадьбу. Кармила уехала с Ангелом, против воли своего отца.

— Она пожертвовала своей семьей, чтобы быть с Ангелом, — смутился Локи.

— Это произошло в тот самый момент, когда они избрали свою судьбу и пошли против воли окружающих. Их проклинали, за ними начали охоту по различным причинам, они доверяли лишь любви друг друга, — ответила Белоснежка. — Вся Европа искала их. Они сели на испанский корабль, пересекли океан, подыскивая, где можно было бы начать новую жизнь, подальше от Европы.

— Ветер, пожалуйста, — произнес Локи, глядя в небо. Он знал, что сейчас самый подходящий момент, чтобы ветер перенес их в океан, чтобы увидеть корабль.

— Сколько раз мне еще напоминать тебе, что это мой сон? — усмехнулась Белоснежка. — Только я могу вызвать Ветер Перемен.

— Принцесса, — выгнул спину Локи и повел себя как истинный дворянин 18 века...он попытался поставить свои ноги в похожее для этого положение, но это была всего лишь импровизация. — Не могли бы Вы доставить нас к океану?

Белоснежка улыбнулась.

— Иди сюда, — она поманила его пальчиком. Локи согласился на ее зов. — Ты ведь не хочешь, чтобы тебя размазало по корабельному полу, когда ты упадешь, так ведь? — она обхватила его рукой за шею. — Ветер, — вызвала она.

Ветер завихрился вокруг них, готовый перенести их на другую сцену.

— Я только что вспомнил о том, что произошло в шкафу, — Локи приложил палец к подбородку, будто бы задумавшись, затем слегка поднял голову. — В моем первом шкафу, где со мной оказалась маленькая девочка, если память мне не изменяет, она меня поцеловала, — Локи снова склонил голову, заглядывая ей в глаза. — Это ведь была ты, верно?

— Заткнись, — закричала она, перекрикивая ветер. — Я поцеловала тебя, будучи ребенком. Это ничего не значит, всего лишь чмокнула в щечку.

— Я тебе нравлюсь, — подмигнул Локи.

Вместо того, чтобы получить от нее ответ, Локи получил соленой океанской волной по лицу.

— Крепкая хватка, — произнесла она, прижимая его руки к своей талии. Они стояли на палубе пиратского судна, сражающегося с океанскими волнами.

Королевство Скорби

— Почему мы на пиратском корабле? — выдавил Локи, выплевывая соленую воду изо рта.

Над их головами развевался черный флаг, пока корабль рассекал волны сердитого океана. На флаге был нарисован белый череп со скрещенными костями.

— Боже, какое клише, — прокомментировал Локи.

— Таких как я, ты обычно зовешь сказочными принцессами, — ответила Белоснежка. — Так что клише мое второе имя.

— Веселый Роджер? — прочел гравировку Локи на внутренней части деревянного судна.

— Не обременяй себя деталями, — посоветовала Белоснежка, вся мокрая и дрожащая, она закрыла глаза и плевалась соленой водой как и он. Ее мокрые волосы облепили лицо. — Просто сосредоточься на том, что я хочу тебе показать.

Вокруг них появились пираты, которые сновали туда-сюда, складывая пушечные ядра, переговариваясь на языке, которого Локи не понимал. Океан становился все сердитей, и в лицо Локи попадало все больше и больше соленой воды.

— Я тоже тебя люблю, — Локи сел спиной к океану, наблюдая, как по лицу Белоснежки текут струйки чистой воды. Она вся дрожала. Держась одной рукой за рею, Локи снял с себя свою куртку и положил ей на плечи, плотно укутывая ее. Его ноги неподвижно стояли на палубе, в то время как корабль раскачивался в разные стороны.

— Спасибо тебе, — кивнула она, и вспыхнула румянцем, словно о ней уже давно никто не заботился.

— Не вздумай потерять ее, — ответил Локи, пытаясь избежать драмы. — Она принадлежит моему отцу. Он дал его мне, когда мы в последний раз плавали по морю с моим дядюшкой, Джеком Воробьем, точно в такую же отвратную погоду, разыскивая одноглазую русалку.

Белоснежка посмотрела на него влажными, но смеющимися глазами.

— Ты ужасен! — крикнула она.

— И ты это просто обожаешь! — Руки Локи едва не соскользнули с рей, за которую он цеплялся.

Белоснежка закатила глаза, а потом случайно чихнула ему в лицо.

— Не скажу, что чувствую себя оплеванным, — сказал Локи, вытирая лицо. — Не понятно, то ли это ты чихнула, то ли море окатило.

— Мне еще не доводилось встречать кого-либо с таким извращенным чувством юмора как у тебя, — сказала она.

— Разве это не говорит о близкой дружбе? Признавать отвратительные черты друг друга? — Локи случайно выплюнул воду ей в лицо. — А иногда, делать друг другу...

— Забей, я поняла, — ответила она, вся промокшая до костей. Ее руки ухватились за Локи, чтобы не потерять равновесие, в то время как он поплотнее закутал ее в куртку. Ее волосы прилипли к вискам, нежным плечам и опускались на спину, хлеща ее по щекам.

— Какая чудесная погодка, — внезапно произнес Локи.

— Откуда она пришла, — удивилась она.

— Я всегда думал, что это никудышная тема для знакомства, но при такой погоде, это даже забавно, — ответил Локи. — А еще я должен спросить "часто ли ты сюда приходишь", — рассмеялся Локи. — Теперь я тебе нравлюсь, когда пытаюсь завязать нормальный, убогий разговор? — спросил он, когда прямо за Белоснежкой пролетело пушечное ядро. Здесь происходила пиратская заварушка.

— Выйдет не очень-то хорошо, если я умру в своем же собственном сне, — ответила Белоснежка, немного напрягшись из-за взрывов. — В противном случае, я никогда не проснусь.

— Знаю, — отозвался Локи, вода стекала у него по носу. — В этот и был весь смысл, когда я вошел в твой сон: убить тебя раз и навсегда.

Их взгляды снова встретились. Полуразмытая и мокрая реальность не помешала им заглянуть друг другу прямо в души. Это был долгий, дивный взгляд. Локи не мог поверить, что это та самая принцесса вампиров, которую он пришел убить пару дней назад. Даже если она окажется демоном, и даже если она каким-то образом дурачила его все это время, это не имело значения. Демон или жертва, Локи знал, что уже не сможет убить ее. Не после этого сна. Вообще никогда. Не потому что она очень сильный демон, а потому что он не смог бы убить того, кто ему нравится. Если она в самом деле дурачила его, значит она очень хорошая актриса.

— Кто же ты такая, Мисс Белоснежка? — спросил Локи, по-настоящему переживая за ответ.

— Настоящий вопрос в том, кто ты, Локи Блекстар?

Локи рассмеялся, смех вышел искренним, от чистого сердца. Она определенно нравилась ему больше в Море Сновидений, нежели в Обычном Море.

— Над чем ты смеешься? — удивилась она.

— Вокруг нас сплошной бардак, мир завтра может рухнуть, а мне плевать, — ответил он.

— Почему?

— Потому что каким-то образом меня сейчас беспокоит лишь момент с....тобой, — ответил Локи, и на этот раз, ему не было трудно в этом признаться.

Ему было плевать, даже если бы Чармвилль вдруг выпрыгнул из воды как русалка с Пиквиком на плече, и заколот Белоснежку, а потом принялся бы понукать Локи о том, какой тот болван. Это не имело значения. Нисколько.

— Даже если это сон? — спросила Белоснежка.

— Думаю самая худшая часть всего этого ужасно большого приключения, что это всего навсего лишь сон, — ответил Локи, припоминая, как еще совсем недавно он отрицал, что хочет быть с ней навсегда. Правда была в том, что он каким-то необъяснимым образом хотел остаться с ней, в этом сне. — Итак, вернемся к работе, расскажи мне, что происходит? Где твои родители?

Белоснежка показала еще один корабль в океане, тот в который пираты стреляли, желая ограбить.

— Там! Это мои отец и мать уплывают из Европы. Скоро они попадут в лапы пиратам, как ты уже смог заметить. Пираты убьют всех на борту, но мои родители сбегут.

Локи наблюдал, как пираты безжалостно расстреливают пассажиров на другом корабле, грабя их и передавая награбленное в шлюпки, отплывающие обратно на их корабль. Локи увидел, что корабль Ангела и Кармиллы тонет. Несколько минут спустя, он увидел Ангела с

Кармиллой на спине, словно ребенка на плечах у папочки. Ангел неумолимо плыл, словно акула, знающая океан, как свои пять пальцев. Кармила обхватила его всем телом, почти перекрывая ему весь доступ к кислороду, но он не жаловался. Локи начинал безмерно нравиться Ангел... вот бы его отец оказался таким же сильным, как Ангел фон Сорроу.

— Ангел стал очень сильным, — произнесла Белоснежка. — Кровь ворон, кровь животных и особенно кровь моей мамы помогли ему раскрыть в себе вампирскую силу, не смотря на то, что он так до конца и не стал одним из них.

— Ты же не пытаешься сказать мне, что весь путь к берегу он проплыл с твоей мамой на спине?

— Семь дней, — Белоснежка гордо показала Локи семь пальцев, ткнув ими прямо ему в лицо, рискуя свалиться с реи. — Его силы офигенно возросли, — добавила она. — Он стал достаточно сильным, чтобы продолжать плыть. Он никогда не спал. Он даже мог на долгое время задерживать дыхание под водой. Всякий раз, когда он находил в океане какое-нибудь дрейфующее бревно или доску, он оставлял мою маму на несколько минут, в то время как сам охотился на рыбу, чтобы она могла поесть.

Локи хотел сказать ей, что в эту часть он не совсем верит. Вампир или нет, он не мог представить, чтобы кто-нибудь был таким примером героизма и мужества. Но не стал, потому что она явилась из сказочного мира, который как она утверждала, был реальным, и его персонажи обладали героическими силами, как у Ангела, о чем в сказках не раз говорилось.

— Полагаю, мне не очень-то хочется смотреть на этот героический акт, — размышлял Локи.

— Никто не останавливает тебя от прыжка в океан, — усмехнулась Белоснежка.

— Неа, — Локи выжал воду из своей рубашки. — Я не захватил с собой купальник.

Белоснежка наклонилась, на ее лице отразилось любопытство.

— Можно задать вопрос: а это был раздельный или цельный купальник?

— Ха, ха, — без преувеличения ответил Локи. Он аккуратно приложил палец к ее лицу и игриво оттолкнул ее. — Теперь, звони своему джину-из-бутылки, чтобы он перенес нас вслед за твоими родителями. Мне, правда, интересно узнать, что произошло потом.

Белоснежка захлопала в ладошки. Не смотря на то, что вымоченная во всей этой соленой воде, она выглядела как бомж, она все еще хлопала в ладоши в своей величественной и элегантной манере.

— Твое желание — закон, — игриво ответила она.

— Порой, когда она не показывает клыки, — Локи разговаривал с ночным небом над головой. — Я думаю, что она просто потрясающая.

На этот раз они возвратились обратно в Шлосс 19 века, оказавшись в комнате Белоснежки, которая была полна зеркал. Локи упал на огромную кровать; она была мягкой и удобной. Он увидел роспись на потолке: голуби, вороны, совы и яблоки; розовый цвет явно превалировал.

— Ты здесь не для того чтобы вздремнуть, — отрезала Белоснежка. — Это моя кровать, а ты даже не спросил у меня разрешения.

— Это твоя кровать, твой замок и твой сон. Я думаю, мы уже выяснили все это, моя принцесса, — Локи сел, оперевшись на локти на мягкой кровати. На его лице сияла широкая улыбка. — Кстати, говоря о сне, как долго длится этот сон. Я думал, он будет длиться всего лишь сорок две минуты?

— Время в Мире Сновидений течет несколько иначе, чем в реальном мире, — сказала она. — Не знаю как, но когда сон подходит к концу, вороны начинают собираться вместе...

— А затем мир рассыплется на части, — кивнул Локи. — Знаю.

Она присела на кровать рядом с Локи, немного ближе для парня, который меньше чем полчаса назад боялся демонической девчонки.

— Что? — она сузила глаза. — Никогда не оставался с девушкой наедине в ее спальне?

— Спальне, да. Вот кровать была другой, — ответил Локи, отводя от нее взгляд.

Она ничего не сказала, прилагая все свои усилия, чтобы не рассмеяться над тем, каким вежливым он был.

— А еще ее отец не был Королем Скорби, — Локи пожал плечами.

Белоснежка придвинулась еще ближе. Настолько близко, что он не смог заставить себя отвести взгляд от ее губ, алых, как кровь. Чтобы там не было о них написано: ее губы были похожи на клубнику, на конфетку или вишенки, словно жгучие перчики и они чертовски влекли его. Он ощутил себя таким дураком.

— Расскажи мне, — произнес Локи, буквально отстраняя ее от себя на немного. — Ангел приплывает к берегу, находит остров и строит на нем свое Королевство Скорби. Что случилось потом?

— После семидневного скитания по океану, они нашли остров. Они решили построить на нем свое собственное королевство. Минули годы, и королевство стало самым великим во всем мире.

— Пока все хорошо, — произнес Локи. — Твои родители сбежали от преследователей и начали новую жизнь в качестве короля и королевы.

— Так было пока Ночная Скорбь не нашел королевство, — ответила Белоснежка.

— Что?

— Как я уже говорила, Ночная Скорбь не собирался сдаваться и продолжать охотиться на них. Мой отец собрал и обучил армию юных, сильных охотников и солдат, чтобы защищать границы. Это было очень особая армия, — объяснила она.

— И хотя, королевство было в безопасности, мой отец заплатил свою цену, чтобы отразить армию Ночи от границ навсегда. Каждый день он сражался с ними, и люди умирали, пытаясь обезопасить Королевство Скорби.

— А твоя мать?

— Мой отец не давал ей вмешиваться. Она управляла королевством в его отсутствие, что само по себе было бременем. Быть может, он также хотел защитить ее, поскольку нуждался в ее крови..., я не уверена, но каждые два или три дня он возвращался назад испытать ее крови.

— Аа. А я уже и позабыл. Она была его наиважнейшим источником сил против вампиров.

— Именно, — подтвердила она. — Так что моя мать, будучи Королевой Скорби, была одинока и напряжена большую часть времени. Не смотря на то, что она была молода, она хотела иметь ребенка, чтобы заполнить пустоту в отсутствие моего отца.

— Тебя?

— Да. Она неоднократно просила о ребенке моего отца, но он отказывал ей.

— Почему?

— Он сказал, что сперва ему нужно выиграть войну с вампирами, что он не мог рисковать ею и их ребенком, на случай если он проиграет войну.

— И как твоя мать отреагировала на это? — спросил Локи.

— Она ничего не могла поделать с этим, но ее одинокая жизнь и ответственность за королевство душили ее, и она начала убивать время, занимаясь колдовством.

— Странное хобби.

— Она уже прежде занималась колдовством, не со злыми намерениями, конечно. Она научилась защитным заклинаниям, которые наложила на границы королевства, чтобы враждующие вампиры не смогли попасть в само королевство. Она по-прежнему ощущала тоску, и снова и снова просила моего отца завести ребенка. Она обвиняла его в том, что он больше ее не любит, и потому не хочет ребенка. В конце концов, мой отец поддержал ее желание родить меня.

— Так она на самом деле пожелала, чтобы твои губы были алые как кровь, кожа бледна как снег, а волосы темны как ночь, как это и упоминалось в сказке Братьев Гримм?

— Да, и на это у нее были свои причины. В ту ночь, когда мои родители решили зачать меня, Кармила произнесла заклинание, чтобы я во всем была похожа на отца. Она очень сильно любила его, и она хотела, чтобы я выросла сильной женщиной, сильнее, чем она. Она в жизни не встречала никого сильнее Ангела, и она подумала, что если я буду такой же красивой как и мой отец, я буду такой же могущественной и решительной как он.

— Тут все ясно, — сказал Локи. — Мужчина, который пересек океан с любимой на спине не совсем обычный. Расскажи мне о заклинании.

— Облик моего отца означал, чтобы я унаследовала черты, которые у него были при побеге из Трансильвании, чтобы встретиться с ней в Штирии. Помнишь описания, по которым его разыскивали, вороны и прочие черные звери, посланные Ночью?

Локи кивнул.

— Вороны и пантеры, которыми он кормился, были черными, следы крови были алыми, а снег, через который он прорывался, был белым, — детально объяснила она. — В попытке моей матери, чтобы я унаследовала отцовское мужество, она сотворила заклинание и пожелала, чтобы у ее дочери губы были алые, как кровь воронов, которой он кормился; кожа белая, словно снег, по которому он шел; а волосы черны, как те долгие ночи, когда она ждала его возвращения.

— Это все объясняет, — кивнул Локи, с нежностью взирая на нее. Он подумал, что она не понравилась бы ему, выгляди она иначе.

— Теперь приготовься к ужасной последовательности событий. Я не могу передать всей важности того, что мы сейчас будем наблюдать.

Локи услышал грохот в коридоре. Он подумал, что звук был похож на лошадиный топот, что было весьма нелогично.

— Ты готов к следующему путешествию? — Белоснежка подошла к закрытой двери и ухватила за дверную ручку.

— На этот раз никакого Ветра Перемен? — Локи последовал за ней, когда она открыла дверь.

— Нет, — ответила она, и открыла дверь, в комнату влетели снежинки. На этот раз, дверь не вела в коридор, она вела в холодный лес, где поздней ночью падали снежинки.

— Вот бы у моего Кадиллака была такая ж функция, открыл дверь и сразу в ванной, — пробубнил Локи, войдя в Черный Лес.

Ночь была черной, белой и голубой, с золотыми звездами, сияющими в небе. Во тьме за толстыми деревьями сверкали алые глаза. Локи увидел колесницы, запряженную двумя

единорогами, которые мчались в ночи. Ее управлял Ангел, подгоняя единорогов хлыстом и умоляя их скакать быстрее. Локи и Белоснежка отошли, когда колесница приблизилась. Один из единорогов запнулся об упавшую ветку дерева и подвернул ногу, теряя равновесие. Колесница завалилась на один бок. Ангел взлетел в ночное небо и приземлился на ноги в снег. Его сила была просто невероятной. Один из единорогов поднялся и скрылся в ночи, испуганный красными глазами. Ангел устремился к колеснице, зовя Кармиллу. Он открыл дверь, и она упала в его объятия, в то время как он опустился на колени прямо в снег.

— Так я и родилась, в Черном Лесу, — объяснила Белоснежка. — Посмотри, какой прекрасной была моя мать, не смотря на то, что она была близка к родам.

Она была права на счет Кармиллы. Ее красота была ангельской. Она бы запросто могла стать королевой красоты в Обычном Море. Никакая пластическая хирургия не могла подарить такую естественную красоту..., Локи не мог не подумать, что всему этому поспособствовала вампирская слюна Ангела. Ангел умолял Кармиллу быть сильной. Он сказал ей, что еще одна колесница со слугами должна следовать прямо за ними, и что им просто нужно подождать их. Кармилла часто дышала. Это было признаком того, что ее дочь должна была вот-вот появиться на свет, даже ценой ее жизни.

Красные глаза во мраке стали больше и ближе, сопровождаясь звуками тяжелого дыхания и рычания. Косой луч света осветил их силуэты во тьме, по мере того как они приближались. Это были черные пантеры, очевидно, посланные Ночной Скорбью. Пантеры приближались к Ангелу и Кармилле, демонстрируя им свои острые зубы, слюна сочилась изо рта. Ангел, неожиданно понял, что колесницы со слугами не будет, он пристально посмотрел прямо в глаза пантерам, держа на своих коленях Кармиллу и сжимая ее ладошки.

— Пантеры не испугали Ангела, — произнесла Белоснежка. — Он знал, что из отпавил его отец, он убивал их и прежде и собирался убить и сейчас. Он беспокоился лишь о безопасности моей матери.

Локи увидел, как Ангел издал низкий рык, отчего в воздухе разлетелись снежинки, падающие с неба. Затем он зарычал на них так, что даже Локи стало страшно. Тьма, которую Ангел унаследовал от своих предков всплыла на поверхность, но он использовал ее, чтобы защитить свою семью..., Локи вспомнил, когда Чармвилль рассказывал ему о тьме, которая сокрыта и в нем самом. Ангел сражался с огнем при помощи огня, и он стал таким сильным, что смог убить большинство из них.

— Мне нужно поучиться у твоего папашки быть задиной, — сказал Локи.

Белоснежка обернулась и посмотрела на него, когда он сказал это. Это был непонятный взгляд, снова, будто бы она хотела рассказать ему что-то, но не могла. Почему она на меня так смотрит? Разве у меня есть что-то общее с ее отцом?

— Что? — Локи терпеть не мог, когда она на него так смотрела.

— Ничего, — ответила она, и Локи был уверен, что она врет и теме не менее, он все еще доверял ей. Быть может, ей нельзя рассказывать ему то, о чем ей хотелось. — Подожди, пока не останется меньше половины пантер.

Пока Ангел убивал большую их часть, Кармилла родила свою дочь при весьма необычных обстоятельствах. Как только крики новорожденной девочки прорезали воздух, пантеры принялись и испустили низкий стон. Они стали больше походить на домашних зверушек, нежели на пантер... Локи разглядел, что у них были животы в белую полосу, красные глаза и черный мех, они воплощали в себе три цвета. Пантеры потянулись и опустились на землю, касаясь мордами вытянутых передних лап, словно послушные

домашние кошки. Они напомнили Локи Египетских Сфинксов, то как они смиренно кланялись перед новорожденной бледнокожей принцессой.

— Что происходит? — спросил Локи. — Почему они вдруг начали чествовать тебя?

— Они не чествуют меня, Локи, — ответила Белоснежка. — Они боятся меня, — она не казалась счастливой по поводу такой невероятной силы.

— Боятся? — удивился Локи. — Но они ведь только что преследовали колесницу, чтобы убить тебя.

— Так было до моего появления на свет, — Белоснежка подняла голову, и Локи забеспокоился на мгновение, что она снова обернется безжалостным вампиром. — А теперь я родилась, и мои враги боятся меня больше всего на свете.

— Не понимаю. Почему? Какими силами ты обладаешь? Почему тебя так испугались посланники Ночной Скорби?

— Я — Белоснежка фон Сорроу, — произнесла она, когда появился Ветер Перемен и, словно волшебная кисть, начал перерисовывать черный лес в замок. — Как ты думаешь, за что меня заточили в Шлоссе на сотню лет? Почему, на твой взгляд, мое убийство приравнивается к убийству девяносто девяти вампиров? И почему, по-твоему, Городской Совет, желая моей смерти, посылает самого лучшего Охотника за Сновидениями, чтобы прикончить меня? Пора тебе узнать кто я на самом деле такая.

Бледная Принцесса

— Тебе не приходило в голову, почему Ангел был так важен для вампирского клана? — продолжила Белоснежка. — Разве тебе не было интересно, зачем они искали его всем миром, охотились за ним, хотели ворваться в Королевство Скорби, когда все, чего он хотел, это жить мирной жизнью подальше от них всех?

Локи подумал, что ее вопросы казались логичными, но представить не мог почему.

— Потому что Ангел женился на моей матери, Кармилле, человеке, потомке самого первого охотника на вампиров, Карнштейне, старинном враге Сорроу, что означало, что рано или поздно у них появиться ребенок..., - Белоснежка засомневалась на мгновение.

— Я понимаю, что Сорроу не желали потомка от их кровного врага, — произнес Локи. — Но это не объясняет, почему пантеры испугались тебя.

— Ты не понимаешь, Локи, — сказала Белоснежка. — В мире вампиров существует пророчество, что вампир из семейства Сорроу женится на человеке Карнштейнов и у них появится ребенок. Это будет девочка, и она родится Дампиром...

— Дампиром? — повторил Локи. — Я всегда думал, что Дампиры были всего лишь мифом, ошибочно задокументированным историками.

— Нет, это не миф, Локи, — ответила Белоснежка. — Дампир — дочь вампира и человека. Дампиры реальны, и абсолютно запрещены в мире вампиров, поскольку пророчество гласит, что девочка-Дампир будет обладать силами, с которыми ни один вампир не пожелает соперничать.

— Какими еще силами? — Локи уже знал ответ, но не смог озвучить его.

— Дампир сможет положить конец господству вампиров во всем мире, — отозвалась Белоснежка. — Я — та девочка, Локи, — добавила она, почти разочарованно.

Локи воспользовался моментом, чтобы осмыслить то, что она только что сказала. Это объясняло, почему все желали ей смерти, но это было слишком безумно и за гранью его понимания. *Как шестнадцатилетняя девушка могла обладать силой, чтобы уничтожить всех вампиров в мире?*

— Дампиры, если их хорошо натренировать, гораздо сильнее любого вампира в мире. Иногда их приравнивали к божествам и у них есть природное желание убивать вампиров. Если я научусь контролировать силы, которые сокрыты во мне, я стану причиной вампирского апокалипсиса. Потому Сорроу так сильно хотели моей смерти, пошли войной на королевство моего отца и прорваться через его границы.

— Так ты избранная? — спросил Локи, и это не был вопрос. Ему просто нужно было произнести эти слова, что поверить в них. Так много вопросов роилось в его голове. Он понимал, что вампиры желали смерти принцессе, потому что она была угрозой их существованию, и что Игор и отец Люси, вероятно, работали на них, раз вызвали его в Скорбь, чтобы убить ее. Но что так и не имело смысла, почему Небесный Совет думал, что убийство Белоснежки эквивалентно девяти десятилетиям девяти вампиров? Разве Небесный Совет не должен быть на стороне Белоснежки, или они тоже считают ее вампиром, и для них все это ничего не значит? Самый большой вопрос был в том, если Чармвилль знал все то, что рассказала Белоснежка ему, если и так, то почему он не рассказал ему?

— Так кто же заточил тебя в Шлоссе? Ночная Скорбь? Он, в конце концов, поймал

тебя?

Белоснежка приложила все свои усилия, чтобы не дрожать. Она отвела глаза от вопросительного взгляда Локи, глядя в окно ее комнаты, любуясь прекрасными лугами и реками снаружи.

— В Шлоссе меня заточил не Ночная Скорбь, — ответила она, по-прежнему сидя спиной к Локи.

— Тогда кто?

— Ты мне поверишь, если я расскажу?

— Конечно же, поверю, — Локи поднялся, удивляясь почему она не смотрит на него. — Что за вопрос?

— Это Кармила, — ответила она, ее голос был тихим от смущения.

— Что? — Локи сделал шаг вперед.

— Кармила, моя мать, заточила меня в Шлоссе, — ответила Белоснежка.

Локи попытался обнять ее, но она не позволила. Она обернулась, ее глаза были полны слез.

— Почему она так поступила? Я думал, она была великой женщиной, матерью и любовницей. Все те жертвы, что она совершила, ее любовь к твоему отцу. Она сражалась с целым миром, чтобы дать тебе жизнь. Как твоя мать могла закончить тем, что пленила тебя? Я думал, что тебя обижала лишь Злая Мачеха. Быть может, Кармила умерла, а твой отец женился второй раз?

— Нет, мой отец больше не женился, — сказала Белоснежка.

— Это невероятно, — произнес Локи. — Как она могла заточить тебя на все эти годы?

— Ну, во многих смыслах, она перестала быть моей матерью. Это, правда, трудно объяснить, — ответила Белоснежка. — К твоему сведению, Гримм написали первую версию моей истории в 1812, когда мне было шестнадцать. В этой версии, они упомянули, что королева была моей матерью. Этот текст доступен миру.

— Правда? — Локи удивился, как Аксель мог упустить эту часть.

— В 1857 они переписали большинство своих сказок, а мою мать они заменили на Злую Мачеху, утверждая, что поступили так, чтобы сказка стала более подходящей для детей. Они изменили ее, чтобы скрыть правду.

— Что ты подразумеваешь?

— Что все те ужасные вещи, которые она позднее сотворила со мной, будут звучать менее отвратительно, если все будут думать, что она моя мачеха, — она закрыла лицо руками и отвернулась к окну, затем она использовала свои силы, чтобы превратить его в портал, который показывал ее воспоминания.

— Что он тогда сделал? — спросил Локи.

— Не было ничего, что сравнилось бы с кровью Кармиллы, что смогло бы утолить его жажду, поэтому он стал проводить много времени за пределами королевства, охотясь на животных, как и прежде, — сказала Белоснежка. — Он стал кровезависимым. Он начал терять остроту ума и человечность своей души. В конце концов, он ведь был вампир, и ему пришлось принять свою истинную природу. Он не мог питаться на слугах или своем охотнике, он уходил из королевства, поскольку никому не мог доверить этот секрет. Как он мог объяснить своим людям, что он потомок своего же собственного врага?

Локи увидел изображение событий перед глазами. Он увидел Белоснежку, ребенка, делающего свои первые шаги. Слуги, которые теперь заботились о ней вместо ее родителей,

время от времени приносили Белоснежку повидаться с Кармиллой. Кармилла выглядела больной и старой, лежа в кровати, изолированная, в своей королевской спальне. Ее лицо светилось восторгом, когда она видела свою дочь. Они понемногу проводили время вместе, не смотря на все те муки, что Кармилла испытывала, принося себя в жертву, лишь бы ее дочь выросла. Затем в окне появился Ангел, растрепанный, небритый, походя на себя прежнего лишь наполовину. Он сидел в пещере напротив огня с цыганами и колдунами по кругу, пытаясь найти лекарство для своей жены...и для себя самого. Он ничего не нашел. В руках он держал скомканное письмо, которое перечитывал снова и снова. Оно было от его отца, Ночная Скорбь советовал ему завершить свою трансформацию, чтобы стать вампиром и обратить свою жену, а затем сдаться на его милость.

— Однажды Сорроу, Сорроу навсегда, — написал его отец.

Ночь предлагал ему стать Королем всех вампиров, если только он откажется от своей дочери. И, наконец, он упомянул о том, что заклинания, которые когда то сотворила Кармилла, что не давали вампирам пробраться через границы королевства, вскоре падут прахом. Ангел смял письмо и бросил его в голодное пламя костра. Окно снова показало Кармиллу, которая едва могла стоять перед огромным зеркалом в своей комнате. Она издала крик, когда увидела свое отражение и запустила в него серебряным канделябром, разбив его на мелкие кусочки.

— Когда Кармилла поняла, что зеркала не обманывают ее и не собираются показывать ей прекрасную Королеву, она и вовсе отказалась от зеркал. Это повергло ее в глубокую скорбь и ослабило ее веру в меня. Видя все то, что с ней происходит, несколько отдалило ее от меня, и она больше не могла все это выносить, так что она приказала убрать из замка все зеркала.

— Поэтому твоя комната полна зеркал? — спросил Локи.

— Они перенесли все зеркала в мою комнату по моей же просьбе. Им казалось, что мне нравятся зеркала, — ответила Белоснежка. — Мой отец отказался от всех зеркал в замке. Даже тогда, когда нам удалось найти выход, — продолжила Белоснежка. — Кармилла осыпала меня подарками в то небольшое время, что мы проводили вместе, не зная истиной причины заболевания. Ангел постоянно искал способ исцеления, пока доктора не сообщили моей матери ужасающий факт: той осталось жить не больше месяца. Ее тело в достаточной мере пострадало. мое же быстро росло. В конце концов, она собиралась сдаться на волю боли и старости. Тем не менее, осталась последняя надежда, которую Ангел пока не рассматривал.

— Обратить ее в вампира, — догадался Локи.

Белоснежка кивнула:

— Она попросила Ангела обратить ее в вампира, поскольку он боялся превратить ее в то, чего он так опасался всю свою жизнь.

— Полагаю, у него не было выбора, — произнес Локи.

— Именно, — Белоснежка выдохнула. — Если бы Кармилла умерла, кто бы тогда позаботился обо мне, во время его крестовых походов на вампиров? Мысль о том, что Кармилле становится все хуже, мучила его. Он винил себя за то, что втянул ее в свою проклятую жизнь и не мог выносить даже мысли о том, что он больше не сможет испытать ее крови, — Белоснежка бросила на меня взгляд, а затем отвела глаза. — В конечном счете, он превратил ее в вампира, — произнесла она тихим голосом. — Хотя его собственная трансформация была неполной, от Ночной Скорби он узнал, что у него есть сила обратить ее

в полу-вампира, как и он сам.

— Пока ты не наколдовала образ как все это происходило, я надеюсь, ты не против, если я не буду на это смотреть, — признался Локи.

— Не то что ты, — ответила она. — Даже я сама не смогу заставить себя смотреть на это.

— Понимаю, — сказал Локи. — Так как же так вышло, что твой отец спас твоей матери жизнь?

— Он не спас ее жизнь, а проклял. Поверь мне. — Ответила Белоснежка. Локи увидел как вздымается ее грудь, словно неуверенная волна разбивается о берег. — На следующее утро, Кармила проснулась жива-здоровая и красивей прежнего. Я слышала истории о том, как ее красота пугала других женщин в замке, темным светом затмевая их невзрачный вид.

— А ты?

— Я больше не была проблемой. Ты энергия, которую я неосознанно брала у нее, сторицей компенсировалась ее новой силой. Я помню, как ее ощущения становились острее, сильнее: она могла далеко видеть, слышать тихие разговоры, предсказывать погоду и даже бегать столь же быстро, как и Ангел. Мой отец научил ее контролировать свою жажду и питаться воробьями, летучими мышами и животными.

— Так она могла оставаться вампиром-полукровкой, как и Ангел, до тех пор, пока не выпьет человеческой крови, — заключил Локи.

— Но как часто бывает, здесь не обошлось без ловушки, — произнесла Белоснежка. — Оказалось, что ни одно зеркало не могло отразить новую красоту мамы. Вместо этого, все зеркала отражали лишь зверя, который, вероятно, был скрыт внутри нее.

— Но с Ангелом такого не было. Почему она стала иной?

— Карнштейны были необычными охотниками на вампиров. Они были потомками святой кровной линии, и из-за этого, ее настигло проклятие зверя в зеркале, что было весьма справедливым наказанием.

— Твоя семья проклята, принцесса, — прокомментировал Локи.

— Тем не менее, нам удавалось выживать. Кармила снова избегала зеркал, тайно питалась с Ангелом, пока меня растили и укрывали секреты от остального королевства, — сказала Белоснежка. — Все было весьма сносно, до того дня как пришла та посылка, — сообщила Белоснежка.

— Что за посылка?

— Однажды, когда моего отца не было в замке, мы получили посылку из Европы, — продолжила Белоснежка. — Она была от Юстуса фон Либлига, немецкого ученого, который дарил моей матери самые лучшие зеркала в то время, когда она еще собирала их, еще до того, как она их запретила. На этот раз, Юстус прислал ей свое лучшее изобретение: серебряное зеркало, как те, что используют в наши дни. Слуга принял подарок и отнес его напрямую в мою комнату, конечно же. Должна признать, я была просто очарована им. Еще никогда в своей жизни я не видела столь чистого отражения.

— Похоже, что это было обычное зеркало, — заключил Локи.

— Как бы я хотела этого, но это не так. Когда мне становилось скучно и одиноко, я начинала разговаривать с зеркалами в комнате. Сначала, я говорила лишь со своим отражением, убивая время и выбирая их вместо кукол и игр. Мне нельзя было посещать школу..., конечно же, мне не сказали, как опасна я была. Девочка в зеркале была точной копией одинокой девочки, которая повторяла мои движения и одновременно со мной

расчесывала волосы, говорила те же слова, что и я. Потом, однажды, зеркало начало говорить со мной, и это не был мой голос или же галлюцинация. В зеркале была другая девочка, — сказала она. — Я не видела ее, только слышала. Судя по голосу, она была старше меня, и она сказала, что заточена внутри. К моему удивлению, ей не нравилось говорить со мной. Она сказала, что способна излечить мою мать и сделать ее отражение прекрасным, и она умоляла меня о встрече с ней снова и снова.

— Ты рассказала о ней своей матери?

— Лишь однажды; она так на меня рассердилась и пригрозила, что разобьет все зеркала в моей комнате, если я снова упомяну об этом. Я объяснила ей, что чувствую себя одинокой и мне нужен хоть кто-нибудь, с кем можно поговорить, особенно после того случая с принцем. Помнишь?

— Ауч, — Локи скривил губы. — Я и забыл о твоей непреодолимой тяге к хорошеньким, сексуальным юным принцам. Ням-ням.

Внезапно, дверь распахнулась и Королева Белоснежки, Кармила, вошла. Локи подскочил, прижимаясь спиной к оштукатуренной стене. Белоснежка рассмеялась:

— Успокойся, — сказала она. — Это всего лишь новая сцена, которую тебе нужно увидеть.

— Тогда почему мы не перенеслись? — Одинокая капелька пота скользнула по его лбу.

— Потому что все действие разворачивается в этой комнате, — ответила она. — Продолжай смотреть.

Королева Скорби

Кармила, прекрасная и сияющая, как и всегда, стояла на пороге комнаты. Ее Величество смотрело на все те зеркала, что выстроились полукругом, делая каждый ее шаг все более и более трудным. Она стояла в своем элегантном красном платье и золотой короне, заплетенной в ее волосы, золотые локоны струились по ее плечам. Локи подумал, что это странно, что Королева носит корону дома, и что она вплела ее себе в волосы, может, боялась, что ее кто-нибудь украдет.

Кармила сделала глубокий вдох, прежде чем ступить на середину комнаты. Она старалась не смотреть в темные отражения зеркал, мимо которых она проходила, даже Локи старался не смотреть на них, по какой-то причине, ему не хотелось исказить память о красоте Кармиллы. Кармила не бывала в комнате дочери по причине всех этих зеркал. Но в то же самое время, она пришла сюда из-за того самого зеркала, о котором ей рассказала Белоснежка. Ее любопытство достигло пика, и она не смогла удержаться, чтобы не заговорить с зеркалом, которое пообещало показать ей ее прежнюю красоту. Кармила с легкостью распознала нужное зеркало. У него у единственного была серебряная поверхность, но не это было самым важным атрибутом. Из всех зеркал в мире, оно одно отражало лицо Королевы, не смотря на то, что она была вампиром-полукровкой.

Кармила склонила голову набок, не в силах поверить в подобное волшебство. Она нетерпеливо подошла к зеркалу, касаясь руками лица. Для нее не имело значения, что все остальные зеркала в комнате показывали ее звериную натуру. Все, что имело значение, так это то, что это единственное зеркало показывало ту самую прекрасную Королеву, какой она была прежде.

— Зеркало, зеркало на стене? — медленно произнесла Кармила, ее глаза изучающе рассматривали зеркало, словно оно было живым. Она не была уверена, что зеркало могло и вправду отвечать.

— Да, моя дорогая Королева? — ответила невидимая девушка в зеркале.

— Зеркало, зеркало на стене, — повторила Кармила, словно убеждаясь, что зеркало на самом деле говорило с ней.

— Я к Вашим услугам, Королева Скорби, — ответила девушка в зеркале. В первый раз за все время ее называли Королевой Скорби, и в глазах Кармиллы засияли искорки. — Просто спросите, и я отвечу, — продолжила девушка. — Ваше желание для меня закон.

— Зеркало, зеркало на стене, — снова повторила Кармила. — Кто прекрасней всех в этой стране? — она осторожно приблизилась, выпрямив спину и выставив грудь вперед, ее голос излучал силу.

— Ты — Королева Скорби, — ответила девушка в зеркале. — Ты прекрасней всех на свете.

Кармила сузила глаза, взволнованная и недоверчивая от того, что зеркало говорило, но она увидела, что отражение не обмануло ее ожиданий. Оказалось, что Локи наблюдал правдивую версию одной из самых важных сказочных сцен: тот момент, когда Королева впервые заговорила с зеркалом.

— Кто эта девушка в зеркале, Юстус прислал его в качестве подарка, или он на кого-то работал? — спросил Локи.

— Ну, конечно же, Юстус на кое-кого работал, — ответила ему Белоснежка. — Зеркало прислал Ночная Скорбь, который неустанно работал, чтобы обратить моих родителей в настоящих вампиров, чтобы объединить с ними свои силы. Ночная Скорбь нашел способ добраться до моей матери, не пересекая границ королевства. Зачарованного зеркала было достаточно. Что касается девушки в зеркале, я уверена, что ты знаешь кто она такая. По крайней мере, ты должен был слышать о ней.

— Ты ошибаешься, — возразил Локи. — Я не узнаю девушку в зеркале.

— Знаешь, Локи, — настаивала Белоснежка. — Подумай получше, вспомни о сказках, которые оказались правдой, как связан мир историй. Вспомни детские песенки, которые тебе доводилось слышать, о городских легендах. Это ведь очевидно. Тебе лишь нужно связать все воедино.

Локи призадумался, пытаясь понять, что за девушка прячется в зеркале, но ничего не приходило на ум.

— Я, правда, не знаю.

— Как зовут ужасную девушку, которая прячется в зеркале и ее боятся детишки? — подсказала Белоснежка. — Подумай о злобной девушке, которая сбежала из зеркала, своей темницы; когда ты трижды произнесешь ее имя, она выйдет и убьет тебя.

— Ты же не имеешь в виду..., - Имя вертелось на кончике языка Локи.

— Кровавая Мэри, — кивнула Белоснежка. — Она реальна, и она обратила мою мать в чудовище, появляясь перед ней в зеркале.

— Это..., - Локи лишился дара речи.

— Это правда, — сказала Белоснежка. — Иногда, я удивляюсь, почему никто никогда не задавался вопросом, откуда в сказке появилось зеркало. Та, кто говорил с Королевой Скорби в зеркале, была никто иная как Кровавая Мэри.

Внезапно, глаза Кармиллы загорелись. Будто бы она очнулась от гипнотического эффекта Кровавой Мэри. Она ощутила, что все это работа зла.

— Нет, я не прекрасней всех на свете, — возразила Кармилла Кровавой Мэри. — А если и так, я знаю, что не должна видеть свое отражение в зеркале, — произнесла она, тем временем снова замахиваясь подсвечником в зеркало. — Это неправильно, — произнесла она. — Ты злое зеркало, и ты должно быть уничтожено, — она замахнулась канделябром на зеркало.

Прежде чем та успела разбить его, поверхность зеркала пошла рябью и явила изображения других женщин, которые казались, страдали от того же самого недуга, что и Кармилла, конечно же, никто из них не рождал избранную, но все они старели после родов. Казалось, у женщин-вампиров в зеркале не было никаких проблем со старением, поскольку они нашли решение этой проблемы. Они пили кровь молодых девушек и поглощали их молодость, чтобы самим не стареть. Когда они кормились на них, молодые девушки мгновенно старели и умирали, в то время как вампириши становились моложе и здоровей. Кармилла остановилась, выпустив клыки. Женщины в зеркале любовались своими прекрасными лицами в маленькие зеркала, наслаждаясь своей вечной молодостью. Они расчесывали свои натуральные волосы, рассматривали идеальную кожу, накладывали макияж и губную помаду, прищипывая губами; припудриваясь и слегка пощипывая свои щеки, чтобы придать им полный жизни и энергии румянец.

— Что толку в красоте, если ее нельзя увидеть? — произнесла Кровавая Мэри, играя на слабости Кармиллы. — Ты не сделала ничего дурного, а видишь в зеркале лишь чудовище.

Ты заслуживаешь большего. Ты пожертвовала своей молодостью, своей любовью и собой ради своей дочери, потому что ты любишь ее.

Локи хотелось закричать во сне, чтобы предупредить Кармиллу о девушке в зеркале, но он не мог рисковать, на случай, если она заметит его.

— Твоя дочь оценила все то, чем ты пожертвовала ради нее? — спросила Кровавая Мэри. Изображение в зеркале изменилось на семилетнюю Белоснежку, которая выглядела милой, живой и сияющей. — Вся та красота, что она вытянула из тебя ушла впустую, — продолжила Кровавая Мэри. — Твою боль никто не оценил. Ты попросту могла умереть молодой и красивой, так и не родив ее.

Поверхность зеркала покрылась рябью и показала другую сцену из будущего Белоснежки: на ней было белое платье, и она гуляла босыми ногами по саду, полному лиловых и желтых маков. Мужчины всех возрастов смотрела на нее взглядами, полными желания: рыцари, охотники и принцы, в то время как один из слуг возложил на ее голову корону, корону Королевы.

— Рано или поздно, — сказала Кровавая Мэри. — Белоснежка станет прекрасней всех на свете и насладится твоей болью.

Картинка в зеркале показала Белоснежку, идущую по кладбищу, теперь на ней были надеты доспехи воина, покрытые кровью, у ее ног лежали тысячи мертвых вампиров. Она ступила на заброшенную могилу, за которой никто не ухаживал. Белоснежка опустилась на колени и дотронулась до надгробного камня. На нем было выгравировано имя Кармиллы:

Кармилла Карнштейн

Королева Скорби

1777–1812

Белоснежка в зеркале рассмеялась несколько иначе, чем в реальной жизни. Это был злобный смех.

— Я убила ее, — сказала она. — Я убила их всех; я избавила мир от вампиров, включая мою чудовищную матушку.

Кармилла закрыла лицо руками, прячась от зеркала.

— Нет, — выдавила она. — Она бы не сделала этого.

— Да неужели? — удивилась Кровавая Мэри. — Она ведь избранная, Дампир. Е древних книгах предсказано, что она будет наполовину человеком, наполовину вампиром, наделённая сверхъестественными силами, королевской кровью и бесспорной красотой. Она, Ваша дочь, Белоснежка, положит конец всем вампирам в мире, она станет смертельным охотником и легендарной спасительницей человечества. А если и не станет, Вы все равно скоро умрете, когда снова начнете стареть и умрете потому, что в пророчестве говорится, что из вас двоих выживет только одна.

— Стареть? Что ты имеешь в виду? — Выражение лица Кармиллы стало напряженным. — Это неправда. Ангел обратил меня в вампира-полукровку. Значит, я больше не буду стареть.

— Да что Вы говорите, моя дорогая Королева? — подразнила ее Кровавая Мэри.

Зеркало снова покрылось рябью и показало Ангела, который разговаривал с цыганами о ее недуге, перед самым обращением ее в вампира-полукровку. Цыгане сказали ему, что трансформация Кармиллы необратима, и что ее обращение лишь ненадолго спасет ей жизнь. Рано или поздно, она снова начнет стремительно стариться, пока, в конце концов, не умрет.

Кармилла никак не смогла бы избежать своей участи, по-крайней мере, пока ее дочь будет жива. Ангел солгал ей.

— Я не могу в это поверить, — Кармилла закрыла лицо ладонками, все тело сотрясилось от рыданий. — Не могу поверить, что Ангел солгал мне.

— Видите? — произнесла Кровавая Мэри. — Вы, моя дорогая, одна из нас.

— Одна из вас? — Кармилла нахмурилась, поднимая голову.

— Одна из Сорроу, чистокровная, — ответила Кровавая Мэри. — Вы станете вампиром и станете частью семьи Сорроу. Не смотря на то, что Вы полукровка, это не гарантирует Вам красоту и бессмертие. Рано или поздно, Вам придется завершить свою трансформацию, чтобы спасти себя. Только тогда Вы станете настоящей Королевой Скорби, правительницей королевства и правительницей своей собственной судьбы.

Глаза Кармиллы пожелтели, а по щекам потекли черные слезы.

— Кто ты такая? — спросила она у зеркала.

— Я единственная, кто может дать Вам то, чего Вы желаете, Ваше Высочество. Все что угодно, — произнесла Кровавая Мэри. — Если Вы хотите оставаться прекрасной каждый день своей жизни..., оставаться живой, испытать на себе настоящую силу вампира, быть достаточно сильной, чтобы противостоять своей дочери, когда та достигнет возраста шестнадцати лет, и не позволять ей больше питаться Вашей энергией. Все что Вам нужно, это испробовать человеческой крови.

Изображение в зеркале сменилось на образ женщин-вампиров, теперь уже купающихся в крови своих жертв. Кармилла наблюдала за ними. Она облизала губы и провела языком по клыкам. Женщины купались в крови с медом, их тела испытывали настоящий экстаз. Эта жуткая смесь исцеляла раны на их коже, в их глазах загорались искры, а кожа становилась тонизированной и увлажненной, делая их еще моложе, чем те юные девушки, которых они кусали.

Внезапно, Кармилла опомнилась, ее лицо стало совершенно нормальным.

— Нет, — произнесла она, делая шаг к зеркалу и сжимая руки в кулачки, словно хотела напасть на него. — Если жить должна одна из нас, то должна быть она. Я умру ради нее.

Но слова Кармиллы были бессмысленны. Кровавая Мэри протянула свои страшные руки из зеркала и затянула внутрь Королеву.

— Хватит, — сказала Белоснежка Локи со слезами на глазах. — Я не могу этого выносить, но я должна показать тебе.

— Что произошло с Кармиллой? — спросил Локи. Кармиллу затянуло в зеркало, и ее нигде не было видно в комнате. Он увидел лишь, что поверхность зеркала стала алой и за ней раздались крики, будто бы в зеркале был свой собственный мир, скрытый за стеклом.

— Она вернулась чем-то иным, — ответила Белоснежка. —..чем-то злым. Первое что она сделала, это выпила кровь самых красивых девушек Скорби, чтобы завершить свою трансформацию, в качестве вампира.

Локи потерял дар речи. Он был подавлен и растерян. Часть его хотела посочувствовать Кармилле, а другая его часть не могла представить бесконечные толпы убитых молодых девушек. Локи представил, как все это, в конце концов, обратило Кармиллу в кровожадного вампира, и позднее, она и вправду пыталась убить свою дочь. Если это не расстроит Белоснежку, он спросит у нее, что произошло потом.

— Все хорошо. — Сказал Локи Белоснежке. — Тебе не обязательно показывать мне остальное. Я понимаю. Положись на меня.

— Нет, ты не понимаешь, — всхлипнула Белоснежка. — Ты должен увидеть заключительную сцену сна.

Ветер Перемен перенес их в заключительную сцену сна, в котором все начиналось, обратно в купальню Кармиллы.

— Ты, правда, хочешь увидеть это? — спросил Локи, стоя уже в купальне. Локи ближе притянул к себе Белоснежку и крепко обнял ее, грудь к груди, сердце к сердцу, и ему не хотелось отпускать ее.

— Просто закрой глаза, когда все начнется, — предложил Локи. Его все еще смущало то, с каким рвением она настаивает на том, чтобы показать ему воспоминание из купальни. Быть может, это касалось того, что она хотела рассказать ему, но не могла?

— Все изменилось после того дня, — приглушенным голосом продолжила Белоснежка. — Моя мать завершила свою трансформацию, став настоящим вампиром. Ее жажда крови становилась все сильнее. Она купалась в крови молодых красивых девушек, которых ей удалось заманить в Шлосс. Это были девушки из бедных семей, сиротки, потерянные, ищущие работу и лучшую жизнь; наивные девушки, которые были просто очарованы встречей с Королевой Скорби. Она питалась их юностью. Девушки мгновенно старели, а она тем самым прибавляла свою молодость. Она стала самым красивым вампиром, который питался не только кровью, но и молодостью.

Локи увидел Королеву, которая купалась в крови молодых девушек, которых она только что укусила. Ее тело покоилось в ванне яблокообразной формы, наполненной кровью, молоком и темным шоколадом. Она откинула голову и сделала глубокий вдох через нос, затем облегченно выдохнула, выпуская в жаркий воздух кольца пара. Локи задумался, почему шоколад и молоко с кровью? Быть может, это был некий ритуал сохранения молодости? Но сейчас это было не столь важно. Он не мог поверить глазам, видя новую Кармиллу, которая превратилась в настоящего монстра, который был прекрасным лишь снаружи. То, как она лежала в ванне и наслаждалась всем этим, словно у нее не было ни сердца, ни души. Ей было плевать на девушек, что она убила. Она не дрогнула или ощутила жалость к ним. Ей нравилось лишать их жизни, кормиться их молодостью и купаться в эликсире их жизни. Локи пытался долго не смотреть на всю эту отвратительную сцену. Он представил, что где-то лежат мертвые девушки...,теперь уже постаревшие....прямо на полу, и он был благодарен, что не видит их, в противном случае, он бы закричал и выдал свое присутствие во сне. Новообращенная Королева была более чем счастлива убить его и Белоснежку в этом сне. Ему на глаза попались силуэты бедных девушек на полу, и его мозг отказался это воспринять. Это всего лишь сон, сказал он сам себе. Они с Белоснежкой проснутся, когда песок в Будильнике кончится, и с ними обоими все будет хорошо.

— Моя мать отменила все защитные заклинания, что она наложила на границы королевства, чтобы измучить моего отца изнурительными войнами против вампиров. Это отвлекло местных жителей от таинственных исчезновений молодых девушек, вместо этого заставляя их сосредоточиться на войне. Они думали, что исчезновения связаны с проникновением вампиров в королевство.

Королева поднялась из ванны. Слуги укрыли ее тело белыми одеждами, расшитыми жемчугом. Она поплотнее закуталась в них, вдыхая запах крови и пара, ощущая, как молодость струится по ее жилам. Слуга передал ей корону, и она возложила ее себе на голову, прежде чем слуга начал снова заплетать ее волосы. Другой слуга закатил ее любимое зеркало обратно в купальню. Королева пристально посмотрела на свое отражение в нем. Не

смотря на то, что с ее губ капала кровь, и все тело было покрыто ею же, зеркало обмануло ее и показало самый прекрасный в мире облик. Рот Королевы изогнулся в победной улыбке.

— Зеркало, зеркало на стене, — медленно произнесла она.

— Это Мэри, Мэри на стене, моя Королева, — радостно ответила Кровавая Мэри.

— Кто прекрасней всех на свете? — снова спросила Королева Скорби.

— Наконец, она смогла увидеть себя в зеркале и потешить тем самым свое тщеславие, — рассказывала Белоснежка, в то время как Локи наблюдал. — И, конечно же, не имело значения, сколько энергии я у нее отняла, у нее выработался иммунитет, как только она стала одной из них и убивала девушек.

— Ужасно, — произнес Локи. — Я просто не могу поверить, что это та самая Кармила, которая пожертвовала всем ради тебя и Ангела.

— Со временем ей стало нужно больше крови, больше девушек и больше кровавых ванн. Люди становятся зависимыми от наркотиков, а она стала зависимой от своей красоты и молодости в зеркале. Иногда, я думаю, что это был единственный способ позабыть о ее злобной натуре. Что хорошего в бессмертии, если в нем нет красоты и молодости?

— Вы, моя госпожа, прекрасней всех на свете, — ответила Кровавая Мэри.

— Ее жажда становилась все сильнее и сильнее, — продолжила Белоснежка. — А у кровавых ванн обнаружились побочные эффекты. Чем чаще она принимала кровавые ванны, тем хуже становилось ее коже и здоровью в их отсутствие. Одна такая кровавая ванна давала ей три дня..., ну, максимум неделю, здоровья и исключительной красоты. Тогда то и наступало время следующей ванны, в противном случае она старела даже быстрее, чем прежде.

— Она пыталась обидеть тебя? — спросил Локи, обнимая ее еще крепче.

— Не тогда, — ответила Белоснежка. — Она стала эгоистичной, а эти ее кровавые ванны убили в ней остатки сердца. Она даже не осознавала, что стала убийцей. День за днем в ее сердце появлялись черные дыры, шаг за шагом превращая ее в подобие моего бессмертного деда, Ночную Скорбь. Она перестала давать свою кровь моему отцу, говоря, что процесс ослабляет ее, и она устала от всего этого, что ему следует уважать ее желания и найти другой способ кормиться. Она хотела ослабить его за его нерешительную любовь к ней, путем нужды в ее крови. А он был так занят войной, что не видел всей полной картины ее ужасных планов. И, конечно же, она стала уделять мне мало времени. Она отдалилась, странно смотрела на меня и избегала разговоров. Я думаю, она искала способ победить свою жажду, но была так озабочена своим внезапным старением, что не могла даже помышлять о том, чтобы прекратить свои кровавые ванны. А потом...

— А потом что? — ахнул Локи.

— А потом началось мое знаменитое приключение Белоснежки, — ответила Белоснежка. — Она отправила меня в Черный Лес собрать роз и поиграть с волками, чтобы я не догадалась, что происходит на самом деле; почему она так возненавидела меня, почему завидовала мне или почему хотела моей смерти. Она подослала Охотника убить меня, — Белоснежка подняла голову и заглянула в глаза Локи. Теперь она рыдала еще сильнее, и Локи увидел, что воздух вокруг них пошел рябью, как это уже случалось, когда они чуть не выдали свое присутствие перед Ангелом и Кармиллой в коттедже. — Он был кровожадным человеком с черным сердцем, и она велела ему вырезать мое сердце и принести его ей, вместе с печенью, в доказательство моей смерти.

Локи был поражен тем, что теория Акселя оказалась верной. Но углубляться во все

тайны сказочных персонажей была наименьшей из его забот. Белоснежка продолжила рыдать, а воздух вокруг них покрылся рябью еще сильнее. Он хотел прижать ее к своей груди, чтобы хоть как-то заглушить ее крики. Но он не смог. Он решил, что будет неправильным не дать ей выразить свои эмоции. Иногда слезы, даже если они болезненные, смывают всю боль, а он хотел, чтобы Белоснежка выплакалась, даже если бы это выдало их присутствие в Мире Сновидений.

— Вот откуда взяли, что вампиры..., в моем случае, Дампиры, были уничтожены. В ее план входило избавить от вампиров и саму себя от угрозы, кою представляла я, избранная. Также, она хотела искупаться в моей крови, чтобы заполучить себе мои силы. Она была ослеплена жадой красоты и силы, — продолжила Белоснежка. Затем она прокричала последние слова: — Моя родная мать стала моим врагом.

Вот тогда-то Локи и увидел, что Королева Скорби заметила их присутствие во сне.

К Чему Приводят Сны

Локи увидел, что воздух перед глазами пошел рябью, словно радиоактивные волны. Охотник за Сновидение и его присутствие в Мире Сновидений было разоблачено. Во вспышке, все слуги подняли головы по направлению к Локи и Белоснежке. На мгновение, они казались шокированными, все.... кроме Кармиллы.

Она повернула голову к злоумышленникам. Она сделала это медленно, словно все время сна было на ее стороне. Будто бы она ожидала их. Ее губы изогнулись в злобной усмешке, когда она увидела, что Локи крепко прижимает к себе Белоснежку. Он словно пытался защитить ее от урагана, который раскидывал все на своем пути словно жалкие листья. Уверенность Королевы Скорби была просто пугающей. Локи ожидал, что она зарычит на них, покажет свои клыки и красные глаза. Вместо этого, она вздернула подбородок, откинула волосы с плеч, и одарила их взглядом, словно лев свою добычу. Ее лицо лучилось жизненной энергией, сияя ярко и обманчиво элегантно, словно и не было никакого зверя, что прятался за этими голубыми глазами. По ее губам текла кровь, выдавая всю ее маскировку и обнажая ее гнев. Очень медленно она провела языком по этим сердцевидным губам. Он не был человеческим. Он был похож на язык змеи, раздвоенный на кончике. Он был тонкий и достаточно длинный, чтобы Королеве удалось слизнуть кровь с подбородка. Втянув язык обратно, на ее лице изогнулась улыбка. Она закрыла глаза, глотая кровь, затем снова их открыла. Это было загадкой: как она могла быть такой красивой и совершать нечто ужасное. Она вытерла губы кончиками пальцев, демонстрируя жемчужное кольцо на среднем пальце.

Локи потерял дар речи, почти парализованный и не способный устоять перед присутствием Королевы. Во всех тех историях, что он слышал раньше, Кармилла была несравненной. Ее присутствие было могущественным и неизбежным. Снова, Локи испытал то странное чувство, когда он был в шкафу и ощутил потребность подчиняться Королеве. Это было зловещее предчувствие, словно она могла контролировать его каким-то образом. Будто бы он должен подчиниться ей, и ему было необходимо приложить все свои усилия, чтобы устоять против ее смертельных чар. Не удивительно, что ее называли *"Та, Кому Нужно Подчиняться"*.

— Не позволяй ей контролировать тебя, — сказала Белоснежка Локи. — Не смотри ей в глаза.

Локи по-прежнему был под гипнозом. Мгновение сопротивления, ощущалось длинной в несколько дней, он словно боролся со своей собственной тенью...или со злом внутри себя, которое необъяснимым образом связывало его с ней.

— Посмотри на меня, Локи, — взмолилась Белоснежка, глядя его по лицу.

Очень медленно, Локи перевел взгляд на Белоснежку. Это было нелегко. Когда он смотрел на Кармиллу, он отчасти понял ту тьму, что сокрыта внутри него. Он знал, что какой бы тьмой он не был одержим, Кармилла знала об этом и пыталась использовать это знание против него самого. Как много ей было известно о его прошлом?

Взгляд Белоснежки спас его от влияния Кармиллы. Он привел его обратно в чувства. Словно он оказался... дома, в котором он так всегда хотел оказаться. Освободившись от ее гипноза, Локи бросил взгляд на Королеву, ее силуэт сейчас был немного размытым из-за

пара. Для страховки, он взял Белоснежку за руку. Он нуждался в этом, в то время, как ему нужно было подумать о том, как сбежать из этого сна. Либо так, либо Королева осушит их как и тех юных девушек, которых убила прежде.

— Руно, — вспомнил Локи. Он потянулся, чтобы трижды стукнуть завязанному руно на запястье, посылая тем самым сигнал Акселю и Фейбл, чтобы те разбили зеркало топором Люси, чтобы спасти их из этого ужасного, бесконечного сна.

Он постукал по запястью, осторожно наблюдая за Королевой Скорби. К его удивлению, он не ощутил на своей руке Руна. Глаза Локи широко распахнулись, и сердце неистово забилося в груди. Бросив взгляд на запястье, он не мог поверить в то, что увидел или вернее НЕувидел. Руно исчезло.

Королева Скорби звонко рассмеялась; от ее смеха у них по спине поползли мурашки. Локи знал, что она смеется над ним. Он оглянулся на нее и увидел, что она наматывает его Руно на пальцы правой руки. Левой она вгрызалась в яблоко. Он понятия не имел, как потерял свое Руно, или как Королева завладела им. Это не имело значения. Королева не собиралась отдавать его обратно, и теперь он был пойман в ловушку в этом сне, до тех пор, пока в Будильнике не закончится песок в Реальном мире. Локи инстинктивно хотел сделать шаг вперед, чтобы защитить Белоснежку, которая стояла у него за спиной, словно он был готов получить пулю вместо нее.

— Что ты делаешь? — выплюнула Белоснежка.

— Я отвлеку ее, — ответил Локи. — А ты убежишь, а потом жди, пока не кончится сон, и пока ты не проснешься в реальном мире. Уверен, Аксель и Фейбл в целости и сохранности отнесут тебя обратно в замок.

— А ты?

— Я потерял свое Руно, что означает, что я заперт здесь. Я смогу проснуться только тогда, когда закончится сон, или..., - Локи пожал плечами, он не знал, что сказать. Все что ему пришло в голову, засветить Аликорном молчаливо наблюдающей Королеве.

Ее молчаливая уверенность была куда страшнее, чем ее гнев. Будто бы она знала, что им не убежать, потому она не торопилась кончать с ними. Кармила усмехнулась на героическую реакцию Локи. Это был уничижительный жест, и Локи захотелось, чтобы Аликорн, наконец-то, оказался хоть капельку полезным. Он совершил долгое путешествие к Скорби, желая убить Белоснежку, а теперь понял, что за всем этим скрывалось настоящее зло, в лице Королевы. Теперь все эти разговоры про возвращение домой были бессмысленны. Он вспомнил, как его мать говорила ему, что в Скорби он узнает, кто он такой на самом деле, и что есть разница между тем кто он, и откуда он. Сейчас Локи был там, где и хотел быть: влюбленный в девушку, которую пришел убить, снова. Белоснежка была его домом.

Кармила передала одному из слуг объединенное яблоко, из которого, извиваясь, торчал червяк. Она вытерла рот кончиком платья одной из мертвых девиц. Локи предположил, что теперь у нее над ним жуткая власть из-за Руна. Он подумал, что если владение Руном Охотника за Сновидениями то же самое, что владеть его душой. Сжимая Аликорн, он хотел броситься в бой, как мужчина, но Королева оказалась быстрее. Кармила снова продемонстрировала свой змеиный язык, облизывая губы. Читая какое-то чудовищное заклинание, она высунула язык в воздух, разбрызгивая нечто вроде невидимой силы на Локи. Но это был не яд.

Вместо этого, Локи обнаружил, что его оторвало от пола. Она оттолкнула его одним языком, не приложив и руки, тем же самым способом, когда Белоснежка отбросила Плохиша

в замке реального мира. Против своей воли, Локи взмыл в воздух, он раскинул руки в стороны, словно космонавт в невесомости. Кармила щелкнула пальцами, и Локи отбросило в сторону. Он приготовился удариться об стену и приземлиться на задницу. Вместо этого он резко упал вниз, плюхаясь в ванную, которую видел в своем первом сне, только на этот раз она была наполнена.

Локи удостоверился, что не выронил Аликорн, когда скользнул в смесь из крови, молока и шоколада. Он сомневался, что выберется из всего этого живым. У него кружилась голова от удара Королевы, и он представил, как теряет сознание под водой.

И вот так все закончится? В ванной? Ну, офигеть как сказочно.

Лежа на спине на дне ванной с закрытыми глазами, он мечтал что бы нашлось нечто такое, что придало ему сил и он снова бы сразился с Королевой и спас Белоснежку. Он поборол желание потерять сознание. *Никто не умирает, не выяснив того, кто он такой на самом деле.* Вспомнил он слова Чармвилля. *Это еще не конец.*

Если бы только была какая-нибудь волшебная сила, которую он смог бы использовать как в сказках. Куда подевались Феи-Крестные, Крестные Отцы и Матушка Гусыня, когда они были так нужны?

Но Локи не привык верить в сказки...,по-крайней мере, не до этого сна, да и он сомневался, что кто-то подобный появиться в этот момент и спасет его жизнь. Он слишком устал, чтобы даже попытаться в последний раз произнести Ора Педора. Как вообще можно говорить под водой, если у него не осталось сил?

Соберись, Локи. Ты можешь сделать это.

Его внутренний голос придал ему моментальный всплеск силы, и он попытался поднять руку. Но для него уже было слишком поздно. У ванны отрасли руки, как у осьминога, и схватили его за руку, снова прижимая к полу. Он попытался пошевелиться, но ноги тоже были схвачены «осьминогом». Осьминог один двигался, в то время как Локи старался не утонуть. Локи решил пока не шевелить свободной рукой, а то и ее чего доброго схватят.

Что там моя матушка говорила про Чанту? Разве она не говорила мне следовать за своей звездой, и тогда весь мир объединиться и поможет мне? Нужно использовать эту самую Чанту прямо сейчас. Должно быть, это правда. С чего бы ей лгать мне? Мне нужно мужество, чтобы ощутить ее?

Локи подумал, что сейчас он как никогда способен использовать Чанту. Он очень хотел отыскать Белоснежку, а весь путь, что ему уже довелось пройти, должно быть, изменил его в лучшую сторону. Он уже не был тем полуангелом, который презирал Минкиных и вечно жаловался на жизнь. Неделью назад, если бы он оказался на пороге смерти, ему было плевать на жизнь, поскольку все кого он любил и скучал, были стерты из его памяти. Но теперь, у него были друзья; девушка, которая ему нравилась и, что за ирония, новый дом. Пусть даже он назывался Скорбью, пусть даже он находился в городке под названием Ад, он, по-прежнему, хотел там жить. Чармвилль некогда говорил ему, что существует множество городков под названием Ад, но ни одного под названием Небеса. Быть может, все, что необходимо было сделать Локи, это переименовать этот Адский городок в свои персональные Небеса. Быть может, Небеса не просто место; дом не был просто местом; мы сами в силах сотворить себе Ад или Небеса. Дом там, где сердце; там, где мы плачем и смеемся, встречаем свою любовь, то, что мы вершим сами и ради чего мы боремся. Нам на подсознательном уровне вдалбливали, что дом был сухой душой; место о котором нужно заботиться, свято веря, что однажды пройдет дождь и утолит земную жажду. Только тогда

трещины на земле исцеляться и зеленые мечты вырастут из земли. Локи хотелось пережить этот момент, больше чем когда-либо. Ему хотелось насладиться жизнью со своими друзьями, с любимой девушкой и, быть может, посвятить свою жизнь, помогая остальным, когда необходимо. Но, быть может, для Локи уже было слишком поздно. У него кончился воздух и ответы.

Если бы только у него был шанс, может, он и был, в качестве свободной руки, которую осьминог еще не обхватил своим толстым щупальцем. Вот только как именно использовать этот шанс правильно? Его свободная рука была ближе всего к карману, где он хранил Сезам, печенье с предсказанием. Что скажет ему Сезам на этот раз?

Он знал, что вопрос, который он хотел задать, не обязательно озвучивать. Ему просто нужно было использовать разум, а оно уже в свою очередь поймет и ответит ему. Локи медленно вынул Сезам из кармана, чтобы не потревожить щупальца осьминога и отвел руку в сторону. Все, что нужно было сделать, это задать вопрос и разломать печенье. Он всегда верил Сезаму, и теперь, оно было его последней надеждой.

Стой. Не делай этого. Вспомни, когда Чармвилль говорил тебе, что если ты отбросишь нечто ненужное, только тогда ты сможешь использовать Чанту.

Почти теряя сознание, Локи вспомнил, что так и не смог выяснить, что это был за предмет. Но теперь, все казалось яснее ясного. Нужно было отказаться Сезама. Бесплезного печения с предсказаниями. Что бы оно ему не пророчило, все было ложью, даже когда порой срывало джек пот. Он привык пользоваться им в прошлом и полагаться на него, не задавая лишних вопросов или задумываясь. Это был его ленивый подростковый способ позволить кому-то другому принимать решения за него, и это, должно быть, была самая его большая ошибка.

На этот раз Локи раскрошил Сезам, не задавая вопросов или ожидая ответов. Он сломал его, тем самым отказываясь от него, не желая больше им пользоваться. Больше в его жизни этому печенью применения не нашлось. Он захотел сам принимать решения. У него была целая сумма выборов, которые необходимо было сделать. Все, что произошло с ним, часть его предыдущих решений, даже если порой ему трудно было сделать выбор, он был слишком взрослый, чтобы принять это, и слишком мал, чтобы исправить свои ошибки.

Я слишком юн, чтобы сделать это, и слишком стар, чтобы сделать это правильно.

Локи выбрал сражаться с Королевой, чтобы спасти принцессу. По иронии судьбы, он никогда бы не подумал, что скажет подобное, раньше он всегда потешался над сказками, думая, что они учат разным глупостям, по типу, драконы существуют. Но он упустил суть. Сказки не учат нас тому, что драконы существуют, они учат нас тому, что драконов можно убить. Он никогда не верил в сказки, но сейчас ему пришлось поверить.

Как только Сезам был раскрошен, он ощутил странную силу в глубине души. словно с его плеч спал груз, и теперь он ощущал себя легче и свободней от неизвестных ему оков. В конце концов, он нашел свое исцеление. Его Чанта была верой в себя, только в самого себя, лишь он один единственный может определить свое будущее.

Удивительным образом, осьминог отпустил Локи сразу же после того, как тот разломал Сезам. Локи приземлился на ноги, вдыхая весь предоставленный ему воздух. С него капала кровь, с молоком и шоколадом, пока он продолжал дышать, будто бы нашел всю суть жизни, как давно потерянную возлюбленную.

Позволяя воздуху наполнить вены и приспособливаясь к своему окружению, Локи

увидел, что у него возникла другая проблема. Ни Кармиллы, ни Белоснежки не оказалось поблизости, исчезли даже королевские слуги. Вместо них, Локи увидел кое-кого другого в банном пару. Это был Чармвилль Глиммер.

— Чармвилль? — Локи утер влажное лицо. — Я и не знал, что Вы можете входить в сны.

— Однажды я и сам был Охотником за Сновидениями, — ответил Чармвилль, одетый в плащ и с неизменной тростью. — Но это было давно, прежде чем я посвятил себя защите Книге Прекрасной Лжи.

— Как Вам удалось войти в Дримори? — спросил Локи. — Вы сейчас лежите рядом со мной и Белоснежкой в Храме Сна?

— Вообще-то нет, — захихикал Чармвилль, скрывая свои секреты от Локи за улыбкой. — Разве столь важно как я попал сюда?

— Вы правы, — ответил Локи, выходя из ванной. — Лишь Белоснежка имеет значение. Чармвилль едва заметно кивнул, словно всегда хотел услышать это Локи.

— Где она? — произнес Локи.

— Ее забрала Кармилла, и у нее нет намерения отдавать ее тебе обратно, — объяснил Чармвилль.

— Но Дримори может закончиться в любой момент, — ответил Локи. — Я не могу проснуться без нее.

— Это то, чего ты хочешь? — спросил Чармвилль, пронзая Локи взглядом.

— Ну, конечно же, это то, чего я хочу, — нетерпеливо ответил Локи. Он терпеть не мог, когда Чармвиллю нужно было подтверждение его слов. — Я думал Вы здесь, чтобы помочь мне спасти ее.

— Ты же знаешь, я всегда приду тебе на помощь, но я думал, что ты здесь затем, чтобы убить ее и вернуться обратно домой, — ответил Чармвилль.

— Мне сейчас не до этих разговоров. Времени мало, Чармвилль, — взмолился Локи. — Сейчас не важно, попаду ли я домой, — он колебался мгновение, затем произнес, — знаю, это прозвучит странно, и у меня нет этому рационального объяснения, но сейчас мой дом там, где Белоснежка.

— Что же ты сразу не сказал? — Чармвилль выдал улыбку до ушей. — Давай же спасем принцессу, прямо как в сказках, — он взмахнул Локи тростью, слишком восторженно для человека его возраста. — Следуй за мной.

— Что Вы делаете?

— Кармилла посадила Белоснежку в свою карету, запряженную волшебными волками, — сообщил Чармвилль. — Она хочет заточить Белоснежку в башне. Если ты перестанешь болтать, то мы сможем спасти твою принцессу.

— Зачем прятать ее в башне, если она хочет ее убить? — спросил Локи. — Это бессмысленно.

— Мне, правда, сейчас очень нужно, чтобы ты перестал болтать, — произнес Чармвилль, спеша к двери, ведущей на выход из купальни напрямик в Черный Лес. Перед ними стояла пара лошадей, запряженных и готовых. — Надеюсь, ты умеешь ездить верхом, — произнес Чармвилль. Пиквик приземлился на его плечо, залетев с улицы.

— Вы меня этому никогда не учили. Я только знаю, как ездить на машине, в которой играет музыка, которой не существует, — ответил Локи. — Надеюсь, у вас тут таких в 19 веке не было.

— Ну, конечно же, нет, — ответил Чармвилль. — Принцесс положено спасать по старинке: на лошади, в лесу или замке, после того, как ты сразишься с драконом.

— Это так по-книжному, — ответил Локи. — Я думал, в этом мире сказки перепутаны.

— Так и есть, персонажи перепутались, но сердце и душа, полная любви и превосходства неизменна, — ответил Чармвилль. — Меняются лица, сердца все те же, — он подмигнул Локи, а Пиквик кивнул в знак согласия. — Но не волнуйся; взбирайся на лошадь и дай себе шанс. Это то же самое, что кататься на велосипеде. Мы все равно во сне. Используй Чанту.

Локи неохотно влез на лошадь. Как только он уселся, Чармвилль осторожно хлопнул по ней. Лошадь стала на дыбы и мгновенно набрала скорость. Локи закричал, повиснув у нее на шее, не в силах контролировать ее, прилагая все свои усилия, чтобы не упасть.

— Эта Ваша Чанта не работает, — завопил Локи, когда лошадь рванула в темный лес.

— Это потому что ты до сих пор не достаточно веришь в себя, — донесся голос Чармвилля откуда-то сзади. — Продолжай пытаться. Используй воображение.

— Но я раскрошил Сезам! Я отказался от вещи, которая сдерживала меня, и потому я не утонул. Что я еще должен сделать? — закричал Локи, борясь со скачущей на скорости лошадью, выгнув спину и повиснув на ней, словно заправский ковбой родео.

— Тебе необходимо поверить в то, что ты не видел своими собственными глазами, — прокричал Чармвилль, звук казался таким далеким. — Поверь и только тогда ты все увидишь.

— Я не располагаю к мыслям, пока я на этой лошади, — отозвался Локи, зная, что Чармвилль его все равно не услышит. Он ощущал себя в точности так же, когда в Сахарном Домике на него напал ворон. Хорошего мало.

Ему нужно было справиться с лошадью, чтобы спасти Белоснежку. Он терял драгоценное время. Он не знал куда едет, но полагал, что лошадь следует за каретой Кармиллы, которая управлялась волком. Луна неспешно скользила по ночному небу, в то время как он выглядел как клоун на дикой черной лошади.

— Локи сделай это. Локи сделай то. Локи иди и убей принцессу, — продолжал он бормотать себе под нос, почти падая с лошади. — Локи садись на лошадь. Локи спаси принцессу. Локи используй Чанту. Локи поверь в себя. Я запутался во всем этом и по горло сыт самоанализом. Мне осточертел этот сон.

— Для того, кому положено спасать принцесс, ты похож на стеснительного любителя, — прокричал Чармвилль, следуя за ним на единороге. Это был необычайно быстрый единорог, его красивое и соблазнительно тело окружала сверкающая аура. Локи все же был рад, что Чармвилль оказался рядом с ним.

— Почему Вам единорог, а мне лошадь? — лицо Локи покраснело.

— Я же Чармвилль Глимммер, — горделиво ответил он, скача верхом на единороге так, словно он был гораздо моложе Локи. — Я это заслужил. Я совершил множество удивительных вещей в своей жизни.

— Вы, правда, думаете, что сейчас самое подходящее время хвастаться? — пропыхтел Локи.

— Вот что я тебе скажу, — Чармвилль приблизился еще ближе к скачущей лошади Локи. — Прыгай ко мне, но это последний раз, когда я тебя спасаю, понял?

Спрыгнуть с лошади было еще труднее, чем ехать на ней, но Локи подумал, что это меньшее из двух зол. Он ухватился за плащ Чармвилля одной рукой, и ему удалось

запрыгнуть на единорога.

— ИиииииХа! — воскликнул Чармвилль, и единорог помчался еще быстрее. Локи еще никогда прежде не видел Чармвилля с этой стороны. Он удивился, почему в прошлом он никогда так не отрывался, может потому что сейчас они были во сне.

Внезапно, Локи услышал как позади раздалось приближающееся рычание. В его душу закрался страх. Их преследовало нечто злое.

— Кто нас преследует? — спросил Локи, держась за Чармвилля.

— Чтобы не случилось, не оглядывайся! — Голос Чармвилля стал серьезным как никогда. — Ты слышишь меня? Не оглядывайся!

— Кто они такие? — спросил Локи.

— Охотники Королевы, — Чармвилль прибавил скорости. — Во главе с самым Главным Охотником. Чтобы ни произошло, не смотри ему в лицо, или все будет напрасно. Понял?

Локи все же не удержался и оглянулся, бросив взгляд на преследователей. Позади них, возглавляя всех прочих охотников, на безрогом единороге ехал Охотник в черном плаще, такого Локи прежде не видел. Этот единорог не был белым и прекрасным, как у Чармвилля. Его черное тело покрывали шрамы, а рог был и вовсе отрезан. Он прибавил скорости, как только увидел Локи. Он словно изголодался по нему и обнажил свои львиноподобные клыки. Но черный единорог оказался наименьшей из бед Локи. Это был тот самый Охотник, при виде которого, у него по спине пробежали мурашки. У Локи внезапно разболелась голова, в нее словно вонзились тысячи игл. Он уставился на капюшон Охотника вопреки совету Чармвилля, но не смог разглядеть его лицо. Капюшон Охотника показывал лишь тьму, скрытую под ним. Но Локи ощутил в нем присутствие темной силы, как в тот момент, когда посмотрел в глаза Королеве Скорби. Взгляд Локи приклеился к Охотнику. Он уже жалел, что посмотрел на него, но он был слишком скован страхом, чтобы отвернуться. Охотник злобно рассмеялся и собрался опустить капюшон, чтобы показать свое лицо.

— Что ты творишь? — Чармвилль одернул Локи от зачарованного взгляда Охотника и развернул его назад. — Разве я не говорил тебе не смотреть на него? Он зло! Столько зла и тьмы ты никогда прежде не видел в своей жизни.

— Не знаю, что со мной происходит, — Локи тряхнул головой. — Охотник и Кармила могут оказывать на меня подобный эффект.

— Это потому что ты все еще недостаточно силен, — Чармвилль все еще преследовал карету Кармиллы на единороге, и та уже показалась вдали. — Ты посмотрел Охотнику в глаза? — беспокойно спросил Чармвилль у Локи.

— Нет. Вы мне помешали прежде, чем я успел заглянуть под его капюшон, — ответил Локи.

— Хорошо, — выдохнул Чармвилль. — Я позабочусь о нем и его охотниках, как только мы подберемся поближе к карете.

Локи и Чармвилль быстро догнали обитую золотом карету. Как и все, что было связано с Кармиллой, карета выглядела величественно и дорого. Она была тыквообразной формы. Ничто не указывало на то, что внутри была злобная Королева. Со своего угла обзора, Локи не мог разглядеть ни волков, которые тянули ее, ни Белоснежку внутри. Темные окна были увиты ветвями и сделаны из жемчуга. Ситуация была жуткой. Им нужно было спасти Белоснежку и убежать от преследователей.

— Мы уже достаточно близко, — сообщил Чармвилль, прямо за каретой. Тяжелое дыхание Охотника было так близко, что Локи понял, что он прямо у них за спиной. Он ехал

рядом с ними. — Тебе придется самому управлять единорогом и спасти принцессу. Больше я тебе ничем помочь не смогу.

— Чтобы ни случилось, не смотри на него, — произнес Чармвилль, фокусируя взгляд на карете. Будто бы он сам не мог вынести взгляда Охотника. — Скачи на единороге и останови карету, Локи. Позволь мне заняться Охотником.

В мгновение ока, Чармвилль взмыл в воздух и перепрыгнул на единорога Охотника. Локи беспокоился за человека, который научил его всему, но постарался не смотреть на Охотника, пока тот дрался с Чармвиллем. Он управлял единорогом и следовал за каретой, прислушиваясь к звукам борьбы между Охотником и его хранителем у себя за спиной.

Локи продолжал преследовать карету. Кто-то отодвинул занавесь с окна. Это была Кармила, демонстрируя свои облаченные в жемчужные кольца пальцы. Она уставилась на Локи, словно забавляясь тем, что он все еще далеко. После она бросила на него злобный взгляд, осмотрев его с головы до самых ног единорога. Как и всегда, она была молчалива. Королева потешалась над Локи не говоря ни слова при этом. Она произнесла одними губами: — *Ку-ку*, — а после показала пальцами на свои глаза и обратно на Локи. — *Я за тобой наблюдаю*.

От этих слов у Локи по спине пробежали мурашки. Королева просто обожала играть в подобные игры. Убивать врагов вдруг оказалось не ее любимым занятием: ей нравилось смотреть, как они медленно страдают; она просто обожала наблюдать за тем, как они медленно увядали, подобно ее обожаемым яблокам. Локи увидел, как другой рукой она схватила Белоснежку. Не смотря на то, что Локи знал, что Белоснежка не была девицей в беде, а самой что ни на есть занозой в заднице, он удивился, почему та не борется в Королевой. Только лишь потому, что она была ее матерью, и ей было стыдно сопротивляться ей или же сила Королевы была настолько ошеломляющей?

— Беги, Локи, — закричала Белоснежка, когда Королева схватила ее за волосы. — Спасайся. Она меня не отпустит. Я попытаюсь найти твое Руно у нее, но сейчас уже слишком поздно. Беги!

— Нет, я не уйду, — ответил Локи, стискивая Аликорн. — Я не проснусь без тебя! Мы проснемся вместе, и я больше никогда тебя не покину.

— Теперь она моя, Охотник за Сновидениями, — прокричала Королева Скорби из-за жемчужной решетки. — Как мать и дочь...или как когда-то мать и дочь, она связана со мной. Поэтому пока она у меня, она останется взаперти этого сна и не сможет проснуться, — она отвернулась и позвала одного из своих волков, который тянул карету. — Манагарм!

Локи понял, что это волчье имя, а еще он не понял, что именно она приказала ему сделать. Секунду спустя, начало происходить нечто непредвиденное. Локи попытался успокоиться, когда увидел, как карета медленно взмывает в воздух, запряженная волками. Они медленно поднимались, унося карету к луне.

— Нет! — Закричал Локи, пытаясь ухватиться за оконную решетку руками.

— *Ку-ку*, — произнесла Кармила одними губами, высунувшись в окно. — Прощай, прощай.

Локи потянулся за ними, обхватив руками единорога, желая, чтоб тот мог летать. Спонтанно, он вскинул Аликорн в воздух и закричал *Ора Педора*.

— Это должно сработать, — пробормотал он себе под нос. — Я прошел длинное путешествие, я изменил многое. Сейчас я верю, что могу сделать невозможное. Правда,

верю. Это должно сработать, — он закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться на искренности своих эмоций.

Он вообразил, как снова обнимает Белоснежку. Он представил, как спасает ее. Он провел целый год, пытаясь заработать прощение за любовь, и теперь он не мог снова допустить ошибку. На этот раз, он не откажется от своих чувств, или будет извиняться за то, что они у него появились. Даже не смотря на то, что это было так иррационально, так быстро влюбиться в нее, хотя ему было запрещено влюбляться в демоницу, он не собирался отказываться от нее. К черту эту память, к черту возвращение домой, к черту правила, которые связывали его по рукам и ногам, не давая ему стать тем, кем он хочет быть. С закрытыми глазами, он ощутил, как спиральная поверхность Аликорна меняется. Она двигалась, скользя, будто бы...оживала. Локи открыл глаза и увидел, что спираль вокруг Аликорна двигалась, словно змея. Она и вправду была змеей.

Он взмахнул ею в воздухе, она стала толще и длиннее, устремляясь прямо за парящей каретой. Вскоре Локи понял, что она становится настолько длинной, насколько ему надо. То, что он держал в руке, частично было орудием зла. Он не был в восторге от змей, особенно после того, как увидел раздвоенный язык Королевы. Но об этом как раз все время и говорил ему Чармвилль, что внутри Локи сокрыта тьма, та самая тьма, которая овладела им в прошлом. Лишь он один мог использовать эту тьму и контролировать ее против Королевы Скорби. Словно бороться огнем против огня.

Локи снова ударил змеей, пока та не дотянулась до кареты. Он увидел, как Королева обнажила клыки на змею Аликорна. Подобно битве титанов, одинаковые глаза смотрели друг на друга.

Локи ударил Аликорном третий раз. Его змея скользнула Королеве в волосы и брызнула ядом ей в глаза. Кармила завопила и отпрянула от решетки, в то время как змея Локи опутала их и начала тянуть карету вниз. Эта схватка пошатнула равновесие Локи на единороге, но он сильнее ухватился за него свободной рукой. Затем, он стиснул другой рукой Аликорн и потащил карету обратно к земле.

— Я заслужил Оскар за это акробатическое представление, — произнес Локи, все еще упираясь обеими руками.

Но его змея оказалась удивительно сильной. Из ее тела появилось множество маленьких змей, которые устремились к волкам и брызнули ядом им в глаза. У волков закружилась голова, и они бросились обратно к земле, увлекая за собой карету.

Сцена, развернувшаяся на глазах Локи, была воистину эпичной. Золотая карета в воздухе, запряженная отравленными волками и облепленная змеями из Аликорна, все это при полной луне на заднем плане. Локи подумал, что это было просто безумием, и все ему это лишь снится. Но черт, он же и был во сне, и вот к чему могут привести сны.

Карета рухнула прямо перед ним. Локи спрыгнул с единорога, когда змея снова оплела поверхность Аликорна. Он подбежал к тому, что осталось от кареты, и увидел на земле распростертую Белоснежку. Кармила исчезла.

Он оттащил искореженные части кареты и опустился перед Белоснежкой на колени. Он легонько потрепал ее по щеке, но она не ответила. Она была еще бледнее, чем обычно.

— Проснись, Шу, — взмолился он. — Проснись. Я здесь, рядом с тобой. — Он положил ее голову к себе на плечо, но ее руки безвольно свесились по бокам. Он не знал что делать, теряясь в догадках, что же могло с ней приключиться. Она не выглядела так, словно ее бессознательное состояние стало причиной удара кареты. Произошло что-то еще, пока она

была в воздухе.

Вороны начали каркать и окружать его. Локи вскинул голову, догадываясь, что это предзнаменовало окончание сна. Вскоре случится землетрясение, горы падут и они проснутся. Но было ли безопасно просыпаться, пока она была без сознания? Он не знал.

Опустив ее на землю, он увидел, что ее губы обагрены кровью. Это не имело смысла. Он подумал, быть может, она укусила Королеву, пока боролась с ней в воздухе. Но не это было причиной. Рядом с парализованным телом Белоснежки, Локи увидел надкусанное яблоко. Оно было окровавленным, сок был красным, и он предположил, что Белоснежка откусила кусочек. Кармила, должно быть, заставила ее откусить его, пока они были в карете.

Позади него раздался крик Чармвилля. Локи поднялся и увидел его вдалеке. Он стоял на коленях, руки связаны за спиной, и его окружали охотники. Они стояли полукругом, обнажив мечи. На каждом был надет черный капюшон, из-за которого лиц не было видно. Ветер развеивал и трепал их капюшоны и плащи, словно они были черными призраками. Они поймали Чармвилля и собирались казнить его. Локи хотелось подбежать к нему.

— Не ходи за мной, Локи, — взмолился Чармвилль. — Я не так важен, как она.

Локи запутался, оглядываясь и разрываясь между Белоснежкой и Чармвиллем. Он не знал, кого спасти. Сон вот-вот должен был закончиться, а он мог спасти только одного. Земля под ногами заурчала. Приближалось землетрясение.

— Спаси принцессу, — испуганно закричал Чармвилль. Еще никогда прежде Локи не слышал столько страха в голосе своего Хранителя.

Локи ожидал, что из мрака появится Охотник, чтобы убить Чармвилля. Ему нужно было думать быстро. Быть может, встретиться лицом к лицу с Охотником вопреки советам Чармвилля? Что он вообще думал по поводу того, чтобы спасти Белоснежку и бросить на произвол судьбы человека, который вызволил его из небытия и благословил на вторую жизнь? Это был трудный выбор. Словно выбор между прошлым и будущим, старым и молодым, в любом случае, сердце Локи обещало разбиться.

Медленно, некто появился в полукруге охотников, которые окружали его хранителя. Но это был не Охотник. Это была Кармила. Она медленно шла среди своих охотников, приближаясь к Чармвиллю. Несметное количество гоблинов следовало за ней, неся излюбленное зеркало Королевы. Они поставили его перед Чармвиллем, и Кармила подняла голову, встречая взгляд Локи издали.

— Клянусь, если ты еще раз скажешь эту свою "Ку-ку- я-за-тобой-наблюдаю" чушь, я надеру твою королевскую задницу, — выплюнул Локи.

Кармила хохотнула и повернулась к нему спиной, словно игнорируя его. Она протянула руку к зеркалу и извлекла из него меч, сделанный из острого зазубренного хрусталя. Она подошла к Чармвиллю и потрепала его по щеке, словно щеночка.

— Знаешь, как долго я мечтала прикончить тебя, Чармвилль? — спросила она у старика, который стыдливо потупил взгляд. — Так долго, что даже позволила твоему блудному Охотнику за Сновидениями улизнуть с принцессой.

Не удивительно, что Чармвилль знал Кармиллу. В конце концов, Локи не до конца узнал всю правду об этом сказочном мире. Он знал лишь, что не убьет принцессу, и что останется в Скорби и навсегда позабудет о выискивании правды, кто он такой на самом деле. Но его просто разрывало на части видеть Чармвилля таким. Он знал, каким гордым был этот мужчина. Чармвилль никогда не страшился смерти. Для него было позором бояться; позором встать на колени и склонить голову перед силами зла. Будь он

бессмертным, убийство Чармвилля во сне повергнет его в вечный сон в реальном мире. Правила применимые к Дессмертным, применимы и к Охотникам за Сновидениями в вопросах жизни и смерти.

— Оставайся там, где стоишь, Локи, — снова взмолился Чармвилль, с опущенной головой, готовый к тому, что Королева ее отрубит. — Сон кончается. Ты будешь в безопасности, если проявишь терпение.

— Но я не могу Вас бросить, — Локи ощутил, как по щеке скатилась слезинка. Он уже был готов сделать шаг к нему. Его останавливало лишь то, что он станет на шаг дальше от Белоснежки. — Вы ведь не хотите убивать его, — Локи устремил свой взгляд на Королеву.

— Тебе ведь нужна Белоснежка, а она тут, со мной, — слова полоснули ножом по сердцу, как только он произнес их, поскольку совсем не это имел в виду. Глубоко внутри он знал, что ни за что на свете не откажется от бледной принцессы. Но он пытался обмануть Королеву, тем самым выиграв немного времени.

— Она мне не нужна, — беспечно ответила Кармила, поднимая свой хрустальный меч в воздух, — по-крайней мере, пока.

— Что ты имеешь в виду, она не нужна тебе? — Локи скорчил рожу.

— Я заставила ее укусить яблоко. Окровавленное яблоко. Теперь она проклята быть одной из нас. И она будет проклята, пока кто-нибудь не отыщет противоядие, которое, как я уверена, ты никогда не найдешь, глупый Охотник за Сновидениями.

— Скажи мне, какое противоядие, — настаивал Локи, зная, что это сама по себе глупая просьба, будто бы Королева Скорби возьмет и скажет ему.

— Можешь забрать ее с собой в реальный мир. В данный момент она не представляет для меня угрозы. Яблоко обратит ее в кровожадного вампира. Она, вероятнее всего, сразу же убьет тебя, как только ты вытацишь кол, — Кармила сделала глубокий вдох, готовясь обрушить свой меч на Чармвилля.

— Не беспокойся, ты знаешь, как спасти ее, если только откроешь свое сердце и пересечешь океан своего разума, — сказал Чармвилль Локи. — Просто проснись с ней и с вами все будет в порядке. И, Локи, — Чармвилль посмотрел на него. — Позаботься о Пиквике.

Пиквик пустился Локи на плечо. Просьба Чармвилля могла показаться обыденной Королеве, но Локи понял ее значимость. Первое, Пиквик хранил всю правду о сказках, которую Чармвилль собирал и хранил всю свою жизнь. Теперь, это стало и ответственностью Локи. Второе, Локи чувствовал, что это честь для него; некое благословение, которое Чармвилль передал ему как флаг, продолжать его путешествие. Локи решил закрыть глаза, чтобы не видеть смерти своего хранителя.

— Боюсь, тебе придется убить меня лицом к лицу, — обратился Чармвилль к Королеве, гордо вскидывая голову. — Я — Чармвилль Глимер. Если хочешь прикончить меня, тебе следует знать, что я умру только с честью, с поднятой головой, а не ударом ножа в спину.

Локи слышался удар хрустального меча, и Кармила издала вдох облегчения. Словно она всегда хотела убить его, и Локи задумался обо всех тех секретах, что он распутывал в этом мире. Смерть Чармвилля пришла истерическим порханием воронов. Когда Локи открыл глаза, Королева исчезла. Он увидел, как вдалеке падают горы, обращаясь в пыль. Реки вытекли из берегов, а звезды начали падать с небес. Он вернулся к Белоснежке, взял ее на руки и развернулся лицом ко всему этому хаосу. Поток приближался, в то время как он

спокойно стоял перед ним. Он не знал, чем все это обернется для него, с тех самых пор, как он спас девушку, которую собирался убить.

Проклятые Яблоки

Когда Локи проснулся, Аксель бил его кулаком по груди.

— Отвали от меня, — Локи оттолкнул Акселя и сел, будучи еще немного ошеломленным. — Какого черта ты творишь?

— Я делаю тебе СЛР (прим. пер. СЛР — сердечно-легочная реанимация), — ответил Аксель.

— Что? Я же не умер!

— Секунду назад, ты почти поцеловал его, — пробормотала Люси где-то на заднем плане. Она, как и всегда, писала кому-то смс-ку.

— На мой взгляд, ты выглядел как покойник, — пробубнил себе под нос Аксель, игнорируя Люси. — Я не собирался целовать тебя на самом деле. Я хотел вдохнуть тебе воздух в рот.

— Где ты вообще этому научился? — спросил Локи, потирая запястье и ощущая себя голым без своего Руна.

— Я прошел курсы, — гордо сообщил Аксель.

— Дай мне, Господи, терпения, — Локи закатил глаза. Это был риторический вопрос.

— Это были курсы, как спасти своего домашнего питомца, — Аксель ощущал нужду высказаться.

— Я что, по-твоему, похож на питомца? — Локи поднялся, отряхивая снег. Погода все еще была холодной и немного сумасшедшей. — И не вздумай отвечать, — предупредил его Локи.

— Ты всегда такой ворчливый после сна?

— Вы и понятия не имеете, что там происходило, — нетерпеливо ответил Локи. — И разве я не предупреждал вас не заходить в Храм Сна?

— Извини, — сказал Аксель. — Мы подумали, что ты умираешь, и я полез тебя спасать. Я теперь в опасности?

— Я так не думаю, — ответил Локи. — Сон, во всяком случае, закончился, — Локи все еще пребывал в шоке, от своей стычки с Кармиллой. Образ Чармвилля снова вспыхнул перед глазами, и он приложил все свои усилия, чтобы не заплакать, по-крайней мере, не перед друзьями.

Он посмотрел на Белоснежку, которая спала в хрустальном гробу в Храме Сна. С ней вроде все было в порядке. Ему нужно было осторожно перенести ее в замок. Он уже потерял Чармвилля и он не собирался терять еще и Белоснежку. Бросив взгляд на Будильник, он увидел, что времени у них было предостаточно.

— Почему ты так мил с Акселем? — спросила Люси у Локи. — Почему ты просто не скажешь ему, что он бесполезен и постоянно косячит.

Аксель покраснел. На этот раз, он выглядел сердитым. Он уже получил свою долю унижений от Люси. Локи знал, что чтобы не сделал Аксель, он действовал из добрых побуждений, потому что он был настоящим другом, только вот у них не было времени давать Люси отпор.

Говоря об Акселе, Локи вспомнил про Фейбл. Он удивился, почему она не произнесла ни слова, с тех самых пор, как он проснулся. Обернувшись, он увидел, что Фейбл смотрит на

него, как на привидение. Она определенно волновалась за Локи, но в ее взгляде было нечто такое, что напугало Локи.

— Что? — выплюнул Локи, чувствуя себя неуютно под ее молчаливым взглядом.

— Ты что, потерял свое Руно, Локи? — язвительно спросила у него Фейбл, словно его мать, будто он потерял нечто ценное. У него возникло гадкое ощущение, что потеря Руна ни к чему хорошему не приведет, и он знал, что Фейбл ощущала то же самое.

— Не волнуйся. Не думаю, что это опасно, — снова солгал он ей, чтобы она не паниковала.

— Что произошло в Дримори, Локи? — стало любопытно Фейбл. — Мы так волновались за вас двоих.

Локи сделал глубокий вдох, радуясь, что он жив.

— Не поверишь, когда я тебе расскажу, Фейбл, — он опустил голову, когда на его плечо приземлился Пиквик.

— И почему здесь Пиквик? — пискнула Фейбл. — Где Чармвилль?

— Объясню все позже, — Локи не собирался ей сообщать о том, что Чармвилль мертв прямо сейчас. Если расскажет, она расстроится и, скорее всего, начнет плакать. — Нужно отнести Белоснежку обратно в замок и нам нужно спешить.

— Тебе не придется это делать, — Люси подула на свои ноготки, потом ткнула пальцем, указывая на нечто позади Локи.

Аксель уже толкал гроб Белоснежки по льду обратно к замку.

— Аксель, — поспешил за ним Локи вместе с Фейбл, — что ты делаешь?

Аксель не отвечал. Он толкал гроб изо всех сил, побежав так быстро как никогда прежде, лед под ним угрожающе трещал. Трещины на льду устремились за ним, но он был удивительно быстр. Люси не рискнула возвращаться в замок по льду. Локи и Фейбл медленно перебирались по льду на носочках за Акселем. Они держались за руки и выбрали несколько иной маршрут, поскольку держаться прямо за Акселем было небезопасно.

Когда они догнали его, Аксель уже заталкивал гроб в замок. Шлосс был тих и не показывал своего гнева.

— Я. НЕ. БЕСПОЛЕЗЕН, — закричал Аксель на Люси.

Фейбл рассмеялась. Ей понравилось, как он вопреки себе сделал нечто героическое, вроде перехода по ломкому льду. Так он хотел показать всем, что не бесполезен, впрочем, для нее это прозвучало забавно.

— Ты абсолютно точно не бесполезен, — Фейбл поцеловала его в щеку.

Локи никогда прежде не видел у Акселя такой широкой улыбки. Поцелуй Фейбл заставил его почувствовать себя ее героем, которым он так хотел стать с самого начала.

После того, как Аксель успешно дотолкал гроб к замку, они затащили его обратно в комнату к Белоснежке. Прежде чем вынуть кол, Локи рассказал им о проклятии Кармиллы, и как она заставила Белоснежку укусить яблоко. Он объяснил, что Белоснежка может оказаться под его влиянием, и все они могут оказаться в опасности. Они решили отложить кол на потом, чтобы Локи сделал это сам. Кроме того, они устали, а ведь им еще предстояла уборка целого дома перед завтрашним приездом их приемной матери.

Сидя снаружи замка, Локи рассказал им обо всем, что произошло. Даже Люси не смогла устоять. Она села рядом с ними, слушая рассказ Локи о его приключении в Мире Сновидений.

— Я знал, что я был прав, — произнес Аксель. — Разве я не рассказывал тебе с

печеночной теории и сердце, и что Королева хотела слопать их? А я не рассказывал тебе об Охотнике? Я еще помню о том, что читал про то, как Братья Гримм изменили мать Белоснежки на мачеху в поздних версиях сказки. Я просто не стал тебе рассказывать, потому что думал, это не столь важно.

Фейбл ничего не сказала на то, что Аксель знал обо всем этом из дневника Я.Г., который он нашел в секретной библиотеке. Она решила, что он заслужил, чтобы к нему относились как к НЕ-бесполезному герою всю эту ночь.

— Я знаю, что по поводу многих вещей ты оказался прав, — Локи сомкнул пальцы. — Но что все это значит, Аксель? Здесь так много пробелов.

— Локи прав, — заявила Люси. — История Белоснежки не объясняет всего того, что происходит. Кажется, в этом сказочном мире таится нечто большее...., а еще я определенно симпатизирую Кармилле, кстати.

— Мы все выясним, — с энтузиазмом ответил Аксель. — Мы теперь команда, и это наше приключение. Оно только что началось.

— Не придавай всему этому большое значение, Локи, — потрепала его по плечу Фейбл. — Важно то, что ты не убил Белоснежку, — Фейбл обняла его.

Аксель почесал спину, чувствуя себя немного неуютно от их объятий.

— Я же с самого начала говорила тебе, что ей нужна твоя помощь, Локи, — добавила она.

— Говорила, — кивнул Локи. Он задался вопросом, что если бы он послушал Фейбл с самого начала, но он знал, что ему пришлось пройти через все это, чтобы выяснить, чего же он хочет на самом деле.

— Больше никаких мыслей о возвращении домой? — удивился Аксель.

— Не беспокойся, — ответил Локи. — Я пока что остаюсь здесь.

— Видишь, тут не так уж и плохо, — огляделся Аксель. — Я понимаю, что название у городка жуткое...кто захочет жить в Скорби? И я теперь понимаю, что этот городок часть места под названием Ад. Но какого черта? Кому какое дело до названий и ярлыков? Если ты останешься здесь, с нами, мы назовем этот городок Небесами. Нашими собственными Небесами. Здесь будут наши правила, и мы будем продолжать спасать жизни. Тебе не нужно быть бессмертным или полу-ангелом, чтобы быть клевым, верно?

— Верно, — кивнул Локи, ему нравился настрой Акселя.

Локи услышал, как радио Кармен слабо зажужжало. Воинствующие Тыквы вернулись. Они пели:

Тебе не нужно быть ангелом, чтобы быть моим другом.

Тебе не нужно бессмертие, чтобы поразить меня.

Фейбл захихикала.

— Думаю, теперь нам пора, — произнес Аксель. — У нас полон дом уборки, перед приездом нашей опекуны.

— Ты прав, — согласилась Фейбл. — В доме бардак. А еще нам нужно оставить Локи с принцессой, — Фейбл подмигнула Акселю.

— Ага, — отозвался Аксель. — Только не целуй в первую же ночь...аа, я и забыл, что ты не веришь в поцелуй истинной любви.

— Не вини меня, если она сожрет тебя живьем, — поднялась Люси, вынимая ключи от

своей машины. — А вы, Крамблвуды, сегодня счастливы, потому что я подброшу вас домой. Только будете сидеть сзади. На пассажирском сиденье можно сидеть только моим бойфрендам.

Они все помахали на прощание Локи рукой, который наблюдал, как они уходят. Фейбл напоминала Акселю, что она уберет в доме, но только не в тех местах, где он ел, Аксель начал канючить, чтоб они заехали в **Пузатую и Чудовище** перекусить.

— Люси, — окликнул ее Локи, и она обернулась. — Ты сердишься, потому что я не убил принцессу вампиров?

— Я? — бросила она через плечо. — Мне, по правде говоря, плевать. Но думаю, мой папочка рассердится. Чуть позже тебе придется с ним разбираться. Кстати, тебе тоже нужно кое-что узнать.

— Что?

— Знаю, что это тебя огорчит, но я намерена высказать свое мнение, — произнесла Люси. — Из всего того, что ты нам только что рассказал, я целиком и полностью симпатизирую Королеве Скорби.

— Я могу понять почему, — сказал Локи. — Но ты только что сказала это минуту назад.

— Нет, ты не понимаешь, — Люси устала на замок. — Я не верю в историю Белоснежки, — ответила она и пошла прочь.

После того, как они ушли, Локи вернулся в замок и поднялся в комнату Белоснежки. Она опустилась на колени рядом с ней и не колеблясь вынул кол. Ей понадобилось мгновение, чтобы осмотреться, прежде чем она воззрилась на него своими черными глазами. Локи был спокоен и не двигался. Он рассчитывал, что она вспомнит его и поймет, через что они прошли вместе. Не смотря на то, что ее чудовищная внешность не изменилась, она узнала его. Ее любовь к нему превзошла проклятие, наложенное заколдованным яблоком Кармиллы. Она улеглась обратно в гроб и сложила руки на груди.

— Тебе нужно уходить, — произнесла она. — Я не смогу вечно останавливать себя от того, чтобы причинить тебе какой-либо вред.

— Если бы я получал по доллару каждый раз, когда ты просишь оставить тебя в покое, у меня бы было уже три доллара в кармане, — произнес Локи.

К сожалению, она не рассмеялась. Белоснежка измучилась и устала. Локи знал, что она не причинит ему вреда, но что если кто-нибудь еще войдет в замок? Лучше он побудет с ней до утра. Потом, он начнет новое путешествие, чтобы найти лекарство от ее проклятия.

— Шевели булками, — игриво произнес Локи.

Лицо у Белоснежки приняло серьезное выражение.

— Я сказал, шевели булками, — повторил Локи, протискиваясь в гроб рядом с ней. — Тут для нас целая комната.

— Ты, правда, хочешь спать со мной в гробу? — спросила она.

— Вау, — он обмахнулся рукой. — Спать с тобой, нет. Я еще не готов к серьезным отношениям. Я узнал тебя лишь пару часов назад...во сне. Но спать рядом с тобой в гробу, да. В кровати до этого я еще никогда не спал.

Белоснежка рассмеялась. Золото в ее глазах боролось с тьмой, которая оставалась где-то на задворках ее сознания. Локи не придавал этому значения. Ее смех было достаточно.

— Ты никогда не спал в кровати? — удивилась она, когда он обнял ее, его руки убаюкивали ее, его согнутые коленки торчали из гроба.

— Это в моем списке покупок, — ответил Локи.

— Что еще за список покупок? — она обвила его руками.

— А, я и забыл, что ты бессмертная. Тебе не нужен список покупок. Это для смертных вроде меня..., теперь, я официально стал Минкиным... так что мне обязательно нужен список того, что нужно успеть сделать перед смертью.

— Что еще значится в твоём списке?

— Спасение принцессы, — подразнил ее Локи.

— А спать с ней в гробу? — пошутила она.

— Если она позволит мне состариться рядом с ней, тогда уже не имеет значения, где мы будем спать..., конечно же, я знаю, что ты никогда не состаришься.

— Даже если она монстр, — в голосе Белоснежки возникла боль. Она боролась с собой, чтобы не сделать ему больно и тем самым позволить тьме внутри себя одержать верх.

Локи сразу же вспомнил, когда Кармила посмотрела на него во сне, вызывая в нем ту самую необъяснимую тьму внутри него.

— Говорят, все монстры должны умереть, знаешь, — продолжила она.

— За исключением прекрасных, — Локи крепче обнял ее и закрыл глаза. Он знал, что сегодня он уснет как младенец. Не смотря на то, что спать в гробу было довольно жутко, ему было плевать. Он был рядом с ней, и ее прохладное тело вызывало в нем чувство теплоты, которое он никогда прежде не испытывал.

Когда он заснул, он снова увидел сон о двух овцах. На этот раз, ему все стало ясно. Одной овцой была Белоснежка, другой он сам. Они были двумя изгоями, которые были вместе, не смотря на все невзгоды в мире.

Несколько часов спустя, Локи проснулся от криков в замке. Он зевнул, удивляясь, как это ему удалось так мирно поспать, что обычно присуще всем нормальным людям. Он потер глаза и заметил, что Белоснежки в гробу не было. Крик наверху стал громче.

— Она сошла с ума, — кто-то сказал Локи. Это была Девятка, кошка. — Прям свихнулась, — Девятка кусала свои коготки, а хвост стоял торчком.

— Что ты тут делаешь? — выплюнул Локи.

— Мы всегда следуем за тобой, когда нужна помощь, — ответила белка, становясь позади кошки. Она огромными от страха глазами взидала на дверь, что вела к лестнице, откуда раздавались крики. — Она и вправду сошла с ума, и она собирается убить кого-то там, наверху.

— Кто свихнулся?

— Белоснежка, — ответила Девятка, пытаясь отодрать от своей спины белку.

— С дороги, — Локи боялся, что наступит на них и побежал к двери.

Он остановился на полпути, когда Шлосс внезапно начал сотрясаться. Все это время сердился не Шлосс, а сам кит. Это он сотрясал целый остров. Локи оглянулся на Мистера Белку и Девятку. Казалось, они всегда знали больше его самого.

— Часть проклятия от съедания кусочка яблока заключается в том, что кит будет продолжать сотрясать остров, пока она не насытит тьму, — произнесла Девятка.

— Так Кармила сможет убедиться, что Белоснежка все еще проклята, — объяснил Мистер Белка.

Локи было плевать на остров и на проклятие. Он лишь волновался за Белоснежку, зная

какого рода боль она испытывала.

— Локи, — Девятка и белка закричала в один голос, когда Локи кинулся к нижним ступеням. — Только ты можешь спасти ее. Понял? Только ты можешь спасти ее! — Мистер Белка взобрался на плечо Девятке, на случай, вдруг Локи него не расслышал.

Локи бросился наверх, перепрыгивая через ступеньки, в то время как все в Шлоссе ожесточенно тряслось. Лампы мигали там и тут, когда он увидел через вибрирующие окна, как лес снаружи рушится и падает. Пока Локи подходил к ступеням, он увидел, как кто-то упал со второго этажа прямо на диван. Это был молодой парнишка. Он истекал кровью, но был жив.

— Что происходит? — Локи в мгновение ока дотянулся до парня и потрянул его за руки.

— Это она, принцесса вампиров. У нее моя девушка, — завопил парень. — Я не думал, что такое случится. Нам просто стало любопытно и мы пошли в Шлосс, после того как узнали детали, как до него добраться, с форума. Прошу тебя, я не хочу умирать.

— Форум? — пискнул Локи. — Так ты один из тех тупых тинэйджеров?

— Я не верил, что принцесса вампиров существует. Я дурак, — произнес парень. — Моей девушке пришла эта идея в голову, после того как она повстречала на форуме Гоблина-Гения.

— Вы дибилы, вы это знаете? — Локи сильнее потрянул парня, слыша крики его девушки наверху. Он отпустил паренька, задаваясь вопросом, почему он теперь должен спасти ее от Белоснежки. — Клянусь, однажды я надеру зад этому Гоблину-Гению.

Подружка этого подростка тоже упала со второго этажа на диван.

— Она сумасшедшая, — истерично завопила девушка. — Нам нужно выбираться отсюда, — она в панике набросилась на своего парня.

— Шшш, — шикнул Локи на них обоих. — Не шевелитесь. Если она снова увидит вас, она убьет вас. Я обо всем позабочусь. Она тебя укусила?

— Нет, — всхлипнула девушка. — Она... она будто бы хотела, но каким-то образом сдержалась. Но я уверена, если еще попадусь ей на глаза, она меня убьет, — девушка снова начала вопить, сотрясаясь от рыданий вместе со своим бойфрендом на скрипучем диване.

— Держи свою девушку, — приказал Локи парню и обернулся, чтобы найти Белоснежку.

Локи снова нашел ее парящей на печально-известных ступенях, выглядя чудовищно, как и когда он повстречал ее в первый раз. За исключением того, что на этот раз, она боролась с болью; она разрывалась между проклятием Кармиллы и кормлением на ком-нибудь поблизости. Должно быть, она почувствовала, как шумные тинэйджеры проникли в замок, пока он спал, и не смогла контролировать свой голод. Поймав их, она приложила все свои усилия, чтобы не укусить их. Локи должен был найти способ, совладать с ее голодом. Он даже не мог думать о всей той ужасной боли, что она испытывала. На этот раз в ней было заметное отличие, она держала в руке кулон в форме яблока, который она обычно носила. Он висел на тонкой нити, намотанной на ее пальцы. Казалось, внутри кулона плескалась некая жидкость.

— Почему ты все никак не оставишь меня в покое, Локи, — произнесла она, ее глаза заполонила тьма.

— Не могу, — ответил Локи. — Мне это, как бы, неподвластно. Кроме того, ты сама просила меня спасти тебя, когда мы в первый раз встретились, помнишь? — он взобрался на ступень выше, крепко схватившись за перила, чтобы не упасть.

Все вокруг него тряслось, но он надеялся, что ему удастся проскользнуть к ней так, чтоб она не заметила.

— Я проклята и мне нужно покормиться. Если я не сделаю этого, кит потопит Скорбь, и все погибнут, — ответила она.

— Знаю, — произнес Локи, делая еще один шаг. — Ты рассказывала мне, что твоя душа каким-то образом связана с островом.

— Но я не хочу пить кровь. Я хочу противостоять этому, — сказала она. — Если я откажусь пить кровь, остров уйдет под воду и все на нем погибнут. Если покормлюсь, то полностью стану одной из них. Я позволю тьме внутри выйти на поверхность, а я также не хочу и этого.

— Понимаю. Если ты только поможешь мне, мы сможем справиться со всем этим вместе, — сказал Локи.

— Нет, не можем, — прорычала она. — Ты многое упустил из того, что нужно было понять во сне. Поэтому я не могу. Я должна умереть, чтобы спасти жизни остальных.

— Я старался изо всех сил во сне. Не думаю, что я что-либо упустил. И тебе не нужно умирать, — Локи помотал головой. — Ты не можешь умереть, если это не сон, а мы сейчас не во сне.

— Ты не прав, — возразила Белоснежка, размахивая яблочным кулоном, словно маятником в воздухе. — В этом кулоне есть яд, и если я приму его по доброй воле, то смогу убить себя. Я получила его еще две сотни лет назад, на случай, если попаду в подобную ситуацию.

— погоди, — Локи вытянул руку и поднялся еще на ступень. Он вынужден был остановиться, когда она поднесла яд к губам. — Ты выживала на протяжении двух сотен лет, не смотря ни на что, и теперь хочешь просто убить себя?

— Он говорит с вампиром? — Локи услышал, как парень на диване спрашивает свою подружку. — Да он просто больной, раз говорит с ней.

— Полагаю, это моя судьба, Локи, в конечном счете уступить отравленному яблоку. В конце концов, я же Белоснежка.

— Она сказала, что она Белоснежка? — перепросила девушка у парня на диване. — Да она совсем головой двинулась.

— Не делай глупостей, — произнес Локи, ступени закачалась сильнее. Он понятия не имел, что сделать, чтоб спасти ее. Все что он знал, это то, что хочет быть рядом с ней. Это было не логично, но он думал, что рядом с ней, он придумает как спасти ее.

— Я так долго ждала тебя, Локи, — сказала Белоснежка. — Наверное, нам не суждено быть вместе. Кого я обманываю? Наша любовь запретна. Дампир или нет, я по-прежнему вампир, а ты охотник на вампиров.

— Нет, это не так, — возразил Локи. — Я больше не хочу быть охотником на вампиров. Я хочу быть с тобой.

— Мне жаль, но сейчас я должна заснуть навечно, — сказала она. — Это единственный шанс для тебя, города и людей выжить, к тому же, это облегчит мою боль.

Белоснежка поднесла ко рту зелье, чтобы выпить его. С внезапным приливом сил, Локи подпрыгнул на ступенях, пытаясь выхватить зелье. Белоснежка в то же мгновение ударила его когтями по шее. Она оставила глубокие царапины, которые сразу же начали кровоточить. Ему же было наплевать. Он схватил Белоснежку за плечи, когда она закричала и выпустила свои клыки. Она была холодна как лед. Локи не знал, сколько еще ему удастся удержать ее.

Она была похожа на рассерженного ребенка, который нуждался в хорошей порции люлей, чтобы успокоиться.

Белоснежка зашипела и отшвырнула Локи от себя, как она уже проделывала подобное с Плохишом. Локи взмыл высоко, удачно схватившись за хрустальный канделябр, прежде чем сорваться и упасть вниз на высоту в два этажа, чтобы разбиться о мебель под ним.

— Локи и небо в алмазах, — пробормотал он себе под нос, раскачиваясь, как обезьянка на дереве.

— Оставь меня в покое, Локи, — Белоснежка использовала свои силы и сильнее раскачала канделябр. Локи сорвался и упал на диван, где сидели парень с девушкой.

— Она сумасшедшая, — девушка схватила Локи за рубашку, в панике трясла ее. — Она нас убьет.

— Серьезно, — Локи усмехнулся ее парню. — Ты ее будешь держать или нет?

Локи слез с дивана, и хромая, снова направился к Белоснежке. Он направил свой Аликорн на нее, произнося "*Ора Педора*". Змейки на Аликорне взвились в воздух, собираясь подобно хлысту ударить Белоснежку.

— Ты знаешь, что ты нравишься мне и все такое, — сказал Локи Белоснежке. — Но я думаю, тебя нужно немного отшлепать.

Белоснежка зарычала на него и поднесла зелье еще ближе. Ударом хлыста, змеи взвились в воздух и выхватили зелье у Белоснежки. Она выронила его. Белоснежка скользнула по воздуху, пытаясь достать зелье, но змеи опередили ее, осторожно схватили его своими крошечными пастями, чтобы бутылёк не разбился. Белоснежка больше не могла достать его. Она пришла в ярость и закричала так громко, что окна в замке поразбивались.

— Поймал! — воскликнул Локи, широко улыбаясь.

Белоснежка снова вскинула руки, используя свои силы. Аликорн выскользнул у Локи из руки из-за невидимой силы, оставляя на его руках порезы.

— Знаешь, эта "от-любви-до-ненависти-один-шаг" штука не работает, так ведь? — произнес Локи.

— Я убью тебя, — ответила она, тьма заполонила ее взор. На этот раз, ее реакция испугала Локи, но он решил драться с ней... и за нее...до самого конца. Он держал ее недостаточно сильно, и она выскользнула из его рук.

На этот раз, он не собирался отпускать ее. Он собрался и снова взбежал по ступеням. Локи сделал это быстро, не раздумывая, и снова схватил ее. Он отвесил ей хорошую пощечину. Это произошло скорее от страха. Он надеялся, что она снова станет нормальной девушкой, которую он любил. Когда ее голова дернулась от удара, он увидел следы от своих пальцев с левой стороны щеки.

— Мне жаль, — пробормотал он.

Было очевидно, что из подобной схватки выйдет живым лишь один из них. Принцесса собиралась убить его и выпить его кровь, в противном случае он пронзит ее колом, и она снова уснет навеки. Но Локи не хотел пользоваться колом. Он хотел найти решение. Он хотел исцелить ее проклятие. Тем самым лекарством, о котором Кармила говорила ему.

Они оба покатались по ступеням вниз, Локи не хотел отказываться от нее. Он не знал, что ему делать. То же самое, что повиснуть на тигре, который так и норовил разорвать его на мелкие кусочки.

Наконец, они упали на пол, Белоснежка взобралась на Локи сверху. Она подняла голову, собираясь погрузить свои клыки в его шею. Локи удалось перекатиться. Он снова оказался

сверху. Даже тогда, он знал, что у него есть лишь доля секунды, прежде чем она использует свои силы и снова завалит его на спину, пытаясь укусить. Она была злее, чем когда-либо. Она не контролировала себя, а кит должен был вот-вот потопить остров. Локи ощутил, как по его телу проходит электрический разряд. Шокирующий холод, проник в его вены. На импульсе, он прижал ее голову к полу и с силой прижал свои губы к ее, целуя. Время остановилось.

Удивительным образом, Локи ощутил, как ее тело расслабилось и обмякло под ним. Даже становится теплее, чудесным образом возвращаясь к жизни. Локи прижал свои губы сильнее к ее, закрыв глаза. Он ощутил, как она словно поглощала его жизненную энергию. Он был не против, даже если когда он откроет глаза и окажется столетним дедом..., только бы они состарились вместе, остальное было неважно. Это ощущение было волшебным, совсем не таким, как когда он целовал Пиппи Лавбаг. Каждый вдох Белоснежки сейчас принадлежал Локи. Кто бы мог подумать, что парень, который не верил в поцелуй истинной любви, найдет исцеление в поцелуе истинной любви? Он спас ее и город.

Локи ощутил, как ее грудь соприкасается с его, словно встретились два океана, борясь своими волнами и, наконец, находя путь обратно к своему берегу. Он отстранился, задыхаясь, и открыл глаза. Глаза Белоснежки снова стали голубыми, сияя лучиками золотого единения их душ.

— Мне нравится девушка, которая знает когда нужно убить, а когда поцеловать, — сказал ей Локи.

Она улыбнулась, а он наклонился, чтобы снова поцеловать ее. Больше никакого сопротивления. Он был мягким, словно это была его судьба, словно они были предназначены друг для друга.

— Он целуется с вампиром, — сказал парень своей девушке. — Фу.

— Заткнись, — ответила девушка. — Она просто великолепна. Это поцелуй истинной любви. Ты не поймешь, — девушка подловила момент и сфотографировала это на свой телефон. — Кто бы мог подумать, что поцелуи истинной любви происходят в заколдованных замках, со стенами, забрызганными кровью? — произнесла она.

— Умолкните уже, — сказал им Локи, сердитый, что они испортили такой момент.

— Это то самое средство от проклятия Кармиллы? — спросила Белоснежка, в ее глазах засияли звезды. — Поцелуй? Все мои мучения подошли к концу из-за единственного поцелуя?

— Не какого-нибудь там поцелуя, — задумался Локи. — А поцелуя Локи Блекстара.

— Я больше не ощущаю жажды. Ты можешь в это поверить? Все что мне нужно было — это поцелуй? — она вздохнула. — Ты и вправду тормоз, Локи. Ты ведь знаешь об этом, да?

— Знаю, — кивнул он. — Мне следовало поцеловать тебя, когда я впервые тебя встретил.

Мистер Белка и Девятка прибежали к ним. Мистер Белка пошевелил носиком и захлопал лапками. Локи знал, что при Белоснежке они не заговорят. Они говорили лишь тогда, когда оставались наедине с ним. Или, быть может, ему только казалось, что они с ним разговаривают. В любом случае, он их очень любил. Он снова перевел свой взгляд на Белоснежку и убрал прядь волос с ее лица.

— Всегда поцелуй, — произнес он. — Чармвилль пытался сказать мне об этом много раз, но я был слишком слеп, чтобы увидеть это. Поверить мне могу, что потратил шестнадцать лет своей жизни без тебя.

Когда дневной свет обратил свой вездесущий взор на Шлосс, телефон Локи подал сигнал. Это было сообщение от Люси:

"Приедешь на завтрак? Аксель и Фейбл хотят познакомить тебя со своей приемной матерью. Она и вправду клевая."

Локи написал в ответ:

"Да".

Он попросил Белоснежку составить ему компанию, но она отказалась. Она устала в свете всех произошедших событий, и Локи для себя открыл, что ей не так-то легко сходитьсь с людьми. Оказалось, что столетнее заточение в замке сделало ее несколько замкнутой. Теперь, когда она была спасена и исцелена, она не знала, как приспособиться к миру. Обычные люди и реальная жизнь оказалось в разы страшнее, чем демоны и монстры все вместе взятые.

Локи попытался объяснить ей, что ей обязательно понравятся Аксель и Фейбл..., особенно Фейбл, но она предпочла побыть немного одной. Она не имела ничего против его визита к друзьям, которые оказали ему неоценимую помощь в ее спасении. Также, она хотела обыскать Шлосс в поисках манускриптов, карт или чего-нибудь в этом роде, что помогло бы ей начать свое путешествие в качестве Дампира. От нормальной жизни у нее лекарства не было. Она была избранной, и вскоре ей предстояло сражение с демонами Королевы Скорби и вампирами.

— Я не задержусь, — поцеловал ее Локи. — Может, вернусь вместе с ними, а ты пока подумай над всем тем, что тебе нужно объяснить мне. Мы оба знаем, что твое спасение было лишь началом чего-то большего.

Белоснежка кивнула согласно, но неохотно. У нее по-прежнему был тот самый взгляд, будто она не все ему рассказала по своим причинам.

— Локи, — окликнула его Белоснежка, стоя на пороге замка.

— Да? — он обернулся.

— Я боюсь, что все это только сон, — произнесла она, утренний ветерок растрепал ее волосы.

— Это не сон, — ответил Локи, облизывая губы. — Если не веришь мне, спроси свои губы.

— Но мы полюбили друг друга во сне, — она рассмеялась, когда ей на плечо опустился Пиквик. Локи приказал ему оставаться с ней, пока он не вернется.

— И он стал реальностью, — он распростер объятия. — О чем еще я могу просить?

Локи прошел через лес, а потом поехал на своей машине к Сахарному Домику. По дороге он купил цветы, чтобы произвести впечатление. Теперь, когда Чармвилль был мертв, Локи подумал, что такая женщина как Миркалла, приемная мать Акселя и Фейбл, окажется той, кому они смогут довериться и попросить о помощи. Крамблвуды рассказывали о ему множество замечательных вещей об этой женщине, которая заботилась о них.

По дороге, Воинствующие Тыквы заиграли песню "Глаз Тигра" по радио. Локи попытался убедить их, что это не совсем подходящая для случая песня, но они не стали его слушать. Телефон зазвонил прежде, чем он добрался до Сахарного Домика. Это была Люси.

— Я уже еду, — ответил Локи, поднимая трубку.

— Я звоню тебе не поэтому, — сказала она. — Я все думала об истории, которую ты рассказал нам прошлой ночью.

— И?

— Я не куплюсь на то, что Кармилла зло. Что-то здесь не сходится, — объяснила она. — Я имею в виду, после всего того, что она сделала: сбежала со своим любимым мужчиной, давала ему свою кровь, пожертвовала всем ради своей дочери; как она могла так быстро превратиться в злобного монстра? Это просто не имеет смысла.

— Ты не понимаешь, Люси, — ответил Локи. — Ты не видела Королеву Скорби. Ты бы не выстояла перед ней и минуты. Она бы убила тебя, зажарила и съела со всеми потрохами. Она убила Чармвилля и я собираюсь отомстить за него однажды, так что даже не пытайся заставить меня думать, что она — не зло. Мне очень неудобно говорить о ней..., почему ты завела этот разговор?

— Потому что лишь она заинтересовала меня в твоей истории, — ответила Люси.

Зная Люси, Локи понимал, почему Люси была так очарована могущественной Королевой. Он и не ожидал, что она посочувствует Белоснежке. Для Люси Королева была настоящим идиолом, которая контролировала собственную жизнь, брала от жизни все и поступала как хотела того сама.

— Люси, — сказал Локи. — Я прошел через многое. Давай поговорим об этом позже. Я почти на месте.

— Тебе лучше поторопиться. Аксель говорит, что нашел кое-что о Кармилле в исторических книгах библиотеки "Сказок на Нучь".

— Как так? — Локи моргнул.

— Оказывается, что самого древнего вампира, который упоминается в так называемых вампирских романах, зовут Кармилла.

— Это Аксель сказал? — спросил Локи. Большинство из исследований Акселя подтвердились, так что у меня нет причин сомневаться в нем.

— Да. Кармилла Карнштейн, — сочувственно произнесла Люси.

На мгновение, Локи выпустил руль из рук.

— Ее сказка называется «Кармилла» и она написана в 1872 году, — сообщила Люси. — Это частично роман, но в нем множество исторических ссылок.

— Что это значит?

— Да откуда я знаю, — ответила Люси. Похоже, она была просто влюблена в Кармиллу. — Я не поняла большинство из тех вещей, что ты рассказывал о сказочных персонажах в реальной жизни, но если так и есть, почему бы Кармилле не быть той самой женщиной, что упоминается в книге. Быть может, автор этой книги что-то пытался рассказать миру о ней.

У Локи снова разболелась голова. Теперь, когда Чармвилль был мертв, ему не у кого было спросить о подобном. Но он вспомнил, что у него еще есть Пиквик. Быть может, Чармвилль просил его присмотреть за этой бесценной птицей. Правильно ли он сделал, оставив попугая с Белоснежкой? Локи не знал. Но ведь нет повода для беспокойств, он только позавтракает с друзьями и их приемной матерью, а затем вернется к Белоснежке и Пиквику. Может, Белоснежке что-нибудь известно об этом романе.

— Послушай, Люси, — произнес Локи. — Мы не будем обсуждать это при Акселе, Фейбл и их приемной матери. После нашего маленького знакомства, мы все поедem в Шлосс

и постараемся выяснить, что происходит.

— Договорились, — ответила Люси. — Я так очарована Королевой. Не могу дождаться, когда узнаю больше о ее истории.

Локи припарковал свою машину перед домом Акселя. Запах утренней выпечки был просто изумителен. Миркалла, должно быть была великолепным поваром, поскольку он сомневался в кулинарных способностях Фейбл.

— Локи, — Фейбл выбежала из дома и бросилась в его объятия. Локи поднял ее в воздух. — Расскажи мне все, — прошептала она ему на ухо. — Это было романтично?

— Если не брать в расчет немного крови, яда и то, что кит чуть не потопил Скорбь; я бы сказал, это было романтично.

— Значит, то, что вчера кит чуть не потопил Скорбь, это были вы с Белоснежкой? — спросила она. — Ты должен все мне рассказать.

— Полегче с моей сестрой, приятель, — заворчал Аксель на Локи, сложив руки на груди и прислонившись к дверному косяку. Он выдал неуверенную улыбку.

— Чья это белка? — Люси оттолкнула Акселя, выйдя на крыльцо.

Локи обратил внимание на белку, которая последовала за ним, на этот раз без Девятки, кошки.

— Он просто чудик, — Локи махнул рукой. — Не беспокойтесь на его счет, — он поддразнил их.

Белка подбежала к Люси и, вцепившись ей в ногу, проворно забралась на плечо. Люси завопила и попыталась согнать ее.

— Похоже, это была любовь с первого взгляда, — произнес Локи, войдя в дом вместе с Акселем и Фейбл.

Фейбл показала Локи дорогу с обеденному столу, который выглядел очень посемейному. Дом был убран и благоухал розами. Эта Миркалла оказалась опрятной женщиной. Локи подумал о том, что ей определенно стоит остаться у Крамблвудсов на весь год.

— Все это сделала Миркалла, — сообщила Фейбл, с энтузиазмом провожая Локи к месту во главе стола. — Она тебе понравится. Мы рассказали ей обо всех наших приключениях. Она поверила нам и пообещала помочь.

— Мне не следует садиться во главе стола, — возразил Локи. — Что на счет Миркаллы?

— Она сядет напротив тебя, — объяснила Фейбл, садясь за стол, прилагая все свои усилия, чтобы вести себя словно прекрасная принцесса в дорогом ресторане.

Люси села по правую руку от Локи, напротив Фейбл, а Аксель, конечно же, сел рядом с Люси. Рядом с каждой тарелкой на столе лежала красная салфетка. Они были несколько странными и сделаны из красной ткани.

— Довольно причудливо, — заметил Локи.

— Локи, Локи, Локи, — произнесла Люси, разворачивая салфетку на его коленях. — Это называется этикет. Нужно использовать свои манеры, когда ешь в кругу семьи. Привыкай к этому.

Фейбл захихикав, прикрыла рот ладошками.

— Если ты так говоришь, — ответил Локи.

— Ребятки, — донесся голос с из глубины дома. Все выпрямились на своих стульях, лишний раз проверяя на месте ли салфетки. — Вы готовы? — осведомился настолько прелестный голос, что Локи захотелось поскорее с ней встретиться.

Запах жареной индейки усилился.

— Ага, — пробормотал Аксель, явно не испытывая счастья из-за всей этой опрятности. — Нам, правда, нужно пользоваться всеми этими салфетками?

— Заткнись, — шикнула на него Люси. Аксель выглядел счастливым. — Ты настоящий Варвар, — с отвращением заметила она. Теперь он стал выглядеть еще счастливей.

— Все в сборе, Миркалла, — позвала Фейбл. — Локи тоже здесь.

Локи увидел, как из кухни появляется женский силуэт. Она была в фартуке и несла в руках поднос с жареной индейкой, напоминая ему о том, что его мать тоже бывала здесь. Она, улыбаясь, вошла в комнату. Но из-за яркого солнца, Локи не мог разглядеть ее черты. Он увидел, как ее силуэт садиться за стол, солнце все еще было слишком ярким, чтобы он смог разглядеть ее.

— Здравствуй, Локи, — поздоровалась она.

На мгновение, солнечный свет закрыло облаком, и Локи, наконец, смог увидеть лицо Миркаллы. Через несколько мгновений, он понял на кого смотрит, а потом с его губ почти сорвался крик. Мускулы на лице Локи дрогнули от неприятной неожиданности. Его черты лица выражали глубокое потрясение. Его сердце пустилось вскачь, а по спине побежали мурашки. Он задыхался. Ему хотелось кричать, но он не мог. Страх взял над ним верх.

Ошеломленный и смущенный, Локи опустил руки на стол. Затем салфетка для столовых приборов истончилась до длинных красных нитей, которые в точности были похожи на его утерянное Руно, то самое, которое он потерял во сне.

Пока его взгляд был прикован к Миркалле, тонкие нити превратились в безумных змей, которые опутали все его тело, приковав его к стулу, затем образовали паутину у него на губах, заставляя его замолчать. Змееобразные нити превратились в иглы, пронзая его плоть, и устремляясь по венам. Локи не мог произнести ни слова. Он не мог ясно мыслить. Он мог лишь слышать крики своих друзей. Бросив на них взгляд, он увидел, что они тоже прикованы к стульям. Но их рты не были зашиты.

— БО. ЖЕ. МОЙ. — Закричала Фейбл, показывая на Миркаллу, наконец, понимая, кто та есть на самом деле. — Это Вы?

— Все это время, как мы не узнали? — воскликнул Аксель, открыв рот. Миркалла! Подумал Локи. Как он упустил это? Миркалла — имя самого страшного человека, какого ему только доводилось встречать; лишь буквы были перепутаны местами.

Это была анаграмма Кармиллы, имени Королевы Скорби. Она планировала все это, обманывая Акселя и Фейбл, заставляя их думать, что она всего лишь добрая приемная матушка, и заботиться о них. Если Аксель и Фейбл были теми самыми Ганзель и Греттель, как намекал Чармвилль, зачем Кармилла вырастила их? Это она убила их родителей? Каков был ее план?

Локи наблюдал, как обманчиво прекрасная Королева садится на стул, одетая в современную одежду, способная одурачить весь мир. Она сидела спокойно, намереваясь съесть мясо, словно ничего не произошло.

— Теперь, когда Чармвилль Глимммер мертв, я хочу рассказать тебе маленькую сказочку, — обратилась она к Локи. Ее слова лились нежно и медленно, делая нужные ударения на каждом слоге. Ей было некуда спешить. Она обманула их всех и теперь наслаждалась моментом. — Это будет правдивая сказка, — добавила она, переводя взгляд по очереди на каждого из них. Локи попытался заговорить, но его рот все еще был зашит.

Королева расстелила на коленях салфетку, затем взяла нож и вилку. Она убедилась, что те чистые и сияют, затем начала нарезать мясо с деликатной и аккуратной точностью. Она делала это словно творила мясной шедевр, в это же самое время, начиная рассказывать свою сказку.

— Давным-давно, около двух столетий назад, король по имени Ночной Ангел Скорби вел борьбу с жестокими вампирами, которые грозились отнять у него дочь и сделать ее одну из них, — начала Кармилла, она сосредоточилась на резке еды. — На его просьбу прислать в помощь лучших воинов, Совет прислал ему юных воинов прямо со Сказочных Небес, они не могли ему отказать, он ведь был их любимчиков; то были могущественные воины, которые были способны убивать вампиров в их снах. Их называли Охотниками за Сновидениями, и они оказали королю огромную услугу. Он даже приказал нескольким из них охранять замок и принцессу в его отсутствие. Кто лучше ангелов сможет присматривать за его маленькой избранной принцессой? — хмыкнула Королева, а затем снова вонзила нож в мясо. — Лишь один Охотник за Сновидениями отличался от остальных; он не был невинным как все прочие. Внутри него скрывалась великая тьма. Та самая прекрасная тьма, которую лишь Королева была в состоянии раскрыть. Она недавно обратилась в вампира и убила всех юных девушек королевства, чтобы поддержать свою красоту, вот ужас то, — Кармилла закатила глаза. — Оказалось, что отец мальчика, был настоящим ангелом, который полюбил демоницу, которая, впоследствии, родила его, пятнадцатью годами ранее. Королеве это пришлось по нраву. Она обучила мальчика всем приемам тьмы, и позволила ему возглавить армию зла, которую она создала ради своих целей. Несмотря на свою юность, мальчик стал ее самым страшным орудием в королевстве.

Локи застонал, желая заговорить. Разочарованно, он пнул стол, чтобы привлечь внимание Кармиллы. Он хотел заставить ее посмотреть ему в глаза.

Кармилла подняла голову и посмотрела на него.

— Хочешь поговорить? — спросила она. — Какой в этом прок? — она налила себе воды и провела по стеклу кончиками пальцев. — Однажды, Королева послала своего Охотника за Сновидениями убить свою собственную дочь..., та являла собой большую угрозу для Королевы. В доказательство того, что он убил принцессу, Охотник за Сновидениями принес Королеве сердце ее дочери, которое Королева планировала съесть, — Кармилла взяла кусочек мяса в форме сердца и медленно положила его на язык.

Локи подумал, что сейчас ее язык окажется раздвоенным, но ничего такого не произошло. Она закрыла глаза и отрывисто застонала, пережевывая мясо.

— К сожалению, — она медленно открыла глаза, словно занавес открывается под финал, — Охотник за Сновидениями влюбился в принцессу, не смотря на то, что та частично была демоном. Он отказался убивать ее, тем самым бросая вызов мне и Сказочному Небесному Совету.

Лицо Локи становилось все краснее и краснее с каждым мгновением. Он был готов взорваться, пытаясь разрушить паутину, что залепила ему рот.

— Знаешь, что еще сделал Охотник за Сновидениями? — Кармилла вытерла салфеткой уголок рта, затем свернула и положила ее обратно на стол. — Он не только послушался приказов Королевы, но и продолжил помогать сбежавшей принцессе. Вместе, они смогли найти надоедливого Чармвилля Глиммера, чтоб тот помог им с заклинанием, которое бы разделило сердце принцессы на семь частей. Она раздала их своим семи друзьям, которых повстречала, убежав от своей матери, в домике в темном лесу; каждому по частичке своего

сердца. Хитрый трюк. Таким образом, Королева не смогла найти ни свою сбежавшую дочь, ни ее семерых друзей, которых та прозвала "Семеро Утерянных". Если не найти Семерых Утерянных, и не собрать сердце Белоснежки воедино, ее нельзя убить, а Королева так отчаянно хотела заполучить сердце своей дочери. В предсказании говорилось, что лишь одна из них выживет.

Глаза Локи увлажнились, когда воспоминания начали медленно возвращаться к нему.

— Не взирая на то, что Королева так и не смогла поймать ни свою дочь, ни Охотника за Сновидениями, Небесный Совет повелся на то, что принцесса была просто дурным семенем и они отправили Охотника за Сновидениями в царство теней, в наказание за его любовь к ней, — Кармила просто обожала каждое слово, что срывалось с ее языка, не говоря уже о своей собственном голосе. — Пока этот ненавистный Чармвилль не вызволил Охотника за Сновидениями. Дальше ты уже знаешь историю, так ведь, Локи?

Локи ощутил тошноту, когда все эти шокирующие новости тяжелым грузом опустились на дно его разума и он, таким образом, обрел свое жестокое прошлое. На этот раз, его воспоминание было ужасающе живым. Он увидел испуганную Белоснежку, убегающую от своего преследователя, подбирая полы своего платья, чтобы не упасть, пытаясь найти место, чтобы спрятаться. Он увидел, как она подбегает к домику, и неохотно останавливается перед ним, прежде чем открыть дверь и войти.

— Эта сказка очень известна, если вы спросите меня, я отвечу, что лишь несколько версий немного отличаются, — произнесла Кармила, наклоняясь к Локи, — потому что некоторые зовут Охотника за Сновидениями *Охотником*.

— Нет! — закричала Фейбл, пытаясь освободиться от пут. Она знала к чему идет этот разговор, но отказывалась поверить в это. — Вы лжете. Локи — хороший парень.

Королева шикнула на нее, соединив пальцы. После чего рот Фейбл мгновенно облепился нитями. Аксель и Люси обменялись взглядами; они не собирались издавать ни звука, не смотря ни на что.

— Ты хотел узнать, кто ты такой на самом деле, Локи. Ты хотел узнать, за что тебя изгнали, и кем была та девушка. Более того, ты хотел узнать о тьме, что сокрыта внутри тебя, — Кармила откинулась назад, скрестив ноги. — Вот все ответы, которых ты так хотел. Ты просто напросто *Охотник*. Всегда был и будешь.

Что касалось Локи, ему очень сильно хотелось кричать. Но в этом не было необходимости. Его и без того влажные глаза, наполнились страхом, свидетельствуя о том, как потрясен он был. У него снова закружилась голова, и воспоминания вернулись. На этот раз он узнал в тех людях, что преследовали Белоснежку самого себя, и она убегала, боясь его. Локи был тем самым Охотником, темным воином, которого Чармвилль предупреждал не соваться в Мир Сновидений. Локи убегал от себя во сне; убегал от зла внутри себя. Поэтому Белоснежка так смотрела на него, словно хотела что-то ему сказать, но не могла. Поэтому она всегда просила его пересечь океан его разума и читать во сне между строк. Теперь он знал, откуда в нем появилась тьма, и почему Чармвилль предпочел, чтобы Локи жил среди Минкиных и никогда не возвращался к своей прошлой жизни. Словно он был двумя разными людьми: один злой, другой хороший, и ему пришлось найти способ, чтобы добрый преобладал над злым. Что же именно произошло два века назад, задумался Локи. Неужели любовь к Белоснежке сделала его лучше? Как он смог превратиться из злобного Охотника в парня каким он был сейчас? Это сводило Локи с ума.

— Ты думаешь, я бы позволила тебе сбежать из Мира Сновидений с моей дочуркой? — спросила Королева Скорби. — Да, я была несколько занята убийством Чармвилля Глиммера и я заставила ее укусить яблоко. Но я отпустила тебя по той причине, что куда бы ты не убежал, я всегда смогу тебя отыскать, — она достала Руно и медленно провела по нему пальцами, один за другим.

Когда Локи попытался сопротивляться, она потуже обмотала Руно вокруг пальца, отчего он начал задыхаться. Когда она пропустила Руно меж пальцев, тонкие нити, что пронизывали его тело, сжались изнутри.

— Теперь ты принадлежишь мне, Локи Блекстар. Знаешь почему? Потому что у меня твое Руно, что аналогично душе Охотника за Сновидениями, — сказала Кармилла, играясь с Руном. — Теперь ты снова работаешь на меня. Ты — мой Охотник и сделаешь все, что я скажу. В этом городишке, у меня еще много работы, мне нужно найти Семерых Потерянных, прежде чем их найдет моя дочурка. И ты поможешь мне войти в сон каждого из них, — она бросила взгляд на остальных. — Я буду вам очень благодарна, если вы объединитесь и поприветствуете нового школьного директора, а также председателя городского совета, — она указала на себя, затем снова посмотрела на Локи.

Мысленно, Локи решил, не важно, на чьей он будет стороне. Плевать, если он в самом деле Охотник. Плевать на все то зло внутри него. Он собирался сражаться с Королевой Скорби не смотря ни на что. Если бы только ему удалось освободиться и вернуть Руно.

Кармилла поднялась и повернулась к кухонной тумбе, чтобы забрать нарезанные фрукты. Пока она стояла к ним спиной, им показалось, что они слышали ее бормотание, но не смогли ничего разобрать. Она словно говорила сама с собой, более мягким с спокойным голосом. Люси слышала, как Кармилла тихо всхлипнула, словно хранила большой секрет, который она была не в силах раскрыть, и задумалась, а что если это другая сторона Королевы, которая им попросту не видна. Все подумали, что это одна из уловок Королевы.

— Зло ничто иное, как другая точка зрения, — Люси слышала, как Королева говорит сама с собой, нарезая яблоки.

Не смотря на то, что он видел ее легкую дрожь, Локи не купился на ее королевские эмоциональные штучки. Он подумал, что это идеальный момент, чтобы освободиться, пока она не повернулась. Он сильнее толкнул стул, пытаясь подняться, чтобы дотянуться до своего Аликорна и убить ее.

— Но, но, — произнесла Кармилла, предупреждая погрозив указательным пальцем, будто бы у нее на затылке были глаза. Она продолжила нарезать яблоки, которые она собиралась подать к столу. Ее голос снова изменился, и вот она уже снова та самая властная Королева, которой все должны подчиняться. Локи и его друзья обменялись озадаченными взглядами.

Королева Скорби взяла кусочек яблока и еще несколько фруктов из корзинки, и обернулась, глядя прямо на Локи своими желтыми змеиными глазами. Затем, она произнесла Локи свое излюбленное "Ку-ку", показывая пальцем на Локи, а затем на свои глаза:

— Я за тобой наблюдаю.

Локи Блекстар— шестнадцатилетний Охотник за сновидениями, предположительно самый лучший, является частью добра и зла, и он один из немногих в мире, кто способен убить Дессмертных в их снах.

Белоснежка (Шу) — избранная девушка-дампир, по предсказанию, она избавит мир от всех сказочных вампиров и Дессмертных. Сбежав от Королевы два века назад, она применила чары и разбила свое сердце на семь осколков, спрятав его у семи друзей, чтобы Королева не смогла уничтожить его.

Фебьюлос Крамблвуд (Фейбл) — сестра Акселя, живет в Сахарном Домике и пытается доказать, что она не такая же паршивая ведьма, как и ее мать. Она очень милая и страстно любит людей, но ее следует избегать, когда она злится. Она очень хочет стать ведьмой и предположительно она — Гретель.

Аксель Крамблвуд— предположительно Ганзель. Любит поесть, и верит в то, что Локи его лучший друг. Он влюблен в Люси. Впрочем, он бы умер за свою сестру.

Кармила Карнштейн (Королева Скорби) — мать Белоснежки, Королева Королевства Скорби. У нее множество личных секретов, но она в основном хочет найти Семерых Затерянных, чтобы съесть сердце своей дочери.

Чармвилль Глимммер— Хранитель Локи, который вернул его из Царства Теней по загадочным причинам. Он обожает раскуривать свою трубку и обладает многими силами, он сам когда то был Охотником за Сновидениями. Он охраняет Книгу Прекрасной Лжи ценой собственной жизни. А еще у него есть своя собственная большая тайна.

Люссет Румпельштейн (Люси) — Дочь Румпельштейна. Испорченная, богатенькая и неприятная. Она меняет парней каждую неделю, и она обязательно сообщит вам о том, что вы гавно. Локи подозревает о ее настоящих намерениях. Фейбл тоже ее не любит, хотя ей нравится то, как та выглядит. Люси просто обожает Королеву Скорби.

Бабушка— русская мать Локи. Она призрак, и по этой причине отца Локи изгнали со Сказочных Небес, после того, как тот полюбил ее. Никто не знает ее настоящей истории. Локи узнает о ее появлении, когда рядом с ним зажигается сигарета. Она старается изо всех сил, чтобы стать самым страшным приведением.

Ночной Ангел Скорби— отец Белоснежки и Король Скорби. Сбежал от своего собственного отца и вампирского клана, оставшись вампиром-полукровкой. Он влюбился в Кармиллу и умер бы, чтобы защитить свою дочь. Никто точно не знает, что именно произошло с ним два века назад.

Попугай Пиквик— немой попугай Чармвилля, превращенный в Прекрасную Книгу Лжи, которая содержит правдивые и нерассказанные сказки. Он открывает ее, стоит только постучать его по клюву: тик-то-тик-так-ток.

Девятка— кошка, один из дружелюбных зверюшек, с которыми разговаривает Локи. Обычно, она всего лишь хочет поспать в тепле, только и всего.

Мистер Белка— очевидно белка; Локи неоднократно спасал его, потому он безумно обожает его и везде следует за ним. Позднее, он проявит некий интерес к Люси.

Игор Великолепный— злобный горбун, который пригласил Локи приехать в Скорбь, чтобы убить принцессу вампиров. Обычно раздражающий, у него три глаза и все они слепые.

Джорджи Порджи— глава Бугименов. Выглядит сущим злом, но у него сердце ребенка, и он не в состоянии пугать детей, что определенно является его работой. Все же Локи и его друзьям он невероятно понравился, он не стал им помогать, но и ставить палки в колеса тоже. Джорджи не смог помочь им, чтобы не выдать свою слабость своим приятелям Бугименам.

Плакса— еще один Бугимен под предводительством Джорджи, всегда проигрывает Детские Слезы в пивном соревновании.

Ульфрик Мунклоу— предводитель Бульвардов, парень Люси, ненавидит задницу Локи. О, и он оборотень.

Плохиш— без всяких преувеличений Большой Серый Волк; огромный, у него довольно обширная грудная клетка, что значительно облегчает ему задачу пыхтеть и раздражаться попусту; ненавидит Локи и его друзей; у него прическа Элвиса и длинные бакенбарды; обожает играть в "Свинья или Овца".

Пошляк— такой же зловредный, как и Плохиш, только у него есть татуировки и серьги.

Манагарм— волк, который запряжен в тыквообразную королевскую карету. Он ненавидит луну и обожает преследовать ее в небе.

Ночная Скорбь— Король Вампиров, убивает не зная жалости, и сделает все что угодно, лишь бы убить девушку- Дампира.

Кровавая Мэри— загадочная девушка в зеркале, которая терроризирует молодых людей. Она работает на Королеву Скорби. Во многом, она связана с королевским разумом.

Поезд Последствий— призрачный поезд, на котором необходимо совершить поездку, при первом въезде в Скорбь. На него не нужно покупать билет. Вы расплачиваетесь последствиями.

Кармен— преданная машина Локи. Это Купе де Вилль красного цвета 1955 года. В ней играют песни лишь умерших групп, которые никогда не существовали, соответствуя настроению и событиям, что происходят вокруг.

Воинствующие Тыквы— одна из любимых групп Локи. Им нравится разговаривать с ним и давать ему взбучку, когда он идет на попятный. О, а еще можно услышать, как они храпят по радио, когда спят.

Пиппи Лавбаг— она очень сильно нравилась Локи в Храпе, но оказалась демоном. Чармвилль убил ее, но нет никаких гарантий, что она не вернется.

Донни Сверчок-Убийца, Пчела-Хулиган и Жук-Разрушитель— Локи зовет их Три Слепые Мыши. Они конкурирующие охотники на вампиров, которые запугивали его в Храпе. Белоснежка оказала Локи услугу и убила Донни в подвале.

Близняшки. Двойка и Копия— по сведениям Акселя, подружки Плохиша. Им удалось прожить весьма короткую жизнь.

Итси и Битси— любимые пауки Фейбл. Один из них в депрессии из-за любви, и он ненавидит Акселя, а другой слишком мал для депрессии, он помогал Бабушке с готовкой.

Крестная Мать Юстина— слепая мать правосудия в Сказочном Мире. У нее проблемы с весами. Змеи всегда перевешивают яблоки, но она все равно не перестает пытаться. В ее интересах, чтобы все видели правосудие, не смотря на то, что сама она слепая.

Братья Гримм— по каким-то причинам, они изменили сказки и ввели сказочных персонажей в состояние Спящей Смерти. Их имена Якоб и Вильгельм, и они вскоре появятся.

Русалки— им нравится приветствовать каждого на Потерянной Миле, хихикая и разбрызгивая воду. Они думают, что Локи и вправду милый.

Кит— практически остров Скорби. Никто не знает, как долго он пролежит, прежде чем соберется перевернуться.

Гоблин-Гений— создать форума Харум-Скарум, который посвящен преследованию принцессы вампиров. Локи клянется, что в один прекрасный день надерет ему зад.

Я. Г. — писатель дневника, который Аксель нашел в библиотеке.

В. Г. — написал большинство заметок в книге Охотника за Сновидениями.

Меню "Пузатой и Чудовища":

Не смотря на то, что у них огромное меню, мы рассмотрим лишь то, что ели Аксель и Фейбл:

Липкие Сладкие Косточки — сперва нужно облизать карамель, чтобы съесть косточки.

Трагически Бобы— из-за них вы будете плакать и смеяться одновременно.

Гробокексы— не ешьте морковку в кексе.

Отравленные Яблоки— от них отчасти ловишь кайф. Потому что они настолько вкусные, что проходит минута, а потом вы уже очнулись. Можно, в крайнем случае, съесть еще одно.

Синдирелла Моцарелла— Акселю это необычайно нравится, но он об этом много не говорит.

Неохотное Желе— его трудно схватить.

Места и Прочее:

Храп— очень скучный город Обычного Мира, в котором водятся вампиры. Раньше Локи жал там. Местным нравится называть его Великий Храп. Основатель: Боринг фон Сноринг Второй.

Ад— ряд городков в Америке, которые вероятно служат порталами, ведущими в Скорбь. Городов под названием «Небеса» нет.

Скорбь— остров, расположенный на спине кита, где живет множество сказочных персонажей. Лишь некоторые знают, что он окружен со всех сторон Потерянной Милей. Двести лет назад он был Королевством Скорби.

Потерянная Миля— бесконечное море, окружающее Скорбь. Оно видимо лишь нескольким людям и в нем таятся секреты Сказочного Мира.

Дыхание Дракона— то, что Чармвилль курит в своей трубке. Его довольно нелегко раскурить. Иногда он может дышать огнем, благодаря ему.

Аликорн— особое оружие Локи, которое дала ему его матушка. Это рог единорога. Когда-нибудь, Локи надеется найти того самого единорога и вернуть ему его рог назад.

Сезам— печенье с предсказаниями, которые Локи использовал для того, чтобы оно принимало за него решения.

Волшебный рюкзак— Чармвилль дал его Локи. В нем содержится множество полезных инструментов.

Будильник— песочные часы, которые можно приспособить под нужды Охотника за Сновидениями. Оно показывает время, которое можно провести в Мире Сновидений. Как только песок заканчивается, сон кончается.

Инкубатор— слово, которое нужно прошептать на ухо сновидящему, что позволяет ему вспомнить определенный сон или воспоминание, в котором и будет проходить сам сон.

Магическая Пыль (или Волшебная Пыль)— от нее можно уснуть. У некоторых людей на нее аллергия, и вместо того чтобы заснуть, ни смеются. Очень полезна при взаимодействии с оборотнями.

Песочные Книги— книги, страницы которых обращаются в песок, стоит их прочесть.

Книга Охотника за Сновидениями— книга, обучающая Охоте за Сновидениями, многие страницы написаны В.Г.

Дневник Я.Г. — дневник, который Аксель нашел в библиотеке. Скорее всего, он принадлежал Якобу Карлу Гримму.

Спящая Смерть— состояние, в котором спящий обречен спать вечно, также термин используется в значении, когда кто-либо находится во сне, а его тело находится в коматозном состоянии.

Дримори— сон, основанный на воспоминаниях сновидящего.

Мир Сновидений— место, где живут все сказочные персонажи и происходят все сказки.

Явиги— секретное слово Братьев Гримм, чтобы войти в Мир Сновидений.

Круг Эпидавра— круг, в котором находятся два зеркала, спящий и Охотник за Сновидениями.

Храм Сна— все, что находится внутри Круга Эпидавра.

Энчанта (сокращенно Чанта)— только мать Локи и Чармвилль знают, что это такое на самом деле. Но Локи, отчасти, научился использовать ее.

Обольские монеты— их кладут на глаза спящему, чтобы он не смог связать Мир Сновидений с реальным миром.

Ора Педора— заклинание, которое Локи использует, чтобы заставить Аликорн работать.

Болото Скорби— болото в Скорби, по которому можно добраться к Черному Лесу. Скелиман работает здесь перевозчиком. Если вам не по нраву лягушки, лучше не ходите туда.

Пузатая и Чудовище— самая лучшая забегаловка в Скорби. Говорят, там лучшие Сладкие Липкие Косточки и Трагически Бобы. Хотя меню у них просто огромное.

Кладбище Похороненной Луны— легенда гласит, что там была похоронена настоящая луна.

Шлосс— замок, в котором была заточена Белоснежка. Он также был королевской резиденцией семейства Сорроу две сотни лет назад. Он появляется по собственному желанию. А еще у него дурной нрав. Вам не захочется отправиться туда, по-крайней мере не с Акселем.

Деревья Джунипер— деревья-шпионы, у которых есть глаза.

Средняя школа имени Румпельштейна— всего лишь средняя школа в Скорби, принадлежит таинственному Мистеру Румпельштейну. Появилась с 1812 года, по соседству в Нефельхаймом.

Сказки на Нучь— вы скажете, что написано неправильно, но в школе подумают, что это уникальное название библиотеки, в которой множество темных коридоров, которые ведут к другой библиотеке, где можно найти не исправленные книги.

Сахарный Домик— в нем живут Аксель и Фейбл. Это изумительный дом. На случай, если вам доведется посетить Улицу Семи Крошек.

Черный Лес— лес, в котором родилась Белоснежка и больше ничего более.

Дети Хэмлина— дети, которым Чармвилль читает в самом начале книги. Шепелявая девочка, девочка с редкими зубами и весьма предприимчивый мальчик. Не смейтесь над ними. В каком-то роде, они станут теми еще хулиганами.

Санта Клаус— Чармвилль думает, что это вовсе не круто, когда чужой мужик входит в дом без разрешения, но, кажется, они хорошие друзья.

Вампир в Форксе— вампиры, которого убил Локи, и который был воскрешен. Поговаривают, он любит появляться в сумерках.

Придурок Дракула— он, вообще-то, не такой уж и придурок.

Ученики одетые в костюмы Злой Ведьмы Запада, Робина Гуда, Прекрасного Принца, Золушки и Зайчика— все они мертвы. Так что не волнуйтесь.

Дом Убийств на Оушен Вью 112— Это, так называемый, дом Ужасов Амитивилля. Локи этого не знал, но все на вечеринке умерли, так что забудьте об этом.

Дженнет и Амалия Хассенпфлаг— фальшивые родители Ангела. Они были вампирскими слугами, но им удалось сбежать и больше их никогда не видели. Они настоящие рассказчики истории о Белоснежке. Братья Гримм позаимствовали эту историю у них.

Шкаф— клуб для Бугименов.

Детские Слезы— смысл жизни Бугименов.

Спуки-Вуги-Бу— приветствие Бугименов. Вы, конечно, скажете "это слишком уж страшно", но это довольно круто.

Аууууу— самый дебильный призыв Бульвардов для дружков-оборотней.

Бульварды— плохие парни, которые обижают других учащихся, по большей части оборотни. Локи нравится надирать им задницы, но только потом ему приходится стремительно уносить ноги.

Веселый Роджер— пиратский корабль, который атаковал Кармиллу и Ангела. Поговаривают, что капитаном этого корабля был Джон Хук.

Штирия— дом Карнштейнов.

Дампир— в славянском фольклоре, это вампир, рожденный от человека и вампира. Он обладает силами убивать вампиров по всему миру, и он намного сильнее обычного вампира.

Эйб Ноксус— самый знаменитый художник тату в Скорби.

Лор— городок в Германии, у которого, кажется, фамильное происхождение. В нем есть замок под названием Шлосс и это довольно таинственная история. Это настоящий город, как и все, что вы читали выше. Некоторые люди просто не в курсе.

Скелиман Перевозчик (иногда Библиотекарь) — не смотря на то, что у него нет своего определенного места, мы решили упомянуть его здесь, поскольку мы не уверены, существует ли он на самом деле. Никто не знает, является ли он мифом, но Акселя он напугал до усрачки, иногда появляется на форуме Харум-Скарум. Надеюсь, однажды Локи и его друзья встретятся с ним.

Для обожаемых читателей, которые прочли Приквелы к Дневникам Братьев Гримм, вы, быть может, ожидали прочесть множество заметок в этой книге. Не смотря на то, что *Скорбь Белоснежки* полна иллюзий и секретов, я предпочитаю, чтобы они медленно раскрывались в остальных частях. Я не хочу добавлять много пометок и портить удовольствие от прочтения или обнаружения их самими читателями. Так что я лишь собираюсь упомянуть несколько фактов, которые не испортят вам удовольствие. Надеюсь, они вам понравятся:

— Безумство по вампирам и впрямь имело место. Люди были всего лишь больны, но их принимали и за вампиров, убивали и пытали.

— Города по названию «Ад» существуют по всему миру.

— Великий Сноринг (он же Храп) тоже название реального городка.

— Лор — настоящее название городка в Германии. Если однажды вам доведется посетить его, вы увидите, какое отношение он имеет к Белоснежке. Такое ощущение, что оказываешься в сказке. Это, правда, весело.

— Шлосс существует на самом деле. Он располагается в Лоре, но в реальной жизни он не является злом....или все же...?

— Сладких Липких Косточек не существует..., конечно, если вы не живете в Скорби.

— Болезнь, которую в древние времена люди принимали за вампиризм, была излечена, путем переливания крови в печень. Это правдивый факт. Когда это обнаружили, люди подумали, что это способ воскресить тех, кого они принимали за вампиров, так что они уничтожали печень и сердце, чтобы быть до конца уверенными, что вампиры не восстанут.

— Дженнет и Амелия Хассенпфлуг изначальные рассказчики сказки о Белоснежке.

— Якоб и Вильгельм Гримм написали оригинальную сказку о Белоснежке, в которой Злая Королева была ее матерью. Пятьдесят лет спустя ее изменили, в 1857, на мачеху. Никто точно не знает почему.

— В одной из первых версий Золушки, голуби и вправду выклевали глаза ее злой сестре. А вообще-то, гораздо более ужасные вещи произошли с их матерью.

— Почти все оригинальные сказки были наполнены жестокостью и кровью.

— Прекрасный Принц никогда не целовал Белоснежку в оригинальной версии. Это тоже факт.

— В оригинальной версии Белоснежка проснулась, когда кусочек яблока выпал у нее из горла.

— Спящая Смерть — правда, и она была упомянута в сказке Братьев Гримм — Белоснежка.

— Фраза "Следуй за своей звездой" посвящена памяти Джозефа Кэмпбела, великого мифолога и моего великого вдохновителя.

Больше книг на сайте - Knigolub.net